PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE
OCT 24 1960
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9

МОСКВА·1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

ЛЕНИН В. И. **Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 9.** Июль 1904 — март 1905. М. Госполитиздат. 1960. XX. 579 стр. 225 000 экз. 6 р. 50 к.

ЛЕНИН В. И. **О литературе и искусстве** (сборник). Вступит. статья Б. Рюрикова. Изд. 2-е, доп. М. Гослитиздат. 1960. 783 стр. 10 000 экз. 14 руб.

ЛЕНИН В. И. **Статьи о Толстом.** М. Гослитиздат. 1960. 63 стр. 45 000 экз. 50 коп.

БЕРЕГОВАЯ Н. А. **Палеолитические местонахождения СССР.** М.— Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние. 1960. 218 стр. 2 200 экз. 17 р. 75 к.

ВИЛЬЯМС А. Р. **О Ленине и Октябрьской революции.** (Пер. с английского. Вступит. статья Б. Полевого). М. Госполитиздат. 1960. 287 стр. 100 000 экз. 5 р. 50 к.

Владимир Ильич Ленин о строительстве социализма и коммунизма. Саратов. Изд-во Саратов. ун-та. 1960. 254 стр. 5 000 экз. 5 руб. Сборник статей саратовских авторов.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1. (В 7 т.). Т. I. Март 1801 — апрель 1804 г. М: Госполитиздат. 1960. 800 стр. 8 000 экз. 24 руб.

Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.—Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние. 1960. 497 стр. 1 800 экз. 22 р. 10 к.

ГЕРАСИМОВ Е. **Повесть о Щорсе.** М. Воениздат. 1960. 260 стр. 5 р. 70 к. 2-е дополненное изд. книги «Жизнь Николая Щорса».

ДИДЫК П. **В тылу врага.** (Предисл. П. Вершигоры). Кишинев. «Картя молдовеняскэ». 1960. 211 стр. 150 000 экз. 4 р. 85 к. Документальная повесть советской разведчицы-парашютистки.

За Советскую Латвию. Воспоминания борцов 1918—1919. Рига. Латгосиздат. 1960. 600 стр. 2 500 экз. 9 р. 15 к.

КАНН П. Я. **Петропавловская крепость.** Памятник революционной борьбы русского народа. Изд. 2-е. Л. Лениздат. 1960. 308 стр. 25 000 экз. 4 р. 90 к.

КЛОКМАН Ю. Р **Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в.** М. Изд-во АН СССР. 1960. 223 стр. 1 700 экз. 8 р. 10 к.

КАЙСЕНОВ К. **Из когтей смерти.** Пер. с казахского. Алма-Ата Казгослитиздат. 1960. 120 стр. 55 000 экз. 3 р. 70 к. Записки командира одного из партизанских отрядов, действовавших на Украине в годы Великой Отечественной войны.

КОЗЛОВА Л. **Московские коммунисты в борьбе за победу колхозного строя. 1927 — 1933 гг.** М «Моск. рабочий». 1960. 106 стр. 11 500 экз. 1 р. 30 к.

Коммунисты Латгалии в годы подполья. 1920—1940. Воспоминания. Рига. Латгосиздат. 1960. 330 стр. 2 000 экз. 4 р. 90 к.

КРАЧКОВСКИЙ И. Ю. **Избранные сочинения.** Т. 6. М.— Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние. 1960. 739 стр. 2 000 экз. 35 р. 60 к.

ЛИТВИНОВ А. **Особый маршрут.** Иркутск. Кн. изд. 1960. 120 стр. 10 000 экз. 1 р. 85 к. Записки участника советской военной экспедиции в Центральную Сибирь в годы гражданской войны.

Матрос Железняк. 2-е доп. изд. М. Госполитиздат. 1960. 143 стр. 170 000 экз. 1 р. 65 к. Сборник статей и воспоминаний.

МЕРЗОН А. Ц. и ТИХОНОВ Ю. А. **Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка. XVII в.** М. Изд-во АН СССР. 1960. 715 стр. 1 300 экз. 29 р. 10 к.

Палеолит и неолит СССР. Под ред. А. П. Окладникова. Т. 4. М.— Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние. 1960. 290 стр. 1 700 экз. 21 руб.

ПОЛЕВОЙ Б. П. **Первооткрыватели Сахалина** (Ист. очерк). Ю.-Сахалинск. Сахалинское кн. изд. 1959. 120 стр. 5 000 экз. 3 р. 90 к.

СПИРИДОНОВ Н. **Подпольная деятельность большевиков Кубани в годы гражданской войны.** Краснодар. Кн. изд. 1960. 87 стр. 2 000 экз. 1 руб.

СУББОТИНА З. и др. **Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле.** М. «Моск. рабочий». 1960. 128 стр. 65 000 экз. 1 р. 10 к.

ХРОМОВ П. А. **Очерки экономики России периода монополистического капитализма.** М. Изд-во ВПШ и АОН. 1960. 240 стр. 6 600 экз. 8 р. 20 к.

ЧЕРЕПНИН Л. В **Образование русского централизованного государства в XIV—XV веках.** Очерки соц.-экон. и полит. истории Руси. М. Соцэкгиз. 1960. 899 стр. 10 000 экз. 26 р. 65 к.

ЧЕРНОВ С. Н. **У истоков русского освободительного движения.** Избр. статьи по истории декабризма. Саратов. Изд-во Саратов. ун-та. 1960. XII. 424 стр. 3 000 экз. 14 р. 50 к.

ШИГАЛИН Г. И. **Народное хозяйство СССР в период Великой Отечественной войны.** М. Соцэкгиз. 1960. 278 стр. 10 000 экз. 9 р. 75 к.

Всеобщая история

АЛЬБЕРДИ Х. Б. **Преступление войны.** Пер. с испанского. Предисл. С. А. Гонионского. М. Изд. иностр. лит. 1960. 256 стр. 4 р. 90 к. Книга аргентинского публициста, юриста, писателя и дипломата XIX в., направленная против агрессивной войны, которую он сравнивает с уголовным преступлением.

ГОТЛИБ В. В. **Тайная дипломатия во время первой мировой войны.** Пер. с английского. Предисл. Н. П. Полетики. М. Соцэкгиз. 1960. 603 стр. 45 000 экз. 14 р. 35 к.

ДАШКЕВИЧ В. К. **Из истории национально-освободительной борьбы тунисского народа.** Минск. Изд-во Белорусск. ун-та. 1960. 171 стр. 2 000 экз. 7 р. 25 к. Рассматривается освободительная борьба тунисского народа с древнейших времен до наших дней.

КАРАЕВ Г. Н. **Грюнвальдская битва 1410 года.** М. Воениздат. 1960. 52 стр. 90 коп. Популярный военно-исторический очерк.

КОВАЛЬ В. С. **Правда о заговоре против Гитлера 20 июня 1944 г.** Киев. Изд-во АН УССР. 1960. 100 стр. 200 000 экз. 2 руб.

НУНЬЕС ХИМЕНЕС А. **Аграрная реформа на Кубе.** Краткий исторический очерк. Пер. с испанского. М. Изд-во ИМО. 1960. 40 стр. 60 коп.

СС в действии. Документы о преступлениях СС. Пер. с немецкого. Предисл. М. Ю. Рагинского М. Изд. иностр. лит. 1960. 675 стр. 16 руб.

ФУРСЕНКО А. А. **Американская буржуазная революция XVIII века.** М.—Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1960. 152 стр. 10 000 экз. 2 р. 55 к.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1960 г.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В. И. Шунков — Основные проблемы изучения истории Сибири . . . 3

Академик **Б. А. Рыбаков** — Спорные вопросы образования Киевской Руси 18

Член-корреспондент АН СССР **А. В. Арциховский** — Новгород Великий в XI—XV веках 27

И. Е. Шалашилин — К вопросу о причинах отставания районов орошаемого земледелия Средней Азии к середине XIX века 32

М. А. Алпатов — Из истории русской медиевистики 53

А. С. Ерусалимский — Проникновение германских монополий в Китай на рубеже XIX и XX веков 66

Магда Адам (Венгрия) — Из истории венгерско-чехословацких отношений накануне второй мировой войны 90

Л. Н. Кудашев — Политические маневры правящих кругов Японии в конце второй мировой войны 104

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР И НАУЧНЫХ СОВЕТАХ

П. Г. Рындзюнский — Творческий отчет академика Н. М. Дружинина. 114

РЕЦЕНЗИИ

Н. М. Железнов — Новое издание биографии В. И. Ленина 117

А. Н. Красильников — Неутомимая борьба за мир без оружия — мир без войн 125

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

А. И. Новгородов — А. А. Избекова. Победа колхозного строя в Якутской АССР. Т. 1; **А. А. Зимин** — Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись; **О. С. Сороко** — Ф. И. Шабшина. Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945 гг.); **Г. Г. Литаврин** — А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. (Очерки по истории византийского феодализма) 134

Статьи в советских исторических журналах 144

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

М. И. Кузнецов — О Советской исторической энциклопедии 150

А. Б. Беркевич, Р. П. Дадыкин, В. А. Овсянкин (Ленинград) — Научная сессия по истории советского рабочего класса 154

Б. М. Морозов — Научные учреждения изучают практику коммунистического строительства. (С заседания кафедры истории КПСС Академии общественных наук при ЦК КПСС) 163

М. Ф. Лебович (Львов) — О работе львовских историков после XX съезда КПСС 164

Хроникальные заметки 167

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

РЕЦЕНЗИИ

В. Г. Трухановский — А. Иден. Мемуары. Полный круг 170

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Е. М. Кан — «Венгерская историческая библиография 1825—1867 гг.»; **И. Р. Лаврецкий** — Помпейо Маркес. Куда ведут события 23 января? 179

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

Содержание журналов, выходящих в странах народной демократии 184

Заметки о статьях 186

Рецензии на книги советских авторов 201

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Действительный член Польской Академии наук **Станислав Арнольд** (Польша) — История и современность 203

И. Долежал (Чехословакия), **Л. Отагалова** (Чехословакия) — Научная конференция, посвященная пятнадцатилетию освобождения Чехословакии 208

Памяти Федерико Шабо 212

Хроникальные заметки 213

ПИСЬМА И ЗАМЕТКИ

Е. Г. Гимпельсон — Некоторые новые данные о составе III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 214

М. Марковский (Львов) — О форме исторических исследований . . . 217

Резюме статей на английском языке 218

Сведения об авторах статей, помещенных в данном номере журнала . 222

СТАТЬИ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СИБИРИ

В. И. Шунков

Рассматривая вопрос об изучении истории Сибири, следует определить самый термин «Сибирь». В разные эпохи он имел различное содержание. Источники XVI—XVII вв. называли этим термином центр Сибирского ханства город Искер-Кашлык-Сибир. Он же применялся для обозначения всего Сибирского ханства и подчиненных ему территорий (страна Сибирь, Сибирский юрт). После присоединения ханства к Русскому государству и основания на месте его столицы стольного города Сибири Тобольска это название применялось ко всей территории, ему подчиненной. Несмотря на появление разрядов и других разрядных городов (Енисейск, Якутск), термин «Сибирь» стойко удерживался для обозначения всей территории к востоку от Урала. В этом понимании он вошел и в историческую литературу. Позднее, в связи с увеличением присоединенной территории и усложнением ее административного деления, появляются названия: Западная Сибирь, Восточная Сибирь и, наконец, Дальний Восток. В настоящее время распространено деление всей зауральской части страны на Сибирь и Дальний Восток. Так, БСЭ (2-е изд.), отражая эту практику, определила понятие «Сибирь» как «часть азиатской территории СССР от Урала на Западе до горных хребтов Тихоокеанского водораздела на Востоке»[1], исключив таким образом из Сибири Дальний Восток. Одновременно в исторической, экономической и политической литературе стойко удерживается понимание под термином «Сибирь» всей территории от Урала до Тихого океана. В. И. Ленин в своих работах, применяя к отдельным частям Сибири названия Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток, пользовался для обозначения всей зауральской территории, включая и Дальний Восток, названием «Сибирь»[2]. В настоящей статье название «Сибирь» употребляется именно в этом понимании. Оно господствует в исторической и этнографической литературе. История Сибири разрабатывалась как история всей зауральской части страны. Это понимание термина присуще сибирской историографии с самого ее начала и до наших дней.

Сибирская историография существует более двух с половиной веков[3]. За это время она накопила очень большой материал. Начало новому, марксистско-ленинскому этапу в ее развитии положила Великая Октябрьская социалистическая революция. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, советские историки добились заметных успехов в изучении Сибири. Особенно ярко они проявились после XX съезда КПСС. Решения XXI съезда партии и последующие решения Центрального Комитета, постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» вооружили историков четкой и ясной программой, знаменовали начало нового этапа и в изучении истории Сибири.

---

[1] Большая советская энциклопедия. Т. 38, стр. 648.
[2] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 522; т. 9, стр. 397, 419; т. 18, стр. 81—83 и др.
[3] Ее началом следует считать труды С. У. Ремезова.

К сожалению, трудов по историографии Сибири пока еще не создано. Более того, еще не произведен даже полный библиографический учет имеющихся многих тысяч книг и статей по истории края [4]. Это очень затрудняет характеристику итогов предыдущих этапов и развертывание исследовательских работ на новом этапе. Увлекательная задача дать историографию Сибири не только как картину накопления конкретных знаний, не только как аннотированный перечень наиболее значительных работ, но и как историю развития идей, как историю победы марксизма в этой историографии и выполнения ею задач марксистско-ленинского понимания развития Сибири, должна быть решена сибиреведами. Создание марксистской историографии Сибири становится одной из очередных задач.

Намечая общую оценку результатов работы сибиреведов за советский период, следует отметить коренное изменение содержания самого понятия «история Сибири».

Дореволюционные историки при изучении Сибири преимущественное внимание уделяли деятельности царизма по присоединению края и административному управлению им. Предмет исследования советских ученых — история народных масс Сибири, этапы социально-экономического развития этого района страны и великих социалистических преобразований в нем.

Изменение содержания истории Сибири привело к резкому расширению ее тематических и хронологических границ. Для дореволюционной историографии было характерно ограничение изучения этой истории рамками XVI — начала XX в., с преимущественным вниманием к XVI — XVII векам. При редких экскурсах в более ранний период исследователи ограничивались скупыми сообщениями о знакомстве русских с Сибирью до присоединения ее к России, столь же скупыми сведениями о дорусском периоде в жизни тобольских татар и некоторых других народов и описаниями археологических памятников на территории Сибири. Такое положение было «теоретически осмыслено» П. А. Словцовым, выдвинувшим в 30-е годы XIX в. тезис: «История Сибири для нас выходит из пелен самозабвения не ранее, как по падении ханской чалмы с головы кучумовой» [5]. В этих словах звучало не просто признание недоступности для того времени познания ранней истории Сибири, но утверждение неисторичности этого дорусского периода.

Несмотря на наличие отдельных попыток изучить этот период, словцовский тезис, по существу, действовал на протяжении XIX и начала XX века. Лишь работы советских историков, в частности, появление в послевоенный период обобщающих трудов С. В. Киселева, А. П. Окладникова, Л. П. Потапова и некоторых других [6], не только дали свод ярких материалов по богатой древней истории Сибири начиная со времени, предшествующего верхнему палеолиту, но и внесли принципиально новое в понимание истории Сибири. Древнее население Сибири вышло из «пелен самозабвения».

Советские историки разбили миф, рожденный дворянско-буржуаз-

---

[4] Существующие крупные библиографии (В. И. Межов. Сибирская библиография. Т. I—III. СПБ. 1903; «История СССР. Указатель советской литературы. 1917—1952 гг.». Т. I. М. 1956; т. II. М. 1958; R. J. Kerner. Northeastern Asia. A selected bibliography. Vol. I—II. Berkeley. California. 1939. «Arctic bibliography Prep. for and in cooperation with the Dep. of defense under the direction of the Arctic Institute of North America. Vol. 1—7. Washington. 1953—1957) по ряду причин далеко не охватывают всего материала по истории Сибири.

[5] П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири. СПБ. 1886, стр. XX.

[6] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М.-Л. 1951; «История Якутской АССР» (А. П. Окладников). Т. I. М.-Л. 1955; его же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 1—3. М.-Л. 1950—1955; Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск. 1948; В. Н. Чернецов, В. И Мошинская и И. А. Тамецкая. Древняя история Нижнего Приобья. М. 1953.

ной историографией, о существовании «неисторических народов», к которым они относили и народы Сибири.

В настоящее время идет усиленное накопление материала по изучению древнейшего периода истории Сибири. Об этом ярко говорят материалы научной конференции 1960 г. по истории Сибири[7]. Предстоит путем широких комплексных исследований дать по возможности полную картину истории первоначального заселения Северной Азии человеком, окончательно выяснить пути его расселения, выявить локальные культуры и их связи, пополнить наши представления по древней истории Сибири, в частности, исследовать происхождение и этническую историю народностей этого обширного края. Здесь, очевидно, предстоит при решении общих вопросов заполнять имеющиеся еще белые пятна как в изучении отдельных районов Сибири, так и отдельных периодов ее истории.

При наличии некоторых обобщивших огромный конкретный материал работ по Южной Сибири и Якутии очевиден еще недостаток сведений по Западной Сибири, Дальнему Востоку и ряду районов Севера. В то же время при обилии материала и наблюдений по периоду после палеолита и примерно до XIII в. остается довольно слабо изученным период XIII—XV веков. В силу ряда трудностей, которые не смогли преодолеть ни историки, ни археологи, ни этнографы, мы не имеем достаточного фактического материала, характеризующего данный период. Между тем изучение истории Сибири за XIII—XV вв. позволило бы ученым выйти за рамки предположений при решении таких важных вопросов, как вопрос о степени и причинах упадка у ряда народов Сибири в то время, вопрос о причинах замедленности темпов развития других народов. Освещение указанного периода позволило бы также более убедительно решить вопрос о характере и значении присоединения народов Сибири к Русскому государству.

Одновременно с резким расширением хронологических рамок изучения истории Сибири за счет освещения ее древнейшего периода постепенно развертывалось исследование ее истории советского времени. В этом направлении результаты деятельности историков стали особенно ясно сказываться в послевоенный период. Ранее всего и наиболее интенсивно были подвергнуты разработке вопросы истории Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. Отмечавшийся в 1957 г. сорокалетний юбилей Октябрьской революции стал знаменательным моментом в этой работе. Изданные к юбилею сборники документов, воспоминаний, справочных материалов и исследования явились серьезным вкладом в решение данной проблемы.

Можно выделить две линии в исследовательской работе: с одной стороны, идет изучение проблемы в целом применительно к отдельным местностям, с другой — изучение отдельных, частных вопросов, которые иногда рассматриваются и в общесибирском масштабе. Для большинства имеющихся трудов характерна тематическая или территориальная ограниченность. Еще нет исследований, в которых рассматривалась бы указанная проблема в целом, в которых борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке была бы показана как единый процесс, неразрывно связанный, несмотря на местные особенности, с ходом общероссийской истории. Это обстоятельство в какой-то мере сказалось и на трудах, посвященных частным вопросам. Отсутствие ясного представления об общем процессе затруднило и выявление местных особенностей, присущих тому или иному району.

---

[7] «Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Тезисы докладов и сообщений». Иркутск. 1960.

Позднее началась разработка вопросов истории социалистического строительства в Сибири и на Дальнем Востоке. Характерно, что научная конференция по истории Дальнего Востока, проходившая во Владивостоке в 1956 г., в своей повестке не имела по этой проблеме ни одного исторического доклада[8]. Положение стало меняться лишь недавно. За последние годы появилось значительное количество работ (преимущественно статей в журналах и сборниках, а также диссертаций) по вопросам индустриализации, коллективизации, культурного строительства и деятельности коммунистической партии по развитию Сибири. На научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока 1960 г. в секции истории и этнографии советского периода из 31 доклада указанной тематике было посвящено 17 и из 83 сообщений — 46[9]. Все это говорит о решительном повороте в разработке сибирской истории. Естественно, исследование данной проблемы не вышло еще из стадии первоначального накопления материалов по отдельным, частным (хотя обычно очень важным) вопросам. Об этом свидетельствуют тематика докладов и сообщений на упомянутой выше конференции и тематика вышедших работ. Узость тематики исследований сочетается иногда со случайностью ее, что является закономерным результатом отсутствия направляющего и координирующего научного центра.

Все же следует с удовлетворением отметить появление и сводных, обобщающих трудов по отдельным районам Сибири. Среди них второй том «Истории Бурятской АССР», освещающий жизнь Бурятии в период построения социализма и постепенного перехода к коммунизму, очерки по истории Якутии советского периода[10].

Серьезный вклад в изучение жизни отдельных народов Сибири в советский период сделан Институтом этнографии АН СССР, выпустившим капитальный труд «Народы Сибири». Широкий этнографический охват (в томе имеются статьи почти о всех народах Сибири), широта хронологических границ (материал дается, как правило, по всему советскому периоду), сосредоточение внимания на основном, принципиальном вопросе — социалистическом переустройстве хозяйства и быта — делают работу весьма важной для понимания общего хода социалистических преобразований в Сибири и на Дальнем Востоке. К сожалению, закономерный для данного тома этнографизм не дает возможности раскрыть полностью исторический процесс, а непонятное игнорирование русского народа (в книге отсутствует соответствующая статья для советского периода) не позволяет представить в целом ход развития Сибири и Дальнего Востока в период после Великой Октябрьской социалистической революции.

Таким образом, указанные труды (заслуживающие положительной оценки) отнюдь не решают задачи. В них отображен опыт социалистического строительства отдельных народов. В историческом плане этот опыт освещен по Якутии, Бурятии, Хакассии, а также в отношении алтайских народов, в этнографическом аспекте — для большинства народов. К сожалению, не показан опыт русского народа, составившего уже к 1917 г. примерно 90% всего населения Сибири, и нет попытки дать общую картину. Последнее остается все еще задачей, требующей своего решения.

Вместе с тем труды по советскому периоду не только раздвинули хронологические рамки изучения истории Сибири, но и выявили новое

---

[8] «Объединенная сессия Отделения исторических наук и Дальневосточного филиала Академии наук СССР. 27—29 сентября 1956 г.». См. «Сборник статей по истории Дальнего Востока». М. 1958.

[9] «Доклады и сообщения научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция истории и этнографии советского периода». Томск. 1960.

[10] «Очерки по истории Якутии советского периода». Якутск. 1957; «История Бурятской АССР». Т. II. Улан-Удэ. 1959.

ее значение. Освещение в историческом плане национальной политики Советского государства и опыта социалистического строительства в Сибири с населявшими ее в прошлом отсталыми народами имеет огромное теоретическое и практическое значение. Причем значение обобщения этого опыта выходит далеко за пределы края. Изучение экономического и культурного подъема одного из основных восточных районов страны, где созданы новые промышленные центры и города, освоены огромные территории бывших целинных и залежных земель, важно не только для понимания развития самой Сибири и Дальнего Востока, но и СССР в целом. Изменения в общей структуре населения страны, в промышленности, сельском хозяйстве и ряде областей общественной жизни нельзя осветить без учета сибирского материала. В то же время теоретическое и конкретно-историческое исследование в этом направлении (особенно знание опыта преобразования жизни отдельных народов Сибири, проделавших сказочно быстрый путь от низших форм общественно-экономических отношений к социализму, от нищеты и отсталости к благосостоянию и культурному расцвету в условиях Советского государства) приобретает широкое международное значение.

Изучение древнейшей истории Сибири и ее советского периода, предпринятое после Великой Октябрьской социалистической революции, сразу же пошло иными путями, нежели изучение истории Сибири XVI—XIX вв., развивавшееся в дореволюционный период. Одной из наиболее ярких черт этого нового понимания истории Сибири было превращение истории из совокупности конкретных сведений по местной истории в науку о проявлении общих закономерностей исторического процесса в своеобразных местных условиях. Вот почему именно в работах по указанным выше периодам сразу же зазвучали общеисторические проблемы: период господства на территории Сибири и Дальнего Востока первобытнообщинного строя, время, условия и формы зарождения феодальных отношений, предпосылки победы Великой Октябрьской социалистической революции в Сибири, некапиталистический путь развития отдельных народов и т. д. Понятно, что еще не на все вопросы найдены правильные и исчерпывающие ответы.

В области исследования истории Сибири XVI—XIX вв. советские историки также поставили новые проблемы, которых не знала дореволюционная историография, наметив принципиально новые решения ряда изучавшихся ранее вопросов. Среди них проблема разложения в Сибири феодальных отношений, зарождения и развития капитализма и др.

Перед советскими учеными встала задача определить основные этапы социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока. Вместо преимущественного изучения XVI—XVII вв. сибиреведы все больше внимания уделяют XVIII и особенно XIX и началу XX века. В этом отношении характерна работа секции дооктябрьского периода научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока 1960 г., в которой много внимания было уделено истории Сибири периода капитализма [11].

Следует подчеркнуть значение исследований по XVIII—XX вв. для разработки вопросов истории нашей страны в целом. Проблемы позднего русского феодализма и зарождения и развития капитализма едва ли могут быть полностью решены без учета сибирского материала.

Отмечая принципиальную важность работы сибирских историков в этом направлении, следует в то же время сказать о ее незавершенности. Насколько много еще здесь неясностей, говорит положение с пе-

[11] «Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода. Тезисы докладов и сообщений». Иркутск. 1960.

риодизацией истории Сибири и отдельных ее народов. В вышедших работах по истории отдельных народов Сибири материал, как правило, распределяется согласно периодизации, принятой для общей истории СССР. Так, материал второго тома «Истории Якутской АССР», охватывающий период с 30-х годов XVII в. до 1917 г., распределен по трем разделам: 1) Якутия в составе Русского феодального государства в XVII — первой половине XVIII в.; 2) Якутия в период разложения феодализма в России (1760—1860 гг.); 3) Якутия в период капитализма в России. Подобное решение вопроса имеет свои основания. Но не означает ли это в то же время, что пока еще не осознано окончательно своеобразие развития Якутии и не определены свойственные именно ей этапы развития?

Интересная попытка построить периодизацию на основе изучения конкретного материала по истории изучаемого народа предпринята во втором издании I тома «Истории Бурятской АССР». Авторы в качестве первого раздела выделили эпоху первобытнообщинного строя, в качестве второго раздела — разложение первобытнообщинного строя и формирование патриархально-феодальных отношений на территории Бурятии, в качестве третьего — присоединение Бурятии к Русскому государству; заселение и хозяйственное освоение края; феодальные отношения в русской деревне и полуфеодальные — в бурятском улусе. К сожалению, это важное начинание не доведено до конца. Уже раздел четвертый назван «Бурятия в период разложения феодального строя и роста капиталистических отношений в России». Одной из причин подобного положения является трудность решения проблемы. Пестрота социально-экономических отношений в Сибири, различный уровень развития этих отношений у разных народов, их взаимодействие требуют накопления большого конкретного материала для каждого района в отдельности с последующим обобщением его по Сибири и Дальнему Востоку в целом. Накопление материала осуществляется, но оно еще не достигло достаточной степени. Другая причина — слабая изученность вопроса о развитии производительных сил Сибири. Внимание историков к этой проблеме явно недостаточно. Некоторые успехи сделаны в отношении изучения истории земледелия (работы В. И. Дулова, В. Н. Шерстобоева, З. Я. Бояршиновой и др.) [12].

Очень малы пока еще результаты в изучении истории развития сибирской промышленности, хотя нельзя сказать, что такая тема не затрагивалась историками Сибири. Однако обобщающих трудов нет; очень немного работ и по истории отдельных промышленных предприятий или отдельных отраслей промышленности. При всей отсталости промышленного развития Сибири до революции уже тогда ряд ее отраслей имел давнюю историю (солеваренная промышленность, горное дело, мукомольная промышленность и др.) и получил широкий размах (золотодобывающая промышленность, железнодорожное строительство и т. д.). Не приходится говорить о грандиозных масштабах промышленного строительства в Сибири в советский период, особенно в послевоенные годы. Данный вопрос требует глубокого изучения.

Почти совсем нет исследований о ремесле и промыслах, имевших важное значение для развития всех стран, особенно в домануфактурный период. Для понимания истории Сибири, где промыслы и ремесла играли громадную роль вплоть до XX в. включительно, знание истории этой отрасли хозяйства приобретает особую важность.

[12] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Т. I—II. Иркутск. 1949—1957; В. И. Дулов. Очерк социально-экономической истории Тувы XIX — нач. XX в. М. 1956; З. Я. Бояршинова. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. «Материалы по истории земледелия СССР». Сборник I. М. 1952; А. А. Избекова. Победа колхозного строя в Якутской АССР. Хабаровск. 1958.

Более широкое исследование процесса развития производительных сил Сибири позволило бы наряду с изучением социальных отношений подойти вплотную к решению вопроса об этапах социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока и было бы основной предпосылкой для создания обобщающего труда. В то же время это дало бы возможность решить ряд других коренных проблем: понимание роли народных масс, формирование рабочего класса, история революционного движения и т. д.

Важной традицией в сибирской историографии советского периода стало изучение революционного движения в России, распространения в Сибири идей марксизма-ленинизма, приобщения передовых слоев сибирского населения к революционной борьбе русского пролетариата, истории партийных организаций Сибири и Дальнего Востока.

В некоторых дореволюционных работах рассказывалось о народных движениях в Сибири, о деятельности ссыльных революционеров. Но авторы их, как правило, ограничивались сбором фактического материала, не давали теоретического освещения вопроса. Только в советский период эта проблема стала предметом научного исследования, которое особенно активизировалось в связи с прошедшими юбилеями революции 1905 г. и Великой Октябрьской социалистической революции. В последние годы по указанной тематике вышел ряд сборников документов, воспоминаний, справочных материалов и монографий [13]. Среди них имеются работы, значительные по территориальному охвату, богатые конкретным материалом, содержащие ценные наблюдения и выводы [14].

Вкладом в изучение проблемы явились исследования деятельности в Сибири ссыльных большевиков и истории отдельных партийных организаций Сибири и Дальнего Востока [15]. Следует лишь отметить, что для большинства работ по данной теме характерна территориальная и хронологическая ограниченность тематики. Процесс революционной борьбы от момента ее зарождения до победы Великой Октябрьской социалистической революции для всей территории Сибири и Дальнего Востока еще не получил всестороннего освещения.

Ведутся также исследования в области истории народных движений в более ранний период. Отдельные выступления в сибирских городах и деревнях рассматривались еще историками дореволюционного времени. В советское время появились работы (преимущественно статьи), в которых говорится о выступлениях в XVII—XIX вв. как русского, так и местного населения.

Особую ценность представляют работы, характеризующие совместные выступления русского и других народов против произвола царских чиновников. В них выясняются начальные формы совместной борьбы народов против общего врага — царизма, борьбы, которая позже под руководством русского пролетариата привела к победе Великого Октября.

В рассматриваемых работах собран фактический материал, предприняты попытки выяснить социально-экономические причины выступлений, определить их классовую природу и в отдельных случаях

---

[13] См. Г. Е. Рейхберг. Документальные сборники, посвященные установлению власти Советов в Сибири. «Исторический архив», 1958, № 3. Автор справедливо отмечает осуществленную сибирскими научными учреждениями большую работу по выявлению документов и материалов, освещающих подготовку и проведение под руководством коммунистической партии социалистической революции в Сибири.

[14] М. К. Ветошкин. Революция 1905—1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке. Чита. 1955; В. И. Дулов. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск. 1956; В. И. Дулов, Ф. А. Кудрявцев. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905—1907 гг. Иркутск. 1955, и др.

[15] П. У. Петров. Из истории революционной деятельности ссыльных большевиков в Якутии. Якутск. 1952, и др.

наметить связь этих выступлений с народными движениями в центральных районах страны. Так, в статье В. А. Александрова «Восстание в Сибири в конце XVII в.» сделана попытка вписать сибирские движения в общую картину классовой борьбы в России, хотя бы в рамках конца XVII века [16].

К сожалению, изучение этой проблемы не вышло еще из стадии, которая характеризуется появлением довольно большого числа исследований на частные и узкие темы. Во многих из них отдельные явления рассматриваются изолированно, вне связи с другими событиями в Сибири и в других районах страны. Отсюда вытекали неправильная трактовка некоторых событий, переоценка их размаха, нечеткость анализа их классовой природы. Авторы не раскрывали своеобразия того или иного выступления. Примером может служить трактовка О. В. Ионовой выступления Василия Манчары [17], справедливо подвергнутая критике Г. П. Башариным [18]. До сих пор не показан сравнительно слабый размах сибирских движений в сравнении с движениями, происходившими в европейской части страны, и не выясняются причины этого.

Таким образом, дальнейшим этапом в разработке данной проблемы, очевидно, должен явиться переход к обобщенному изучению форм классовой и революционной борьбы в Сибири, определению особенностей этих форм и их причин, выявлению периодов наибольшего подъема этих движений и установлению связей их с движениями в других районах страны. Особенно важно при этом изучить общий ход борьбы за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке, в котором при учете своеобразия ее развития в отдельных районах выявлялось бы единство процесса и его неразрывная связь с ходом установления Советской власти в стране в целом. Само собой разумеется, что одновременно надо продолжать и конкретное изучение отдельных районов, событий и т. д. Работы этого характера не только должны дать материал для обобщений, но в сочетании с выявлением действия общих закономерностей сами по себе должны иметь новое качество, все более переходя от описательно-краеведческого характера к подлинно научному исследованию.

Решение данной проблемы поможет вскрыть важные исторические традиции Сибири, в первую очередь традиции революционной борьбы. Работа историков в этом направлении дает возможность осветить правду о тех, героическим подвигам которых мы обязаны успехами наших дней.

Третьим не менее важным достижением советской сибирской историографии является интенсивная разработка на основе марксистско-ленинской методологии истории отдельных народов Сибири.

Нельзя сказать, что дореволюционная историография совсем не проявляла интереса к изучению отдельных народов Сибири. Оно было начато еще в XVIII в.; работы, посвященные этому вопросу, появлялись и в XIX и в начале XX века. Материал, накопленный тогда, до сих пор представляет значительную ценность. Для работ советских историков характерна принципиально иная постановка проблемы, а следовательно, и иные пути ее решения. В трудах наших историков каждый отдельный народ Сибири (включая самые малые и наиболее отсталые в своем развитии народности) не является объектом только этнографического изучения (что характерно, например, для буржуазной описательной этнографии), а стал предметом исторического исследования, выясняющего характер, этапы и путь его самостоятельного исторического развития. Работы С. В. Бахрушина, С. А. Токарева, Н. Н. Сте-

[16] См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия первой четверти XVIII в.». М. 1954, стр. 230—240.

[17] О. В. Ионова. Василий Манчары. Якутск. 1946.

[18] Г. П. Башарин. История аграрных отношений в Якутии. М. 1956, стр. 231.

панова, П. Т. Хаптаева, Л. П. Потапова, В. И. Дулова и других открыли новую и важную страницу в изучении истории СССР.

Многое в освещении этой проблемы было сделано научно-исследовательскими институтами, организованными в годы Советской власти в разных областях Сибири. Институт языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР, Бурятский комплексный научно-исследовательский институт, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории не только организовали подготовку и выпуск в свет значительного количества исследований по истории народов, но и приступили к написанию (а Бурятский институт и завершил написание) полной истории народов этих районов[19]. Несомненно, что эта работа еще потребует продолжения. С одной стороны, еще не для всех народов Сибири написана эта история, с другой — многие частные вопросы не получили решения, часть из них не получила, по крайней мере, общепризнанного решения.

Выше уже были указаны хронологические пробелы в истории народов Сибири, отмечалась нерешенность вопросов об этапах социально-экономического развития отдельных народов, неясность в характеристиках народных движений и т. д. Следует также отметить, что даже после написания истории всех народов Сибири и Дальнего Востока задача полностью еще не будет решена. Если нельзя считать историей Сибири и Дальнего Востока общие курсы по истории Сибири, созданные дворянско-буржуазной историографией (Г. Ф. Миллер, П. А. Словцов др.), хотя бы только по одному отсутствию в них внимания к истории народов Сибири, то нельзя также считать такой историей и очерки отдельных народов без материалов по истории русского населения Сибири. Как отмечалось выше, уже к 1917 г. русское население составляло подавляющее большинство среди жителей Сибири. Роль русских в общем развитии Сибири исключительно велика. Между тем по ряду причин за последние десятилетия история этой части сибирского населения разрабатывалась слабее, нежели история нерусского населения. Подобное положение явилось отчасти результатом слабой разработанности местной истории. Другой причиной, несомненно, явилось отсутствие специального научного центра по разработке истории Сибири и Дальнего Востока. Немаловажное значение имело стремление советских историков прежде всего решить задачу написания истории отдельных народов Сибири.

Между тем без детального изучения истории русского населения не только невозможно правильно представить общий ход исторического развития Сибири, но и историю каждого отдельного народа. Разработка вопросов о взаимовлиянии русского и нерусского сибирского населения, о формах передачи трудовых навыков, об обмене достижениями культур, изменениях быта и т. д. является одной из важнейших проблем сибирской истории, так же как и вопрос о мощном влиянии экономики и культуры центра страны на Сибирь. Одновременно, конечно, должен изучаться вопрос и об обратном влиянии Сибири на центральные районы страны. Это сделает более полным и более точным решение ряда коренных вопросов истории центральных районов и страны в целом. Подобная постановка вопроса позволяет рассматривать историю Сибири не только как местную историю, но и как неотъемлемую часть общероссийской истории.

С XVIII в. одним из наиболее освещаемых вопросов истории Сибири являлся вопрос о ходе и характере включения Сибири в состав Русского государства. Несколько позднее возник связанный с этим вопрос о взаимоотношениях русского народа и народов Сибири, столь

[19] «История Бурятской АССР». Т. I—II. Улан-Удэ. 1954—1959; «История Якутской АССР». Т. I (А. П. Окладников). М.-Л. 1955; т. II. М. 1957.

же прочно удерживающий внимание историков. По этим вопросам накопилась большая и разнообразная литература, в которой предлагались различные решения.

В дворянско-буржуазной историографии господствовал тезис о завоевании Сибири, выдвинутый еще Г. Ф. Миллером. В разных вариантах (из которых наиболее распространенными следует считать варианты о правительственном завоевании, о завоевании частными предпринимателями и о завоевании казачьими вольными дружинами) или в различных сочетаниях этих вариантов указанный тезис с некоторыми модификациями из дворянско-буржуазной историографии перешел в советскую историографию. В наиболее развернутой форме он был изложен С. В. Бахрушиным в его работе о колонизации Сибири [20] (кстати сказать, насыщенной богатым конкретным материалом). Термин «завоевание» вошел и в учебную литературу [21]. Выявление нового конкретного материала позволило советским историкам установить наряду с военными экспедициями и дислокацией в Сибири военных отрядов наличие фактов мирного продвижения и мирного освоения целых районов Сибири. Это дало им возможность выдвинуть термин «присоединение» Сибири, который имеет в виду факты и завоевания и мирного присоединения. Этот термин быстро нашел признание и вошел в общие работы по истории СССР [22]. И, наконец, в послевоенные годы в отношении ряда народов Сибири был поставлен вопрос об их добровольном вхождении в состав России [23]. По отношению к ряду народов такой тезис также нашел признание. В 1959 г. в связи с 300-летием присоединения Бурятии к Русскому государству в обращении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР говорилось: «Добровольное вхождение Бурятии в состав Российского государства в исторически сложившихся условиях было единственно правильным путем. Навеки связав свою судьбу с Россией, бурятский народ наладил тесную связь с великим русским народом, приобщился к его высокой хозяйственной и духовной культуре, а совместная борьба русских и бурят против их общего врага — царского самодержавия привела к установлению между ними отношений братской дружбы» [24].

В связи с тем, что факты добровольного вхождения пока что установлены лишь по отношению к отдельным народностям, следует, очевидно, признать оправданным господство в нашей литературе термина «присоединение». Но так как этот термин включает в себя явления различного порядка (завоевание, мирное присоединение, добровольное вхождение), дело историков-сибиреведов — продолжить работу по уточнению этого понятия, раскрыв его во всей его конкретно-исторической сложности — от завоевательных действий военных экспедиций до мирного заселения необжитых районов поселенцами-земледельцами, о существовании которых царская администрация иногда неожиданно узнавала по прошествии ряда лет после их возникновения

Еще более сложным путем развивались представления историков о характере взаимоотношений русских с народами Сибири. Ответы на вопрос: «Что принесло народам Сибири присоединение к Русскому государству?» — историки пытались давать уже в XVIII веке. Дворянская историография с присущей ей апологетикой царизма стремилась

---

[20] С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири. М. 1927.

[21] «История СССР». Т. I. М. 1947.

[22] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.». М. 1955; «История СССР». Т. I. М. 1954.

[23] Б. Д. Цибиков. К вопросу о добровольном присоединении Бурят-Монголии к России. Улан-Удэ. 1950.

[24] «Правда», 4 июля 1959 года.

приукрасить правительственную деятельность. В своей статье «Г. Ф. Миллер как историк Сибири» С. В. Бахрушин отмечал стремление Г. Ф. Миллера доказать, что народы Сибири «противились весьма редко» присоединению сибирских земель к Российской империи, а императорское правительство в деле управления присоединенной Сибирью практиковало «тихость, ласковое уговаривание, дружеское угощение и подарки», а «строгость»-де только в тех случаях, когда «ласка» не действовала. Такое мирное присоединение и «ласковое» управление, по мнению Г. Ф. Миллера, позволяло русскому правительству в Сибири «много полезного учинять» с «немалою тамошней стране пользою»[25]. Эта мысль с различными вариантами устойчиво держалась в историографии Сибири длительное время. Ее отзвуки можно найти и в советской литературе даже послевоенного времени или в форме замалчивания вопроса о жестокостях колонизаторской политики русского царизма и ограблении сибирских народов тем же царизмом и русскими торговцами и промышленниками, или в попытках изобразить эту жестокость в смягченном виде. Исходные позиции этих советских историков были, разумеется, совсем иными, нежели позиции Г. Ф. Миллера и его дворянских и буржуазных последователей. Но, независимо от стремлений авторов, в таких работах искажалось фактическое положение вещей, звучало оправдание колонизаторской политики царизма и деятельности его агентов.

Другая линия рассмотрения данного вопроса восходит к А. Н. Радищеву. Считая нужным пересмотреть концепции идеологов феодально-колониальной экспансии, А. Н. Радищев выступил с отрицательной характеристикой действий царских чиновников и купцов. Он первым писал, что они «алчны» и корыстолюбивы, что ростовщики и священники грабят народы Сибири, отнимая у них пушнину. Эта линия нашла поддержку и развитие во взглядах и работах А. П. Щапова и С. С. Шашкова. А. П. Щапов в ряде своих статей выступил со страстным обличением правительственной политики в отношении Сибири вообще и народов Сибири в частности. При этом он различал действия царских сатрапов и действия трудового русского населения. Характеризуя отношения русского и бурятского населения, он писал: «Взаимная социальная симпатия или сожительно-бытовая общительность между русскими и бурятами постепенно все более и более расширялись»[26]. Несколько иную позицию занимал С. С. Шашков. Используя сибирский материал для обличения современных ему социальных зол, С. С. Шашков не всегда умел рассмотреть проблему в целом. Сосредоточившись лишь на одной стороне вопроса, он часто ограничивался отрицательной оценкой деятельности русских в Сибири. Именно эту тенденцию развивал ряд представителей сибирского областничества с их противопоставлением Сибири и сибирского населения России и русскому населению центра.

В то же время голое противопоставление интересов местного коренного населения интересам русского населения в сочетании с безоговорочным осуждением самого факта присоединения Сибири к России высказывалось представителями части буржуазно-националистически настроенной местной интеллигенции.

Отзвуки подобных представлений имели место и в советское время. Советские историки дали отпор попыткам буржуазных националистов исказить историю Сибири в этом коренном вопросе прошлого Сибири. Сложнее обстояло дело с работами тех историков, которые, руководствуясь правильным стремлением разоблачить колонизатор-

---

[25] Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.-Л. 1937, стр. 42—44.

[26] А. П. Щапов. Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск. 1937, стр. 255.

скую политику русского царизма, показать ее во всей ее отвратительной наготе, ограничивались рассмотрением только этой стороны взаимоотношений русского и нерусского сибирского населения. Такое направление было достаточно сильно представлено в 20-х и начале 30-х годов нашего столетия. До некоторой степени как противопоставление этому течению позднее, особенно в послевоенные годы, получило господство упомянутое выше некоторое замалчивание или приглаживание политики царизма.

В настоящее время исследователи истории Сибири раскрывают данную проблему во всей ее сложности, исходя из прогрессивных последствий присоединения Сибири к России. Особенно яркий материал, свидетельствующий о прогрессивных последствиях присоединения и совместной жизни народов Сибири и русского народа, дает исследователям советский период истории нашей страны. Работы по этому периоду рассказывают о том, как за годы Советской власти народы Сибири под руководством коммунистической партии, при помощи русского и других братских народов СССР осуществили глубочайшие социалистические преобразования. Ныне Сибирь — край передовой индустрии, крупного механизированного сельского хозяйства. Советский строй обеспечил подлинный расцвет национальных культур больших и малых народов в нашей стране, в том числе сибирских.

Сложнее раскрыть данную сторону проблемы для дореволюционного периода, когда проявление прогрессивных последствий совместной жизни народов Сибири в составе одного государства тормозилось политикой царизма, деятельностью царских сатрапов. Такая задача, конечно, не может быть решена путем замалчивания или смягчения трактовки политики царизма. Ее можно разрешить лишь путем исследования деятельности народных масс — подлинных творцов истории. В этом направлении многое уже дали работы по изучению развития производительных сил Сибири, в частности по изучению передачи русским населением веками накопленных им более совершенных трудовых навыков населению края, передачи русским рабочим классом его революционного опыта народам Сибири, а также исследования, посвященные вопросу о влиянии великой русской культуры на развитие культуры в Сибири. Но немало еще предстоит сделать.

Трудно переоценить значение данного направления в научной деятельности специалистов, изучающих историю Сибири. Оно состоит не только в раскрытии методами исторического исследования одного из важнейших факторов исторического развития Сибири, но и способствует осознанию значения великой дружбы народов СССР, расцветшей в условиях социалистического общества. Следует также учесть, что, пожалуй, ни по одному другому вопросу истории Сибири зарубежная буржуазная историография не содержит столько ошибочных и искажающих действительность высказываний.

Исследователи истории Сибири, как правило, проходят мимо работ, появляющихся за рубежом. В лучшем случае ими используется лишь фактический материал. Между тем интерес к Сибири и ее истории, возникший в зарубежной историографии очень давно, достаточно значителен. Работы по истории Сибири за последние годы появились как в странах социалистического лагеря (Венгрия, Болгария, ГДР и др.), так и в странах капитализма (США, Франция, Англия, Италия, ФРГ, Финляндия и др.). В них сделаны попытки рассмотреть ряд вопросов истории Сибири с древнейших времен до 20-х годов нашего столетия. Причем особый интерес (в частности, в американской историографии) проявляется к истории гражданской войны в Сибири. Предпринимаются и попытки общего рассмотрения истории Сибири. Примером таковых

является небольшая книжечка Hambis'a [27]. Наряду с исследованиями, которые отражают стремление их авторов добросовестно проанализировать конкретный материал, обычно почерпнутый из наших изданий, мы встречаем и «труды», явно искажающие историческую правду. Научно разобраться в тех и других, дать им правильную, марксистскую оценку — такова задача, стоящая перед советскими историками Сибири. С ней тесно связана и другая столь же неотложная задача. Учитывая интерес к истории Сибири, проявляемый за рубежом, следует создать книгу по истории Сибири для зарубежного читателя.

Помимо названных направлений разработки истории Сибири, несомненно, можно было бы отметить немалое количество других проблем, по которым советские историки имеют серьезные достижения. Здесь прежде всего можно назвать работы о географических открытиях русских за Уралом. По этому вопросу выпущен ряд ценных сборников материалов и исследований [28]. Имеются успехи в изучении вопроса о заселении Сибири [29] и в ряде других вопросов.

Еще ждут изучения и разрешения проблемы транспорта, культуры в Сибири и т. д. Среди последних особое место занимает вопрос о связи Сибири и Дальнего Востока с сопредельными странами. Эти связи имели огромное значение и в древнейшей истории Сибири, особенно для народов южной ее части. Они оказывали влияние на развитие средневековой Сибири, но сохранили свое значение и в новое и новейшее время. Одним из моментов изучения этих связей для последних периодов должно было бы явиться исследование роли Сибири и Дальнего Востока во внешней политике России. В общей статье едва ли можно наметить все вопросы, которые надо осветить. Они будут, естественно, возникать при разработке общих отмеченных выше направлений.

В заключение необходимо, как нам кажется, остановиться на вопросах, связанных с обеспечением дальнейшей разработки истории Сибири и Дальнего Востока. Прежде всего надо говорить об источниковедческой базе. В распоряжении исследователя истории Сибири имеется огромный архивный материал. Большинство материалов по истории Сибири XVII—XVIII вв. сконцентрировано в центральных архивах Москвы и Ленинграда, сосредоточивших не только документацию центральных органов управления Сибирью, но и местных организаций. Практика передачи документов местных сибирских административных учреждений в центральные архивы ведет свое начало с 60-х годов XIX в., когда фонды упраздненных судебной реформой 20 ноября 1864 г. учреждений начали свозиться в Москву, где они длительное время оставались (а отчасти остаются и до сих пор) необработанными. Подобную практику в отношении собирания документов XVII и XVIII вв. продолжают ныне некоторые работники Главного архивного управления СССР, исходя, очевидно, из стремления обеспечить лучшую сохранность и обработку древних документов, а также из не совсем верного понимания знаменитого ленинского декрета по архивному делу.

---

[27] L. Hambis. La Sibérie (Que sais je?). Presses universitaires de France. Paris. 1957. Книжка Hambis'a может служить примером упрощенного и неверного представления о процессе присоединения Сибири к России, сведенного лишь к завоеванию и подавлению. Та же идея нашла место и в общей историографической работе A. Masour'a (A. Masour. Modern Russian Historiography. Princeton. 1958).

[28] «Экспедиция Беринга». Сборник документов. М. 1941; «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.». Сборник материалов. М. 1948; «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии». Сборник документов. М. 1951; А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII — первая половина XVIII в. М. 1950; «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах». Сборник документов. Л.-М. 1952.

[29] В. В. Покшишевский. Заселение Сибири. Иркутск 1951.

Такая практика в современных условиях лишена оснований. При несомненном коренном улучшении постановки архивного дела на местах сохранность и обработка документации XVII—XVIII вв. может быть обеспечена областными и республиканскими архивами, которые хранят документацию XIX в. и драгоценные документы по истории Великой Октябрьской социалистической революции, установлению Советской власти и социалистическому строительству в Сибири и на Дальнем Востоке. Между тем выросшие новые научные кадры Сибири, где после революции созданы исследовательские институты, исторические факультеты и кафедры в университетах и педагогических институтах, ведут активную работу по истории Сибири, не имея документации по XVII и XVIII векам. Не ставя вопроса об обратном перемещении фондов, следует высказаться за сохранение в областных и республиканских архивах имеющихся там документов. Необходимо лишь сделать их доступными для всех исследователей путем составления и издания описей, а также создания полных картотек в центре. Не будет ли создание и постепенное издание сводной картотеки на архивные фонды Советского Союза наилучшим осуществлением ленинской идеи о централизации архивного фонда? При всех своих недостатках работа Н. Н. Оглоблина [30] составила этап в разработке истории Сибири XVII в. и до сих пор остается ценнейшим пособием для исследователя этого периода. Советские историки вправе ждать от архивистов дальнейшего раскрытия содержания фондов по истории Сибири.

Нельзя не отметить также слабости источниковедческой работы в области истории Сибири. Некоторые труды по истории сибирского летописания (С. В. Бахрушин, А. М. Ставрович), незавершенное общее исследование А. И. Андреева и книга М. П. Алексеева исчерпывают в основном список крупных источниковедческих исследований [31]. Их главное направление — изучение источников по истории Сибири раннего периода (преимущественно XVII в.). Для позднейших периодов можно отметить лишь некоторые отдельные попытки начать эту работу. А между тем, несмотря на исключительные по величине и интересу фонды XVII в., основная масса источников лежит за пределами этого века. Выявление их разнообразия, характеристика хотя бы основных фондов, выяснение достоверности показаний разного типа источников становятся настоятельной необходимостью для историка Сибири. Не может не беспокоить то обстоятельство, что в опубликованном Сибирским отделением АН СССР большом списке планируемых на предстоящее семилетие исследований по истории Сибири нет ни одного на источниковедческие темы [32].

Обширность уже осуществленной работы, накопление большого количества конкретных сведений, постановка и решение крупных общих вопросов методологического и конкретно-исторического порядка, стремление выявить белые пятна и наметить планы дальнейшей научной деятельности, наличие кадров историков-исследователей характеризуют современное состояние науки об истории Сибири и Дальнего Востока. Это дает основание приступить к созданию многотомной истории Сибири и Дальнего Востока. На прошедшей в марте 1960 г. научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока необходимость написания такого труда неоднократно отмечалась на пленарном заседании (10 и 11 марта в Новосибирске) и на заседаниях секций (в Томске и в Иркутске).

---

[30] Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. Т. I—IV. М. 1895—1902.

[31] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. XVII в. Л. 1940; М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. I. Иркутск. 1941.

[32] «Тематика научно-исследовательских работ в Сибири и на Дальнем Востоке на 1959—1965 гг.». Новосибирск. 1959.

Значение такого обобщающего труда будет состоять в раскрытии положительных сторон совместной жизни русского народа и народов Сибири в составе единого государства. В нем должно быть показано, как, несмотря на гнет царизма, вхождение в состав Русского государства ускорило темпы социально-экономического и культурного развития народов Сибири, объединило трудовые массы этих народов в их борьбе с царизмом и привело к победе Великой Октябрьской социалистической революции. Заключительные главы этого труда раскроют превращение в условиях победы социализма этой ранее отсталой окраины России в современную Сибирь с ее социалистическим сельским хозяйством, передовой индустрией и высокой культурой. Освещая историю огромной части страны, этот труд в то же время будет способствовать и более полному пониманию истории страны в целом, неотъемлемой частью которой является Сибирь.

Несомненно, что подобная работа под силу организованному коллективу историков, руководимому единым научным центром. Таким центром мог бы стать научно-исследовательский институт по общественным наукам при Сибирском отделении АН СССР. Мысль о необходимости создания института была горячо и единодушно поддержана многими историками Сибири, Москвы и Ленинграда. С созданием многотомного труда советская сибирская историография выйдет из этапа накопления конкретного материала и решения отдельных проблем и вступит в этап широких обобщений, раскроет действие общих исторических закономерностей в конкретных условиях Сибири и Дальнего Востока — закономерностей, в результате действия которых ранее отсталая Сибирь превратилась в один из центров советской науки.

Одновременно специалисты по истории Сибири должны принять самое активное участие в широкой пропаганде среди населения знаний о прошлом Сибири. Гигантская задача освоения природных богатств Сибири привлекает в последние годы и будет еще привлекать большой приток людей из других областей Советского Союза. Задача историков — ознакомить их с историей Сибирского края, привить им чувство любви к нему, гордости за славное революционное прошлое Сибири. Это потребует создания научно-популярной книги или серии книжек по истории Сибири. Постановление ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» обязывает историков Сибири не только внимательно продумывать проблематику своих исследований, но и искать новые формы работы, способствующие наиболее полному выполнению стоящих задач.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ *

Академик Б. А. Рыбаков

Наиболее спорными вопросами в той области исторической науки, в которой на протяжении двух столетий идут горячие дискуссии, являются в настоящее время вопросы методики исследования.

Обе спорящие стороны — норманисты и антинорманисты — допускали натяжки при изучении исторических источников и нередко подчиняли истину тенденции. У антинорманистов эта тенденциозность проявлялась или в отождествлении варягов со славянами, или в полном умолчании о скандинавских отрядах в Восточной Европе. Это была методическая ошибка антинорманистов, умело использованная другой стороной, объявившей все вообще построения противников варяжской теории вне науки.

Однако и сами норманисты оказываются далеко не безупречными в методическом отношении: они искусственно сужают круг источников, произвольно отбирая только те, в которых говорится о варягах; они допускают очень вольные лингвистические сближения; они уклоняются от рассмотрения важнейшего — от изучения всего исторического процесса в Восточной Европе за многие сотни лет на основе всех известных нам источников (в том числе и обильных археологических данных). Существенной методической ошибкой норманистов является выборочное пользование отдельными цитатами из летописей, представление об адекватности этих цитат реальным историческим фактам и полное пренебрежение к исторической концепции авторов летописей и других древних литературных произведений.

В настоящее время исследование такой важной проблемы, как образование первого феодального государства у восточных славян, следует вести с соблюдением следующих методических условий: во-первых, необходим тщательный анализ каждого отдельного источника с учетом условий его возникновения в свое время; во-вторых, необходим комплексный анализ всех видов источников (подлинные материальные остатки древнего быта, язык, свидетельства древних авторов, юридические документы и др.), выявление согласия или противоречий в источниках и, в-третьих, исторический синтез, позволяющий связать отдельные факты и события в целостную картину развития исторического процесса на протяжении длительного времени. Поясним эту мысль только двумя примерами.

★

Первый пример. Была ли у русских летописцев XI—XII вв. какая-либо тенденциозность или все они всегда были объективны и беспристрастны? Труды нескольких поколений русских историков (К. Н. Бесту-

---

* Статья представляет собою текст краткого выступления, подготовленного для XI Международного конгресса исторических наук в Стокгольме. Незначительный объем выступления обусловил краткость изложения и ограниченность тематики. Спорных вопросов в изучении образования Киевской Руси, разумеется, значительно больше, чем автор мог затронуть в небольшом выступлении.

жева-Рюмина, А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова) подготовили почву для правильного понимания исторических концепций русских летописцев и той литературной борьбы вокруг вопроса об истоках Руси, которая началась еще при Ярославе Мудром.

Первая концепция русской истории, как и следовало ожидать, сложилась в Киеве, древнем историческом центре юго-восточного славянства, и рисовала процесс превращения Киевского племенного княжества в большую державу, столицей которой являлся тот же Киев.

Археологический материал всего I тысячелетия нашей эры подтверждает, что наиболее развитой частью восточного славянства действительно являлась земля Полян в Среднем Приднепровье.

Киевская историческая школа, оформившаяся на рубеже X и XI вв. (по Л. В. Черепнину — в 997 г., а по М. Н. Тихомирову — в 1007 г.), нашла продолжателей и на севере славянских земель — в Новгороде. Очень большой интерес представляет новгородский летописный свод 1050—1054 гг., названный мною «Остромировой летописью». Летопись эта весьма тенденциозна: ее составитель явно враждебен Ярославу Мудрому (казнившему посадника Константина, родственника Остромира); его летопись представляет собой политический памфлет, направленный против киевского князя. Вместе с тем автор-новгородец постоянно выпячивает роль новгородцев в общерусских событиях, идеализирует новгородских бояр, изображая их всегда благородными, великодушными, отважными рыцарями в противовес трусливому, жадному и хвастливому Ярославу, опиравшемуся на наемное войско варягов.

Автор «Остромировой летописи» четко и ясно противопоставляет Русь варягам, считая последних пришельцами из-за моря, разбойниками-«находниками» или наемными кондотьерами. Отношение автора к варягам во всех разделах его летописи резко отрицательное.

Автор-новгородец должен был считаться с фактами норманской агрессии в севернорусские земли, но он постарался изобразить эти факты так, чтобы они не слишком задевали самолюбие новгородцев.

Сообразно этому события излагались так: сначала Словене, Кривичи, Меря и Чудь платили варягам дань; часть варягов, оказавшаяся внутри земель этих племен, «насилие деяху» им. Тогда перечисленные племена начали войну с варягами, выгнали варягов за море «и начаша владети сами собе». Этот тезис о новгородском самоуправлении на долгое время становится лейтмотивом новгородского боярского летописания, формулой феодально-республиканской идеологии.

Недаром рассказ об изгнании варягов связан с построением Новгорода как оплота местного населения и с избранием старейшиною Гостомысла. Воинственное начало новгородской истории здесь в известной мере противопоставлено более скромному началу общерусской истории, ознаменованному постройкой Киева. Нет еще и грубого, бесцеремонного оттеснения Киева на второй план, но чувствуется, что все внимание автора устремлено к героической истории Новгорода и свободолюбивым новгородцам.

Появление новых варяжских отрядов в 860—870 гг., привлеченных известиями о могуществе Киевской Руси, державшей к этому времени в своих руках путь «из грек в варяги», облечено автором «Остромировой летописи» в приличную (хотя и недостоверную) форму преднамеренного и вполне добровольного призвания варягов новгородцами.

Боясь усобиц и внутреннего разлада, новгородцы искали себе такого князя, «иже бы владел нами и рядил ны по праву».

В повествовании о Рюрике, Синеусе и Труворе летописец, очевидно, воспользовался каким-то варяжским устным рассказом, где речь шла о приходе конунга Рюрика со своими родичами («Синеус») и верной дружиной («Трувор»). Анекдотические «братья» Рюрика только подтвер-

ждают легендарность призвания и его источник — устный скандинавский рассказ.

Легенда о трех братьях-варягах являлась литературной параллелью к киевскому сказанию о трех братьях — строителях Киева, помещенному в первом разделе этой же летописи. Но историческая последовательность здесь еще не была нарушена: на первой странице излагалось начало общерусской истории, связанное с Киевом, а затем говорилось о том, что и у Новгорода была своя история, свое начало государственности, гармонировавшее со свободолюбивым духом самих новгородцев.

Все дальнейшее изложение говорит об антиваряжской направленности Новгородской летописи: Олег назван варяжским князем («...и бысть у них князь именем Олег»), и летописец описывает захват Киева Олегом как неблаговидный поступок вероломного норманна.

В событиях эпохи Игоря подчеркивается жадность варяга Свенелда.

Княжение Владимира — первого выбранного новгородцами князя — и правление его дяди Добрыни воспеты панегирически, напоминая стиль былин «Владимирова цикла». Княжение Ярослава, опиравшегося на наемных варягов, описано негодующе, со злобной иронией. Варяги, «творившие насилье новгородцам и женам их», показаны жадными, трусливыми и разнузданными.

Вероятно, именно этот летописец новгородских посадников сохранил для потомства такой антиваряжский указ, как «Правда Ярослава» 1016 г., исторгнутый у князя новгородцами перед походом на Святополка. В нем варяги поставлены в неполноправное положение (§ 10) и не упомянуты в числе тех, чьи права ограждает эта грамота.

По иронии судьбы произведение ярого «антинорманиста», новгородца, ненавидевшего варяжскую гвардию Ярослава, в дальнейшем послужило основой проваряжской концепции последнего (третьего по счету) редактора «Повести временных лет».

На протяжении XI в. киевские и новгородские историки нередко полемизировали друг с другом. Одним из предметов спора была деятельность киевского князя Ярослава Мудрого, «самовластца» Русской земли, которого киевские эпиграфические памятники называют даже «царем нашим». И киевская летопись и «житие Бориса и Глеба» стремились оправдать и возвеличить Ярослава (А. Н. Насонов).

Вторым пунктом спора был вопрос о начале русской государственности.

Современники новгородского посадника Остромира — киевлянин Иаков-мних и митрополит Илларион — в своих исторических экскурсах ни слова не говорят о варягах и о времени варяжского междуцарствия в Киеве. Династию Владимира Святого они никогда не связывают с Олегом или Рюриком. Этих князей они нередко вообще не упоминают, считая их, очевидно, промежуточными эпизодами в истории Новгорода и Киева. Зато тем большим вниманием окружают киевские историки имя первого великого князя, основателя Киева и династии полянских князей. Кия горделиво сопоставляют с Ромулом, основателем Рима, Александром Македонским, основателем Александрии, и с Антиохом Великим (свод 1095 г.).

Когда произведения киевских историков попадали в Новгород, то там они подвергались бесцеремонной и неумной переделке: в заголовке имя Киева оттеснялось вставленным чужою рукой именем Новгорода («како избра бог страну нашу... преже Новгородчкая волость и потом Кыевская...», I Новгородская летопись), историческое место Киева снижалось пренебрежительной версией, что, может быть, и не было великого князя Кия, а был всего-навсего перевозчик через Днепр или охотник Кий; время жизни его очень искусственно приравнивалось ко времени призвания варягов. Все это были грубоватые домыслы новгородских

книжников, рассчитанные только на сочувствующий круг читателей-новгородцев, враждовавших в то время с Киевом.

Тот корректный и рыцарственный тон по отношению к Киеву, который господствовал в «Остромировой летописи», здесь был заменен неуклюжими выпадами против Киева и совершенно недостоверным изображением общерусских событий и их исторической последовательности. Кругозор этих новгородских писателей был ограничен только новгородской окраиной Руси.

Наибольшее влияние на все позднейшие поколения историков — от средневековых монахов до ученых XX века — оказала так называемая третья редакция «Повести временных лет», созданная, как доказал А. А. Шахматов, в 1118 г. под руководством князя Мстислава Владимировича.

Первоначальный труд Нестора, насколько мы можем о нем судить, представлял собой замечательное по широте замысла произведение. Опускаясь вглубь на 6—8 столетий, Нестор дал яркую картину исторической жизни всего славянского мира от Эльбы до Волги и от Балтики до Адриатики. Расставив международные хронологические вехи (нашествия определенных кочевых орд на Дунай, царствование византийских цесарей), Нестор показал глубокую древность основания Киева и племенного княжения Полян (до VII в.); привлекши эпический материал, он доказал княжеское достоинство Кия, бывшего почетным гостем императора Византии.

Говоря о Киевской Руси, Нестор не забывал сказать, что одновременно складывались еще два могучих славянских государства — Болгарское царство и Великоморавская держава.

Прекрасное знание русских, греческих, болгарских, западнославянских источников позволило знаменитому киевскому историку дать широкое и яркое историческое полотно и иллюстрировать жизнь древних славян параллелями, касающимися то Британии, то Индии, то Китая.

Труд Нестора был закончен незадолго до того, как умер его покровитель князь Святополк и после вспыхнувшего восстания 1113 г. киевское боярство пригласило на великокняжеский стол Владимира Мономаха. Летопись Нестора сразу оказалась в невыгодном положении и в новых условиях потребовала переработки в духе нового князя, двадцать лет враждовавшего с заказчиком летописи Святополком.

Переработка игумена Сильвестра (1116 г.) почти не затронула, как известно, вводной части «Повести временных лет», но, вероятно, именно поэтому она и не удовлетворила Мономаха.

В окончательный вид летопись была приведена в 1118 г. под наблюдением Мстислава, сына Мономаха (А. А. Шахматов). Всю свою молодость Мстислав провел в Новгороде; первым браком он был женат на дочери шведского короля, а вторым — на дочери новгородского посадника.

«Вскормленный» новгородским боярством, связанный узами родства с монархами «Варяжского моря», Мстислав являлся проводником варяжско-новгородского духа в киевском летописании. Время княжения Мстислава в Новгороде было временем укрепления сепаратистских стремлений этого города.

Новгородское боярство, не отягощенное напряженной борьбой с половецкой степью, широко торговавшее со странами Балтики — «Варяжского моря», удаленное от Киева на 1 000 км, стремилось обособиться, почувствовало себя политической силой. Все чаще в новгородских летописях встречаются слова: «новгородцы выгнаша князя», «новгородцы введоша князя».

Отвоевывая для себя князя Мстислава в 1102 г., новгородцы, во-первых, нарушили договор между князьями, а во-вторых, вступили в конфликт со Святополком Киевским, пригрозив убить его сына, если тот

станет конкурировать с Мстиславом. И вот спустя пятнадцать лет в руки этого Мстислава попадает рукопись Нестора с ее киевской ориентацией, с ее многовековым и красочным «доваряжским» периодом в истории Руси, с ее вниманием к далеким событиям VI—VII вв., то есть того времени, когда Новгорода не было еще и в помине.

Редакторская работа первого «норманиста» в русской историографии выразилась в следующем: во-первых, он бесцеремонно сократил и перепутал текст Нестора; сокращению подвергся наиболее интересный раздел о киевских князьях IX в. до появления там варягов. Во-вторых, он насильственно вставил в текст много разнородных данных о Новгороде и варягах, нарушая логическую связь текста и достоверность Несторова изложения.

Новгородско-варяжская тенденция пронизывает всю работу этого редактора. Он отыскал в «Остромировой летописи» легенду о добровольном призвании князей-варягов в Новгород и расчистил для нее место в Несторовом тексте, выбросив часть «Сказания о грамоте славянской» и другие важные материалы. Если в «Остромировой летописи» легенда о призвании князей сочеталась с антипатией к варягам-«находникам» и должна была только иллюстрировать право Новгорода на выбор князей, то теперь, в XII в., редактор «Повести» возводит призвание князей в общий принцип (ведь его отец был «призван» на киевский стол в 1113 г.) и всю русскую государственность начинает не с юга, а с севера, с Новгорода, хотя это и противоречит всем известным нам фактам (данные археологии и всех иноземных письменных источников говорят о киевском юге).

Рука сторонника Новгорода ощущается и в той редакционной путанице, которая возникла по поводу слов «словеньскый язык». Нестор подразумевал под этим «славянские народы», «славянство» и сравнивал славянство с Киевской Русью, с Полянами, а редактор-новгородец, вспомнив о племени Словен Ильменских, привнес сюда областной, краеведческий смысл. Все это спорное место должно было выглядеть так:

Текст Нестора:

«...От него же (словенского) языка и мы есмо, Русь... А словеньскый язык и русскый одно есть — аще и Поляне звахуся, но словеньскаа речь бе».

Вставка редактора (перед словом «аще»):

«От варяг бо прозвахуся Русью, а первое беша Словене». Прямой смысл здесь только тот, что варяги называли новгородских Словен русскими, а вовсе не тот, что варяги сами называли себя Русью и от них так стали называться славяне.

Кроме того, редактор 1118 г. стремился возвеличить вещего Олега, включил в летопись подлинный текст договора 911 г. с именами послов-варягов и какое-то сказание об осаде Царьграда, сочинил перечень племен, якобы освобожденных Олегом от хазарской зависимости. Эта тенденция к прославлению Олега находится в противоречии с другими данными летописи: оказывается, русские люди даже толком не знали, где умер этот князь, временно находившийся в Киеве, но предпочитавший жить в Ладоге. Место его смерти указывали в трех местах: в Киеве (в урочище «Олегова могила»), в Ладоге и «за морем».

В других местах летописи, там, где первоначальный автор порицал варягов-наемников, редактор стремился вставить благожелательную фразу о варягах. Так, в рассказ об изгнании варяжского наемного отряда Владимиром Святым из Киева в 980 г. вставлены, нарушая весь смысл повествования, слова: «И избра от них мужи добры, смыслены и храбры и раздая им грады». Этой фразой редактор хотел сгладить впечатление от неблаговидных действий варяжской вольницы, «творившей зло» в Киеве, но сделал это очень неумело, разорвав целостный рассказ Нестора.

К началу XII в., ко времени редакторской работы полуваряга-полуновгородца Мстислава, сам по себе варяжский вопрос потерял свою остроту. Никто из князей не нанимал уже варяжских ландскнехтов, феодальное окружение князей было чисто русским (иногда с финской или тюркской примесью), а варяги появлялись в русских городах уже в качестве купцов, гостей, а не буйных наемных солдат.

Возможно, что с именем того же Мстислава мы должны связывать изменения в русском законодательстве о варягах: в «Правде Ярослава» (1016 г.) варяг, как потенциальный обидчик, неполноправен; в «Пространной Русской Правде» (по Бауэру, 1125—1150 гг.), варяги уже не только уравнены в правах по тем пунктам, о которых говорит «Правда Ярослава», но и получают некоторое преимущество (§ 18), связанное, очевидно, с международным правом. К этому времени термины «варяг», «варяжский» приобрели более широкое значение в смысле «европейский» (например, католичество — «вера варяжская»).

Редактирование «Повести временных лет» было, вне всяких сомнений, тенденциозным. Новгородско-варяжская концепция редактора 1118 г. сказывалась во всем и окрашивала дошедший до нас текст определенным образом.

Уже для А. А. Шахматова (1908 г.), М. Д. Приселкова (1923 г.) и Н. М. Никольского (1930 г.) была вполне ясна эта тенденциозность. Забвение о ней может явиться серьезной методической ошибкой и привести к ложным построениям.

Второй пример методической спорности может быть приведен из области социально-политической структуры Древней Руси.

Сопоставление данных VI—VII вв. (то есть безусловно «доваряжского» периода) с данными XII в. показывает нам, что кратковременный период существования в Восточной Европе варяжских отрядов никак не сказался на устойчивых общностях, просуществовавших несколько столетий.

Методически неправильно сосредоточивать внимание только на том узком отрезке времени, когда в летописях упоминаются варяги; это лишает возможности понять сущность и конкретные формы исторического процесса в целом.

Спорными долгое время были вопросы об эволюции социально-политического строя древних славян. В настоящее время твердо установлено, что земледелие в районе основного ядра Киевской Руси насчитывало к моменту возникновения государства свыше 3 000 лет.

При изучении социально-политической структуры очень важно обратить внимание на исторические судьбы союзов племен (летописных «княжений»), сложившихся задолго до появления варягов.

Летописные «племена» (Радимичи, Древляне, Кривичи и др.) всегда привлекали внимание историков как с географической стороны (Е. В. Барсов, М. К. Любавский и др.), так и со стороны их политической структуры. Давно уже выявилась тенденция рассматривать их как первые политические объединения нескольких «колен» (Н. И. Хлебников, Н. И. Костомаров, С. М. Середонин и др.).

А. А. Спицын впервые распределил археологический материал IX—XIII вв. между летописными объединениями, что позволило в дальнейшем уточнить границу их территорий (Ю. В. Готье, А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков и др.).

Дискуссия 1937 г. о «расселении древнерусских племен по археологическим данным» выявила, что летописные «племена», земли которых совпадают с ареалами определенных типов археологических вещей, следует рассматривать как союзы племен (П. Н. Третьяков). Удалось по

деталям погребального обряда IX—XII вв. определить первичные племена, из которых сложились союзы Радимичей и Вятичей (Г. Ф. Соловьева). Каждый союз включал 8—10 племен, что соответствует, например, союзу Лютичей или союзу Бодричей. Некоторые союзы племен удалось проследить вплоть до VI—VII вв. н. э., как, например, союз лесостепных племен под гегемонией Руси, союз Кривичей, союз Словен Новгородских.

Археологические ареалы курганных вещей XI—XII вв. в значительной мере совпадают с теми политическими границами, которые установились к середине XII в. (более ранние изменчивые границы не отразились), в период кристаллизации феодальных земель-княжеств, на которые окончательно распалась Русь. Правильно истолковать это совпадение можно, только рассмотрев весь процесс возникновения феодальной раздробленности.

В развитии феодализма всегда сосуществуют сеньориальное, вотчинное начало и начало домениальное. В русских условиях процесс формирования и развития сеньории «земских бояр» проходил, почти не отражаясь в источниках.

Особенностью русского княжеского домена в XI — первой половине XII в. было совместное владение им всеми членами княжеской династии. Это было сопряжено с переделами, постоянными переездами князей из города в город, спорами и усобицами. Попытки князей урегулировать свои взаимоотношения (съезд в Любече в 1097 г.) были безуспешны.

Развитие производительных сил привело в XI—XII вв. к усилению значения ряда старых русских городов, в которых группировалось земское вотчинное боярство. Боярство было заинтересовано в «строе земельном», в организации власти на местах, в прекращении княжеских переездов.

В первой половине XII в. при активном вмешательстве боярства происходит создание земель-княжеств, удовлетворявших этим требованиям. От центра каждого княжества было 3—4 дня пути до его границ; в каждом крупном городе появились свои князья — родоначальники династий, владевших этим княжением. Все это содействовало дальнейшему расцвету культуры отдельных княжеств.

Количество новых княжеств XII в. и площадь их территории примерно совпадают с количеством племенных союзов более раннего времени. Старые центры племенных союзов стали центрами новых феодальных княжеств (Смоленск, Полоцк, Муром, Новгород и др.). Сопоставление карты племенных союзов с картой феодальных земель-княжеств XII в. приводит к следующему:

а) «Русский союз племен» к этому времени был поделен на три части, соответственно трем древним центрам Руси (Киев, Чернигов, Переяславль).

б) Территория Древлянского союза племен, долго враждовавшего с Полянами, окончательно вошла в состав Киевского княжества.

в) Территория Радимичско-Вятичского союза и Северянского союза племен вошла первоначально в состав Черниговского княжества; в середине XII в. Северская земля оформилась в самостоятельное княжество.

г) Волынское княжество надо сопоставлять с древней землей Волынян, Полоцкое — Полочан (маленькой федерации, выделившейся из Кривичского союза племен), Турово-Пинское, очевидно,— с землей Дреговичей; основное ядро Новгородской республики — с землей Словен.

д) Галицкое княжество, возможно, являлось землей древних Белых Хорватов, а южные владения галицких князей включали разбитые кочевниками в XI в. остатки Тиверцев и Уличей.

е) Северо-восточные княжества (Суздальское, Муромское, Рязанское) являются единственным нарушением преемственности, что объясняется процессом колонизации этих земель славянами из Кривичского и

Вятичского союзов. Тем не менее в основе княжеств XII в. и в данном случае лежат древние племенные союзы, но не славянские, а чудские: Мерянский, Муромский и, быть может, Эрзянский (?).

В эпоху единой Киевской Руси, стоявшей между древними племенными союзами VII—IX вв. и позднейшими обособленными княжествами XII в., мы наблюдаем внимание центральной власти именно к тем городам, которые были раньше центрами племенных союзов, а впоследствии стали столицами княжеств. Владимир Святой разместил сыновей в качестве своих посадников следующим образом: Древлянская земля, Полоцк, Смоленск, Владимир-Волынский, Новгород, Псков, Ростов, Муром, Туров, Тмутаракань.

Псков был, возможно, центром северо-западных Кривичей после распада всего союза на три части. Тмутаракань, форпост на юге,— единственное исключение. Не было сыновей-посадников в земле Радимичей и Вятичей и в землях Тиверцев и Уличей (занятых к этому времени печенегами).

Правнуки Владимира в 1097 г. делили между собой те же самые города, которые при Владимире были административными центрами.

Названия племенных союзов («своих княжений») известны нам по русским, византийским, арабским и хазарским источникам на протяжении трех или четырех столетий. Эти названия сохранены нам разными летописцами XI и XII вв., церковными писателями XI—XIII вв., «Русской Правдой». Часть наименований исчезла из живой речи XI—XII вв. (Уличи, Тиверцы, Хорваты, Бужане), что объясняется историческими условиями. Большая часть названий племенных союзов сохранилась в живой речи русских людей XII в. как привычные географические понятия, не требовавшие никаких пояснений.

Единство терминологии в разных источниках и длительность ее бытования (Волынь, Северская земля — до XVII—XX вв.) свидетельствуют об устойчивости территорий племенных союзов.

Летописные названия Древлян, Радимичей, Кривичей, Северян и др. были так же устойчивы, как и археологические ареалы; и те и другие устояли в феодальных бурях XI — середины XII в. и не подвергались тем мгновенным изменениям, которым были подвержены шаткие рубежи княжеских «волостей», размеры которых менялись в зависимости от военной удачи той или иной кампании.

Союзы племен — устойчивые общности, бывшие в свое время высшим пределом организационной структуры родо-племенного строя — не исчезали совершенно при появлении феодальной формации. Земли племенных союзов были, очевидно, первой формой административного деления Киевской Руси, и впоследствии именно по их рубежам раскололась Русь в XII в., когда полтора десятка княжеств (равных западным королевствам) заменили собой единую раннефеодальную монархию.

Использование археологических материалов XII в. показало, что общность, достигнутая в дофеодальное время, не исчезала, а продолжала существовать во все время княжеских усобиц и быстрой смены границ временных княжеских владений. Общность культуры оказалась более устойчивой. Совпадение княжеств XII в. с племенными союзами одинаково интересно и для истории последней стадии первобытного общества и для истории феодальной раздробленности XII века.

Варяги-норманны не имели никакого отношения ни к первичному процессу формирования союзов племен в VI—VII вв., ни к сохранности и устойчивости феодальных политических границ X—XII вв., ни к той культурной общности, которая наблюдается внутри этих границ, ни к объединению этих областей воедино. Той силой, которая объединяла отдельные союзы племен, был Русско-Полянский племенной союз, возникший в наиболее развитой области, в Среднем Приднепровье, окрепший в успешной борьбе с аварами и хазарами, ставший известным под именем

«Рос» на Ближнем Востоке уже в VI в. н. э. и постепенно вовлекший в свою орбиту Древлян, Дреговичей, Северян, Полочан и даже Словен Новгородских.

Историческая роль варягов в русской истории во много раз меньше, чем роль печенегов или половцев, и меньше, чем роль норманнов в истории Англии и других приморских стран.

Уже во второй половине X в. варяги были переведены из положения «находников» в положение простых наемников.

Киевское государство (равно как и Великоморавское) создалось в результате внутреннего процесса классообразования. Варяги не могли ни ускорить, ни существенно задержать этот процесс.

На приведенных выше двух примерах мы стремились показать, что главными спорными вопросами являются вопросы методики использования имеющихся в нашем распоряжении исторических источников.

В русских летописях, остающихся основным материалом для суждения о начале Руси, очень явно ощущается проваряжская тенденциозность, забвение которой приведет к серьезным ошибкам.

Второй пример показывает нам необходимость широкого, синтетического изучения явлений, связанных с государственностью, и глубокую древность отдельных ее элементов.

Забвение этого условия также повлечет за собой искажение исторического процесса.

Совместные усилия всех ученых, интересующихся Древней Русью, должны быть направлены на уточнение методов анализа и синтеза.

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ В XI—XV веках *

Член-корреспондент АН СССР А. В. Арциховский

Это сообщение основано главным образом на материалах археологических раскопок в Новгороде, которые ведутся автором с 1929 года. С тех пор как в 1951 г. здесь были найдены первые берестяные грамоты, раскопки значительно расширены. О результатах археологической экспедиции в Новгороде автор докладывал на X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 году. За прошедшее время были сделаны важные открытия и на их основе расширены наши представления по истории Новгорода.

Представления о своеобразии русского исторического процесса были связаны с отрицанием ремесленного характера русских средневековых городов. Многие историки утверждали, будто эти города были только торговыми или административными центрами. Поскольку для других стран Европы и Азии ремесленный характер средневековых городов был общепризнан, Россия, в представлении этих историков, была странным исключением, и с этим связывались ее дальнейшие судьбы.

Открытые при раскопках в Новгороде многочисленные ремесленные мастерские позволяют утверждать, что значительную часть населения города составляли ремесленники. Новгород был, конечно, важным торговым и административным центром, но основой его экономики являлось ремесленное производство. В результате раскопок собрана самая большая в мире коллекция всевозможных средневековых орудий труда и ремесленной продукции. Изучение путем спектрального и структурного анализов найденных при раскопках предметов из черного и цветного металла помогло решить вопрос о специфике производственной деятельности городских и деревенских кузнецов. Прежде (до этих исследований) было принято считать, что существенных различий между ними в отношении продукции не было. Теперь Б. А. Колчин (заместитель начальника Новгородской археологической экспедиции) доказал, что деревенские кузнецы применяли, как правило, только простую ковку и сварку железа, а городские кузнецы уже знали различные приемы выделки высококачественных стальных изделий: многослойную сварку, наварку лезвий, изготовление цельной стали, цементацию. Поэтому деревенские кузнецы делали сошники, лопаты, стрелы, крючки, гвозди, скобы, огнива, сковороды, котлы, подковы и т. п. Городские кузнецы производили, кроме того, косы, серпы, ножницы, топоры, скобели, сверла, напильники, мечи, копья, кинжалы и многое другое. Различаются также изделия деревенских и городских ювелиров. Развитие русских средневековых городов в значительной степени было связано с изготовлением стальных изделий для сельского хозяйства и феодального войска. Следовательно, город в то время был необходим для деревни.

Вкратце следует рассказать о берестяных грамотах, изучение которых позволяет сделать некоторые важные исторические выводы. Ука-

---

* Сообщение на XI Международном конгрессе исторических наук.

занные грамоты — источники совершенно нового типа: до 1951 г. они не были известны. За девять лет (1951—1959) их было найдено 375. Более поздние по палеографическим признакам грамоты неизменно залегали в поздних слоях, а более ранние — в ранних. Культурный слой данного городского участка равномерно насыщен берестяными грамотами, которые лежат обычно там, где они были утеряны или выброшены новгородцами, подобно тому как теряются или выбрасываются бумаги в настоящее время. Хронология найденных в ходе раскопок грамот устанавливается в основном двумя способами: стратиграфическим и палеографическим. Весьма важно, что стратиграфические и палеографические даты неизменно совпадали. В науке, как известно, всегда важна взаимная проверка выводов, полученных разными способами. Самые поздние берестяные грамоты, найденные Новгородской археологической экспедицией, относятся к XV в., самые ранние — к XI веку.

При продолжении раскопок можно найти несколько тысяч новгородских берестяных грамот. Берестяные грамоты найдены уже в Смоленске, Пскове, Витебске. Кроме того, можно с уверенностью сказать, что подобные грамоты будут обнаружены при раскопках и в других странах, по крайней мере на территории Северной Европы. Тем самым количество письменных источников по истории средних веков (а оно считалось величиной неизменной) безгранично увеличится, что откроет новые перспективы для исторических исследований.

Большинство найденных берестяных грамот — частные письма, о существовании которых в средневековой России до раскопок в Новгороде вообще ничего не было известно. Многие грамоты являются хозяйственными документами. Встречаются жалобы, адресованные правительству и высшим государственным должностным лицам. Имеются также юридические документы, школьные записи, шуточные тексты и др. Поскольку о части найденных грамот уже говорилось в докладе автора на X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г., здесь пойдет речь только о новых находках.

Берестяные грамоты свидетельствуют о широком распространении в Новгороде грамотности. Почти все их авторы и адресаты — люди светские, притом не только богатые, но и бедные, не только мужчины, но и женщины. Гипотеза о том, что при написании грамот прибегали к услугам наемных писцов, опровергается как содержанием многих грамот, так и выражениями, встречающимися в них.

При таком сравнительно высоком уровне школьного образования у отдельных лиц неизбежно развивалась охота к чтению. Например, автор одного письма (XIV в.) просил человека, которого он называет своим другом, прислать ему «чтения доброго», то есть интересную книгу. Широкое распространение грамотности служит важным признаком расцвета городской культуры. Здесь нет места, чтобы подробно рассказать о найденных при раскопках школьных пособиях или о школьных упражнениях по письму новгородского мальчика Онфима (рубеж XII—XIII вв.), который выполнял задание по чередованию согласных с гласными, и о его типично детских рисунках (он изображал свои будущие военные подвиги).

Новгород вовсе не был городом торговцев, хотя многие историки и писатели ранее представляли его именно таким. Населяли город не столько торговцы, сколько ремесленники, и управляли им феодалы, а не торговцы. Но, конечно, торговля имела там большое значение, и раскопки убедительно это показали. Найдены были предметы, привозившиеся из разных стран. Многие берестяные грамоты также свидетельствуют о развитии торговли, а в ряде случаев и ростовщичества.

Политический строй Новгорода может быть изучен по летописям

и по государственным актам, сохранившимся в архивах. Но и здесь раскопки дали новые материалы. Этой темы касаются берестяные грамоты, важными источниками являются и свинцовые печати, постоянно находимые при раскопках.

Борьба горожан за городские вольности привела к установлению республиканского строя в Новгороде. Произошло это в два этапа. После переворота 1136 г. верховной властью в городе стало собрание граждан — вече, главой правительства — выборный посадник, но власть князя, хотя и сильно ограниченная, все же сохранилась. Затем на протяжении полутора столетий в Новгороде существовал строй, основа которого выражена в словах посадника Твердислава, сказанных им в 1218 г. на вече: «А вы, братья, в посадниках и в князьях вольны». Такое положение сохранилось вплоть до рубежа XIII—XIV веков. С начала XIV в. Новгород уже обходился без князей. Ни в XIV, ни в XV в., то есть до времени падения Новгородской республики, князей в нем не было.

Новгород признавал своим верховным феодальным сюзереном великого князя, сначала тверского, потом в течение полутораста лет московского. Но эти князья даже не посещали Новгорода, и верховенство их над городом было номинальным. Подобным же образом средневековые республики Германии и Италии признавали верховенство императора Священной Римской империи.

Сохранившиеся в архивах новгородские государственные акты XII—XIII вв. были написаны от имени князя, посадника, тысяцкого и всего Новгорода. Акты XIV—XV вв. писались уже только от имени посадника, тысяцкого и всего Новгорода. О князе в этих документах нет и речи. Часто упоминается в актах архиепископ, но он тоже выбирался на вече. Вопреки утверждениям многих историков, новгородским войском командовали не князья, а посадники. Об этом неоднократно говорят летописи.

Новгородскому посаднику подчинялась огромная территория Новгородского государства протяженностью в тысячи километров. Ни одна средневековая республика в Европе не имела таких пространных владений. Впрочем, эта территория была мало заселена. На новгородских монетах был изображен, как теперь доказано, не князь, а олицетворение Новгорода — София (ангел мудрости). На них имеется надпись «Великий Новгород», тогда как на монетах русских княжеств всегда выбивались имена князей. Постоянно находимые во время раскопок в Новгороде свинцовые печати приводят к тем же выводам. Печати XI—XIII вв. в большинстве своем княжеского происхождения. Судя по именам, они принадлежали именно тем Рюриковичам, которые, по словам летописи, княжили в Новгороде. Новгородских княжеских печатей XIV—XV вв. не найдено. Изредка встречаются при раскопках в Новгороде печати московских великих князей, ничем не отличающиеся от находимых в Москве. Зато от XIV и XV вв. дошло до нас много печатей новгородских посадников, тысяцких, тиунов, архиепископов и архиепископских наместников. Встречаются иногда и печати отдельных бояр, занимавших, очевидно, государственные должности. От XV в. дошли до нас и печати пяти новгородских концов (Новгород состоял из пяти самоуправляющихся районов, называвшихся «концами»). К XV столетию относятся и найденные при раскопках государственные печати республики с надписью «Печать Новгородская» или «Печать Великого Новгорода».

Новгород был аристократической республикой. Вече, несмотря на свой демократический состав, выбирало на высшие государственные должности посадника и тысяцкого представителей немногочисленных боярских семей. Но кем были эти новгородские бояре? Прежде многие историки считали их купцами. Это опровергается сравнительным

изучением разных письменных источников конца XV века. Во II Софийской летописи сохранился полный список новгородских бояр 1475 года. Вскоре после этого Иван III конфисковал все их земельные владения. Эти имения были затем описаны московскими писцами в писцовых книгах конца XV столетия. Сопоставление данных летописи и писцовых книг доказывает, что все бояре были крупными землевладельцами, так же как и все крупные землевладельцы — боярами. Никаких сведений об участии бояр в торговле имеющиеся источники не содержат. Новгородские купцы составляли особое сословие. Во главе Новгородской республики стояли феодалы, владельцы огромных вотчин и профессиональные полководцы. В летописях много говорится о военной деятельности всех новгородских посадников и бояр.

Берестяные грамоты содержат новые данные для социальной характеристики новгородских бояр. В частности, найдено около тридцати грамот, связанных со знатнейшим боярским родом. Есть среди них грамоты, адресованные посаднику Онцифору (середина XIV в.), одному из наиболее интересных деятелей новгородской истории. Другие грамоты адресованы его сыну, посаднику Юрию Онцифоровичу, затем сыну Юрия, Михаилу Юрьевичу (он не был посадником, но носил, оказывается, аристократический титул «посадничий сын») и, наконец, сыновьям Михаила. Все эти грамоты рассказывают о делах крупного феодального хозяйства. Ни в одной из них нет ни слова о торговле. Это тем выразительнее, что другие берестяные грамоты (не связанные с боярством) касаются вопросов торговли. Новгородских бояр ни в коей мере нельзя считать торговцами.

Две из найденных берестяных грамот позволяют представить существовавшую в то время феодальную иерархию. В них речь идет об отношениях между крупными и мелкими феодалами, сюзеренами и вассалами. Сюзереном, судя по содержанию одной грамоты, являлся посадник Андрей Иванович (он не имел отношения к роду Онцифора, но тоже был знатным боярином), по тексту другой грамоты им был вышеупомянутый Михаил Юрьевич.

Грамоты подтверждают мнение тех историков, которые считали, что крестьяне в Новгороде еще не были полностью закрепощены. Грамота, адресованная Андрею Ивановичу, позволяет сделать вывод о свободе перехода крестьян от одного феодала к другому. В другой грамоте крестьяне заявляют протест Михаилу Юрьевичу против передачи их владельцу, в подчинении у которого они не хотели быть. Однако феодальная эксплуатация уже достигала в указанный период значительных размеров. В грамоте, адресованной тому же Михаилу Юрьевичу, его слуга сообщал, что крестьяне разбежались из-за чрезмерных податей. Есть жалобы крестьян на ключников (управляющих имениями). В одной из этих жалоб (XIV в.) крестьяне писали Юрию Онцифоровичу, что ключник их не защищал, разорял, обкрадывал и не разрешал выезжать из вотчины. Они просили прислать им нового ключника, который, по их словам, должен быть «смирным человеком». В противном случае крестьяне угрожали уходом. Это был прямой протест против эксплуатации. Вообще в ходе раскопок уже найден ряд грамот, составленных коллективами крестьян.

Однако необходимо отметить, что при всем обилии грамот, связанных с боярским хозяйством, в их число не входят многие грамоты, тоже касающиеся вопросов сельского хозяйства. Если произвести тематическую классификацию всех найденных берестяных грамот, то окажется, что сельскохозяйственная тематика в них преобладает. Это обстоятельство несколько неожиданно для города. Значение боярских хозяйств в жизни Новгорода было, несомненно, велико, но этого все же недостаточно, чтобы объяснить такое преобладание сельскохо-

зяйственной тематики. К тому же сами жители Новгорода непосредственно земледелием не занимались. В отличие от жителей некоторых других средневековых городов они не пахали землю. Сошники, найденные при раскопках в Новгороде, не имеют на себе никаких следов пахоты. Эти сошники были изготовлены новгородскими кузнецами для продажи. Если бы новгородские граждане пахали сами, неизбежны были бы находки при раскопках сработанных сошников. Показательно, что серпов в культурном слое Новгорода найдено очень мало, зато кос попадалось много. Следовательно, новгородские горожане не пахали и не жали, но они сами косили сено для своего скота.

Обилие грамот с сельскохозяйственной тематикой, найденных при раскопках в Новгороде, можно объяснить лишь тем, что значительную прослойку населения Новгорода составляли феодалы, не только крупные (которых было, конечно, немного), но и мелкие. Благодаря берестяным грамотам стали известны имена многих мелких феодалов. Адресованные им и боярам письма различаются между собой по форме обращения.

Найдено также много списков, в которых дан перечень феодальных повинностей, иногда очень подробный. Обычно повинности взимались рожью, но часто и другими продуктами. С просьбами о получении льгот при взимании повинностей крестьяне обращались не только к крупным феодалам, но и к мелким. В одной из таких просьб крестьяне жаловались, что голодают из-за раздоров между землевладельцами.

В некоторых берестяных грамотах сообщаются факты, свидетельствующие о существовании барщинного хозяйства, в котором все работы велись по распоряжениям господина; другие грамоты рассказывают о хозяйстве, основанном на ренте, взимавшейся продуктами. Такой вид хозяйства для Новгородской земли был типичным.

В одной из грамот, адресованной мелкому феодалу, речь шла о крестьянине, которого вотчинник согнал со своей земли. Изгнание земледельца вотчинником — явление, закономерное для раннего русского феодализма.

Судя по содержанию берестяных грамот, многие мелкие феодалы постоянно жили в Новгороде. Они были гражданами города и наряду с ремесленниками и купцами являлись участниками народного собрания, новгородского веча. В свои имения (а некоторые из них находились очень далеко от Новгорода) вотчинники приезжали только иногда, осуществляя постоянную связь с ними путем переписки. Берестяными грамотами, содержащими эту переписку, и насыщены новгородские культурные слои.

В начале данного сообщения утверждалось, что многие историки преувеличивали своеобразие русского феодального города и прежде всего недооценивали ту роль, которую играло в нем ремесленное производство. Но некоторое своеобразие все же нельзя отрицать. Оно вырисовывается теперь довольно отчетливо. В средневековом городе России феодалы имели большее значение, чем в западноевропейском городе. Преобладание крупных феодалов в правительстве Новгородской республики было, вероятно, связано с наличием среди горожан многочисленной прослойки мелких феодалов.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОТСТАВАНИЯ РАЙОНОВ ОРОШАЕМОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К СЕРЕДИНЕ XIX века

И. Е. Шалашилин

В буржуазной исторической литературе широко распространены концепции, суть которых сводится к утверждению, что народы Востока до соприкосновения с народами буржуазной Европы на протяжении всей своей истории переживали своеобразный азиатский феодализм, характерной особенностью которого являлись абсолютная неподвижность, бесперспективность общественного развития. Основываясь на такого рода «теориях», буржуазные историки Запада пытаются представить порабощение, беспощадный грабеж и колониальную эксплуатацию народов Азии, Африки и Латинской Америки империализмом как единственный выход из тупика, в котором они якобы находились. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин показали, что на Востоке действовали те же основные закономерности, по которым шло развитие и европейских стран, что народы Востока, как и народы Европы, прошли и проходят в общем одни и те же ступени общественного развития.

В этой связи представляет большой научный интерес изучение исторически сложившегося социально-экономического, политического и военного отставания некоторых стран Востока, которое сыграло решающую роль в превращении их в объект колониальной эксплуатации буржуазных государств Запада.

Однако указанное отставание в общественном развитии народов Востока нельзя возводить в абсолют, трактовать как полную неподвижность; оно имело относительный характер, и его следует понимать лишь как крайне замедленное развитие. Каждый народ в силу действия объективных экономических законов раньше или позже может своими внутренними силами преодолеть полосу относительного застоя и перейти в высшую, более прогрессивную формацию. Колониальное порабощение народов зарубежного Востока в общем сильно затормозило их движение по пути общественно-экономического прогресса. Народы Средней Азии после включения их в состав России также стали объектом колониальной эксплуатации. Однако, приобщившись к русскому революционному движению, в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции они сделали громадный скачок в своем развитии, превратившись в передовые социалистические нации.

В начале второй половины XIX в. у народов Средней Азии господствовал феодальный способ производства, который, несмотря на свои специфические черты, в главном, основном был тем же феодализмом, который в различных формах пережили и народы Европы. Господствовавший здесь феодальный экономический строй был одним из конкретных проявлений тех «бесконечных вариаций и градаций» одного и того же экономического базиса, на которые указывал К. Маркс и которые, как

он предупреждал, можно понять лишь при помощи анализа конкретных внутренних и внешних условий развития каждого народа [1].

Всякое преувеличение особенностей существовавшего в районах орошаемого земледелия феодального способа производства ведет к возрождению справедливо раскритикованной в свое время теории «азиатского способа производства», главная ошибка которой заключалась в отрицании того, что народы Востока прошли одни и те же ступени развития, развивались по тем же законам, что и народы Европы.

Отдельные советские историки до недавнего времени высказывали мнение, будто к моменту присоединения к России Средняя Азия находилась в состоянии абсолютного застоя [2]. Подобная точка зрения не верна теоретически и находится в противоречии с историческими фактами. Упадок, наблюдавшийся в Средней Азии, во второй половине XVIII в. сменился заметным подъемом, охватившим многие стороны общественной жизни. Он выразился не только в восстановлении ряда старых, но и в постройке новых крупных ирригационных систем. В Кокандском ханстве именно в это время приступили к использованию вод Нарына и Кара-Дарьи для орошения. Восстанавливались старые и строились новые оросительные каналы также в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. В результате значительно расширились площади орошаемых земель, что создало реальные возможности для перехода части кочевого населения к поливному земледелию. Развитие ремесленного производства и торговли нашло свое выражение как в росте старых городов (Бухара, Самарканд, особенно Ташкент) и превращении маленьких городов в большие (Андижан, Наманган, Коканд), так и в возникновении новых городов (Катта-Курган, Чимкент и др.), ставших значительными торгово-ремесленными центрами. Развивавшиеся товарно-денежные отношения привели к возникновению низших форм капиталистического хозяйства (простой кооперации и мануфактуры). Большинство мелких враждовавших друг с другом феодальных владений, существовавших в XVII—XVIII столетиях, к середине XIX в. были объединены в составе трех ханств. Однако процесс их централизации тогда еще не завершился: внутри каждого ханства имелись отдельные полузависимые бекства, борьба за полное подчинение которых продолжалась.

Известное влияние на ускорение темпов развития Средней Азии оказывали и усиливавшиеся экономические связи с Россией. Внешняя торговля Средней Азии с Россией, существовавшая с древних времен, в начале второй половины XIX в. достигла значительного развития. Если в 1758—1760 гг. Средняя Азия ежегодно вывозила в Россию товаров на 250 тыс. руб., а ввозила на 288 тыс. руб. серебром, то за 1863—1866 гг. из Средней Азии в Россию было вывезено товаров на 25,4 млн. рублей [3]. Основными предметами вывоза (86%) были хлопок, пряжа, изделия из хлопка. Средняя Азия еще до ее присоединения к России превратилась в крупного поставщика хлопкового волокна для капиталистической текстильной промышленности России. Подавляющая часть других вывозимых товаров также представляла собой сырье для промышленности (шелк-сырец, шерсть, кожи, краски). За эти же годы (1863—1866) из России в Среднюю Азию было вывезено различных товаров на сумму 20,5 млн. рублей [4]. Первое место среди них занимали изделия текстильной промышленности России (70%). В Среднюю Азию

---

[1] См. К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1955, стр. 804.

[2] Так, А. Ф. Якунин в своей лекции «Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX в. Присоединение Средней Азии к России» (М. 1954) пишет, что во второй половине XIX в. «экономическое и политическое развитие самих среднеазиатских государств зашло в тупик... развитие производительных сил остановилось» (стр. 21).

[3] «Военно-статистический сборник». Вып. III. СПБ. 1868, стр. 94, 114, 137.

[4] Там же, стр. 95, 115, 138.

вывозились также металлы и металлические изделия, кожи и кожевенные товары, сахар. Таким образом, Средняя Азия становилась важным рынком сбыта для развивавшейся капиталистической промышленности России.

При освещении истории Средней Азии накануне ее присоединения к России отдельные авторы обычно ограничиваются констатацией самого факта отставания или застойности ее развития. В данной статье сделана попытка вскрыть некоторые из главных причин, замедлявших и без того свойственные феодализму медленные темпы развития районов орошаемого земледелия Средней Азии [5].

★

Решающую причину крайне медленного развития этих районов, на наш взгляд, необходимо искать не в общих чертах, характерных для феодализма вообще, а в особенностях существовавшего здесь феодального способа производства, в первую очередь в специфике производственных отношений. Один и тот же тип производственных отношений в разных странах имеет свои особенности, которые порождаются разнообразием конкретных внутренних и внешних условий развития. Присущие производственным отношениям отличительные черты, в свою очередь, оказывают активное воздействие на развитие всех сторон общественной жизни, тормозя или ускоряя его.

В рассматриваемый период в районах орошаемого земледелия господствовал феодальный способ производства, хотя и продолжали еще сохраняться остатки рабовладельческого хозяйства, особенно в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате. В то же время налицо были ростки новых, капиталистических отношений. Специфика господствовавшего в этих районах феодального экономического строя накладывала отпечаток на все стороны развития существовавшей здесь общественной формации, тормозя, по нашему мнению, ее развитие. Здесь имелись три вида феодальной собственности на ирригационные системы, воду и землю: государственная, вакуфная и мильковая (частная).

Сущность государственной формы феодальной собственности заключалась в том, что основная часть возделывавшихся крестьянами земель (называвшихся амляковыми и хараджными) находилась в непосредственной собственности государства. Выражалось это в том, что ренту, совпадавшую на этих землях с налогом, взимало с крестьян государство, сдавая ее сбор в отдельных районах откупщикам. Специальный налоговый аппарат ежегодно учитывал площади под культурами, засевавшимися каждым крестьянином, определял предполагавшийся урожай, устанавливал для каждого хозяйства размер ренты-налога и обеспечивал поступление последнего в государственные хранилища и казну. Свое право распоряжаться рентой организованно в масштабе всего государства класс феодалов реализовал также путем предоставления отдельным феодалам права сбора его в свою пользу в течение определенного времени с той или иной группы населения. В Бухарском эмирате и Кокандском ханстве феодалы получали во владение, как правило, не конкретный участок земли, а право сбора в свою пользу ренты-налога (танхо) с земли, продолжавшей оставаться собственностью государства. Отношения вассалитета, феодальная иерархия, характерные для Западной Европы, на этой категории орошаемых земель в Средней Азии отсутствовали.

Многочисленные документы и ряд исследований по истории аграр-

---

[5] Автор ограничивается освещением развития основных районов орошаемого земледелия Средней Азии (Ферганская долина, среднее и нижнее течение Зеравшана, Хорезм и Ташкентский оазис).

ных отношений в среднеазиатских ханствах[6], по нашему мнению, свидетельствуют о том, что государственная форма феодальной собственности в рассматриваемое время была ведущей, лежала в основе существовавшего здесь феодального базиса. Правда, единой точки зрения по вопросу о месте и роли государственной формы феодальной собственности на ирригационные каналы, воду и землю до сих пор нет. Отдельные историки вообще отрицают эту форму феодальной собственности как категорию, отражающую реальные экономические отношения. П. П. Иванов высказывал в разное время различные точки зрения по этому вопросу. Анализируя аграрные отношения в Бухаре в XVI в., он писал, что государственная феодальная собственность не отражала реальных экономических отношений, поскольку «на данной категории земель, составлявших формально собственность верховной власти, между этой властью и непосредственными производителями существовало еще посредствующее звено в лице крупного землевладельца, уже от себя сдававшего государственные земли в держание крестьянам»[7]. Характеризуя земельные отношения, существовавшие в Бухарском ханстве в первой половине XIX в., П. П. Иванов указывает: «Аграрный строй Бухары, как и других среднеазиатских ханств, продолжал в основных чертах сохраняться в том виде, в каком он определился уже в XVI столетии. Все земли по признаку принадлежности по-прежнему делились на три основные категории: государственные (мемлеке, амляк, падшахи), частновладельческие (мульк, мильк) и вакуфные. Определить удельный вес каждой из указанных категорий земель в рассматриваемый период не представляется возможным, однако не подлежит сомнению, что преобладающая роль принадлежала землям государственным»[8].

Отмечая, что большая часть земель во всех трех ханствах принадлежала феодальному государству, авторы «Истории Узбекской ССР» тем самым признают, что эта форма феодальной собственности являлась преобладающей[9]. Такой же точки зрения придерживаются К. М. Мирзаев, О. Д. Чехович и другие. И. С. Брагинский, опираясь на выводы П. П. Иванова, высказанные им в книге «Хозяйство джуйбарских шейхов», утверждает, что государственная собственность на землю в Средней Азии существовала лишь «номинально» и что эта форма феодальной собственности в сочетании с тем, что крепостничество юридически отсутствовало, «лишь прикрывала факт наличия крупного землевладения, сосредоточенного в руках феодалов»[10]. Далее он делает вывод, что «утверждение, будто спецификой феодализма Средней Азии является преобладание государственного феодализма,— это вредная идеализация», так как, по его мнению, в этом случае «от феодализма не остается и следа»[11].

Необходимую ясность в этот весьма важный вопрос вносят, на наш взгляд, приводимые ниже факты. О наличии государственных земель и экономическом их значении свидетельствуют документы о продаже бухарским эмиром именно этой категории земель в частную собственность.

---

[6] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв. М. 1954; его же. Архив хивинских ханов XIX в. М.-Л. 1940; «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII—XIX вв.». Вып. 1. Ташкент. 1954; В. Л. Вяткин. Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов. Ташкент. 1928; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент. 1957; К. М. Мирзаев. Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954.

[7] П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов..., стр. 33.

[8] П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии. М. 1958, стр. 131—132.

[9] «История Узбекской ССР». Т. 1, кн. 2-я. Ташкент. 1956, стр. 16.

[10] «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент. 1955, стр. 422.

[11] Там же, стр. 430, 564, 565.

В ряде документов указывается, что эти земли приравнивались по своему значению к государственной казне и именно этим юридически обосновывалось право эмира на их продажу. Так, в документе № 21, опубликованном в сборнике по истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, говорится: «Состоялась эта продажа после того, как упомянутые ограниченные (участки) были государственной землей и его величеству... принадлежало по закону право распоряжаться их продажей, поскольку эта государственная земля имеет значение государственной казны»[12]. Идентичная формула, обосновывавшая право эмира на продажу государственных земель, содержится и в документах №№ 11, 12, 40[13]. Отчет, представленный бухарскому эмиру самаркандским беком, в котором сообщалось о собранных в счет ренты-налога свыше 85 тыс. батманов зерновых и более 150 тыс. теньга монетой, говорит о том, что рентой-налогом распоряжалось непосредственно государство. Бек извещал, какую часть из натуральных и денежных поступлений и на какие цели он израсходовал по распоряжению эмира, какое количество зерна продал и сколько денег внес в ханскую казну[14]. Широкое распространение в Бухарском ханстве пожалований танхо (число их в первой четверти XIX в. достигало, по одним источникам, 12 тыс., по другим — 36 тыс.)[15], также свидетельствует об огромных размерах государственного фонда земель, за счет которого эти пожалования производились. Экономическое значение государственной земельной собственности в бывшем Бухарском эмирате подтверждается материалами, собранными Ю. Пославским. По данным водных органов Зеравшанской долины, из общей площади учтенных земель 333,5 тыс. десятин на долю хараджных и амляковых приходилось 203,9 тыс. десятин (61,3%), вакуфы занимали 74,2 тыс. десятин (22,2%), в частной собственности (мильк-и-хурр-и-холис) находилось 53,7 тыс. десятин (16%), остальные 1,7 тыс. десятин (0,5%) являлись личной собственностью эмира[16].

Все эти факты показывают не только существование в Бухарском эмирате государственной феодальной собственности как реального экономического отношения, но и преобладание этой формы собственности. В середине XIX в. аналогичным было положение и в двух других среднеазиатских ханствах — Кокандском и Хивинском[17].

Своеобразие экономического строя в районах орошаемого земледелия на рассматриваемой ступени их общественного развития в значительной степени было связано с условиями географической среды, в которых протекало производство, а главное, с порожденными этой средой условиями труда. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что в районах орошаемого земледелия именно почвенно-климатические условия сделали основой земледелия искусственное орошение. Как показали археологические исследования на территории Хорезма, Южной Туркмении, Ферганы и Зеравшана, с древнейших времен необходимость создания ирригационных систем — сооружений, требовавших коллективного труда всего населения, лежала в основе всей хозяйственной и общественной жизни этих районов. В условиях первобытнообщинного строя строительство и эксплуатация примитивных каналов, орошавших неболь-

---

[12] «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII—XIX вв.» Вып. 1, стр. 104.

[13] Там же, стр. 54, 64, 188.

[14] Л. Н. Соболев. Географические и статистические данные о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа. «Записки РГО по отделу статистики». Т. IV. 1874. Приложение № 6.

[15] П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии, стр. 130.

[16] Ю. Пославский. К аграрному вопросу в Зеравшанской области. Журнал «Народное хозяйство Средней Азии». 1926, № 11—12, стр. 25.

[17] П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в., стр. 18—20; его же. Очерки по истории Средней Азии, стр. 161—162, 186—187.

шие участки земли, были в ведении отдельных общин, использовавших труд свободных общинников. Впоследствии возникла необходимость орошения бо́льших площадей, что можно было сделать только с помощью крупных ирригационных каналов и сооружений. Выполнение больших и сложных работ не только по подаче воды на поля, но и по систематическому поддержанию и расширению ирригационных систем не могло быть осуществлено силами отдельных общин. Потребовалось объединение труда большого числа общин.

С появлением классов и государства распоряжение коллективным трудом общинников по производству оросительных работ стало одной из функций государства. Поскольку последнее выступало организатором ирригационных работ и распределителем подававшейся по каналам оросительной воды, оно присвоило себе право собственности на ирригационные каналы и сооружения, на поступавшую по ним воду и на орошаемые ею земли. За непосредственными производителями-общинниками оставалось лишь право наследственного владения и пользования этой землей. Прежде свободные общинники попали в зависимость от государства. Феодальная форма такой зависимости крестьян от государства выражалась в том, что создаваемый ими прибавочный продукт в виде ренты-налога получало в свое распоряжение непосредственно государство.

Потребность искусственного орошения лишь при определенных социальных и производственных условиях порождала государственную собственность на ирригационные системы, воду и землю. Последняя возникала и существовала только в районах, где для орошения полей требовалось создание сложных и разветвленных ирригационных систем, которые могли бы действовать и действовали как единое водное хозяйство. Создание таких систем, регулирование подачи и распределения поступавшей по ним воды между водопользователями — деревенскими общинами, ремонт и очистка ирригационных каналов и сооружений, их расширение и реконструкция, борьба с паводками, наводнениями, маловодьем и т. д. требовали объединенных усилий большого числа людей, затрат огромного количества материалов и транспортных средств. Например, только на очистку каналов от наносов в Хорезме ежегодно затрачивалось до 1 млн. рабочих дней[18]. По рассказам стариков, записанным Я. Г. Гулямовым, в 1828 г. хивинский хан Аллакули-хан для прорытия нового головного участка одного из крупнейших каналов Хорезма — Палван-Яб — согнал 40 тыс. человек[19].

Совместные, в известной мере планомерные работы по сооружению крупных ирригационных систем и их эксплуатации могли осуществляться лишь при централизованном руководстве. Из бесед со старыми водными специалистами Я. Г. Гулямов установил, что для проектирования новых каналов, реконструкции существовавших, консультаций при организации работ на «великих казу» (очистка головных участков основных каналов) и борьбы с прорывами Аму-Дарьи хивинский хан имел особых государственных мирабов. Эти «мирабы хана» хорошо «владели наукой фариаз (математическими расчетами.— *И. Ш.*) и все строили на бумаге»[20]. В Хорезме головные участки магистральных каналов, осуществлявшие подачу воды водопользователям, целиком находились в распоряжении центрального правительства. На весеннюю очистку трех важнейших каналов Южного Хорезма — Палван-Яб, Газиабад и Шахабад — ежегодно выезжал хивинский хан[21]. Для руководства очисткой

---

[18] В. В. Цинзерлинг. Орошение на Аму-Дарье. М. 1927, стр. 573.
[19] Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 263.
[20] Там же, стр. 266.
[21] Баяни. Шаджара и Хорезмшахи, лл. 218-а, 358-б. Цит. по Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 262.

других каналов хан назначал сахибкара и, кроме того, посылал на место кого-нибудь из высокопоставленных чиновников.

Выступая организатором и руководителем коллективного труда непосредственных производителей по сооружению ирригационных систем, их эксплуатации и распределению воды между водопользователями, господствовавший класс присваивал себе плоды их труда. Феодалы захватывали в свои руки оросительные каналы и сооружения, а наряду с этим водные ресурсы и орошенную землю, обращая их в собственность государства, а иногда и в свою частную собственность. Так, по приказанию хивинского хана Мухаммеда Амина в 1846 г. из Дарьялыка силами крестьян был выведен канал, с помощью которого был орошен большой район. 20 тыс. танапов орошенной земли хан отдал своему сыну Абдула-Тюре, который сдал их безземельным крестьянам-издольщикам за половину урожая [22]. В районе Шейх-Аббаса хивинский хан Сеид Мухаммед (1856—1864 гг.) восстановил старый канал и большую площадь орошенных земель превратил в вакуф [23]. Один из куш-беги Кокандского ханства в середине XIX в., Мусульманкул, получив от хана Худояра ярлык на орошение невозделанных земель, через глашатаев (джарчи) объявил: «Кто хочет получить поливную землю в свое пользование и владение, пусть идет к нему рыть арыки» [24]. Силами собравшихся безземельных и малоземельных крестьян он быстро провел все необходимые работы. Орошенная земля стала его собственностью, он роздал ее крестьянам на условиях издольной аренды, за половину урожая.

Таким образом, в условиях Средней Азии, когда орошение осуществлялось при организующей роли государства, путем сооружения крупных ирригационных систем, последние становились собственностью государства. Даже после того, как ирригационные системы были созданы, непосредственный производитель мог получать воду на свое поле только при том условии, если центральная или провинциальные власти организуют работы по эксплуатации этих систем и распределению воды. Действовавшие ирригационные системы не могли быть, подобно земле, разделены между отдельными хозяйствами. Наоборот, непременным условием получения земледельцем воды для орошения своих посевов являлось сохранение ирригационной системы как единого целого, сохранение общего водного хозяйства, а, следовательно, и государственной феодальной собственности на ирригационные каналы, сооружения и воду. «Принадлежащие всем условия действительного присвоения посредством труда, ирригационные каналы, играющие очень важную роль у азиатских народов..., представляются в этом случае делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами» [25].

Вследствие исключительной роли ирригации в земледелии и при безграничности окружавших районы орошения пустынь и степей земля без воды не могла быть непосредственным объектом собственности, поскольку ее нельзя было возделывать. Неорошенная земля была здесь «ничьей». Она являлась собственностью государства как территория, а не как средство труда, с помощью которого эксплуатировались непосредственные производители — земледельцы. Поэтому, в отличие от орошаемой земли, неорошаемая называлась «мертвой» (мават). При таком положении установление собственности на землю решалось самим фактом ее орошения, что нашло свое отражение и в шариате, представ-

---

[22] Там же, лл. 329—330. Цит. по Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 221.

[23] П. П. Иванов. Удельные земли Сейид Мухаммед-хана Хивинского. «Записки» Института востоковедения АН СССР. Т. VI. М.-Л. 1937, стр. 43.

[24] «История народов Узбекистана». Т. 2. Ташкент. 1947, стр. 146.

[25] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М. 1940, стр. 7.

лявшем собою феодальный кодекс мусульманского Востока. В нем говорилось, что «земля принадлежит тому, кто ее оросил» [26].

Понимая, какое значение для эксплуатации трудящихся и их политического подчинения имеет собственность на воду и на ирригационную систему, феодалы через государство установили строгий контроль за использованием естественных водных ресурсов и строительством оросительных сооружений. Не только непосредственный производитель, но и феодал при желании не мог без разрешения государства оросить какой-либо новый участок земли. Для этого нужно было получить разрешение главы государства. Это было узаконено шариатом, гласившим, что земля может быть орошена только с разрешения главы церкви — имама [27]. Поскольку на Востоке главой церкви фактически часто был хан, то, следовательно, на орошение земли надо было получить его разрешение.

Как указывалось выше, отсюда отнюдь не следует, что в районах орошаемого земледелия, кроме государственной, не существовало других форм феодальной собственности на ирригационные каналы, сооружения, воду и землю. Каналы и сооружения, построенные с разрешения государства светскими и духовными феодалами или пожалованные им вместе с протекавшей по ним оросительной водой, являлись их частной феодальной (мильк-и-хурр-и-холис) или вакуфной собственностью. Построенные силами и средствами общин каналы и сооружения, с помощью которых они получали выделенную им государством или отдельными феодалами долю воды для орошения полей, не становились собственностью общин, а являлись их владением, потому что созданные их трудом ирригационные каналы не давали им права на присвоение прибавочного продукта. Последний присваивался государством или отдельными феодалами, из каналов которых община получала выделяемую ей долю воды. Так же обстояло дело с каналами и сооружениями крестьян, построенными непосредственно ими самими для получения выделяемой каждому из них доли воды из каналов общин. Эти крестьяне продолжали платить ренту-налог государству или ренту — феодалу, а налог — государству. Поэтому они, по существу, являлись владельцами, хотя и наследственными, построенных ими каналов и сооружений, а не их собственниками, подобно тому, как они были владельцами и пользователями земли.

Класс феодалов через государство, а отдельные феодалы, собственники мильковых земель, сами не только устанавливали для каждой общины или крестьянского хозяйства количество получаемой ими оросительной воды, перераспределяли ее между водопользователями, но при желании могли лишать (и лишали!) их этой воды, хотя у этих общин и хозяйств были построенные ими каналы для ее получения. В переписке с каршинским беком, относящейся ко второй четверти XIX в., бухарский эмир неоднократно разъяснял, что вода является собственностью государства. Он писал беку о том, как надлежит распределять воду, и указывал, что «вода находится в руках управителя» [28]. В начале XIX в., в связи с поступившей от жителей селения Карши жалобой на захват выделенной им доли воды другими водопользователями (общинами) той же системы, хан приказал Хаким-беку распределять воду на основании установленных прав, а при пропуске воды в нижние селения лично выезжать на водораздельную плотину, рассматривая распределение воды как самое ответственное дело. При этом в арыки Майманак и Камыши приказано было пропускать по равному количеству воды [29].

---

[26] Хидая. Т. IV. Ташкент. 1893, стр. 102, 103, 108.

[27] Там же, стр. 103.

[28] Проф. Фитрат. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии. «Записки» Института востоковедения АН СССР. Т. 2. Л. 1933, стр. 87.

[29] В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 25.

Имеющиеся факты свидетельствуют, что водными ресурсами бухарский эмир распоряжался как полноправный собственник. Приводя ряд распоряжений эмира (о пропуске всей воды, протекавшей по системе в нижние селения; об экстренном пропуске воды в нижние селения в течение 10 дней; о запрещении расширять посевы выше местности Хиляля, очевидно, в связи с тем, что для этой местности количество воды не предполагалось увеличивать; о привлечении крестьян на земли, расположенные ниже Хиляля, и расширении там посевов ввиду того, что туда «воды придет много»; об увеличении количества выделяемой воды в нижние селения вследствие развития там посевов кунжута; об увеличении количества отпускаемой воды селению Чандыр до двух мельниц [30]; о выделении воды группе хозяйств из рода Чала-Мангытов, которым эмир выделил землю для посева), В. Л. Вяткин делает вывод: «Вообще эмир по своему усмотрению изменял право жителей на воду» [31].

Вода естественных водных источников в Средней Азии была также государственной собственностью. Об этом, в частности, сообщают материалы ревизии Туркестанского края, произведенной в начале XX века. «Распределителем неиспользованных для орошения вод,— указано в отчете ревизии,— всегда был в прежнее время хан или его ставленники, должностные лица» [32].

Право собственности государства на воду проявлялось в форме пожалования главой государства отдельным религиозным учреждениям, представителям духовенства и гражданским лицам того или иного количества воды из ресурсов, которыми пользовались общины. Кокандский хан Мадали в 1834 г. «три с половиной воды из арыка Янги-Арык» сделал вакуфом, на что выдал соответствующий ярлык. Кокандский хан Худояр в 1847 г. в жалованной грамоте (иноят-наме) ишану Султану-Ходже указал, что ишан, кроме полного освобождения от всех податей и сборов, имеет право пользоваться «всего 4-мя мерами воды, из них двумя в селении Дигмат и двумя мерами в нижнем течении арыка Гуля-Кандоз». В XIX в. кокандский хан Мавляхан пожаловал аксакала Карахана исключительным правом собственности на воду из источника Шакар-Булак в долине Паркента: «...Ни одно существо не должно касаться этой воды. Право это должно перейти к его, аксакала, потомкам. Такое пожалование считать священным и ненарушимым» [33].

Яркой иллюстрацией монопольной собственности на воду и вытекавшего отсюда произвола правом распоряжения водными ресурсами не только оросительных систем, но и рек является факт, который наблюдало русское посольство во время его путешествия по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 годах. Однажды это посольство остановилось на ночлег в «несчастном кишлаке», недалеко от которого «возвышались развалины крепости, городских стен и жалкие остатки домов». Причина такого запустения заключалась в том, что, по распоряжению «ханской администрации», «из трех лет в продолжение двух она (деревушка.— *И. Ш.*) не получает ни капли воды из Шарабад-Дарьи (удаленной от нее верст на 15)». Насколько тяжелое впечатление произвел на очевидца этот факт, можно судить по словам, которыми он завершает свое сообщение: «Странное и вместе с тем страшное наказание» [34].

Из всего сказанного выше следует, что искусственное орошение было основой возникновения государственной феодальной собственности

---

[30] Мельница в ряде районов Средней Азии являлась водной единицей.

[31] В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 25.

[32] «Орошение в Туркестане». М. 1912, стр. 450.

[33] Там же, стр. 451.

[34] И. А. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. СПБ. 1882—1883, стр. 89.

на ирригационные системы, воду, а следовательно, и землю лишь тогда, когда создание крупных ирригационных систем, действовавших только как единое водное хозяйство, требовало коллективного труда большого числа людей, которые в феодальном обществе могли быть организованы только государством. В этих условиях орошение способствовало не только возникновению, но и укреплению и длительному сохранению государственной феодальной собственности, потому что для своего постоянного и непрерывного функционирования единая водная система требовала систематического применения коллективного труда большой массы непосредственных производителей.

В середине XIX в. государственная феодальная собственность на крупные ирригационные системы, воду и землю в Средней Азии в силу существовавшего способа производства продолжала быть объективно ведущей формой собственности. Ее наличие позволяло сохранять, обеспечивать непрерывное действие старых и строить новые крупные ирригационные системы, распределять поступавшую по ним воду между общинами. Опираясь на эту форму собственности, существовавшие здесь государства выступали как организаторы труда крестьян по строительству новых ирригационных каналов и реконструкции действовавших, по очистке и ремонту имевшихся систем, забору и распределению воды, борьбе с маловодьем, паводками и т. д. Именно таким путем, в частности в XVIII—XIX вв., были построены крупные ирригационные каналы в Ферганской долине (Шарихан-Сай, наманганский Янги-Арык, Улугнар), с помощью которых началось использование вод Нарына и Кара-Дарьи, поддерживались действовавшие и строились новые крупные оросительные каналы Хорезма и т. д.

Господство государственной феодальной собственности определило и особенности класса эксплуататоров в этих районах. Вершителем судеб являлась правящая верхушка во главе с эмиром или ханом. Подлинным собственником больших водных источников, ирригационных систем и орошавшейся земли являлась ограниченная кучка крупнейших феодалов, в руках которой сосредоточивалась политическая и военная власть. К правящей группе феодалов относилось и высшее духовенство (в собственности у которого находились огромные богатства в виде ирригационных каналов, орошаемых земель, водных источников и другой недвижимости), игравшее большую роль в хозяйственной и политической жизни среднеазиатских государств. На землях, находившихся в государственной собственности, феодалы осуществляли эксплуатацию через посредство государственного, налогового и административного аппарата и военной силы. Для части этого аппарата, игравшей особо важную роль (мирабы, амлякдары и их помощники), были установлены специальные налоги (мираб-она, кафсан, кафсан-даруга). Поборы на содержание остальной части государственного аппарата никем и никогда не регламентировались. Каждый чиновник брал столько, сколько ему удавалось изъять у той части населения, над которой он был поставлен. В условиях, когда государственная феодальная собственность была ведущей, многочисленный чиновничий аппарат до амлякдаров включительно представлял собой низшую прослойку класса феодалов. Используя имевшуюся в их распоряжении политическую власть и предоставленные им возможности эксплуатации, чиновники неизбежно обзаводились участками орошенной земли или другими видами недвижимого имущества и превращались в мелких, а иногда и средних феодалов.

Порожденная условиями труда по орошению земель, государственная феодальная собственность превратилась в руках господствовавшего класса в дополнительный мощный рычаг по усилению экономического и политического господства феодалов. Специфика этих районов заключалась в том, что здесь на государстве и его провинциальных органах

лежало выполнение важнейших работ по орошению земель, без которого земледелие было невозможно. В этих условиях государство выступало организатором жизненно необходимой для населения деятельности. В районах орошаемого земледелия Востока каждая восточная деспотия, по словам Ф. Энгельса, очень хорошо знала, что она прежде всего является совокупным предпринимателем по орошению земель[35]. От того, как выполняло государство свою общественную, необходимую непосредственным производителям функцию по орошению земель, зависела судьба не только производителей, но и класса эксплуататоров, количество присваиваемого им прибавочного продукта и вообще возможность эксплуатировать трудящихся. От этого зависело выполнение государством и других функций, ради которых оно, собственно, и создавалось классом эксплуататоров, а именно: ограбления трудящихся как своей, так и других стран.

Выполнение государством общественно необходимой функции по орошению земель объективно делало в глазах непосредственных производителей в известной мере правомерным господство класса эксплуататоров. «Только просвещенные англичане,— отмечал Ф. Энгельс,— сумели проглядеть это обстоятельство в Индии; они запустили оросительные каналы и шлюзы, и лишь теперь, благодаря регулярно повторяющимся голодовкам, они начинают, наконец, соображать, что пренебрегли единственной деятельностью, которая могла бы сделать их господство в Индии правомерным, хотя бы в такой степени, в какой было правомерно господство их предшественников»[36]. В районах орошаемого земледелия Средней Азии отмеченная Ф. Энгельсом известная правомерность господства класса феодалов, во-первых, обусловливала устойчивое сохранение государственной формы собственности на ирригационные каналы, воду и землю; во-вторых, усиливала экономическую и политическую мощь господствующего класса, чем обеспечивалась устойчивость восточной деспотии; в-третьих, определяла необычайно высокую и притом непрерывно увеличивавшуюся степень эксплуатации крестьян и ремесленников.

В рассматриваемое время происходил противоречивый процесс развития государственной собственности. Как показывают документы об аграрных отношениях[37], государственная собственность постепенно разлагалась. Значительные массивы государственных земель бухарским эмиром и хивинским ханом жаловались и продавались отдельным феодалам и переходили в их собственность. В то же время в соответствии с централизаторской политикой, в целях удовлетворения требований той прослойки феодалов, которая стремилась эксплуатировать крестьян с помощью государства, а также для пополнения доходов казны, расходы из которой увеличивались по мере роста централизованных государств, ханы стремились увеличить доходы казны не только путем введения все новых и новых налогов, но и путем расширения фонда государственных земель, являвшихся основным источником доходов. Фонд государственных земель увеличивался за счет орошения новых земель. Отдельные ханы, например, бухарский эмир Насрулло (1826—1860 гг.), ввели систему яргу (конфискации имущества). По свидетельству Б. Г. Гафурова, Ахмад Дониш считал, что военное сословие, «применяя несправедливость и насилие, наложило лапу на имущество населения». Если кто-либо из ученых-богословов объявлял, что поведение какого-нибудь человека не соответствует шариату, эмир «тут же каким-либо путем приписывал ему преступление и отдавал приказ о конфискации его

---

[35] См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1953, стр. 168.

[36] Там же.

[37] «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII—XIX вв.»; П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в.

имущества...»[38]. В сообщениях Ахмада Дониша не указывается, что подвергалась конфискации и земля. Но весь характер экономических отношений того времени и роль государственной собственности на землю как основного источника государственных доходов говорят о том, что, по-видимому, в первую очередь подвергалась конфискации орошенная земля.

Особенность районов орошаемого земледелия заключалась в том, что в руках государства, кроме обычного аппарата насилия, имевшегося у любого государства классово-антагонистического общества, имелся и такой мощный рычаг воздействия на крестьян, как собственность на ирригационные системы. В хрониках приводится большое число фактов, когда ханы прекращали подачу воды, чтобы подчинить население отдельных оазисов и племен. Особенно богаты такого рода сообщениями хивинские хроники. В 1850 г. хивинский хан Сеид Мухаммед приказал построить плотину на реке Куня-Дарья, чтобы «лишить воды... тех иомутов, которые обитали в устье реки (Дарьялыка) и занимались мятежом и разбоем»[39]. В этом же году по распоряжению хана была построена плотина на Газиабадском канале, которая закрыла поступление воды на пашни иомутов. Вследствие этого последние вынуждены были прекратить сопротивление и выдать заложников. Только после этого вода была вновь пущена на их поля[40]. В 1857 г., после того, как неоднократные карательные походы против туркменских племен, живших в районе Ханабада, потерпели неудачу, Сеид Мухаммед «решил закрыть им воду и этим разорить их хозяйства и рассеять их самих»[41]. С прекращением пропуска воды территория Ханабада была превращена в пустыню; среди туркмен начался голод, и они подчинились хану. Этот метод борьбы с мятежными племенами широко практиковался ханами, и каждый раз после закрытия канала их вожди, «плача и раскаиваясь», приходили к хивинскому хану и соглашались выполнить все его требования[42].

К аналогичным методам прибегали и бухарские эмиры. В конце XVIII в. Шах-Мурад дважды разрушал Мургабскую плотину, чтобы прекратить подачу воды в Мервский оазис и тем принудить к повиновению проживавшее в нем население. После того, как Шах-Мурад вторично разрушил плотину, горожане Мерва восстали против отложившегося от Бухарского ханства правителя Омар-бия и открыли ворота города эмиру[43].

Особенностями господствовавших производственных отношений объясняются и существовавшие в Средней Азии формы внеэкономического принуждения. Господство государственной собственности исключало необходимость прикрепления крестьян к земле. В районах орошаемого земледелия крестьяне даже тогда, когда они обрабатывали земли, находившиеся в частной собственности феодалов, не были их крепостными; феодалы не могли их покупать и продавать. Крепостного права здесь не существовало. Крестьяне были вынуждены обрабатывать государственную землю и платить ренту-налог государству в силу того, что они являлись его подданными. Налоговая зависимость наиболее ярко проявилась в Хивинском ханстве, где даже безземельные крестьяне обязаны были платить государству налог (салгыт) в размере 1 золотой тилля в год[44]. Прикрепление к налоговому тяглу, как основ-

---

[38] Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. Изд. 3-е. М. 1955, стр. 408—409.
[39] «Материалы по истории туркмен и Туркмении». Т. II. М.-Л. 1938, стр. 293.
[40] Там же, стр. 600—601.
[41] Агехи. Гульшен-эд дауля. Рукопись Института востоковедения АН СССР, № 1891, л. 117-б. Цит. по Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 9.
[42] Агехи. Шахид-и-икбал. Рукопись Института востоковедения АН СССР, № С. 572, л. 85-б. Там же.
[43] «История Узбекской ССР». Т. 1, кн. 2-я, стр. 45.
[44] Ор. Шкапский. Аму-Дарьинские очерки. Ташкент. 1900, стр. 133.

ная форма внеэкономического принуждения в районах орошаемого земледелия, несомненно, играло важную роль в подчинении крестьянства. Однако решающее значение имело, пожалуй, не само внеэкономическое принуждение, а большая экономическая зависимость крестьянина от организованного в государство класса феодалов. Это проявлялось, во-первых, в том, что крестьянин как получатель оросительной воды полностью зависел от класса феодалов в целом или от отдельного феодала, которые могли дать или не дать нужную ему для орошения посевов воду; во-вторых, в том, что для этих районов характерным было исключительное малоземелье или даже безземелье основной массы крестьянства, а также пауперизация значительной части городского населения.

Несвойственные для феодальной Европы трудности развития земледелия в орошаемых районах порождались, конечно, и тем, что его основой являлось искусственное орошение, осуществлявшееся с помощью больших и сложных ирригационных систем. На достигнутой в этих районах ступени развития производительных сил строительство ирригационных систем и поддержание последних было сопряжено с большими трудностями. Сооружение их длилось иногда десятилетиями. На пути развития сельского хозяйства стояла такая преграда, как ограничение размеров возделывавшейся земли рамками действовавших ирригационных систем. Строительство и эксплуатация последних зависели полностью от государства, то есть от воли класса феодалов. Всякое ослабление центральной власти сопровождалось обычно упадком ирригации, а следовательно, и орошаемого земледелия и всего общественного производства в целом. Подтверждением является, например, упадок земледелия, ремесла и торговли, обезлюдение ряда старых городов в XVIII в. в Бухарском эмирате, отмеченные В. В. Бартольдом [45].

Изучаемый период в районах орошаемого земледелия Средней Азии характеризуется крайне медленным ростом площади орошаемых земель, а иногда (XVII — первая половина XVIII в.) и их сокращением. В этих условиях вследствие естественного прироста населения и деления крестьянских хозяйств неизбежно происходило дробление земельных наделов. Во многих районах Бухарского эмирата и особенно Кокандского ханства значительная часть крестьянских хозяйств пользовалась участками площадью не более 1/6 десятины. В Хивинском ханстве около половины крестьян были безземельными (беватан). Непрерывно растущее малоземелье усиливало экономическую зависимость крестьян от государства и других феодальных собственников ирригационных систем, воды и земли. К существовавшим в этих районах земельным отношениям как нельзя более подходит данная В. И. Лениным характеристика отношений пореформенной России — «земельное ростовщичество» [46]. Причем последнее в районах орошаемого земледелия Средней Азии было, несомненно, значительно сильнее, чем в России, и непрерывно и интенсивно прогрессировало. Уходить в города крестьяне не могли, так как промышленность в них развивалась крайне медленно и многие горожане не находили применения своим силам. Кроме того, власть в городах находилась в руках тех же феодалов. Поэтому крестьяне среднеазиатских ханств не могли, подобно крестьянам Западной Европы в период позднего феодализма, укрыться от феодалов за стенами городов.

Таким образом, специфический вид феодальных производственных отношений сильнее сковывал развитие земледелия в орошаемых районах, чем феодальные отношения, сложившиеся в странах Европы. Характерное для среднеазиатских городов сосредоточение власти в руках феодалов также в большей мере, чем в Европе, тормозило развитие промышленности. Крестьянство в этих районах находилось в значительно

---

[45] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л. 1927, стр. 99, 102.
[46] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 168.

большей экономической зависимости от государства и отдельных феодалов, чем в Европе. Вот почему здесь не было необходимости во введении крепостного права. Политическое и экономическое подчинение непосредственных производителей эксплуататорскому классу принимало в данном случае форму зависимости их от феодального государства. При государственной форме собственности, писал К. Маркс, «отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству» [47].

Прибавочный продукт, создававшийся крестьянами в районах орошаемого земледелия, и значительная часть необходимого продукта изымались в виде феодальной ренты, налогов и поборов. В изучаемый период здесь существовали все формы феодальной ренты: отработочная, продуктовая и денежная. Господствовавшей была рента продуктами, преобладание которой в течение длительного периода времени вело к застойности аграрных отношений. Для районов орошаемого земледелия характерным было то, что рента продуктами поступала в виде доли урожая. Именно издольщина являлась основной формой изъятия прибавочного продукта государством (рента-налог), вакуфными учреждениями и отдельными феодалами. Барщина как таковая здесь отсутствовала на протяжении всего периода феодализма. Не было, следовательно, и помещичьего хозяйства, которое велось бы трудом крепостных.

Ряд исследователей [48] объяснял отсутствие барщины тем, что последняя в условиях орошаемого земледелия оказалась невыгодной для феодала вследствие высокой интенсивности земледельческого труда в поливном земледелии. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что единственной причиной, породившей господство в районах орошаемого земледелия продуктовой ренты, является ее выгодность по сравнению с отработочной. По нашему мнению, основной причиной являлась ведущая роль государственной феодальной собственности. При этой форме собственности непосредственному производителю — крестьянину — на землях, находившихся в собственности государства, противостоял класс феодалов в целом, организованный в государство, а не отдельные земельные собственники, как это имело место в Европе. В таких условиях на государственных землях барщинное помещичье хозяйство не могло возникнуть и существовать. Поэтому исключалась и отработочная рента в форме барщины. Отсутствие барщинного хозяйства на землях, находившихся в феодальной частной собственности (мильковой), объяснялось также и крайней неустойчивостью этой формы собственности в районах орошаемого земледелия, так как не только при смене правящей династии, но и при замене одного правителя другим происходила смена состава почти всего государственного аппарата, а следовательно, и состава танходаров и значительной части собственников мильков. Основной же формой феодального пожалования в Бухарском эмирате и Кокандском ханстве являлось предоставление в распоряжение отдельных феодалов части государственных доходов или права сбора в свою пользу ренты-налога с определенной площади орошенной земли (танхо).

При такой форме феодального условного пожалования эксплуатация и гнет крестьянства значительно усиливались, но ирригационные каналы, вода и земля, находившиеся во владении тех крестьян, с которых

---

[47] К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 804.

[48] В. В. Бартольд. К вопросу о феодализме в Иране. Журнал «Новый Восток», 1930, № 28; И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л. 1949, стр. 75; И. Рейснер. К вопросу об отставании стран зарубежного Востока к началу нового времени. «Вопросы истории», 1951, № 6, стр. 81.

государство предоставляло танходару право сбора в свою пользу ренты-налога, продолжали оставаться собственностью государства. Танходар не имел права согнать с земли возделывавших ее крестьян и организовать на этой земле свое крупное помещичье хозяйство или передать землю другим крестьянам-арендаторам, что имели право делать и делали собственники мильков и вакуфов.

Господствовавшая здесь специфическая форма изъятия ренты продуктами у крестьян непосредственно государством оказала влияние и на формы ее изъятия отдельными феодалами — частными собственниками и религиозными учреждениями. Последние получали ренту продуктами у зависимых от них крестьян также в виде доли урожая (издольная аренда). Распространение издольщины и ее сохранение было связано и с искусственным орошением. Необходимость его применения в земледелии при крайне низкой технике настолько усложняла и затрудняла организацию и ведение крупного хозяйства, что на имевшейся ступени развития производительных сил орошение становилось базой мелкого и мельчайшего производства, способствовало развитию последнего.

Доля урожая, отдававшаяся крестьянами феодалам, внешне как будто ничем не отличалась от описанной К. Марксом ренты продуктами. При последней крестьянин отдавал феодалу определенное количество произведенных им продуктов, а при издольщине устанавливалось не количество отдаваемых продуктов, а доля урожая. В действительности же это различие было весьма существенным и оказывало сильное воздействие как на степень и формы эксплуатации крестьянства, так и на весь процесс развития производительных сил в районах орошаемого земледелия. Издольщина позволяла феодалам даже без увеличения взимаемой доли урожая присваивать все возраставшую массу прибавочного продукта, если иметь в виду хотя и медленный, но неуклонный рост производительности труда, происходивший в орошаемом земледелии. Кроме того, по мере усиления земельного ростовщичества и внеэкономической зависимости крестьянства здесь создавалась благоприятная обстановка для увеличения доли урожая, отдаваемой крестьянами феодалам. «В таких отсталых странах, как Туркестан», где до революции господствовали докапиталистические отношения, угнетенные массы, по словам В. И. Ленина, эксплуатировались «не только торговым капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе...» [49].

Класс феодалов в целом, эксплуатировавший крестьян через государство, делал это путем внеэкономического принуждения. В урожайные годы государство увеличивало ставки ренты-налога до половины урожая по зерновым культурам и $^2/_5$ по хлопчатнику. Если учесть, что урожай определялся амлякдаром, также заинтересованным в сборе налога, а поэтому, как правило, последний всегда завышался, то станет очевидным, что доля урожая, фактически отбираемая у крестьян, возделывавших государственные земли, была намного выше той, которая формально устанавливалась ежегодно государством. Следует заметить, что, помимо многочисленных других налогов и сборов, крестьяне по закону должны были сверх ренты-налога отдавать часть урожая на содержание многочисленного управленческого и налогового аппарата, а также аппарата, ведавшего ирригационными системами и распределением воды (мирабов). Фактически размер налога-ренты достигал не менее $^2/_3$ урожая. Подтверждением этого служит существовавшая веками практика освобождения земель от уплаты ренты-налога. Чтобы сделать часть своей земли полностью свободной от налога, феодал, частный собственник, $^2/_3$ этой земли отдавал государству с тем, чтобы оставшаяся $^1/_3$ перешла в разряд земель, полностью свободных от налога

---

[49] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 217—218.

(мильк-и-хурр-и-холис) [50]. Кроме того, часть своего урожая крестьяне в форме хак-оба или хак-ула должны были отдавать церкви для раздачи бедным в виде милостыни. В результате у крестьянина зачастую оставалась лишь $^1/_{10}$ собранного им урожая. Необходимо учитывать также, что, кроме ренты-налога, крестьянин уплачивал государству многочисленные налоги в денежной форме.

Обнищание крестьянства в районах поливного земледелия, рост малоземелья и безземелья усиливали экономическую зависимость тех крестьян, которые возделывали землю, находившуюся в частной феодальной (мильковой) собственности, и вакуфные земли. Доля урожая, отбиравшаяся феодалами у крестьян, возделывавших эти земли, устанавливалась в зависимости от того, какие элементы, необходимые для ведения хозяйства (орошенная земля, семена, рабочий скот, инвентарь и труд), принадлежали феодалам и что продолжало оставаться собственностью крестьянина. По мере развития феодализма все увеличивавшаяся часть указанных элементов сосредоточивалась в руках феодалов. Разумеется, в связи с этим возрастала и доля урожая, отдаваемая крестьянами феодалам. Поэтому соотношение между прибавочным и необходимым продуктом в районах орошаемого земледелия было для феодалов благоприятнее, чем в Европе, причем оно непрерывно изменялось в худшую для крестьян сторону. Возраставшая эксплуатация крестьян усиливала экономическую и политическую мощь феодалов и в то же время способствовала сохранению издольщины. Но последняя, создавая благоприятные условия для взимания ренты во все увеличивавшихся размерах, тем самым ограничивала возможности накопления, а следовательно, и расширения хозяйства, приводила к обнищанию основной массы крестьянства. Высокая норма эксплуатации крестьян создавала серьезную преграду для развития общественного разделения труда, простого товарного, а затем и капиталистического хозяйства.

Таким образом, существовавшая в районах орошаемого земледелия длительное время форма эксплуатации крестьян усиливала тенденцию общественного застоя. Продуктовая рента, по словам К. Маркса, «как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, напр., в Азии» [51].

Как отмечалось выше, в районах орошаемого земледелия Средней Азии существовала и отработочная рента, которая имела специфическую форму, порожденную государственной феодальной собственностью. Отличительной особенностью отработочной ренты, как и ренты-налога, являлось то, что она принимала форму государственной повинности, используемой чаще всего на работах, которые были необходимы для существования самого крестьянского хозяйства (орошение, строительство и ремонт дорог, мостов и переправ через реки и каналы и т. д.). Поэтому и внеэкономическое принуждение крестьян принимало в этом случае также форму зависимости их от государства. Такая же особенность была характерна для принудительного труда крестьян и горожан, сооружавших крепостные стены, мечети, медресе, дворцы и усадьбы ханов, правителей провинций и феодальных собственников земли — мильковладельцев и вакуфных учреждений.

С начала XIX в. появилась и стала развиваться и денежная форма феодальной ренты. Налог в денежной форме взимался не только с посевов люцерны и табака, садов и виноградников, но в ряде районов часть ренты-налога в денежной форме взималась уже с посевов зерно-

---

[50] «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVII—XIX вв.». Вып. 1. Документ № 5 и другие. Аналогичные материалы имеются и среди документов «Из архива шейхов Джуйбари», опубликованных в приложении к работе П. П. Иванова «Хозяйство джуйбарских шейхов».

[51] К. Маркс. Капитал. Т. III, стр. 809.

вых культур. Наибольшее распространение этот вид ренты получил в Хорезме, где харадж, взимавшийся с мильковых земель, был заменен салгытом — денежной податью с хозяйства, величина которого дифференцировалась в зависимости от размера площади возделываемых земель. Появление и развитие денежной ренты — свидетельство не только развития товарно-денежных отношений, все более глубоко проникавших в сельское хозяйство, но и показатель начавшегося разложения феодальных отношений. Об этом говорит и такой факт: самаркандский бек значительную часть собранного в счет хараджа зерна (22 тыс. батманов) продал на рынке за 272 тыс. теньга [52].

В чрезвычайно медленном развитии феодальных отношений в Средней Азии сыграла свою роль и община. Наиболее устойчиво внутренний строй общины сохранялся, как известно, именно в ряде районов Востока. А поскольку система общин в условиях господства натурального хозяйства при феодализме составляла основу феодального общества, то неподвижность, малая изменчивость общины усиливала застойный характер феодального строя. Водоземельная община в середине XIX в. существовала и в районах орошаемого земледелия Средней Азии. Однако застойность общинной организации определялась здесь не сохранявшимся, как в некоторых местах Индии, единством внутри общин земледелия и ремесла, исключавшим их из процесса общественного разделения труда и рынка. Устойчивость общины в орошаемых районах Средней Азии обусловливалась необходимостью ее как низшего звена в организации работ по строительству и эксплуатации ирригационных систем. Кроме того, община являлась также коллективным органом, который получал от государства оросительную воду и распределял ее между крестьянами.

В районах орошаемого земледелия община выполняла сложные функции как внутреннего, так и внешнего порядка. Она была непосредственным организатором работ по строительству, ремонту и очистке каналов и сооружений, находившихся в ее пользовании; она принимала участие в аналогичных мероприятиях на каналах общего пользования, являвшихся собственностью государства, а также на каналах, находившихся в собственности феодалов. Для работ, проводившихся на каналах общего пользования, община выделяла не только требуемое количество людей и транспортных средств, но зачастую и строительные материалы (лес, хворост, солому и т. д.). Посылаемых общиной людей для работ на этих каналах возглавлял мираб, являвшийся ее должностным лицом. Община распределяла выделенную государством в ее распоряжение долю оросительной воды между своими членами, устанавливала нормы, порядок и режим водопользования внутри общины и осуществляла контроль за их соблюдением. Должностные лица общины следили за составом высеваемых культур, ограничивая или даже запрещая в связи с недостатком воды посевы водолюбивых культур (риса, хлопчатника и т. д.). Этой чрезвычайно важной функцией общины в производстве и определялось ее столь длительное сохранение в районах орошаемого земледелия.

Другой причиной устойчивости общинной организации было общее владение и пользование той частью ирригационной системы и теми сооружениями, с помощью которых община получала из каналов общего пользования выделенную ей долю оросительной воды. В районах орошаемого земледелия она была прежде всего водной общиной. В основе коллективного владения и пользования выделенной государством долей воды лежал коллективный труд членов общины. Непременным условием успешного ведения земледельческого хозяйства членов общины, которые порознь использовали свою долю воды, самостоя-

[52] Л. Н. Соболев. Указ. соч. Приложение № 6.

тельно обрабатывали находившуюся в их владении и пользовании, а иногда и в собственности землю и лично присваивали продукты своего индивидуального труда, являлось сохранение единой ирригационной системы, общего водного хозяйства, находившегося в собственности государства, феодалов и общины, а тем самым и существование как государственной феодальной собственности на ирригационные каналы и сооружения, так и общинного владения и пользования ими. Каждый крестьянин в качестве обладателя той или иной доли воды, полученной им через посредство общины, выступал лишь как совладелец и участник общего и неразделенного владения на те ирригационные каналы и сооружения, которые были владением общины. Поэтому каждый член общины практически не существовал вне и помимо этого коллектива.

Площадь обрабатываемой общинниками земли определялась долей полученной ими воды и составом высевавшихся культур. Доля участия каждого из них в коллективном труде по строительству и эксплуатации ирригационных систем определялась не площадью обрабатываемой им земли, а долей полученной воды. В этих условиях производственным базисом общины являлась, по нашему мнению, не столько земля, сколько оросительная вода. Члены общины относились к владению коллектива прежде всего как к общинному владению и пользованию выделенной ей государством долей оросительной воды. Вот почему в Средней Азии мы имеем скорее водную, чем земельную общину, или, вернее, водоземельную общину. Поскольку земельная община была коллективным владельцем и пользователем выделенной в ее распоряжение доли воды, она являлась также владельцем и пользователем орошаемой ею земли. Поэтому феодальное государство не только сохраняло, но и укрепляло права общины на владение и пользование водой и орошаемой ею землей. Феодальные государства Средней Азии, превратив общину в орган, способствовавший эксплуатации производителей, стремились сохранить ее в интересах укрепления экономического и политического господства феодалов.

В данном случае государство частично приспосабливало некоторые институты, унаследованные от предшествующих формаций, к своим нуждам, видоизменяя функции и назначение этих институтов. В рассматриваемое время в районах орошаемого земледелия община держалась не только силой материальных условий производства, потребностями искусственного орошения, но и силой власти феодальных государств.

Однако под влиянием развивавшихся экономических отношений существовавшая в районах орошаемого земледелия водоземельная община постепенно разлагалась. Она утратила свое значение в регулировании земельных отношений на возделываемых землях. Эта категория земель, как правило, уже длительное время находилась в частном владении. Земли продавались и покупались, переходили по наследству, завещались и т. д. Только в отдельных районах, например в Ташкентской области, к началу второй половины XIX в. еще сохранился институт передела поливных земель. Но и в этом случае сохранившееся общинное право не устраняло, а закрепляло и тем самым углубляло сложившееся экономическое неравенство: земли делились не поровну между хозяйствами, не по едокам, а по числу выставленных каждым хозяйством кошей (парных упряжек волов). Поэтому бедняки, не имевшие рабочего скота, лишались земли, а имевшие одного вола (или лошадь) объединялись с другим однолошадным хозяйством, чтобы вместе, на два хозяйства получить один надел земли[53]. Следовательно, по

---

[53] П. Маев. Азиатский Ташкент. В книге «Материалы для статистики Туркестанского края». Вып. IV. СПБ. 1876, стр. 271; А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины. СПБ. 1882, стр. 423.

числу кошей на протяжении вегетационного периода делилась и оросительная вода. Не было экономического равенства внутри общин и при выполнении натуральных повинностей: богатые откупались от выделения людей для очистки и ремонта ирригационных каналов и сооружений общего пользования, и работы на последних перекладывались на бедноту [54].

Но все же община как коллективный орган, получавший выделенную ей долю воды и распределявший полученную воду между общинниками, как организатор выполнения трудовых повинностей, возлагавшихся на общину государством или феодалами — мильковладельцами и вакуфными собственниками земли, продолжала сохраняться. Эта устойчивость общины определялась условиями орошаемого земледелия, осуществлявшегося с помощью крупных ирригационных каналов.

Определенную роль в социально-экономическом развитии районов орошаемого земледелия играла в рассматриваемое время сложившаяся в Средней Азии форма государства. Все характерные стороны деспотической организации управления, в первую очередь ничем не ограниченная власть ханов, которые зачастую были верховными судьями и осуществляли высшую духовную власть, были присущи и среднеазиатским государствам. Форма управления, существовавшая в среднеазиатских ханствах, была порождена тем, что государства выполняли здесь общественную функцию по организации искусственного орошения с помощью крупных ирригационных систем. Невозможностью сохранения и обеспечения непрерывного действия последних без вмешательства государства определялась и устойчивость сложившейся в этих районах формы управления. Прочной основой последней являлась также и водоземельная община. «...Эти идиллические сельские общины,— указывал К. Маркс,— сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма...» [55].

Ведущая роль государственной феодальной собственности определила и то, что большинство городов орошаемых районов среднеазиатских ханств к 60-м годам XIX в. не играло еще такой активной роли в социально-экономическом развитии, какую играли западноевропейские города в период позднего феодализма. При господстве государственной собственности основная часть класса феодалов состояла из лиц, осуществлявших от имени государства эксплуатацию трудящихся. Поэтому большинство феодалов, в том числе и те, которые имели пожалования не только в форме танхо, но даже и в виде феодальной частной собственности, не вели своего хозяйства. Они жили в городах, где находились государственные учреждения и располагались основные военные силы. Города Средней Азии являлись одновременно центрами сосредоточения мусульманского духовенства. Бухара и Самарканд, кроме того, были местами подготовки его новых кадров. Важная роль духовных феодалов в экономической, политической и идеологической жизни районов орошаемого земледелия была обусловлена не только сосредоточением в его руках огромных водоземельных и других видов имущества. Из духовенства рекрутировались кадры для судебного аппарата, полиции нравов, осуществлявшей одновременно наблюдение за правильностью мер и весов на базарах, а также кадры учителей и воспитателей. Оседание большинства феодалов в городах приводило к тому, что подавляющая часть прибавочного продукта концентрировалась и потреблялась в городах. Поскольку в руках феодалов была сосредоточена как политическая власть, так и управление городами, многие города даже к 60-м годам XIX в. не знали самоуправления. Это также задерживало их экономическое развитие, задерживало рост общественного разделе-

---

[54] Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 261—263.
[55] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 9. Изд. 2-е, стр. 135.

ния труда, товарного производства и обмена, а следовательно, и возникновение буржуазных отношений.

Определенное влияние на общественно-экономическое развитие районов орошаемого земледелия оказывало и то, что в составе среднеазиатских ханств и в граничащих с ними степях проживали кочевые скотоводческие племена, находившиеся на более низкой ступени общественного развития. Феодальные отношения в районах кочевого скотоводства были скрыты под покровом сильных пережитков патриархально-родовых отношений. Верхушка кочевых племен была непосредственно заинтересована в сохранении этих пережитков. Поскольку в таких условиях продолжала существовать военная племенная организация, феодальная знать кочевых племен иногда обладала значительной военной силой, которую она использовала для грабительских набегов, в том числе и на орошаемые районы. Подобными действиями феодальная кочевая верхушка пыталась сгладить классовые противоречия внутри своих племен. Некоторые воинственные кочевые племена, главным образом туркменские, являлись поставщиками рабов для ряда районов Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Хивинский хан был заинтересован в грабительских набегах кочевых племен, так как одна пятая часть награбленной добычи, включая и захваченных пленников, передавалась ему[56]. Документы архива хивинских ханов XIX в. свидетельствуют, что часть земель, принадлежавших хану, обрабатывалась трудом рабов[57]. В сохранении пережитков патриархально-родовых отношений у кочевых племен была, таким образом, заинтересована и часть феодалов из районов орошаемого земледелия.

Существование кочевых племен объяснялось и трудностями перехода кочевников к оседлому образу жизни. Переход их к земледелию тормозился тем, что последнее было здесь основано на искусственном орошении, требовавшем производства больших ирригационных работ. Прирост же посевных площадей в издавна существовавших районах орошаемого земледелия был настолько незначителен, что не только пригодные для обработки земли были заняты, но и, как уже было показано выше, здесь непрерывно увеличивалось малоземелье и процветало земельное ростовщичество. Переход кочевников к земледелию практически мог быть осуществлен только в том случае, если ханы выделяли для них площади уже орошенных земель или разрешали прорыть канал и взять из реки воду для полива отведенных земель. Когда это происходило, то оседавшему племени (например туркменскому в Хивинском ханстве) выделялись обычно земли, расположенные в хвостовых, плохо обеспеченных водой частях каналов, на самой границе оазиса. К тому же на туркменские племена, селившиеся по окраинам хивинского оазиса, возлагалась обязанность охраны его границ от набегов кочевников. Самостоятельно оросить те или иные участки земли кочевники не могли, потому что вода и «мертвые» земли являлись государственной собственностью; оросить земли можно было только с разрешения хана. Ханы же, как, например, хивинский, давали такое разрешение на заведомо кабальных условиях. Оседание кочевых скотоводческих племен тормозилось также их родоплеменной знатью. Сосредоточив в своих руках большие стада скота, знать не была заинтересована в переходе к земледелию, так как это лишило бы ее рабочих рук для ухода за скотом, оставило бы ее без военной силы, которая использовалась для набегов, приносивших большие доходы.

Исторически сложившиеся условия развития Средней Азии были такими, что ее территория часто являлась районом вторжений и пере-

---

[56] Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг. Ч. II. М. 1822, стр. 118.

[57] П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в., стр. 103—104, 110—111.

движений разных кочевых племен. Последние в большинстве своем стояли на более низкой ступени развития, чем местное оседлое население. Завоевания приводили к разрушению производительных сил, прежде всего ирригационных систем, истреблению населения, угону местных жителей, особенно из числа ремесленников, и превращению их в рабов. Ярким примером в этом отношении служит нашествие Чингисхана в начале XIII века. Набеги кочевников отрицательно сказывались на экономическом, политическом и культурном развитии районов орошаемого земледелия. При рассмотрении вопроса о роли завоеваний следует помнить, что в районах орошаемого земледелия опустошительность войн непомерно возрастала. Разрушение головных водоразборных сооружений ирригационных каналов выводило из строя всю сеть искусственного орошения, являвшегося основой земледелия, и приводило иногда к тому, что древние земледельческие районы на длительный период времени приходили в полный упадок, культурные оазисы превращались в бесплодные пустыни. Отрицательные последствия завоевания кочевниками районов орошаемого земледелия заключались также в том, что в результате завоеваний эти районы в социально-экономическом отношении отбрасывались назад. Монгольское нашествие способствовало, например, упрочению более отсталых форм феодальных отношений и укреплению рабства в районах орошаемого земледелия Средней Азии.

Развитие районов орошаемого земледелия в известной степени сковывалось тем, что состояние ирригационной системы зависело здесь от отношения к ней центральной власти. Если последняя проявляла необходимую заботу о поддержании оросительных каналов, крестьяне собирали сносные урожаи. При нерадивом отношении правительства к организации ирригационных работ плодородные оазисы превращались иногда в пустыни, крестьяне уходили в другие районы, где имелась возможность получить воду для орошения полей. Поскольку правящие династии среднеазиатских государств основывались зачастую знатью кочевых племен, стоявших на более низкой ступени развития, чем оседлое земледельческое население, факты неправильного отношения представителей правящей верхушки к ирригации были, по-видимому, довольно частыми. В этом, по нашему мнению, лежит одна из причин того, что в истории районов орошаемого земледелия периоды относительно высокого развития земледелия, садоводства, науки, культуры и искусства чередуются с временами упадка производительных сил, засилья реакционного мракобесия, фанатизма и изуверства.

Следует указать и на такое обстоятельство, как значительная изоляция районов орошаемого земледелия Средней Азии от остального мира, что также тормозило их общественно-экономическое развитие.

Таким образом, исторически сложившиеся в районах орошаемого земледелия Средней Азии производственные отношения в их специфической форме (когда ведущей являлась государственная феодальная собственность на ирригационные системы, сооружения, воду и землю) и порожденные ими специфические формы важнейших элементов надстройки, наличие значительной оторванности от остального мира, сосуществование с отсталыми кочевыми скотоводческими племенами, разрушительные вторжения последних — все эти внутренние и внешние условия оказывали тормозящее влияние на экономическое, общественно-политическое и культурное развитие народностей, населявших эти районы. В этом, на наш взгляд, и заключались главные причины как замедленных темпов развития указанных районов, так и их отсталости в период присоединения к России.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ

М. А. Алпатов

Вторая половина XIX в.— период наивысшего расцвета русской буржуазно-либеральной медиевистики. Имена М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова и И. В. Лучицкого стоят на той ее вершине, выше которой русская буржуазно-дворянская наука о западном средневековье уже не поднималась. Эти русские ученые заняли тогда ведущее место и во всей мировой буржуазной историографии. Советские историки, как известно, отдают должное корифеям буржуазной исторической мысли, определявшим зачастую целые этапы в развитии исторической науки. Положение, которое заняли М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, И. В. Лучицкий или Н. И. Кареев как в русской, так и в мировой исторической науке, едва ли будет когда-либо поколеблено. Это место принадлежит им по праву.

Однако нельзя согласиться с той прочно установившейся традицией, когда игнорируются и предаются забвению другие ученые, работавшие в то время рядом с корифеями и оставившие заметный след в науке.

В числе русских медиевистов, забытых советской историографией, оказались М. М. Стасюлевич, В. А. Бильбасов и Н. А. Осокин. Эти ученые, воспитанные на идеях первой половины XIX в., по своим философским взглядам существенно отличались от своих младших современников, мировоззрение которых сформировалось в 70—80-х годах. Ни Стасюлевич, ни Бильбасов, ни Осокин не принадлежали к позитивистам, которыми было подавляющее большинство историков второй половины века, в том числе Ковалевский, Виноградов, Лучицкий, Кареев и многие другие.

Если начиная с 60-х годов на историческую науку оказывали существенное влияние различные разновидности субъективно-идеалистического направления, и прежде всего позитивизм и неокантианство, то в первой половине века основное воздействие на историографию оказывал Гегель. Русские медиевисты того времени — Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев и С. В. Ешевский — были последователями Гегеля, хотя их отношение к Гегелю было двойственным. Они критиковали мертвящий схематизм Гегеля, в который никак не укладывался живой исторический процесс, и в то же время применяли к изучению средневековья гегелевскую идею борьбы противоположностей и скачкообразности развития истории.

Наряду с традицией, шедшей от Гегеля, на русскую либеральную историографию того периода оказывала заметное влияние буржуазная теория классовой борьбы (О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье и др.). Ее элементы сложились еще накануне Французской революции конца XVIII в. в виде романистической концепции французской истории, представителем которой был аббат Ж. Дюбо. В годы реставрации теория классовой борьбы получила свое дальнейшее развитие в знаменитой теории борьбы третьего сословия против Бурбонской монархии и оказала немалое влияние на всю европейскую историческую мысль.

В России труды О. Тьерри и Ф. Гизо были чрезвычайно популярны. Славянофилы и М. П. Погодин старались вычитать из них «гибельность» исторического пути Западной Европы и тем показать непригодность такого опыта для России. При этом начавшийся после революции 1830 г. и завершившийся с революцией 1848 г. отказ французских историков от

своей теории использовался как признание ими этой «гибельности», что и должно было, по убеждению славянофилов, послужить предостережением для русских. На другом полюсе тогдашней русской исторической мысли находился А. И. Герцен, который с полным основанием видел в построениях О. Тьерри и Ф. Гизо идейную борьбу французской буржуазии против реставрации. А. И. Герцен высоко ценил борьбу «противоположных стихий», которая составила краеугольный камень этих построений, а в отходе Ф. Гизо и О. Тьерри от их же собственных принципов он увидел политическое и идейное банкротство своекорыстной буржуазии. Выход из этого тупика А. И. Герцен, как известно, безуспешно пытался найти в учении о самобытности исторического развития России.

В буржуазно-либеральном лагере русской историографии можно было наблюдать более пеструю картину. Историки типа С. М. Соловьева последовательно исповедовали теорию «двух закономерностей», двух совершенно различных путей развития для Запада и Востока. Такие историки, как Н. А. Полевой, в картине исторического прошлого Франции и всей Западной Европы видели тот путь, который предстояло пройти и России. В этой связи Н. А. Полевой интересовался и идеей борьбы противоположных сил, насколько это было возможно в условиях николаевской России. Более смело эту идею разрабатывали русские ученые, занимавшиеся западной историей; у них в большей мере были развязаны руки. Это прежде всего относится к М. С. Куторге, который применял к истории Древней Греции концепцию борьбы сословий, взятую у Гизо.

Характерная черта методологии Стасюлевича, Бильбасова и Осокина состояла в том, что, находясь в позитивистском окружении, эти ученые продолжали философскую линию Грановского и Куторги, с той, однако, разницей, что они отбросили элементы демократизма, имевшиеся у Грановского, и заняли либеральные позиции. Политически это поставило их в один ряд с позитивистами. В философском плане Стасюлевич, Бильбасов и Осокин от них отличались. Позитивистов интересовала «эволюция», под которой метафизически понималось непрерывное плавное развитие, что, по их мнению, делало невозможным всякий перерыв постепенности; эволюция противопоставлялась ими революции, объявляемой нарушением законов истории. Этой же цели служило и изучение позитивистами социально-экономических вопросов. Позитивисты подняли огромный документальный материал по социально-экономической истории, в особенности по истории родового строя и общинных порядков. Объективно они сыграли этим положительную роль в науке. Но методологическая задача, которая при этом ставилась, состояла в том, чтобы доказать правомерность эволюции и неправомерность революции. Экономика для позитивистов играла роль связующего звена между природой и обществом в том смысле, что при ее посредстве законы природы переносились на законы человеческой истории от астрономии через геологию, географию и хозяйство к политической истории и культуре. Подчиняя и природу и общество одним и тем же метафизическим законам, позитивисты тщились доказать, что эволюция с неумолимостью законов природы царит и в обществе и это якобы исключает революцию из законов истории.

Стасюлевича, Бильбасова и Осокина, как и предшествующее поколение ученых, интересовал в отличие от позитивистов прежде всего антагонизм противоборствующих сил, который они искали в политической сфере. Их взгляд, естественно, падал не на излюбленную позитивистами социально-экономическую историю, а на историю политическую, где всякого рода столкновения и перевороты были для них выражением поступательного движения истории.

Как и у поколения их учителей, в таком подходе к истории ясно сквозит влияние гегелевской идеи борьбы противоположностей. Стасюлевич рассматривал исторический процесс как отражение «судьбы обществен-

ного разума» в форме борьбы общественных и политических сил. Бильбасов больше всего уделял внимание историческим личностям в обстановке борьбы «разнообразнейших противоположностей». Осокин проявлял интерес к сословной и религиозной борьбе. На этих ученых по-прежнему оказывала влияние концепция О. Тьерри — Ф. Гизо. Характерно, что теория классовой борьбы продолжала оказывать свое воздействие на исследователей в России второй половины XIX в., когда французские авторы этой теории сами давно уже отреклись от нее.

Проблематика Стасюлевича и Бильбасова целиком умещается в этих рамках. Осокин же наряду с историей политической и религиозной борьбы занимался также экономической историей Италии. Таким образом, Стасюлевичу, Бильбасову и Осокину принадлежит особое место в русской медиевистике. Они разрабатывали проблематику, мимо которой проходили позитивисты, стремились исследовать борьбу общественных противоречий, хотя бы и в форме борьбы сословий и религиозной борьбы. Их попытки изображать скачкообразность исторического процесса, их интерес к борьбе классов позволяли им зачастую давать картину событий, более близкую к действительности по сравнению с позитивистами. Стасюлевич, Бильбасов и Осокин имели преимущество и перед поколением своих учителей, так как выступали в период, когда историческая наука в России достигла высокого уровня.

Русские медиевисты поколения Грановского опирались на сравнительно узкую базу источников; их единомышленники во второй половине XIX в. были известны как исследователи, пустившие в научный оборот большую массу новых документов. Между тем о Стасюлевиче и Бильбасове до сих пор принято говорить с изрядной долей пренебрежения, а к Осокину установилось отношение, как к чему-то вроде историографического курьеза. Начало подобной традиции было положено их современниками — позитивистами; для них эти исследователи были представителями пройденного этапа.

По разным причинам еще в дореволюционной историографии сложился однобокий, а потому и неверный взгляд на целое течение в русской исторической науке, представленное рядом ученых-медиевистов. Речь идет об одном из направлений русской либерально-буржуазной историографии второй половины XIX века. Критикуя несостоятельность методологии этих ученых, нельзя вместе с тем перечеркивать тот вклад, который они внесли в русскую медиевистику. Поступать так — значит обеднять русскую историографию. Сказать об их методологических позициях и показать научный вклад Стасюлевича, Бильбасова и Осокина — такова задача данной статьи.

★

Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826—1911) был профессором Петербургского университета. На мировоззрение молодого Стасюлевича оказали большое влияние взгляды М. С. Куторги. Это и определило тематику обеих диссертаций Стасюлевича: магистерской «Афинская гегемония» (1849) и докторской «Ликург Афинский» (1851),— а также ряда более мелких исследований[1]. Труды Стасюлевича, как и работы его учителя, были основаны на широком использовании источников. В частности, в своей докторской диссертации автор привлек большой эпиграфический материал; это был один из первых случаев использования греческих надписей в русской историографии. В своих исследованиях Стасюлевич, как и его учитель, придерживался буржуазной теории классовой борьбы. При-

[1] «Критические исследования о речи Гиперида против Демосфена, недавно найденной в египетских катакомбах» (1850); «Облака», комедия Аристофана, и ее историческое значение» (1851); «Защита Кимонова мира» (1852); «Александр Авонотихит и его время» (1856) и др. (Придерживаясь вслед за Куторгой рейхлиновской транскрипции, Стасюлевич писал: «Афинская игемония», «Речь Иперида» и т. д.).

меняя эту передовую для своего времени теорию, Стасюлевич дал немало плодотворных выводов в изучении истории Древней Греции. Он воссоздал сложную картину социально-политической борьбы в древнегреческом обществе, стараясь доискаться социальных причин изучаемых явлений. Так, в исходе Пелопоннесской войны его интересует не победа Спарты, как государства, а победа аристократии над демократией; историю международных отношений он объясняет ходом социальной и политической борьбы в греческих государствах и т. д.

Однако Стасюлевич зачастую стремится прийти ко всякого рода «оригинальным» выводам, или, по его собственной терминологии, к «новым результатам». Наиболее крупная его попытка прийти к таким результатам состояла в отрицании значения V в. до н. э. как наивысшей точки в развитии Древней Греции. В основе этого взгляда лежал тезис Куторги о том, что афинская демократия не являлась венцом политической истории Древней Греции, что ей на смену пришла так называемая полития, в которой якобы исчезли и аристократия и демократия. Стасюлевич пытался разработать этот тезис на более обширном материале и доказать, что IV в. до н. э. являлся временем не упадка классической Греции, а, наоборот, периодом ее наивысшего расцвета, временем «политии» и объединения Греции (сначала Македонией, а затем Римской империей).

Подобные попытки приводили Стасюлевича подчас к произвольному толкованию источников, к изрядной путанице. Н. Г. Чернышевский показал на примере работы М. М. Стасюлевича «Осада и взятие Византии турками» (1854), что автор берет из источников «все, что ему нравится, произвольно отбрасывает все факты и объяснения, противоречащие его заранее составленному взгляду. Поступая подобным образом, можно доказывать все, что угодно»[2]. В ряде случаев Стасюлевич оказывался вовсе не оригинальным. Как установил Д. И. Писарев (слушатель Стасюлевича), работа «Александр Авонотихит и его время» представляет всего лишь «малограмотное извлечение» из сочинения немецкого ученого Чирнера «Падение язычества»[3].

Но больше всего Стасюлевич известен как медиевист. Начало его научной деятельности ознаменовалось участием в известной московской дискуссии, развернувшейся вокруг диссертации Т. Н. Грановского «Аббат Сугерий». В противовес Грановскому, видевшему в исторической науке оружие в борьбе за общественный прогресс, Стасюлевич, как приверженец «чистой» науки, выступил в 1850 г. в журнале «Москвитянин» против «Аббата Сугерия». В завязавшейся по этому поводу полемике М. М. Стасюлевич оказался единомышленником М. П. Погодина против И. К. Бабста, а также П. М. Леонтьева (последний, выступая против Стасюлевича, отмежевался и от Грановского). В связи с этой полемикой П. М. Леонтьев дал резко отрицательные рецензии сначала на магистерскую[4], а затем и на докторскую[5] диссертации Стасюлевича. Чернышевский чрезвычайно резко критиковал позицию Стасюлевича в этой дискуссии[6].

В университете М. М. Стасюлевич читал общий курс истории средних веков, некоторые специальные курсы, в частности «О провинциальном быте Франции в эпоху Людовика XIV», а также лекции по историографии и источниковедению средних веков. Но в русскую медиевистику он вошел прежде всего как составитель хрестоматии «История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых».

---

[2] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. II. М. 1949, стр. 606.
[3] Д. И. Писарев. Соч. Т. 2. М. 1955, стр. 147.
[4] «Москвитянин», 1850, III, стр. 130—140.
[5] «Пропилеи», 1851. Т. II.
[6] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. III. М. 1947, стр. 367—368. Подробнее об этой полемике см. И. Н. Бороздин. К вопросу об ученых разногласиях русских медиевистов 40—50-х годов XIX века. Сборник «Средние века». Т. VI. М. 1955, стр. 345—356.

Что касается общего курса западного средневековья, то здесь Стасюлевич был озабочен прежде всего поисками тех «идей и явлений», которые управляли «ходом судьбы человечества и стояли во главе важнейших политических, гражданских и умственных переворотов»[7]. Такими явлениями в средние века Стасюлевич считал варварство и христианство. Поэтому началом средних веков он считал 476 г., когда варвары сокрушили Западную Римскую империю, а концом средневековья — 1453 г., когда новые варвары, турки, сокрушили Восточную Римскую империю. Главным содержанием средневековья, как полагал Стасюлевич, была борьба германо-славянского мира — носителя христианства — с миром арабо-турецким — носителем мусульманства. Все это сочеталось с мелочным фактографическим изложением истории царей и полководцев. Сочинение Стасюлевича «Осада и взятие Византии турками», заслужившее отрицательный отзыв Чернышевского, было написано в связи с тем значением, которое придавал автор турецкому завоеванию, и было приурочено к 400-й годовщине падения Константинополя.

Чтение Стасюлевичем лекций по источниковедению, как отмечал Д. И. Писарев, сводилось главным образом к пересказу источников, а лекции по историографии не отличались оригинальностью. Так, его «блестящая» лекция о Маколее оказалась простым пересказом соответствующей главы из книги Тэна «Исторические и критические опыты». Не отличался оригинальностью и специальный курс Стасюлевича «О провинциальном быте Франции в эпоху Людовика XIV», который был переложением некоторых французских сочинений[8].

Иное значение имела трехтомная хрестоматия Стасюлевича (1863—1866). Здесь автор развивал традицию, начало которой было положено вышедшими незадолго перед тем учебниками В. Я. Шульгина, в частности его учебником средних веков (1858). Шульгин ввел новый элемент — библиографию трудов русских и зарубежных историков. Стасюлевич пошел дальше. Он стал давать отрывки из источников и сочинений современных авторов. Все это сопровождалось краткими комментариями, главным образом биографическими. Книга давала политическую историю, и это во многом определяло выбор материала. Стасюлевич, например, совершенно обошел такие источники, как грамоты, содержащие обычно материал по социально-экономической истории.

Хрестоматия Стасюлевича пользовалась популярностью, она сыграла положительную роль, прививая учащимся сознательное отношение к историческому материалу в то время, когда в гимназиях господствовала зубрежка. Хрестоматия Стасюлевича долго находилась в школьном обиходе; впоследствии ее стал вытеснять из преподавания сборник документов для средней школы «Средневековье в его памятниках» (1913) Д. Н. Егорова. Однако сам Стасюлевич явно переоценивал свое педагогическое новшество. Он противопоставлял «реальное» преподавание истории по источникам «формальному», которое велось по учебнику, и считал свою хрестоматию вполне достаточным пособием, чтобы заменить учебник. Необходимость обычного школьного учебника Стасюлевич фактически отрицал.

В 1861 г. в связи со студенческими волнениями Стасюлевич вместе с К. Д. Кавелиным и другими подал в отставку и посвятил себя общественной деятельности в области народного образования.

В 60-х годах Стасюлевич много внимания уделял обобщению своих философских взглядов на исторический процесс. В 1866 г. вышла в свет его книга «Опыт исторического обзора главных систем философии истории», в которой автор доказывал, что историю следует рассматри-

---

[7] «Общий курс истории средних веков Михаила Стасюлевича». СПб. 1856, стр. III.
[8] Д. И. Писарев. Соч. Т. 2, стр. 145, 146, 147.

вать «не только как ряд событий, но, что гораздо важнее, как ряд систем общественного разума, следующих одна за другою и быстро сменяющихся взаимно. Даже можно сказать, что в истории рода человеческого идут друг за другом не столько народы, сколько те системы, которых они были временными представителями»[9]. Основной вопрос философии истории для Стасюлевича заключался в том, чтобы объяснить, «в чем может состоять последний и высший идеал общественного разума, его самая широкая и всеобъемлющая система»[10]. Труд Стасюлевича представлял одну из первых попыток систематического изложения с гегельянских позиций главных систем философии истории от Вико до Гегеля не только в русской, но и во всей мировой историографии. Но, как сказал Н. И. Кареев, эта книга «с самого начала была обречена на то, чтобы довольно скоро устареть»[11]. Как известно, уже с конца 60-х годов в русской буржуазной историографии получили широкое распространение идеи Конта, Спенсера и Бокля. В этих условиях книга Стасюлевича, как и само гегельянство, уже считалась пройденной ступенью, а критика, которой автор подверг теорию Бокля, в значительной мере способствовала тому, что книга была скоро забыта позитивистской историографией.

Широким кругам интеллигенции М. М. Стасюлевич был больше всего известен как основатель журнала «Вестник Европы», принявшего такое название в память одноименного журнала Н. М. Карамзина. От старого, дворянского «Вестника Европы» новый журнал отличался своим либерально-буржуазным направлением и противопоставлял себя «Современнику». Редактором и издателем журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевич был с 1865 по 1909 г., когда руководителем журнала стал М. М. Ковалевский. Изданная в пяти томах переписка Стасюлевича включает письма к нему И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и многих других писателей. Она содержит богатый материал по истории русской общественной мысли и русской литературы.

Единомышленником Стасюлевича был Василий Алексеевич Бильбасов (1838—1904). Он преподавал в Петербургском университете, затем в Киеве. Свои либеральные убеждения Бильбасов отстаивал довольно решительно, в частности высказывался за ограничение влияния церкви. Характерна в этом отношении его реакция на выступление Ф. И. Буслаева[12], требовавшего воспитания молодежи на «народных святынях», «различных религиозных древностях». В противовес этому Бильбасов выдвигал задачу воспитания «здравого русского смысла» на крупных событиях истории народа, в особенности на тяжелых исторических уроках, из которых он выделял татарское иго и крепостное право. Он призывал к критическому освоению западной культуры. «Всегда чуткие к хорошим сторонам западной жизни, мы без негодования изучаем и ее темные, гнилые складки... но изучаем мы их не для подражания, скорее в предостережение»[13].

Лекции Бильбасова строились под сильным влиянием гегелевской схемы. «Жизнь человечества есть продукт разнообразнейших противоположностей; гниение смерти тотчас проникает в то общество, в котором уничтожены эти противоположности»[14],— таково исходное положение его концепции. Эти противоположности Бильбасов ищет только в

---

[9] М. М. Стасюлевич. Опыт исторического обзора главных систем философии истории. СПБ. 1866, стр. 32—33.

[10] Там же, стр. 33.

[11] Н. Кареев. Книга М. М. Стасюлевича о философии истории. Журнал «Вестник Европы», 1911, март, стр. 398.

[12] Ф. Буслаев. Из Праги. «Современная летопись», 1864, № 6, стр. 3—7.

[13] В. А. Бильбасов. Исторические монографии. Т. I. СПб. 1901, стр. 42.

[14] Там же, стр. 11.

политической и идеологической сферах; он вообще занимался только этими сторонами исторического процесса.

Наиболее значительное место среди общественных противоречий Бильбасов отводит противоречиям между деспотизмом и свободой народа — явление, чрезвычайно характерное для исторических концепций русских либералов. Римская империя была ареной борьбы императорского деспотизма, с одной стороны, и завоеванных народов за свою независимость и свободу — с другой. Победил деспотизм, и «мировая культура обратилась в мировую пустыню, в которой погибла вся сила, движение, вся разнородность наций» [15]. Но движение не может остановиться. Варвары, разрушившие Римскую империю, освободили народы от деспотизма и тем открыли возможность дальнейшему ходу истории. Но в средние века возникло новое противоречие: Рим в лице папы вновь становится средоточием деспотизма над народами. Борьба между папским деспотизмом и народами и составляет, по мнению Бильбасова, основное содержание истории средних веков. Это противоречие находит свое разрешение в реформации, которая открыла Европе дверь в новую историю.

Концепция В. А. Бильбасова делает понятным направление его исследовательских интересов. Основное свое внимание он обратил на историю борьбы германских императоров, а также реформационных течений с папским престолом, поскольку, по его мнению, это было выражением основного противоречия эпохи. В центре изображения тех или иных событий Бильбасов ставит деятельность известной исторической личности. Все его многочисленные работы обычно представляют собою красочные биографии исторических деятелей, изложенные подчас с большим драматизмом. Эта литературность, подчас не лишенная блеска, составляет характерную черту сочинений Бильбасова. Но его работы вовсе не были литературной обработкой исторических сюжетов и не сводились к биографиям в обычном смысле слова. Своих героев Бильбасов изображал на широком историческом фоне, а их деятельность служила средством для изображения всей эпохи. В то же время его труды были произведениями эрудита, основанными на солидной документальной и историографической базе. Бильбасов был знатоком источников по кругу интересовавших его проблем. Обычно поводом для появления его работ служил выход в свет на Западе новых исторических документов. Иногда малоизвестные в России документы Бильбасов давал в русском переводе как приложение к своим исследованиям.

Крупными трудами Бильбасова были его диссертации, связанные единым комплексом проблем. В магистерской диссертации «Крестовый поход императора Фридриха II из дома гогенштауфенских герцогов» (1863), основанной на французской коллекции документов «Historia diplomatica Friderici Secundi», изданных Гийярд-Бреголем (1859), исследовалась история крестового похода 1228 года [16]. Докторская диссертация «Поповский король Генрих IV Распе, ландграф Турингии из дома Людовика Бородатого» (1867) была посвящена личности антикороля, выдвинутого папой в противоположность Фридриху II. В этих работах Бильбасов воссоздал чрезвычайно сложную борьбу между Фридрихом II Гогенштауфеном и папским престолом. Он показал, что эта

---

[15] Там же, стр. 42.

[16] С темой о Фридрихе II Гогенштауфене были связаны рецензия В. А. Бильбасова «Petrus de Vinea» (1865) на работу того же Гийярд-Бреголя «Жизнь и переписка Петра Винейского», посвященная канцлеру Фридриха II, статьи «Культура при императоре Фридрихе II» (1865), «Император Фридрих II — папа светской церкви» (1866) (см. «Исторические монографии». Т. 5. СПб. 1901), а также работа «Kaiser Friedrich II und heilige Elisabeth», опубликованная в Германии в 1867 году. С темой о папском престоле, с которым вел борьбу Фридрих II, связана статья «Паписа Иоанна» (1871) (см. «Исторические монографии». Т. I).

борьба, прикрываемая всякими благовидными предлогами и благочестивыми декларациями, велась как папой, так и императором за власть и наживу. Бильбасов изображал ее как историю кровавого произвола.

По словам Бильбасова, уже в начале своей деятельности он поставил перед собой задачу написать историю Германской империи первой половины XIII в. и начал исследования «с отдельных событий и явлений... пока, наконец, сумма отдельных работ даст возможность всесторонне понять как ту эпоху... так и ту личность, которая служит наиболее полным представителем этой эпохи» [17]. Перечисленные работы были результатом поставленной задачи и явились значительным вкладом русской науки в изучение истории Германии того времени.

Ко второму комплексу проблем принадлежат работы Бильбасова о деятелях славянского мира на Западе: «Чех Ян Гус из Гусинца» (1869), двухтомный труд «Кирилл и Мефодий» (1868—1871), а также статья «Легендарный образ Кирилла и Мефодия» (1885). Бильбасов писал о Яне Гусе в связи с 500-летием со дня его рождения. Автор характеризует Гуса как одного из «сильнейших борцов за свободу совести. Чех Ян Гус из Гусинца принадлежал к редким явлениям, отмеченным печатью мирового величия» [18]. Здесь рассказано о влиянии Гуса на Лютера. В этой связи Бильбасов опубликовал в русском переводе как приложение к своей книге написанные Гусом в тюрьме перед казнью четыре письма, изданные Лютером в 1537 году [19]. Бильбасов указывал на трагическую судьбу чешского народа, подпавшего под иноземное иго.

В труде «Кирилл и Мефодий» (т. I — «Кирилл и Мефодий по документальным данным»; т. II — «Кирилл и Мефодий по западным легендам») Бильбасов выступает против «задней и предвзятой» мысли как католических, так и православных ученых, изображавших Кирилла и Мефодия с конфессиональных позиций. В противоположность этому автор рассматривает их как славянских просветителей. Ряд лет Бильбасов проработал над документами, чтобы отделить достоверное от легендарного в известиях о деятельности Кирилла и Мефодия.

Остальные работы Бильбасова представляют собою статьи по отдельным вопросам и рецензии на зарубежные книги [20]. Для своего времени они представляли значительный интерес. Некоторые из них, как «Документальные источники хроники Матвея Парижского» (1867) и «Монахиня Росвита, писательница X века» (1872), носят источниковедческий характер. Первая устанавливает, автором каких частей хроники является сам Матвей Парижский, вторая — подлинность произведений Росвиты. Другие из этих работ написаны в обычной манере Бильбасова — через судьбу личности показать главные события эпохи. Рецензия «Иоанна Безумная» (1869) — грустная история 49-летнего заточения «коронованной мученицы деспотизма» — превращается в широкое историческое повествование об эпохе Карла V. В статье «Аббат Полиньяк и польское бескоролевье» (1869) фигура Полиньяка — французского посла при польском дворе — явилась лишь предлогом для описания надвигавшейся национальной катастрофы Польши, главной причиной которой в изображении Бильбасова были феодальные распри среди польских панов.

Бильбасов откликался и на труды, выходившие в России. Известны рецензии Бильбасова на книги его коллег по Киевскому университету — В. Иконникова и М. Драгоманова. В рецензии «Рим и Византия в трудах киевских историков» (1870) и в особом письме в совет Киевского

---

[17] В. А. Бильбасов. Поповский король Генрих IV Распе. «Исторические монографии». Т. I, стр. 1.

[18] «Исторические монографии». Т. I, стр. 273.

[19] Это издание с предисловием Лютера Бильбасов обнаружил в Публичной библиотеке в Петербурге.

[20] Все рецензии и письма помещены в т. V «Исторических монографий».

университета Бильбасов выступил с резко отрицательной оценкой докторской диссертации Иконникова «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории». Бильбасов решительно возражал против тезиса, что Россия в течение девяти веков якобы топталась на месте в своем культурном развитии. Он доказал, что диссертант некритически отнесся к источникам, позаимствовал их из вторых рук и строил свои выводы на материале, взятом из чужих книг. Говоря о книге Драгоманова «Вопрос об историческом значении Римской империи», Бильбасов показал, что она представляет собой неудачный пересказ статьи Н. Г. Чернышевского «О причинах падения Рима». Бильбасов отмечал, что Драгоманов, не будучи знаком с римским археологическим материалом, эпиграфикой и литературой, без которых нельзя решить поставленной им проблемы, пытался утверждать, что все эти источники якобы не имеют большого научного значения.

Деятельность Бильбасова как медиевиста была непродолжительной. В 1871 г. он стал фактическим руководителем петербургской газеты «Голос», издававшейся Краевским. Бильбасова стала интересовать история России. Им была задумана 12-томная работа «История Екатерины Второй», выполненная лишь частично.

Одно из наиболее важных мест в рассматриваемой нами группе русских медиевистов занял Николай Алексеевич Осокин (1839—1895), профессор Казанского университета. Объективной оценке его деятельности как ученого в значительной мере мешает одно обстоятельство. Его курс истории средних веков, который он читал на протяжении трех десятилетий, увидевший свет в 1888—1889 гг., получил резко отрицательную оценку таких крупных историков, как В. Г. Васильевский, П. Г. Виноградов и И. В. Лучицкий[21]. Подобный вердикт авторитетных ученых определил собою пренебрежительное отношение к Осокину как профессору. Это отношение не было поколеблено положительной оценкой курса Осокина Д. И. Иловайским[22]; оно целиком сохранилось и в советское время[23].

Несомненно, этот курс Осокина давал полные основания для столь резкой оценки. Из-за небрежности автора, не взявшего на себя труд отредактировать собственное произведение, в курсе допущено много ошибок. Все неточности, путаница в фактах, подчас прямые нелепости, накоплявшиеся в течение многолетнего литографирования лекций студентами, попали и в печатный курс. Все это, разумеется, надо оставить на совести Н. А. Осокина. Однако следует решительно отказаться от традиции видеть в курсе Осокина одни несуразности. Это тем более неуместно, что такая традиция неизбежно бросала тень и на Осокина-ученого. В действительности дело обстоит гораздо сложнее.

Начало деятельности молодого Осокина в Казанском университете ознаменовалось его несколькими работами по истории Италии. Первое место среди этого цикла занимает статья «Заметки по экономической истории Италии» (1864). Эта работа была направлена против тезиса официальной школы о благодетельности социального мира. Осокин опровергает этот тезис на примере Италии XIV—XV веков. Он всячески подчеркивает превосходство буржуазии над дворянством и показывает,

---

[21] В. Г. Васильевский. История средних веков Н. А. Осокина. «Журнал Министерства народного просвещения», 1889, август, стр. 386, 387; П. Г. Виноградов. Два университетских курса по всеобщей истории. Журнал «Русская мысль», 1888, кн. XII, стр. 49; И. В. Лучицкий. История средних веков. Университетские чтения проф. Н. А. Осокина... «Киевские университетские известия». 1889. Т. XI.

[22] «Русский вестник», 1888, декабрь (речь идет о первом томе курса). Благоприятную оценку курса Осокина мы находим также в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона.

[23] В. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. I. Л. 1929, стр. 120; О. Л. Вайнштейн. Историография средних веков. Л. 1940, стр. 303—304.

что свое благосостояние и политическую свободу буржуазия добыла борьбой. Свой главный вывод о благотворности гражданской борьбы Осокин заостряет до крайности. «Стоит только коснуться истории средневековой Италии, как рассыпаются все мирные иллюзии и мы лицом к лицу встречаемся с фактом оригинальным и непонятным по своей странности. Бесконечная междоусобная резня... не противодействует, а, напротив, способствует экономическому развитию. Чем сильнее кипит резня, чем больше льется крови, тем сильнее богатеют борющиеся граждане, тем больше развивается народное богатство. Спешим заметить, что мы подразумеваем только внутренние войны, что все сказанное нисколько не относится к внешним, которые продолжают, за немногими исключениями, иметь свое губительное влияние на поступательный ход хозяйственного развития» [24].

Кроме «заметок», появилось еще несколько работ Осокина по истории Италии [25], среди которых выделяется исследование «Савонарола и Флоренция» [26]. Эта книга характеризует подход автора к оценке социально-политической борьбы. В ней был подвергнут пересмотру большой круг зарубежной литературы о Савонароле. В противовес многим историкам, видевшим в Савонароле только религиозного реформатора, Осокин следующим образом сформулировал свой взгляд на знаменитого деятеля средневековой Италии: «На Савонаролу надо смотреть, как на политического борца, как на представителя известных государственных тенденций, и религиозный элемент в его деятельности можно смело и совершенно основательно отставить на последний план». Автор рассматривал деятельность Савонаролы в связи с политической историей Флоренции и пришел к выводу, что религиозные мотивы у Савонаролы «прикрывали собою политические стремления высокого чистого демократизма» [27].

Это был взгляд передовой для того времени буржуазной науки. Одним из примеров для характеристики точки зрения автора может служить его ответ на вопрос о том, почему Савонарола потерпел неудачу. В числе главных причин Осокин называет «недостаток решительности в критические минуты и, наконец, общее во всех его действиях и поступках преобладание мягкости, излишней кротости там, где требовались противоположные свойства в интересах собственного призвания и своего дела» [28]. Однако в своих оценках Осокин доходит до явной модернизации, считая, что Савонарола «стремится положить идеи новейшего социализма основанием общественной жизни» [29].

---

[24] «Ученые записки» Казанского университета. Вып. I. 1864, стр. 33.

[25] К «Заметкам по экономической истории Италии» непосредственно примыкает исторический очерк Н. А. Осокина «Аттендоло Сфорца и королева Иоанна II» («Ученые записки» Казанского университета. Вып II. 1864), написанный им по источникам. Несколько позже Осокин вновь вернулся к итальянской тематике, написав книгу «Неаполитанские государи в XIV веке» (1873), основанную также на источниках.

Н. А. Осокин постоянно следил за русской литературой по истории Италии, о чем свидетельствует его рецензия на книгу И. Н. Смирнова «Отношения Венеции к городским общинам Далмации с XII до половины XIV века» («Ученые записки» Казанского университета. 1881. № 2, стр. I—II). В этой рецензии Осокин, между прочим, возражает против утверждения автора, что церковь была хранительницей городской свободы. Работая в итальянских архивах, Осокин издал впервые одну из рукописей известного историка Тридентского собора Паоло Сарпи (Н. Осокин. К биографии Паоло Сарпи. Неизданный документ из Венецианского государственного архива. Казань. 1880).

[26] Н. А. Осокин. Савонарола и Флоренция. «Ученые записки» Казанского университета. 1863. № 1.

[27] Там же, стр. 8.

[28] Там же, стр. 6.

[29] Там же, стр. 12. Отдавая дань своим ранним литературным увлечениям (первой печатной работой Н. А. Осокина был рассказ «Ключница». «Сын отечества», 1859, № 35), автор избрал несколько необычную форму изложения для своей книги. Она состоит из отдельных очерков, где рассуждения историка перемежаются с диалогами и живописными сценами.

Главное место в исследовательской работе Осокина занимает его двухтомный труд «История альбигойцев и их времени». Первый том, «История альбигойцев до кончины папы Иннокентия III» (Казань. 1869), явился его магистерской диссертацией; второй том, «Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами» (Казань. 1872),— докторской. В этом труде Осокин зачастую рассматривал борьбу католичества и ересей как чисто идеологическое явление, загромождая изложение многими догматическими подробностями. Он склонен был считать, что в этой борьбе папство выступало носителем цивилизации. На события в католическом мире автор иногда смотрел глазами сторонника православия и т. д., но в целом этот труд Осокина явился крупным вкладом в изучение истории Южной Франции первой половины XIII века. До того времени в западной литературе не было сводной работы такого масштаба по истории альбигойцев. Что же касается русской историографии, то в ней эта тема не разрабатывалась вовсе.

Н. А. Осокин мобилизовал огромный архивный материал, хранящийся в Национальной библиотеке в Париже, в особенности протоколы инквизиционных трибуналов Южной Франции, воссоздав достаточно подробно фактическую картину развития альбигойского движения и его разгрома. По богатству фактического материала, основанного на источниках, труд Осокина сохраняет свое значение и в наши дни. Монография Осокина об альбигойцах представляет большой интерес и по своей методологии. «Вопросов истории церковной нельзя отрешить от политических и социальных» [30],— так формулировал автор свою задачу, и решил он ее довольно успешно.

Интерес Осокина к развитию экономики, который мы наблюдали в «Заметках по экономической истории Италии», его стремление излагать борьбу идей в связи с социально-политической борьбой, как это было видно на примере книги о Савонароле, заставляли автора изучать историю не только самих альбигойцев, но и их «времени», углубляться в исследование экономической и социально-политической обстановки интересующих его событий. К этому толкал Осокина и самый материал первоисточников. В результате появился научный труд, где сделана попытка средствами буржуазной науки показать альбигойцев и борьбу с ними как вопрос не только церковный и идеологический, но и вскрыть те общественные силы, которые скрывались за религиозной оболочкой.

Н. А. Осокин пришел к выводу, что почвой, на которой выросла ересь, послужило прежде всего торгово-промышленное развитие юга Франции. Вся система городских отношений приходила в противоречие с церковными установлениями. «Изучить политическое и социальное положение городов на юге Франции,— писал он,— значит открыть ключ к познанию основных причин альбигойской ереси» [31].

Альбигойское движение, выражавшее борьбу южных городов за политическую и религиозную самостоятельность, сталкивалось не только с католицизмом, но и с централизаторской политикой французских королей. Оценивая альбигойские войны, Осокин считал, что присоединение Лангедока к Франции носило прогрессивный характер, поскольку «по отношению к феодализму французское завоевание было благотворно в интересах водворения порядка» [32]. Вместе с тем автор отметил, что это присоединение было сделано варварскими средствами, где крест и меч играли одинаково кровавую роль. Инквизиция, эта «гангрена католицизма», была одним из главных средств расправы с альбигойцами. К числу

[30] Н. А. Осокин. История альбигойцев до кончины папы Иннокентия III, стр. III.

[31] Там же, стр. 57—58.

[32] Н. А. Осокин. Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами. Казань. 1872, стр. 396.

ярких страниц книги принадлежит разоблачение на основе документов самой инквизиции разработанной ею системы святого судилища [33].

Н. А. Осокин сочувственно показал борьбу народа против завоевателей — не один раз народные восстания очищали Южную Францию от трибуналов инквизиции. Однако народные массы Лангедока были преданы своими феодалами. «Не во имя свободы совести готовились феодалы воспользоваться народной кровью. Опыт несчастий научил их, как опасно быть на стороне людей, гонимых церковью... Они отреклись от своих прежних друзей, продали их тем же монахам и тем же инквизиторам, думая вымолить поддержку или хотя немое содействие церкви» [34]. После этого народ продолжал бороться один, не доверяя своим верхам. «Альбигойцев слишком часто обманывали, чтобы они могли верить в вельмож и князей» [35],— писал автор. Но это, по оценкам Осокина, уже была борьба бессильного гнева. Осокин говорит и о тех тяжелых последствиях, которые принесла инквизиция Южной Франции. Религиозные преследования, изгнания и постоянный страх за жизнь расстраивали, приводили в упадок торговлю и ремесло недавно процветавших городов.

Особое место в деятельности Н. А. Осокина заняли лекционные курсы по многим разделам всеобщей истории, в особенности курс средневековья, сыгравший столь печальную роль в его профессорской биографии [36]. Эти курсы строились под сильным влиянием гегельянских канонов: «Идея есть дух событий — внутреннее связующее их направление. Факты есть отражение идей. Исследование, группировка по категориям, определение этих категорий идей — составляет предмет университетского курса» [37]. Развитие идей, а следовательно, по мнению Осокина, и ход исторического процесса совершаются путем борьбы противоположностей. «С полным развитием известного явления неразрывно связано начало его падения и замена его другой формою; движение присуще истории, застоя в действительности не существует; а между двумя противоположными явлениями следует борьба» [38]. При изображении исторического процесса Осокин исходит из так называемого закона реакции, согласно которому «в истории всегда наблюдается следование двух взаимно противоположных начал», а потому один ряд явлений неизбежно должен сменяться другим рядом, ему противоположным.

Ход истории представлялся Осокину как процесс, целесообразно направленный, как процесс определенного исторического закона: «Исторический закон должен совершиться, но время не определено, столетие или год — безразлично» [39]. В этом свете Осокин рассматривает и роль личности в истории: личность — орудие тех или иных идей и законов.

Но все эти формулы гегельянского происхождения выступают у Осокина в осложненном виде, так как его деятельность протекала в обстановке новых веяний. Положение о приоритете идей Осокин дополняет тезисом о значении экономических условий: «Одни идеи, как бы ни влияли на современников, не создадут сами по себе событий. Есть обстоятельства, которые способствуют осуществлению этих идей. Это так называемые экономические условия, без влияния которых не может разви-

[33] Там же, стр. 139.
[34] Там же, стр. 302.
[35] Там же, стр. 342.
[36] Н. А. Осокин. История средних веков с приложением очерка средневековой историографии. Т. I. Казань. 1889; т. II, ч. I-я (XIII столетие); ч. 2-я (XIV и первая половина XV столетия). Казань. 1889. Дополнением к этому служит: его же. Вступительная лекция в курс истории XIII века. «Ученые записки» Казанского университета. 1868. № IV.
[37] Н. А. Осокин. Курс лекций по новой истории. Казань. Без даты (литогр.), стр. 4.
[38] Н. А. Осокин. Вступительная лекция в курс истории XIII века, стр. 677—678.
[39] Н. А. Осокин. Курс лекций по новой истории, стр. 8.

ваться история»[40]. Однако рассуждения Осокина об экономических условиях в конечном счете были подчинены его тезису о приоритете идей. «Историческое место народа зависит не от его материальных сил, не всегда даже от его политического значения, а от того участия, которое он имеет в области интеллектуального развития, от участия его в прогрессе знаний»[41].

Помимо перечисленных методологических положений, курс средних веков строился у Н. А. Осокина также под заметным влиянием идей О. Тьерри и Ф. Гизо, как это было, например, у М. С. Куторги и М. М. Стасюлевича. Из всех западных историков Осокин выше всех ставил именно О. Тьерри и Ф. Гизо, полагая, что они «не растягивали историю на политической дыбе» и французы до них «не имели понятия о настоящей своей истории»[42].

Раннее средневековье в концепции Осокина — это неравная борьба между победителями — германцами, составившими господствующий класс, и побежденными — галло-римлянами, превратившимися в трудящихся, тягловое сословие. «Историческая жизнь,— по выражению Осокина,— принадлежала только высшим классам, потомкам победителей. Многолюдная же масса побежденных, римлян и галлов, не жила исторической жизнью»[43]. Н. А. Осокин рисует феодализм не только как политическую систему, но и как строй, опиравшийся на земельную собственность феодалов. Наиболее мощной силой, выступившей против феодализма, были города. Историю средневековых коммун Осокин изображает в полном соответствии с идеями О. Тьерри. Подчеркивая революционный характер коммунальных движений, действовавших в союзе с королевской властью против феодалов, Осокин решительно выступает против революционных движений, возникавших помимо короля, против короля и бюргерства. Борьба городов приводит в конечном счете к ликвидации феодализма. Английская буржуазная революция XVII в. наряду с Вестфальским миром выступает в концепции Осокина как событие, подводившее итоги средневековью и открывавшее эпоху нового времени.

Вместе со вторым томом курса истории средних веков был издан и курс Осокина по средневековой историографии. Последняя работа имеет значение лишь библиографического справочника. Автор не сделал никакой попытки разобраться в идеологических течениях средневековой историографии. Периодизация, которую Осокин наметил в развитии средневековой исторической мысли, является совершенно произвольной. Первым периодом он считал время до 800 г.— столетия падения римского влияния; вторым — от 800 г. до гуманизма (полоса «национальной» историографии); третьим — период «ложноклассической» (гуманистической) историографии. Подводя итоги, можно, однако, сказать, что деятельность русского буржуазно-либерального медиевиста Осокина, взятая в целом, решительно колеблет традиционную, в значительной мере пренебрежительную оценку этого ученого, сложившуюся в историографии.

Таковы сильные и слабые стороны научной деятельности М. М. Стасюлевича, В. А. Бильбасова и Н. А. Осокина — этой забытой группы медиевистов. В истории русской историографии XIX в. они должны занять свое место.

---

[40] Там же, стр. 164.
[41] Н. А. Осокин. Вступительная лекция в курс истории XIII века, стр. 696.
[42] Н. А. Осокин. История средних веков... Т. I, стр. 124—125.
[43] Там же, стр. 5.

ПРОНИКНОВЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ МОНОПОЛИЙ В КИТАЙ НА РУБЕЖЕ XIX и XX веков

А. С. Ерусалимский

Шестьдесят лет назад, в 1900 г., когда главные капиталистические страны уже начали испытывать первые удары надвигавшегося мирового экономического кризиса, а правительства этих стран все еще были заняты вопросом, какие выгоды они могут извлечь из затянувшейся войны Англии против бурских республик в Южной Африке, империалистическая дипломатия, европейская и неевропейская, вдруг оказалась перед лицом новых затруднений — политических и даже военных, возникших в связи с крупнейшими событиями, развернувшимися на Дальнем Востоке: массовым антиимпериалистическим восстанием в Китае. Эти события поразили тогда мир силой своего размаха и полной неожиданностью. Они оказались неожиданными не только для буржуазной прессы, которая на рубеже XIX и XX вв. предавалась оптимистическим пророчествам и радужным надеждам относительно возможностей быстрого и полного раздела Китая, но в первую очередь для сильных мира сего: монополистических кругов и правительств главнейших капиталистических держав, протянувших свои щупальца к Китаю и уже создавших там свои сферы влияния — опорные базы дальнейшего грабежа и расширения эксплуатации многомиллионных масс китайского народа. Переломным моментом в этом отношении являлась японо-китайская война 1894—1895 гг., когда Япония, по выражению В. И. Ленина, «попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии»[1]. В течение нескольких последующих лет империалистические державы положили начало разделу Китая на сферы влияния. Политика «открытых дверей», провозглашенная США, являлась орудием проникновения американских монополий в Китай и их борьбы с империалистическими соперниками и конкурентами. Если в течение предшествующего периода главными соперниками в Китае выступали Англия и Россия, то на рубеже XIX и XX вв. все более заметным становилось проникновение в Китай германских монополий[2]. Это проникновение имело и серьезные политические последствия. Напомним, что именно в Шаньдуне, главной сфере деятельности германских монополий в Китае, сложились первые очаги антиимпериалистического движения китайского народа — движения ихэтуаней[3] — и что в ходе подавления этого

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 74.

[2] Об экономическом проникновении германского капитала в Китай и о политике Германии в Китае в период японо-китайской войны 1894—1895 гг. см. А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М. 1956, а также Helmut Stoecker. Deutschland und China im 19. Jahrhundert. Berlin. 1958. О политике Германии в Китае в последующие годы см. А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М. 1951; Г. Ефимов. Внешняя политика Китая 1894—1899 гг. М. 1958; С. Л. Тихвинский. Движение за реформы в Китае и Кан Ю-вэй. М. 1959, гл. V.

[3] См. Фань Вэнь-лань. Новая история Китая. М. 1955.

движения все участники объединенной военной интервенции в Китае были вынуждены считаться с возраставшей ролью германского империализма.

Таким образом, изучение вопроса о начальном этапе проникновения германских монополий в Китай представляет, на наш взгляд, значительный интерес, и притом не только конкретно-исторический, но в известной степени и теоретический. Ведь в данном случае речь идет об изучении тех новых форм и методов экспансии капитала, которые стали столь характерными для конца XIX — начала XX в., когда домонополистический капитализм сменился империализмом и когда закон о неравномерности развития капитализма стал проявляться особенно остро и наглядно как в экономической, так и в политической областях. Тогда же появился новый тип монополий, которые специально предназначались для целей империалистической экспансии в колониальные и полуколониальные страны. Вот почему в ходе изучения империализма как высшей и последней стадии капитализма В. И. Ленин особенно внимательно исследовал формы образования этих монополий и те методы, экономические и политические, которые применялись этими монополиями для достижения своих целей. В частности, он самым тщательным образом отбирал факты, воссоздававшие картину концентрации банковского капитала в целях проникновения в Китай и империалистического закабаления этой великой страны путем ее раздела на сферы влияния. Не удивительно, что В. И. Ленин включил в поле своего изучения и деятельность сложившегося в Германии в конце XIX в. «Немецко-Азиатского банка» («Deutsch-Asiatische Bank»)[4], ставшего вскоре одной из главных движущих сил проникновения тогда еще молодого, но уже весьма агрессивного германского империализма в Китай. Ныне изучение экспансионистских методов и целей германского империализма в отношении колониальных и полуколониальных стран нам представляется важным еще и потому, что они, эти методы и цели, используются и современным западногерманским «неоколониализмом», который стремится скрыть старую империалистическую сущность своей политики в Азии и в Африке под новым идеологическим флагом «демократического обновления».

В основу настоящей статьи, посвященной рассмотрению вопроса о начальном этапе проникновения германских монополий в Китай, положены документы архива германского министерства иностранных дел, архива германской миссии в Пекине, русских и отчасти китайских архивов.

★

На рубеже XIX и XX вв. правящие круги Англии все еще считали, что их главным соперником в Китае является Россия, и не придавали большого значения усилившимся экспансионистским устремлениям Германии, которую они надеялись и здесь использовать как противовес или барьер против России. В течение многих лет английский капитал в Китае действовал совместно с германскими фирмами и не сразу заметил, как эти услужливые и аккуратные фирмы, плодясь и размножаясь на благодатной почве огромной «Поднебесной империи», постепенно начали освобождаться от той скромной роли, которую они раньше выполняли, стали наращивать свою силу и способствовать проникновению германского капитала в Китай. То были большие торговые фирмы, прежде всего обосновавшиеся в китайских портах, но сумевшие проникнуть и в глубь страны. В 1897 г. в китайских портах насчитывалось 137 английских фирм, а немецких — 99, из коих 87 занимались торговлей в крупных размерах. Конечно, их удельный вес в различных портах был неодинаков. Так, в Шанхае английских фирм было

[4] См. В. И. Ленин. Тетради по империализму. М. 1939, стр. 106, 133.

вдвое больше, чем немецких, и они играли явно преобладающую роль[5]. Это объяснялось в первую очередь тем, что через Шанхай производился ввоз английских хлопчатобумажных товаров, и притом все еще в огромных массах, несмотря на усилившуюся американскую и японскую конкуренцию. В Гонконге сложилось положение более выгодное для немецких фирм. Общее число немецких фирм во всех остальных портах Китая приближалось к числу английских (их было соответственно 47 и 54). Только в пределах бассейна Янцзы английские фирмы и по количеству и по влиянию удерживали превосходство в своих руках. Однако и здесь немецкий капитал проявлял повышенную активность. Немецкие фирмы уже не только обслуживали интересы английской торговли — они все более настойчиво продвигали германские промышленные товары на китайский рынок и, с другой стороны, поставляли сырье из Китая в Германию, да и в некоторые другие страны. Это означало, что германский капитал, вступив в борьбу за увеличение своей доли в импортной и экспортной торговле Китая, становился потенциальным конкурентом и соперником английского капитала в бассейне реки Янцзы.

Серьезные симптомы в этом направлении проявились еще в середине 90-х годов, когда наместник Хугуана (провинций Хунань и Хубэй) Чжан Чжи-дун заключил с немецкими фирмами сделку о займе на сумму в один миллион лан для поддержания созданных им предприятий — хлопчатобумажной мануфактуры, железоделательного и оружейного заводов. Находясь в тяжелом финансовом положении, не имея денег даже для уплаты рабочим, Чжан Чжи-дун решил было передать все свои предприятия группе китайских капиталистов в Гуанчжоу (Кантон). Но переговоры с ними ни к чему не привели. Тогда Чжан Чжи-дун обратился к английским банкам. Последние, однако, отказались не только от приобретения этих предприятий, но и от предоставления ему займа, требуя гарантии пекинского правительства. Воспользовавшись этими неудачами китайского наместника, две немецкие фирмы, «Arnold, Karberg und C°» и «Carlowitz und C°», действуя через находящегося на китайской службе немецкого инженера Шейдтвеллера, устроили Чжан Чжи-дуну необходимый ему заем с тем, чтобы погашение займа гарантировалось действующими предприятиями, которые обязывались впредь выписывать из Германии не только машины и оборудование, но также инженеров и механиков. Самое любопытное в этой сделке заключалось в том, что, предоставляя заем, немецкие фирмы обеспечили себе получение прибылей с двух сторон: они выступали лишь в качестве посредников, сумевших привлечь китайских капиталистов путем предоставления им гарантий, а вместе с тем смогли воспользоваться этим миллионным займом, чтобы выгодно разместить заказы среди крупных промышленных фирм в Германии. При этом немецкие посредники рассчитывали на то, что упомянутого займа окажется недостаточно и что, снова воспользовавшись оплаченными услугами китайских капиталистов, они смогут навязать своему китайскому клиенту новые займы на более тяжелых условиях. Вот почему англичане и бельгийцы, работавшие на предприятиях Чжан Чжи-дуна, уже тогда пришли к выводу, что предоставленный заем является «первым шагом немцев к захвату в свои руки как уже существующих, так и будущих предприятий Чжан Чжи-дуна, а затем, шаг за шагом, и здешнего рынка»[6].

Но к этому времени и другие немецкие фирмы стали проявлять активность в бассейне Янцзы. Так, фирма «Mandl und C°», которая уже

[5] «Beiträge zur Flottennovelle von Nauticus». Bd. 2; см. также «Alldeutsche Blätter», № 13, 25 марта 1900 года.

[6] Архив внешней политики России (АВПР), ф. «Китайский стол», д. 384, лл. 40—43. Донесение российского консульства в Ханькоу, 10 февраля (29 января) 1894 г., № 15.

ранее стала преуспевать на поставках оружия в северных портах Китая, теперь сумела расширить свою деятельность и на юге страны. Ее представитель Лидер, действуя при помощи того же немецкого инженера Шейдтвеллера, сумел заключить с Чжан Чжи-дуном соглашение об устройстве в его провинции двора для чеканки серебряной монеты и налаживании других промышленных производств. Предоставив своему китайскому партнеру часть необходимых ему капиталов, немецкая фирма заранее оговорила как выгодные для себя условия распределения прибылей, так и то, что предстоящие заказы на оборудование будут размещены на германском рынке. Сообщая в Петербург об этих фактах, русский консул в Ханькоу заключал: «Вот еще один успех, и довольно крупный, в стремлении немцев водвориться в здешнем крае» [7].

За пределами бассейна Янцзы немецкий капитал уже был представлен бо́льшим количеством фирм (36), чем английский (35). В Гуанчжоу в течение трех лет образовались 6 немецких фирм, которые начали вытеснять китайских купцов, занимавшихся ввозом иностранных товаров, закупаемых в Гонконге [8]. Что касается Тяньцзина, то там позиции германского капитала были значительней, чем капитала всех других иностранных держав, вместе взятых [9].

Конечно, соотношение общего количества английских и немецких фирм еще не дает представления об их экономической роли и влиянии, а также о характере и перспективах их соперничества.

Что касается немецкой торговли в Китае в тот период, то она неуклонно росла. Правда, точные цифры ее роста вначале определить было трудно, ибо, как справедливо отметил русский наблюдатель полковник Десино, «отчеты таможен (Returns of Trade and Trade Reports) показывают товары по флагу судна, на котором они ввезены или вывезены, а за недостатком у немцев коммерческого флота значительное количество их ввоза и вывоза из Китая идет на судах других наций, и потому таможни причисляют такие товары той нации, которой принадлежит судно» [10]. Тем не менее даже простое сопоставление цифр водоизмещения иностранных судов, прибывавших в Китай, свидетельствовало о том, что немецкая торговля с Китаем значительно расширялась, и притом в более быстрых темпах, чем торговля других государств [11]. Следует также учесть, что немецкие суда занимались перевозкой в Китай товаров почти исключительно германского происхождения, а с другой стороны, немецкие товары перевозились и на судах под чужим флагом. Несколько позднее в официальном отчете, представленном рейхстагу, германское правительство отметило, что на рубеже XIX—XX вв. в течение одного десятилетия (начиная с 1894 г.)

---

[7] Там же, лл. 44—45. Донесение российского консульства в Ханькоу, 16/4 февраля 1894 г., № 18.

[8] Deutsche Zentral-Archiv (DZA) Potsdam. A. A., Bd. 3533, Bl. 197. «Handel Kantons im Jahre 1900».

[9] В начале XX в. в Тяньцзине существовало 29 немецких торговых фирм с оборотом в 19 млн. марок; в Шанхае—68 фирм, их капитал в имуществе и торговых оборотах исчислялся в 120 млн. марок; 12 немецких фирм, существовавших в Гуанчжоу, обладали оборотным капиталом до 70 млн. марок; в Ханькоу существовало 9 немецких фирм, занимавшихся экспортом промышленных товаров из Германии в Китай (на сумму более 12 млн. марок) и имевших капиталовложения в угольные копи Пинсяна (на сумму около 4 млн. марок); 2 немецкие фирмы в Чифу обладали капиталом в 4,5 млн. марок. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 447, д. 64, л. 31. Записка «Величина германских интересов в различных договорных портах Китая» (25/12 марта 1903 г.).

[10] По подсчетам Десино, в течение четырех лет (с 1898 по 1901 г.) водоизмещение немецких судов, прибывавших в китайские порты, возросло в 4,4 раза; в то же время водоизмещение судов других государств возросло немногим более чем в 1,2 раза. ЦГВИА, ф. 447, д. 44, лл. 114—117. Рапорт полковника Десино управляющему делами Военно-ученого комитета Главного штаба. Шанхай, 7 июля (24 июня) 1902 г. № 134.

[11] Там же.

экспорт германских товаров в Китай увеличился с 28,2 млн. марок почти до 53 млн., а импорт из Китая в Германию — с 27,1 млн. почти до 40 млн. марок [12]. И хотя торговые интересы Англии в Китае в абсолютных цифрах все еще значительно превосходили интересы Германии [13], рост германской торговой экспансии становился фактором, который не мог остаться незамеченным. «Каждому живущему в Китае,— писал Десино,— заметно увеличение немецких фирм и магазинов и в особенности их товаров, которые можно получить даже в английских магазинах» [14].

Англо-германское торговое соперничество развернулось не только в Шаньдунской провинции, но и в таких крупных центрах Китая, как Шанхай, Гуанчжоу, Сватоу, Ханькоу и Чифу. Формы этого соперничества были в ту пору весьма своеобразны. Уверенный в своей монополии на китайском рынке, английский капитал удерживал в своих руках традиционные предметы торговли (текстиль, железные изделия и др.), в то время как его молодой конкурент — германский капитал — изыскивал новые и новые предметы импорта, не пренебрегая пуговицами, швейными иглами и всякими, казалось бы, пустяками [15]. Английские купцы и статистики пренебрежительно называли эти предметы немецкого импорта «german articles», или «german nicknack», но в конце концов были вынуждены с горечью признать, что немецкие «выскочки» добиваются успеха на китайском рынке. «Немцы привозят сюда все, на что имеется спрос,— говорилось в официальном английском отчете о положении в Гонконге.—...Первоначально тот или иной товар может еще не иметь значения, тем не менее немецкий купец его поддерживает и продвигает, пока он не становится предметом, заслуживающим внимания. Те товары, которые английские купцы отбрасывают в сторону как недостойные внимания, он берет в свои руки» [16].

Все сказанное в еще большей степени относится к экспорту китайских товаров. Как отмечалось в том же отчете, «почти все увеличение экспорта с Востока, поскольку речь идет о новых предметах торговли, следует отнести за счет немцев. Они являются первыми, кто понял ценность нового предмета, первыми, кто сделал попытки его продвинуть, первыми, кто отправляет его на родину, первыми, кто превращает его в нечто, имеющее рыночную ценность». Не удивительно, что стоимость того, что в статистике китайской внешней торговли носило неопределенное название «разное» («sundries»), в течение всего лишь восьми лет (с 1890 по 1898 г.) выросла более чем вдвое (с 42 млн. до 90 млн. таэлей) [17].

Но гораздо более важное значение имело другое обстоятельство: во многих случаях немецкие фирмы росли и наживались, опираясь на

[12] «Die Entwicklung der deutschen Seeinteressen im letzten Jahrhundert». Zusammengestellt im Reichs-Marine Amt. См. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages, 11. Legaturperiode. Zweiter Anlageband Berlin. 1906. S. 1712.

[13] По официальным немецким данным, английский экспорт в Китай исчислялся в 1904 г. в сумме 181,3 млн. марок, а ввоз из Китая — 56,3 млн. марок. См. там же.

[14] ЦГВИА, ф. 447, д. 44, лл. 114—117.

[15] В одном из германских официальных отчетов, составленном в мае 1898 г., об импорте немецких товаров в Китай отмечалось следующее: «В главных предметах торговли — хлопчатобумажных изделиях и в опиуме — Германия не может конкурировать с Англией, но она может это делать в отношении всех мелких и галантерейных товаров, которые она в состоянии поставлять по более дешевым ценам. При бедности Китая дешевизна является главным условием для импорта. На качество обращается меньше внимания, хотя следует считать большим заблуждением, когда некоторые наши отечественные фабриканты убеждают себя в том, что «все, что нравится неграм, должно угодить и китайцам». DZA Potsdam, A. A., Bd. 3533, Bl. 38. «Memorandum betreffend chinesische Mustern für den deutschen Import».

[16] «Beiträge zur Flottennovelle von Nauticus». Bd. 2; см. также «Alldeutsche Blätter», № 13, 25 марта 1900 года.

[17] Там же.

иностранный капитал. Так, например, из 73 компаний, которые немецкие фирмы представляли в Гонконге, 27 вовсе не были немецкими. В Шанхае 10 крупных немецких фирм были связаны с английским, а также с бельгийским и американским капиталом. Даже английская монополия Армстронг — крупнейший соперник Круппа в производстве смертоносных орудий — была представлена в Шанхае немецкой фирмой. Зарекомендовав себя по части продвижения иностранных товаров на китайский рынок ловкостью в посреднических операциях, немецкие фирмы становились представителями английских (текстиль и железные изделия), некоторых американских (нефть и текстиль) и бельгийских (железные изделия) компаний.

Некоторые немецкие фирмы выступали в столь сильно выраженном космополитическом обличье, что даже сведущие люди затруднялись определить национальное происхождение их капитала. Такова, например, была крупная фирма «Arnold, Karberg und C°». Ее служащие, в том числе высшие, были немцы, главная контора фирмы находилась в Лондоне, а в китайских портах она торговала русским керосином. Другая немецкая фирма, «Meyer, Lemke und C°», обосновавшаяся в Шанхае (в Тяньцзине и Гонконге она выступала под другими наименованиями), являлась представительницей «Королевской Нидерландской компании по эксплуатации нефтяных источников в Нидерландской Индии», и ее агентами в ряде китайских городов были некоторые английские фирмы. Большинство этих фирм было связано с более или менее крупными китайскими фирмами, имевшими отделения в глубине страны[18].

Таким образом, образовавшиеся в Китае немецкие фирмы, будучи связанными с иностранными компаниями или действуя самостоятельно и лишь отчасти представляя интересы германского капитала, не только проникали на китайский рынок, но и сумели тщательно его изучить, установить с ним крепкие связи, прежде чем крупные немецкие монополии запустили туда свои щупальца. Когда эти монополии стали на путь проникновения в Китай, там уже имелась широко разветвленная сеть опытных и изворотливых немецких фирм, на которую можно было положиться. Большая часть этих фирм, представляя интересы английской промышленности и торговли, пустила глубокие корни в Китае, экономически окрепла и теперь охотно готова была нажиться и на экспансии германского капитала. Конечно, перед немецким капиталом в Китае стояло еще много преград и нужны были большие усилия, чтобы, вытесняя экономически и политически своих соперников, укрепить там собственные позиции. К началу XX в. немецкий экспорт в Китай едва достиг лишь пятой части английского экспорта в эту страну. Но крупные германские монополии рассчитывали, что, опираясь на связи и опыт ранее обосновавшихся в Китае немецких фирм, а главное, на захваченный плацдарм в провинции Шаньдун и используя противоречия между своими соперниками, прежде всего между Англией и Россией, они смогут быстро и сильно рвануться вперед в развертывании своей экспансии на Дальнем Востоке.

Одним из важных орудий этой экспансии явилось германское судоходство. К началу XX в. германский капитал сумел овладеть акциями нескольких иностранных судоходных компаний, действовавших в Восточной и Юго-Восточной Азии, и получить в свои руки их торгово-пассажирские корабли. Так, компания «Bremer Lloyd» скупила всю флотилию британской «Scottish Oriental Steamship C°» (13 пароходов), а также большую часть кораблей «Henry Holt Line» и, таким образом,

[18] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 632, оп. 1, д. 10, лл. 6—28. Доклад представителя Русско-Китайского банка в Пекине Д. Покотилова правлению банка о состоянии торговли керосином в Китае, 2 сентября (21 августа) 1897 года.

стала участвовать в эксплуатации морского транспорта в Сиаме и на Малайском архипелаге. После того, как «Norddeutsche Lloyd» приобрел линию «East India Ocean Steamship C°», владевшую 27 кораблями, можно считать, что германский капитал стал играть видную роль в каботажном флоте всей Юго-Восточной Азии [19]. Даже в Сингапуре, цитадели английского влияния, стал часто появляться германский флот. Расширяя сферу своей деятельности, германские линии достигали Рангуна, Бангкока и Гонконга [20]. Особо важное значение имело проникновение германских судоходных компаний в бассейн Янцзы. Немецкие фирмы в Ханькоу стремились здесь захватить в свои руки экспортную торговлю, однако не смогли этого сделать, поскольку две английские пароходные компании, обслуживавшие линии Шанхай — Ханькоу, практически держали монополию на судоходство по Янцзы. Чтобы подорвать эту монополию, заинтересованные германские фирмы, действуя через германского посланника в Пекине барона Гейкинга, сумели заручиться в осуществлении своего плана поддержкой рейхсканцлера Гогенлоэ [21], и спустя несколько месяцев гамбургский сенат сообщил германскому правительству, что две гамбургские фирмы уже приступили в Шанхае к постройке пароходов, специально предназначенных для судоходства по Янцзы до Ханькоу [22]. Так германский капитал стал подрывать английскую монополию на судоходство по Янцзы.

В области торговли оружием германский капитал уже давно выступал в качестве главного соперника Англии, роль французских и бельгийских поставщиков оружия была менее значительной. Борьба английских и немецких торговцев смертью за китайский рынок была упорной и протекала для каждой из сторон с переменным успехом. Так, в одном случае немецкая фирма «L. Spitzel und C°», занимавшаяся поставкой патронов, не выдержав английской конкуренции, была вынуждена прекратить свою деятельность в Тяньцзине [23]. В другом — английская фирма Армстронг, являвшаяся поставщиком оружия в Китай, вынуждена была смириться с тем, что пушечный король германской империи Крупп заключил в Китае выгодные сделки. Тесно связанная с германским правительством, и в частности с ведомством иностранных дел, постоянно пользуясь их активной поддержкой, дирекция Круппа уже в начале 90-х годов посылала в Китай одного агента за другим, и каждый из них добывал заказы от пекинского правительства или от губернаторов отдельных провинций. Эти сделки обычно сопровождались темными махинациями, и коррумпированные китайские мандарины, уяснив себе, сколь легко и быстро можно наживаться на заказах и торговле крупповским оружием, никогда не отказывались от этой возможности.

Китайские сановники отлично отдавали себе отчет в том, какое влияние Крупп имел в правительственных кругах Германии, и однажды они даже пытались использовать это влияние в своих интересах, но потерпели неудачу. То было в конце 1897 г., когда германское правительство под предлогом необходимости оказать защиту миссионерам направило войска в Шаньдунскую провинцию с целью захвата Цзяочжоу. Этот разбойничий акт вызвал в правящих кругах Китая столь серьезное беспокойство и тревогу, что даже Ли Хун-чжан, наи-

[19] Alfred Graf von Waldersee. Denkwürdigkeiten. Hrsg. von H. O. Meisner. Dritter Band. Stuttgart und Berlin. 1923, S. 14.

[20] «Nauticus, Jahrbuch für Deutschlands Setinteressen», S. 240; см. также «Alldeutsche Blätter», № 6, 4 февраля 1900 года.

[21] DZA Potsdam. A. A., Bd. 3533, Bl. 90. Записка Гейкинга Гогенлоэ, 27 декабря 1898 года.

[22] Там же, л. 96. Письмо сената Гамбурга Гогенлоэ, 5 мая 1899 года.

[23] DZA Potsdam. A. A., Bd. 8466, Bl. 2—3. Письмо Гейкинга Гогенлоэ, 23 февраля 1897 года.

более влиятельный советник китайского двора, всегда склонный идти на уступки домогательствам империалистических держав, в данном случае начал искать пути, которые помогли бы Китаю амортизировать удар германского «бронированного кулака». Зная, как велика заинтересованность Круппа в китайском рынке, он решил непосредственно обратиться к нему с просьбой умеряющим образом воздействовать на политику германского правительства в Шаньдуне. Ответ Круппа не заставил себя ждать, но он свидетельствовал о том, как плохо китайский сановник разбирался во взаимоотношениях между Круппом и германским правительством. Крупп писал, что не в состоянии принести в жертву дружбе с Ли Хун-чжаном свой «долг германского подданного» и не чувствует себя вправе довести просьбу Ли Хун-чжана до сведения германского кайзера. Крупп ограничился тем, что порекомендовал китайскому сановнику действовать через обычные каналы, то есть обратиться в германское ведомство иностранных дел. Вылив, таким образом, на голову Ли Хун-чжана ушат холодной воды, Крупп, разумеется, не преминул конфиденциально сообщить об этом кайзеру, который поспешил выразить ему свою благодарность и за сообщение и за поддержку [24]. Со своей стороны, кайзеровское правительство всегда было готово оказать Круппу помощь, когда это было нужно, чтобы оттеснить соперника и вырвать у китайского правительства или у его провинциальных сатрапов большой и прибыльный контракт.

В самом начале 1898 г. фирма Круппа получила тревожные вести, что ее английский соперник Армстронг добивается в Пекине весьма выгодных контрактов на снабжение китайской армии и флота вооружением. Тотчас же Менсгаузен, член дирекции Круппа, обратился с письмом к статс-секретарю Рихтгофену, в котором настоятельно требовал, чтобы германское правительство не оставалось в стороне от борьбы за китайский рынок: оно должно было пустить в ход всю силу своего дипломатического влияния и «не допустить, чтобы при раздаче заказов на военные материалы и корабли немецкая индустрия осталась с пустыми руками» [25]. Эта поддержка была немедленно оказана. Тогда же, в январе 1898 г., Крупп потребовал от германского правительства помощи, чтобы отстранить французского конкурента — фирму «Schneider et C° au Creusot», добивавшуюся в Пекине заказов на снабжение китайской армии артиллерией. В данном случае эта фирма предлагала Круппу действовать совместно [26], но последний предпочитал оттеснить французов и весь заказ захватить в собственные руки. Бывало и так, что фирма Круппа действовала в Китае через посредство других немецких фирм. Так, в феврале 1898 г. связанная с Круппом торговая фирма «Carlowitz und C°» заключила с властями провинции Чжэцзян контракт о поставке полного комплекта завода по производству бездымного пороха. Практически заказ был передан Круппу с условием, что сдача оборудования китайским властям будет происходить при участии официального представителя германских военных учреждений. Ссылаясь на то, что «немецкая промышленность всегда получает действенную поддержку у королевских учреждений» Пруссии, фирма Круппа и на сей раз потребовала содействия, в данном случае от артиллерийской инспекции [27]. Не приходится сомневаться в том, что и это требование было выполнено, тем более, что все расходы,

---

[24] DZA Merseburg, Rep. 89 H, Auswärtige Sachen, VI, 1, Bl.61—62. Письмо Круппа китайскому посланнику в Берлине. Эссен, 3 декабря 1897 г.; л. 64, секретное письмо ведомства иностранных дел Круппу. Берлин, 14 декабря 1897 года.

[25] DZA Potsdam. A. A., Bd. 8466. Bl. 6—7.

[26] Там же, л. 8. Письмо фирмы «Schneider et C° au Creusot» члену дирекции Круппа Клюпфелю, 24 января 1898 года.

[27] Там же, лл. 16—17. Письмо фирмы «Carlowitz und C°». Гамбург, 2 июня 1898 г.; лл. 22—23, письмо фирмы Круппа Королевской инспекции технического института артиллерии, 18 июня 1898 года.

связанные с поездкой представителей инспекции в Китай, были взяты фирмой Круппа на себя.

О характере взаимоотношений между Круппом и германским правительством дает представление и следующий эпизод. Однажды некий Бауэр, отправляясь в Китай по поручению нескольких немецких фирм, обратился в ведомство иностранных дел с просьбой об оказании ему помощи. Положительный ответ задержался. Тогда вмешался Крупп. В личном письме он уведомил рейхсканцлера Гогенлоэ, что означенный Бауэр — знаток китайского рынка — едет прежде всего по его, Круппа, поручению и он весьма заинтересован в этой поездке. Этого было достаточно, чтобы Гогенлоэ счел нужным лично, немедленно и почти в извинительном тоне ответить, что представитель Круппа всегда может рассчитывать на самую широкую и всестороннюю поддержку со стороны правительства. Германскому посланнику в Пекине были отправлены соответствующие инструкции [28].

Связь между правительством и Круппом была настолько тесной, что некоторые агенты фирмы, например, майор Леннэ, отправляясь в Китай, получали от правительственных органов устные поручения, по-видимому, особо деликатного свойства [29]. Наряду с поставкой современного оружия Крупп частенько сбывал в Китай старую заваль, и обычно это сходило ему с рук. Но иногда китайские власти обнаруживали недобросовестность Круппа как поставщика и обращались с соответствующими жалобами в Берлин. Представители Круппа, как правило, отрицали обоснованность подобного рода жалоб. В случае, если китайская сторона продолжала настаивать на своих претензиях, в роли верховного арбитра выступал сам германский кайзер, который всегда высказывался в пользу Круппа [30]. После этого китайские претензии отвергались, а германское ведомство иностранных дел спешило направить в немецкие газеты тексты оплаченных статей, восхвалявших высокое качество оружия крупповского производства. Эти статьи печатались во всех газетах, кроме тех, которые были известны как официозные издания. Так прятались в воду концы, связывавшие фирму Круппа с «высокими сферами» в Берлине. Ведомство иностранных дел вообще активно продвигало в прессу материал, призванный живописать успехи, выгоды и перспективы экспансии германского капитала на Дальнем Востоке [31].

Если в области торговли влияние немецкого капитала росло быстро и германские монополии в ряде случаев оттесняли с китайских рынков старые, многоопытные английские фирмы, то в одной из областей экономических интересов, и при том в политическом отношении наиболее важной, а именно — в деятельности крупных банков, Англия сохраняла свое превосходство. Быть может, нигде в мире банковский капитал не был столь космополитичен, как в Китае. Здесь в самых причудливых сочетаниях и сложных противоречиях сплетались финансовые интересы английских, французских, бельгийских, русских, американских и даже итальянских банкиров, богатых индийских евреев, американизированных китайцев, китайских финансистов и мандаринов. Но по мере роста финансового капитала наиболее крупную роль в

[28] Там же, л. 75.
[29] Там же, л. 84.
[30] Там же, лл. 51, 98—105 и др.
[31] DZA Potsdam. A. A., Bd. 12976. «Akten betreffend den «Ostasiatischen Lloyd» und andere deutsche Zeitungen in Ostasien, sowie die Vertretung der deutschen Interessen in nichtdeutschen Zeitungen». В этом досье собраны материалы, свидетельствующие о том, что германское правительство субсидировало «Ostasiatische Lloyd» — орган, издававшийся в Китае на немецком языке, а также ряд газет, выходивших в Японии, в частности «Kobe Chronicle».

Китае начали играть английские банки, в управлении которых участвовали, впрочем, не только англичане. Банковские учреждения, представлявшие финансовый капитал различных стран, оспаривали друг у друга возможность размещения китайских займов, боролись за железнодорожные концессии и участвовали в любых других спекуляциях, приносивших высокие дивиденды.

Масштабы деятельности в Китае были настолько обширны, что ни английские, ни созданные позднее немецкие банки не являлись простыми филиалами тех или других банков метрополии. Английский финансовый капитал создал в Китае специальную крупную корпорацию «Гонконг-Шанхайский банк» («Honkong and Shanghai Banking Corporation»), центр которой находился в Гонконге, а ее 26 филиалов — в больших городах Азии, Америки и Европы (в том числе в Гамбурге). Эта огромная и влиятельная банковская корпорация, обладавшая акционерным капиталом в 10 млн. серебряных долларов, имевшая, кроме того, $11^1/_2$ млн. резервного фонда и почти на ту же сумму резервных обязательств акционеров, заняла столь видное место, что многие немецкие фирмы в Китае искали ее поддержки и в конце концов связали с ней свои материальные интересы. Представители четырех наиболее крупных немецких фирм в Китае были включены в состав дирекции этой банковской корпорации, и даже управляющий делами ее дирекции был немец.

До тех пор, пока Лондон сохранял свою роль главного центра международного денежного рынка, немецкие торговые фирмы в Китае считали, что их сотрудничество с этим крупным и влиятельным английским банком является делом весьма выгодным. Поэтому некоторые из них без всякого энтузиазма встретили сообщение о том, что 13 крупнейших немецких банков, объединив свои усилия, создали «Немецко-Азиатский банк» с акционерным капиталом в 5 млн. шанхайских таэлей (25 млн. марок). Между тем уже в момент образования этого банка, призванного обеспечить экспансию германского капитала в Восточную Азию, оказалось, что не только финансисты, но и правительственные круги в Германии проявляют к его деятельности повышенный интерес. И действительно, в создании этого банка наряду с частными банкирскими домами и фирмами приняло участие и «Königliche Seehandlung-Societät» — наиболее крупное финансовое учреждение прусского государства. К тому же, согласно статуту «Немецко-Азиатского банка», избрание президента наблюдательного совета банка подлежало утверждению кайзером [32]. Таким образом, вновь созданный «Немецко-Азиатский банк», имея столь тесные связи с прусско-германским государством, с самого начала рассматривался как одно из орудий внешней политики Германии.

Открыв свои двери 1 января 1890 г., банк сразу же начал устанавливать связи с теми европейскими, и притом не только немецкими, фирмами, которых привлекала перспектива освободиться от монополии всемогущего английского банка. Эта перспектива показалась заманчивой и некоторым представителям китайских властей, с которыми «Немецко-Азиатский банк» также не преминул завязать связи. В результате уже в первый год своей деятельности банк выплатил 2,5% дивидендов. Это было немного, но банк продолжал расширять круг своих связей и поле деятельности. Однако первые успехи оказались призрачными: завязнув в спекуляциях в Гонконге и Шанхае американскими акциями серебряных рудников и не предвидя падения цен на серебро, «Немецко-Азиатский банк» потерпел значительный финан-

[32] DZA Potsdam. A. A., Bd. 12991, Bl. 140. Письмо «Немецко Азиатского банка» ведомству иностранных дел. Берлин, 19 июня 1902 года.

совый урон, а после краха крупнейшей американской фирмы «Russel and C°», в финансовых делах которой он был заинтересован, его положение стало почти катастрофическим: в течение нескольких лет акционеры не получали никаких дивидендов. Чтобы спасти капиталы и обеспечить проценты по ним, банк начал изыскивать более надежные формы деятельности: он расширил вексельные операции (с 19 млн. таэлей в 1893 г. до 61 млн. в 1898 г.), а главное, начал заниматься вывозом золота в Германию и Австро-Венгрию. Кроме того, банк стремился привлечь и китайский капитал (его депозиты росли именно за этот счет). Все это, вместе взятое, позволило ему в 1894 г. выплатить акционерам 7% дивидендов. То был год, когда началась война, предпринятая милитаристской Японией против Китая.

В результате этой войны, закончившейся поражением Китая и открывшей новые пути финансового закабаления страны иностранными державами, «Немецко-Азиатский банк» получил возможность участвовать в китайских государственных займах. Но руководители банка уяснили себе, что при сложившемся в то время соотношении сил они будут в состоянии осуществить эту возможность только при условии, если, не претендуя на монопольное положение, будут действовать в качестве партнеров своего английского конкурента — «Гонконг-Шанхайского банка». В результате больших финансовых усилий, дипломатических нажимов, сложных интриг и переговоров оба банка, немецкий и английский, в 1895 г. поделили между собою поровну участие в пятипроцентном государственном китайском займе на общую сумму в 16 млн. ф. стерлингов.

За спиной «Немецко-Азиатского банка» стоял большой синдикат магнатов германского финансового капитала во главе с «Disconto-Gesellschaft», между тем как «Гонконг-Шанхайский банк» представлял группу крупных английских финансистов во главе с банкирским домом Н. Ротшильда. Достигнув соглашения с английскими банкирами, синдикат немецких банков решил, что нужно закрепить принцип паритета в деле размещения китайских займов; осуществление этого принципа открывало перед ним широкие возможности дальнейшего проникновения в Китай. С этой целью Ганземан, глава «Disconto-Gesellschaft», обратился к Ротшильду с письмом, в котором доказывал, что подобного рода сделки, заключенные непосредственно между английскими и немецкими банками, являются «необходимостью», ибо, во-первых, они не дают Китаю возможности играть на противоречиях между этими банками и, во-вторых, создают препону «русской конкуренции» в Китае. Вместе с тем Ганземан поставил в известность Ротшильда, что германское ведомство иностранных дел, одобряя в принципе соглашение немецких и английских банкиров, заявило, что размещение международных китайских займов на немецком денежном рынке и впредь будет допущено только при условии соблюдения паритетного начала [33]. Нет сомнения, что это заявление ведомства иностранных дел было заранее согласовано с немецким финансовым синдикатом, заинтересованным в китайских делах, и если Ганземан счел нужным уведомить о нем Ротшильда, то только для того, чтобы подчеркнуть политическое значение сделки и поддержку, которую германское правительство готово было оказать финансовому синдикату.

На английских банкиров это сообщение произвело известное впечатление. Через три года, в 1898 г., когда некоторые круги английского империализма стали склоняться к плану Джозефа Чемберлена и Ротшильда привлечь на свою сторону Германию для борьбы против Рос-

---

[33] Там же, лл. 46—47. Письмо А. Ф. Ганземана Н. Ротшильду. Берлин, 4 августа 1895 года.

сии [34], английские банкиры снова проявили готовность пойти на соглашение со своими немецкими соперниками, поделив с ними участие в китайском $4^1/_2$-процентном займе на сумму в 16 млн. ф. стерлингов.

Таков был новый успех «Немецко-Азиатского банка», но его активность этим далеко не ограничилась. В 1897 г. германское правительство передало ему ранее уступленные Китаем концессии в Тяньцзине и в Ханькоу. Рассчитывая усилить там немецкое экономическое влияние, созданные в этих центрах акционерные общества тотчас же приступили к постройке больших пристаней, подъездных путей и т. п. В особенности большое значение придавалось строительству в Ханькоу в связи с тем, что по Янцзы начали курсировать пароходы немецких линий, установившие регулярные связи между портами на протяжении более чем 2 тыс. километров, вплоть до Чунцина.

Окрепнув, «Немецко-Азиатский банк» стал расширять поле своей деятельности. Он создал сеть филиалов и агентств в самом Китае — в Тяньцзине, в Гонконге и в Циндао, а также открыл филиалы в Калькутте и Сингапуре, где немецкие купцы стали проявлять большую активность в связи с тем, что гамбургская компания «Norddeutsche Lloyd», как мы уже отмечали, приобрела пароходы, принадлежавшие английской и англо-индийской компаниям. Извлекая выгоды из поражения отсталого Китая в японо-китайской войне, «Немецко-Азиатский банк» решил попытаться использовать также победу быстро развивающейся Японии. Учитывая, что в течение лишь полутора лет после окончания войны ввоз немецких товаров в Японию увеличился в 20 раз, банк счел момент подходящим, чтобы направить свои финансовые щупальца и в эту страну [35].

В 1898 г. дивиденды германских капиталистов-акционеров банка подскочили до небывало высокого уровня — 10%. В этот год германский империализм совершил военное вторжение в Китай и путем навязанного китайскому правительству договора об «аренде» сроком на 99 лет захватил Цзяочжоу. Этот разбойничий акт открыл перед группой финансового капитала, связанной с «Немецко-Азиатским банком», новые возможности в деле закабаления Китая. И в то время как генеральный директор управления китайских морских таможен Роберт Харт занялся (в 1899 г.) подсчетом, в каких размерах и из каких источников Китай сможет покрыть навязанные ему иностранные займы и проценты по ним, «Немецко-Азиатский банк» подсчитывал, что эта форма грабежа, в которой и он уже принял участие, будет приносить прибыли до... 1943 года [36].

Но займы не являлись единственной формой экономического проникновения иностранного капитала в Китай. Между империалистическими державами в Китае началась битва за концессии, преимущественно железнодорожные и горнозаводские, и германский капитал не собирался оставаться в стороне. Первые шаги в этом направлении не принесли ему, однако, большой удачи. Еще в 1891 г. наместник Хугуана Чжан Чжи-дун призвал к себе в Учан немецкого инженера Гильдебрандта, который построил железную дорогу протяженностью в 26 км. На этом практическая деятельность Гильдебрандта в Китае и закончилась: немецкий капитал в те времена еще не мог принять участия в строительстве железных дорог в Китае. В 1895 г. Гильдебрандт разработал проект строительства целой сети железных дорог, которые должны были связать между собою крупнейшие центры страны. Но этот обширный проект остался на бумаге. Китай не обладал капиталами, необходимыми для железнодорожного строительства столь боль-

---

[34] См. А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, стр. 403—444.

[35] «Kölnische Zeitung», 7 июня 1900 года.

[36] См. «Kölnische Zeitung», 8 июня 1900 года.

шого масштаба, а попытки Гильдебрандта привлечь германский капитал в то время оказались безуспешными.

Капиталисты других стран были более активными. Франко-бельгийский синдикат взял в свои руки сооружение железной дороги Ханькоу — Пекин, а американский — железной дороги Ханькоу — Гуанчжоу. Тогда и германский капитал попытался вступить в бой за участие в железнодорожном строительстве в Китае. В результате переговоров с китайским правительством германским монополиям удалось вырвать у него крупную концессию на постройку линии Шанхай — Нанкин — Ханькоу. Переговоры велись в большой тайне, но когда соглашение было достигнуто и его условия стали известны, английское правительство заявило, что не может допустить, чтобы германский капитал взял в свои руки сооружение железной дороги в бассейне Янцзы, который Англия рассматривала как сферу своих собственных интересов. Гейкинг запросил у своего правительства инструкции. Посланнику было предписано всячески поддерживать интересы немецких предпринимателей и банков, добивающихся концессий, но при одном условии — не вызывать на этой почве серьезных политических трений с Англией. Практически это означало отступление, и германский капитал был вынужден временно умерить претензии на крупные железнодорожные концессии в Китае.

Тем временем английские капиталисты активизировали свою деятельность. В течение короткого времени «Гонконг-Шанхайский банк» приобрел концессию на постройку участка Северной Китайской железной дороги (Пекин — Тяньцзинь — Шанхай — Гуань — Нючжуан) общей протяженностью около 500 английских миль. Так называемый «Пекинский синдикат», в который входили английские и итальянские капиталисты, приобрел концессию в провинции Шаньси на строительство подъездных путей (протяженностью около 250 миль) к магистралям или удобным судоходным рекам в целях перевозки каменного угля, добываемого в шаньсийских копях. Синдикат, состоящий из фирмы «Jardine, Matheson and C°» и «Гонконг-Шанхайского банка», добился концессии на постройку железнодорожной линии между Шанхаем и Нанкином длиной в 180 миль[37]. В то же время на севере, в Маньчжурии, Россия получила в свои руки важную монополию на сооружение Китайско-Восточной железной дороги с ответвлениями к Порт-Артуру и Даляню, а также на строительство линии Чжэндин — Тайюань (в Шаньси) общей протяженностью свыше 1 500 миль[38]. Другие державы в деле захвата железнодорожных концессий в Китае опережали германский капитал.

Однако едва германское правительство успело «оформить» захват Цзяочжоу в виде арендного договора с Китаем, как тотчас же в Германии начали складываться крупные капиталистические группы, выдвинувшие претензии на получение железнодорожных, горнопромышленных и иных концессий в Шаньдуне. Наиболее влиятельной группой был так называемый «банковский консорциум», созданный несколькими наиболее мощными банками, имевшими теснейшие связи с магнатами тяжелой промышленности. Эта финансовая группа уже раньше обратила свое внимание на Дальний Восток, где ее интересы представлял «Немецко-Азиатский банк». Теперь, опираясь на захватнические акты германского правительства в провинции Шаньдун, эта группа стала добиваться в Пекине концессии на строитель-

[37] Кроме того, фирма «Jardine, Matheson and C°» приобрела концессию на постройку железнодорожной линии между Цзюлунов (против Гонконга) и Гуанчжоу (длиною в 100 миль). (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 591, 1899 г., лл. 90—93. Донесение российского коммерческого агента в Лондоне Г. Виленкина. Лондон, 13/1 февраля 1899 года. См. также «The Times», 13 февраля 1899 года.)

[38] См. Б. А. Романов. Россия в Манчжурии. М.-Л. 1928.

ство крупной железнодорожной магистрали, имевшей важное экономическое и стратегическое значение, от Цзинцзяна (на Янцзы) через Шаньдунскую провинцию к Пекину и далее к Тяньцзиню.

Узнав об этих намерениях, Англия решительно возразила, снова заявив, что она рассматривает бассейн Янцзы как сферу своих интересов. Переговоры, начатые в Пекине представителями немецких банковских кругов, были продолжены через дипломатические каналы, и Гейкингу удалось добиться соглашения, придавшего задуманной концессии характер англо-германского предприятия. Строительство железной дороги на участке от Цзинцзяна до границы провинции Шаньдун взяли на себя английские капиталисты, германские же должны были сооружать магистраль на остальном участке, проходившем через провинцию Шаньдун до Тяньцзиня. Это было явным успехом германского империализма в Китае, опиравшегося на силу «бронированного кулака». Со своей стороны, английские капиталисты были удовлетворены тем, что не допустили проникновения Германии в бассейн Янцзы.

Наряду с «банковским консорциумом» тогда же сложился в Германии и «Шаньдунский синдикат». В него вошли несколько крупных фирм гамбургских негоциантов и магнатов рейнско-рурской тяжелой промышленности. «Промышленный синдикат» объединил менее крупных промышленников и банкиров, но тем не менее обладавших достаточным весом и влиянием, чтобы заставить своих соперников считаться и с их претензиями. Наконец, под руководством графа Денгофа-Фридрихштейна был образован синдикат крупных земельных спекулянтов, так называемый «синдикат магнатов» [39], который стремился получить возможность спекулировать землей на территории всей Шаньдунской провинции. Все эти монополистические объединения разрабатывали планы эксплуатации Шаньдунской провинции, а некоторые из них уже видели перед собою перспективу более широкой и далеко идущей экспансии в пределы «Поднебесной империи».

В июне 1899 г. стало известно, что соперничавшие между собой финансовые группы пришли к соглашению и совместно создали два синдиката. Наиболее крупным из них было «Общество шаньдунских железных дорог» с основным капиталом в 54 млн. марок. Одновременно «банковский консорциум» образовал с другими группами, в частности с банкирским домом Оппенгейма, «Общество шаньдунской горной промышленности» с основным капиталом в 12 млн. марок [40].

На деле, однако, в обоих случаях это соглашение свелось к тому, что самая мощная финансовая группа — «банковский консорциум» — поглотила остальные (не без помощи ведомства иностранных дел) [41], предоставив им возможность приобрести часть выпускаемых акций и занять несколько мест в наблюдательном совете вновь созданных обществ по эксплуатации Шаньдунской провинции. Только «синдикат магнатов» получил видимость самостоятельности и концессию на добычу минералов в Шаньдуне.

Германские финансовые и промышленные тузы, объединившиеся в новые общества, захватили в свои руки огромную и богатую концессию на строительство и эксплуатацию железной дороги в китайской провинции Шаньдун — от Циндао до Цзинани через Вэйсянь с веткой от Чжандянь к Бошань. По условиям концессии трасса железной дороги

---

[39] DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 496, Bl. 2. «Aus einer vertraulichen als Manuskript gedruckten Denkschrift betreffend die Schantung-Eisenbahn-Gesellschaft und die Schantung-Gesellschaft».

[40] DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 102. «Bau- und Betriebs-Koncession für die Schantung-Eisenbahn-Gesellschaft»; Bl. 100. Письмо Бюлова временному поверенному в делах Германии в Китае Приттвицу, 10 июня 1899 года.

[41] DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 496, Bl. 2.

пролагалась по наиболее населенным районам, имеющим богатые угольные запасы, и должна была соединять северную и южную границы Шаньдунской провинции. Особо оговаривалось, что «для строительства железнодорожных линий по возможности будет использован немецкий материал» [42]. Таким образом, крупные промышленники заранее обеспечили себя заказами на рельсы, локомотивы, вагоны, мосты и вообще железнодорожное оборудование. Для начала (то есть только в течение нескольких последних месяцев 1899 г.) эти заказы составляли в общей сумме 20 млн. марок.

Доставку этой огромной массы материалов взяли на себя крупные германские пароходные компании [43], которые, как и крупные страховые компании, сразу стали извлекать из концессий большие прибыли сверх дивидендов, причитавшихся им как участникам синдиката. В то же время «Общество шаньдунской горной промышленности» получило право разработки и эксплуатации природных богатств Шаньдуна в зоне 30 ли по обе стороны от железнодорожной трассы. «Общество» должно было снабжать углем дальневосточную эскадру германского военно-морского флота [44]. Практически это означало обязательство военно-морского ведомства Германии закупать у «Общества» определенное количество угля для нужд эскадры, и германские капиталисты, приступая к эксплуатации шаньдунских шахт, уже имели постоянного и крупного потребителя угля, притом потребителя, который платил цену, установленную самим «Обществом». Несмотря на внесенную в договор оговорку, что поставки угля военно-морскому ведомству будут производиться по цене, дающей потребителю некоторые преимущества, «Общество», выступая, по сути дела, в качестве монополиста, имело возможность установить достаточно высокие цены. Таким образом, перед акционерами открывалась перспектива получения крупных дивидендов не только за счет эксплуатации населения одной из провинций Китайской империи, но и за счет интересов широких масс налогоплательщиков Германии.

Итак, сложившаяся в Германии небольшая, но мощная группа финансового капитала, в которой участвовали и некоторые представители юнкерской аристократии и бюрократии, сначала обеспечила себе право грабежа Шаньдунской провинции путем строительства железной дороги, а затем расширила эти возможности по своему усмотрению. Эта финансовая группа действовала настолько самоуверенно и нагло, что не считала даже нужным запросить мнение китайского правительства или хотя бы провинциальных китайских властей. Правда, было оговорено, что концессия будет считаться «смешанной», «немецко-китайской», что в открытой подписке на акции «могут принять участие как немцы, так и китайцы». Более того, в концессионном акте имелся специальный параграф (2), в котором было сказано, что подписка на акции должна быть наиболее широко проведена в торговых центрах Восточной Азии [45]. На деле же акции были заранее расписаны в Берлине, за закрытыми дверями, между 14 немецкими банками во главе с такими левиафанами финансового капитала, как «Немецкий банк», «Дрезденский банк» и «Учетное общество». Как видно из одного доверительного меморандума, составленного для узкого круга главных акционеров, финансовая клика, захватившая в свои руки эксплуатацию Шаньдунской провинции, с самого начала считала, что упоминание о смешанном «немецко-китайском характере» шаньдунских кон-

[42] DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 102.
[43] «Denkschrift betreffend die Entwicklung des Kiaotschou-Gebiets». Berlin. 1900, S. 14.
[44] DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 496, Bl. 3
[45] DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 102.

цессий должно служить лишь ширмой, на самом же деле к этим концессиям следует относиться, «как если бы речь шла о немецких предприятиях внутри страны» [46]. Что же касалось наиболее заинтересованной стороны—Китая, то с ним германские монополии вообще не считались.

Созданный в Берлине «банковский консорциум» получил концессии в Шаньдуне не от китайского, а от германского правительства. Условия этих концессий были сформулированы в одних случаях очень точно и конкретно: это давало основание германскому синдикату требовать, чтобы Китай обеспечил проведение железнодорожной трассы. В других случаях условия концессии были сформулированы нарочито туманно и неопределенно; когда речь шла, например, о приобретении территории для горнозаводской промышленности, синдикат мог толковать свои права весьма широко и с наибольшей для себя выгодой [47].

Германское правительство доверительно сообщило Гейкингу, что заключение с Китаем особого договора по вопросу о шаньдунских концессиях является нецелесообразным. Опасаясь сопротивления Китая, активного и даже пассивного, правящие круги Германии стремились по возможности избегать переговоров с китайским правительством по этому вопросу, предпочитая ставить Китай перед свершившимися фактами. «Банковский консорциум» считал достаточным поручить представительство своих интересов в Китае «Немецко-Азиатскому банку» [48].

На германское правительство возлагались определенные задачи, выполнение которых обеспечивало экономически и политически интересы консорциума в Шаньдуне. Прежде всего кайзеровское правительство должно было оказать давление на императорское правительство в Китае и на провинциальные власти, чтобы добиться от них отказа от взимания различного рода пошлин со всех товаров и оборудования, которые немецкие синдикаты считали нужным ввозить в Шаньдун. Удовлетворение этого требования почти автоматически влекло за собой уменьшение концессионных расходов и, следовательно, повышение прибылей. Далее, германское правительство должно было добиться от китайских властей, центральных и провинциальных, обеспечения неприкосновенности всего того, что будет составлять собственность германского капитала, его представителей, агентов и служебного персонала. Это означало обязательство китайских властей охранять интересы германского капитала в Шаньдуне, а в случае если бы население Шаньдуна оказало сопротивление иностранным эксплуататорам, подавлять это сопротивление. Не надеясь, однако, на эффективность действий китайских властей, немецкие концессионеры решили присвоить себе право сформировать в Шаньдуне собственную железнодорожную полицию. Германское правительство должно было выговорить согласие китайских властей и на это [49].

В то же время германские монополисты решили действовать хотя и согласованно с дипломатическими органами, но параллельно им и самостоятельно. С этой целью «Немецко-Азиатский банк» поручил Урбигу вступить в переговоры непосредственно с Цзунлиямынем (ведомство внешних сношений Китая) [50]. Концессионеры были заинтере-

---

[46] DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 496, Bl. 3.

[47] DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 120—122. Письмо «Немецко-Азиатского банка» своему представителю в Шанхае Урбигу, Шанхай, без даты.

[48] Там же, л. 28. Телеграмма Рихтгофена Гейкингу, 31 мая 1899 года.

[49] Там же, л. 104.

[50] Там же, лл. 120—123. Письмо «Немецко-Азиатского банка» Урбигу, Шанхай, без даты. Инструкции для переговоров с Цзунлиямынем.

сованы в том, чтобы, приступая к прокладыванию трассы и к разработке породы, не встречать препятствий ни со стороны китайских властей, ни со стороны населения провинции.

Уже первые шаги немецких предпринимателей в Шаньдуне показали, что захват земельных участков вызывает сопротивление населения. Попытки осуществить этот захват с помощью местных властей не приносили ожидаемых результатов: испытывая давление со стороны высших китайских инстанций, а главное — страх перед населением, которое недвусмысленно проявляло возмущение действиями иностранцев, местные власти обычно не проявляли склонности оказывать открытую помощь непрошеным заморским претендентам на китайские земли. Германская миссия в Китае, убедившись в том, что обращение к китайским властям не сулит быстрого решения вопроса, рекомендовала концессионерам не посвящать китайские власти, ни центральные, ни провинциальные, в планы строительства трассы и изыскательских работ [51].

И «Немецко-Азиатский банк» и дипломатическое ведомство были вполне согласны с тем, что эти планы вообще не следует фиксировать в виде какого-либо договора с Китаем: они опасались, что пекинское правительство попытается использовать переговоры для того, чтобы создать затруднения и затянуть дело. Вот почему в случае если бы Цзунлиямынь вздумал поставить вопрос о заключении договора, Урбиг должен был решительно отвергнуть это предложение. «Ваша главная задача,—говорилось в инструкции Урбигу,—заключается в том, чтобы... обеспечить нам (немецким концессионерам.— *А. Е.*) необходимую свободу действий» [52].

Урбигу предписывалось убедить китайских сановников в том, что говорить об общих основах, правовых принципах, характере и масштабе концессий было уже поздно и что лишь некоторые «подробности», требующие быстрого урегулирования, могли бы быть зафиксированы в виде подобия соглашения, которое представители «Немецко-Азиатского банка» рассчитывали навязать Цзунлиямыню [53].

Основы проекта соглашения [54], разработанного «Немецко-Азиатским банком», прикрывавшего словесными формулами прямой грабеж, организованный в государственном масштабе, были бесподобны по цинизму. Во-первых, путем этого соглашения «Немецко-Азиатский банк» уведомлял Китай, что германское правительство односторонним актом создало «немецко-китайское общество» и передало ему концессию на строительство и эксплуатацию железных дорог в Шаньдуне. И хотя китайская сторона не имела никакого представления об этом «обществе», а тем более не имела в нем своих представителей, соглашение должно было ее убедить, что оно зиждется на принципах паритета и высокого альтруизма. Этот «паритет» в данном случае означал, что немецкий банк берет на себя всю тяжесть капиталовложений в железнодорожное строительство, эксплуатацию природных богатств Шаньдунской провинции, а Китай, чтобы внести свою лепту, должен был отказаться от взимания налогов с немецких капиталовложений в любой их форме. Таким образом «Немецко-Азиатский банк» и те влиятельные группы германского финансового капитала, которые стояли за его спиной, стремились обеспечить себе возможность невозбранного, ничем не ограниченного проникновения в одну из важнейших и крупнейших провинций Китая и в то же время в порядке «паритета» и «взаимности» лишить Китай элементарных прав суве-

---

[51] Там же, л. 60. Письмо Приттвица германскому губернатору Цзяочжоу Иешке, 26 июня 1899 года.

[52] Там же, лл. 120—121.

[53] Там же.

[54] Там же, лл. 124—126. «Grundzüge für den vom Vertreter des Syndikats mit den Tsungli Jamen zu vereinbarenden Vertrag».

ренного государства в области внешнеторговой политики на территории Шаньдуна.

Примечательно, что свою попытку обеспечить грабеж Шаньдуна на договорной основе «Немецко-Азиатский банк» цинично представлял как выражение неудержимого стремления осчастливить китайское население этой провинции. «Забота» германских концессионеров об интересах китайского населения простиралась настолько далеко, что они готовы были взять на себя обязанность при массовом изгнании китайцев с их земель, расположенных в полосе прохождения железнодорожной трассы, уведомлять их не только на немецком, но и на китайском языках (!). Однако на тот случай, если китайское население, не сумев оценить «благородной» деятельности германских концессионеров, вздумает оказать сопротивление насильственному изгнанию с родных мест и разрушению родных очагов, «Немецко-Азиатский банк» требовал от Цзунлиямыня права иметь в своих руках собственную железнодорожную полицию[55]. При этом Урбиг должен был внушить китайским министрам, что если «Немецко-Азиатский банк» решил приступить к созданию собственных полицейских сил в полосе шаньдунских железных дорог, то это «ни в коем случае не имеет какой-либо задней мысли политического характера»[56].

В не меньшей степени, чем интересы железнодорожного синдиката, Урбиг призван был защищать в переговорах с Цзунлиямынем и интересы немецкой финансовой группы по эксплуатации горнозаводской промышленности в Шаньдуне.

Чтобы избежать затрат по возмещению за земли, попадавшие в сферу деятельности концессии, «Немецко-Азиатский банк» готов был сделать широкий жест, заявляя, что он вовсе не собирается формально посягать на права китайских собственников, если последние не будут препятствовать деятельности немецких концессионеров. При помощи столь грубого трюка «Немецко-Азиатский банк» предполагал произвести массовую экспроприацию земельной собственности в Шаньдуне, освободив себя по возможности от обязанности выплачивать компенсацию за причиненный ущерб. То был расчет на обогащение немецких синдикатов за счет массового разорения китайского населения. Таковы были на деле цели и методы «Немецко-Азиатского банка», стремившегося путем переговоров Урбига с Цзунлиямынем всесторонне обеспечить проникновение германского капитала в Шаньдун, ничего не давая Китаю взамен.

Германская дипломатия целиком и полностью разделяла и активно поддерживала интересы и цели германских империалистов в Шаньдуне. Однако она считала, что тактика, предписанная Урбигу «Немецко-Азиатским банком», не лишена серьезных изъянов. На это первым обратил внимание Гейкинг[57]. Еще более твердо и определенно настаивал на этом сменивший его барон Кеттелер. Вскоре после своего назначения в Пекин, едва ознакомившись на месте с положением дел в Китае, он обратился к рейхсканцлеру Гогенлоэ с пространным письмом[58], в котором утверждал, что «Немецко-Азиатскому банку» не следует вступать в переговоры с китайским правительством даже об «уточнениях» и «подробностях», ибо Цзунлиямынь постарается воспользоваться любыми обстоятельствами, чтобы затянуть дело и в конце концов подорвать германские концессии в целом. Было бы иллю-

---

[55] Там же, л. 125.

[56] Там же, стр. 123.

[57] DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 496, Bl. 7. «Vertraulicher. Denkschrift betreffend die Schantung-Eisenbahn-Gesellschaft und die Schantung-Bergbau-Gesellschaft».

[58] DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 127—139. Письмо Кеттелера Гогенлоэ, 19 августа 1899 года.

зией рассчитывать, писал Кеттелер, что какое-либо общее соглашение с пекинским правительством по поводу уступки концессионерам земли для постройки железной дороги и для горнозаводской разработки недр может заставить население Шаньдуна примириться с чинимым захватом и разорением. Для достижения поставленных целей он рекомендовал «Немецко-Азиатскому банку» прибегать к другим средствам, грубым, но более надежным: не переговоры представителей банка с китайским правительством, а подкуп ими китайских провинциальных властей и чиновничества. Только этот широкий подкуп, полагал Кеттелер, даст «Немецко-Азиатскому банку» быстрый и нужный эффект. «Китайский землевладелец,— писал он,— недолго сможет противостоять настояниям или угрозам со стороны местных чиновников, в особенности если предложенная ему закупочная или арендная цена будет не слишком низка». Словом, он полагал, что «Немецко-Азиатскому банку» и группе крупных акционеров, стоявших за его спиной, следует несколько раскошелиться за счет своих будущих дивидендов, чтобы «обеспечить себе свободу действий». В случае же, если в том или ином районе Шаньдунской провинции начнутся волнения и протесты против проводимой экспроприации, Кеттелер рекомендовал немедленно и решительно подавлять их в каждом отдельном случае, пока они носят локальный характер и изолированы от возможных аналогичных выступлений в других районах.

Программа действий, предложенная Кеттелером, была принята, и переговоры, которые «Немецко-Азиатский банк» предполагал вести с Цзунлиямынем, не состоялись.

Итак, германский империализм поставил перед собой задачу в кратчайший срок превратить Шаньдун в исключительную сферу своего влияния. Подобно тому, как Цзяочжоу являлся опорной базой вторжения германского империализма в Шаньдун, эта обширная провинция становилась широким полем приложения германского капитала и плацдармом его дальнейшего наступления на Китай. В Цзяочжоу военно-административные власти за два года своего господства уже накопили некоторый опыт эксплуатации природных и человеческих ресурсов и немало сделали, чтобы ознакомить с этим опытом определенные круги и организации крупного немецкого капитала. Материалы, рассылавшиеся этим организациям через военно-морское ведомство, преследовали двоякую цель: во-первых, они служили как бы рекламой, призывавшей германский капитал к более активной и весьма выгодной экспансионистской деятельности в Китае, во-вторых, они должны были показать финансовой и торгово-промышленной элите, что военно-морское ведомство печется о ее интересах и всей своей деятельностью, в частности в Китае, раскрывает перед нею широкие возможности на уровне «мировой политики». Официальный отчет, изданный имперским морским ведомством [59], должен был показать, как быстро, твердо и успешно германский империализм обосновался в Цзяочжоу, который может быть использован в качестве плацдарма для широкой экспансии в Шаньдун и в остальной Китай.

Но официальный отчет умалчивал о бесчинствах германских властей в Шаньдуне и о нарастании антиимпериалистического движения китайского народа. Между тем уже в марте 1898 г. цензор сычуаньского округа Ху Фу-чэнь в своем докладе императору сообщал, что немецкие войска в Шаньдуне убивают мирное население, и предупреждал о неизбежности крупных политических последствий, если «смотреть на это спустя рукава». «Разве мы можем называться государством,— писал

[59] «Denkschrift betreffend die Entwicklung des Kiaotschou-Gebiets».

он,— если иностранцы начинают обладать всей полнотой власти. Сейчас иностранцы без всякого повода убивают мирное население, а мы даже не интересуемся этим. Гарантия жизни личности общепризнана как в Китае, так и за рубежом. Но немцы всячески попирают этот принцип. Народ терпит бесчисленные страдания. Но настанет день, когда гнев вырвется наружу». Чтобы это предотвратить, Ху Фучэнь рекомендовал трону заявить германскому правительству протест, сообщить кайзеру о бесчинствах германских войск в Китае и потребовать отозвания посланника Гейкинга и адмирала Диттериха. «Если же кайзер не прислушается к нам,— заключал цензор,— то следует отвергнуть все их договоры, заключенные с нами» [60]. Но китайское правительство и двор не хотели и не могли действовать решительно. В лучшем случае они обращались в Берлин с учтивыми запросами или вежливыми протестами, которые не имели ровно никаких последствий.

Но вот в конце 1898 — начале 1899 г. появились сообщения, что в Шаньдуне заметно усилились антиимпериалистические выступления народа, и германская дипломатия сразу заговорила языком угроз и агрессий. Гейкинг потребовал от китайского правительства «держать население в узде» и угрожал пустить в ход германские войска [61]. Такова была дипломатическая демонстрация «дружбы» между Германией и Китаем. Через несколько дней обстоятельства еще более осложнились. Глава немецкой католической миссии в Шаньдуне епископ Анцер сообщил, что в районе Ичжоу вспыхнуло восстание, душой которого является какая-то тайная секта, созданная в целях изгнания немцев. Еще более тревожные сведения об этом восстании начали поступать от находившихся там американских миссионеров: они сообщали, что восставшие нападают на представительство католической миссии, на железнодорожные и горные предприятия, принадлежащие немецкому капиталу, и просили немедленно послать германские войска в целях подавления восстания [62].

Германский вице-консул в Чифу уловил в алармистских призывах американских миссионеров что-то недоброе. «Вероятно,— предположил он,— некоторым элементам хотелось бы использовать обстоятельства для вмешательства» [63]. Немецкие дипломаты опасались, что под предлогом помощи своим миссионерам США вторгнутся в Шаньдун. Было решено предотвратить во что бы то ни стало это возможное вторжение, подавив восстание силами германских войск. Войска двинулись на Ицзин, и это было похоже на военно-карательную экспедицию. Цзунлиямынь предписал китайскому посланнику в Берлине Люй Хай-хуаню срочно обратиться к германскому правительству с требованием приостановить движение войск [64]. Но в Берлине на это требование не обратили никакого внимания. Там больше интересовались другим вопросом, а именно активностью США в Шаньдунской области. Гейкингу было поручено «незаметно, но тщательно следить» за действиями американской дипломатии и ее агентуры в Шаньдуне [65]. Наблюдения показали, что США, не прибегая к военному вторжению в

---

[60] «Ихэтуань данань шиляо» («Архивные материалы по движению Ихэтуань»). Пекин. 1959, стр. 11.

[61] DZA Potsdam, Ges. China. Gen. 5a, Bd. 15. Письма Гейкинга Цзунлиямыню, Пекин, 7 декабря 1898 г. и 12 января 1899 года.

[62] Там же. Письмо Гейкинга в ведомство иностранных дел Германии, 15 января 1899 г.; письмо германского вице-консула в Чифу Ленца германской миссии в Пекине, 14 января 1899 г.; телеграмма Ленца германской миссии в Пекине, 14 января 1899 года.

[63] Там же, письмо Ленца германской миссии в Пекине, 14 января 1899 года.

[64] «Ихэтуань данань шиляо», стр. 21.

[65] DZA Potsdam, Ges. China. Gen. 5a, Bd. 15. Телеграмма Бюлова германской миссии в Пекине, Берлин, 17 января 1899 года. Гейкинг ответил в Берлин, что германская консульская служба уже ведет наблюдение за деятельностью американской агентуры в Шаньдуне (там же. Письмо Гейкинга, 19 января 1899 года).

Шаньдун, энергично добиваются от Цзунлиямыня отстранения китайского губернатора в Шаньдуне Юй Сяня, рассчитывая на то, что их ставленник будет более послушной фигурой в руках империалистических держав. Но этого же добивалось и германское правительство, надеясь с помощью нового губернатора укрепить и расширить свои владения в Шаньдуне.

Дополнительные затруднения возникли в связи с тем, что германские капиталисты и колониальные власти приступили к изыскательским работам, связанным с проектированием железнодорожной трассы и разработкой горных пород и недр провинции. Юй Сянь напомнил германским властям об их обещании распределить акции железной дороги в Шаньдуне «между китайскими и германскими купцами», о чем еще предстояло договориться Цзунлиямыню и германскому посланнику в Пекине[66]. Это было неприятное напоминание. Германские капиталисты, во-первых, вовсе не собирались уступать часть акций китайским капиталистам и сановникам, а во-вторых, не без основания опасались, что пока этот вопрос не будет урегулирован, китайские власти найдут способ помешать начатым в срочном порядке изыскательским работам. И действительно, в конце апреля 1899 г. китайский губернатор запретил производство этих работ в районе Гаоми, ссылаясь на то, что он не имеет инструкций от пекинского правительства[67]. На самом деле Юй Сянь действовал по указанию из Пекина. Ему приказали «срочно направить навстречу немцам войска», но стараться «избегать конфликтов». Юй Сянь жаловался в Пекин на то, что немецкие войска продолжают бесчинствовать и убивать мирное население. Он настаивал на том, чтобы потребовать от германского правительства вывода немецких войск[68].

Гейкинг неоднократно обращался в Цзунлиямынь с жалобами на действия Юй Сяня[69], однако Пекин не отменял запрета, наложенного губернатором на производство изыскательских работ в Шаньдуне. Тогда Гейкинг приказал продолжать работы, не обращая внимания на запрет[70].

Но в это время (29 апреля 1899 г.) директор «Немецко-Азиатского банка» Редерс приехал в Цзяочжоу и поведал Иешке, что правящие круги в Берлине пока не считают целесообразным идти на обострение отношений с пекинским правительством. Гейкингу были даны указаня возобновить переговоры с Цзунлиямынем о заключении договора, согласно которому железная дорога Тяньцзинь — Цзинцзян должна была строиться и эксплуатироваться как китайское государственное предприятие. При условии подписания китайскими сановниками этого договора германское правительство соглашалось отозвать военные отряды из некоторых пунктов провинции Шаньдун, в частности из района Ичжоу. Узнав об этом, германская военная администрация в Цзяочжоу пришла в ярость. Как можно отзывать военные отряды из районов, где в связи с изыскательскими работами германских инженеров или деятельностью немецких миссионеров происходят волнения среди китайского населения? — возмущался Иешке в письме к германскому посланнику в Пекине. Как можно вести переговоры с китайским правительством о заключении договора, не отвечающего экономическим интересам германской колонии в Китае?[71].

---

[66] DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 3. Письмо Юй Сяня Иешке, 2 апреля 1899 года.

[67] Там же. Телеграмма Иешке Гейкингу, 28 апреля 1899 года.

[68] «Ихэтуань данань шиляо», стр. 23, 27.

[69] DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 5. Телеграмма Гейкинга Иешке, 29 апреля 1899 г.; лл. 6—7. Нота Гейкинга Цзунлиямыню, 29 апреля 1899 года.

[70] Там же, л. 5.

[71] Там же, лл. 8—11. Секретное письмо Иешке Гейкингу, 3 мая 1899 года.

Но Гейкинг мог только констатировать, что «ведомство иностранных дел, во всяком случае, придерживается других взглядов»[72].

Правящие круги Германии, заявляя о готовности вести переговоры с Китаем относительно железнодорожной концессии, стремились выиграть время, необходимое для того, чтобы окончательно сформировалась группа финансовых магнатов, заинтересованных в шаньдунских концессиях, и для того, чтобы вместе с этой группой разработать общий курс и методы экспансионистской политики в Китае. Германские империалисты должны были учитывать ход и исход борьбы между движением реформаторов и консервативным лагерем в Китае. 2 сентября 1898 г. в Пекине произошел дворцовый переворот против реформаторов, в пользу маньчжурских и китайских феодалов, и не было уверенности в том, что проникновение иностранного капитала в Китай в будущем не встретит новых затруднений[73]. Не посвященный во все эти тонкости высокой политики, Иешке решил вопреки указанию не отзывать военных отрядов, пока выступления китайского населения против изыскательских партий и миссионеров не прекратятся. Тем временем Гейкинг в переговорах с Цзунлиямынем добился тактического успеха: пообещав заключить дополнительный договор о железнодорожной концессии, он вырвал у китайских сановников согласие на производство изыскательских работ еще до заключения договора. Это был чистый обман, так как ни германское правительство, ни германский синдикат, получивший концессию, и не думали заключать обещанного договора с Китаем. 3 мая Гейкинг торжественно уведомил Иешке о полученном согласии Цзунлиямыня на производство работ[74].

О характере методов проникновения германского капитала в Шаньдун свидетельствует тот факт, что германское правительство, его дипломатия и представители его военно-колониальной администрации сочли нужным скрыть от китайского правительства намеченную трассу изыскательских работ. Иешке получил специальную инструкцию не показывать Юй Сяню даже карту этих работ, под тем предлогом, что тот все равно ничего в ней не поймет[75].

Германский империализм стремился иметь в своем распоряжении вооруженные силы в Шаньдуне. Они были нужны для подавления выступлений китайского населения. Осуществление концессионного строительства означало экспроприацию земельной собственности населения, подрывало устои сложившегося хозяйства, несло разорение множеству людей. Уже предварительные работы, связанные с сооружением железных дорог, вызывали недовольство и даже открытое сопротивление крестьянской массы. То тут, то там начинались беспорядки. Как раз в те дни, когда в Берлине оформлялись крупные синдикаты по эксплуатации Шаньдуна, в одном из районов этой провинции — уезде Гаоми — жители деревень поднялись, чтобы изгнать немецких чиновников и инженеров, явившихся сюда для работ в связи с проектами строительства железной дороги.

Движение началось в деревне Чжилань. Строительство железной дороги прекращало доступ воды для орошения полей этой деревни. Поэтому крестьяне обратились в управление дороги с просьбой прорыть два тоннеля, чтобы дать выход воде. Управление оставило эту просьбу без внимания, и крестьянам не оставалось ничего другого, как попытаться силой защищать свою землю[76]. Чтобы сломить это сопро-

---

[72] Там же, л. 9.

[73] О внутренней борьбе в Китае в этот период см. С. Л. Тихвинский. Указ. соч.

[74] DZA Potsdam, Ges. China, «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 11.

[75] Там же, л. 60. Письмо Приттвица Иешке, 26 июня 1899 года.

[76] Тань Тянь-кай. Шаньдун вэнти чжи шимо (История шаньдунского вопроса). Циндао. 1932, стр. 31. См. также Ло Чэн-лэ. Цун «Цзюйэ цзяоань» дао Шаньдун Ихэ-

тивление, германские власти в Цзяочжоу решили двинуть военный отряд в район восстания.

Германская нота, уведомлявшая Цзунлиямынь о посылке немецких военных отрядов в район Гаоми, была составлена в наглом и оскорбительном тоне, столь присущем в те времена империалистической дипломатии в Китае. Приттвиц вызывающе обвинял в этой ноте китайское правительство в том, что оно всегда занимается только «красивыми словесными заверениями», за которыми никогда «не следует дела». «Поэтому,— заявлял он,— мы должны действовать сами» [77]. Конечно, германская военно-колониальная администрация в Шаньдуне вовсе и не желала вмешательства китайских властей. Она считала необходимым и своевременным «преподать урок» китайскому населению Гаоми. «Если уже в нашей зоне влияния,— писал Иешке,— поднимается сопротивление населения против железнодорожного строительства, то его можно ожидать в еще большей степени в глубине страны» [78].

Однако результаты военной экспедиции были неожиданными: китайское население оказало немецким экзекуторам такое серьезное сопротивление, что командование отряда было вынуждено затребовать подкреплений. Лишь хорошо вооруженный германский военный отряд задушил это движение [79]. Тем не менее китайские крестьяне добились своей цели: управление немецкой железной дороги было вынуждено удовлетворить требование восставших и прорубить тоннели. Однако германские войска не были выведены из Гаоми [80].

Недовольство продолжало расти, и в начале 1900 г. восстание в районе строительства шаньдунской железной дороги вспыхнуло с новой силой. В нем участвовали уже не только крестьяне, но и китайские солдаты. Восстание сразу приняло такие масштабы, что, как стало ясно германским властям, для его подавления потребовались бы крупные военные контингенты. Чтобы выиграть время, было решено снова прибегнуть к испытанному методу — вступить в переговоры с китайскими сановниками. У германских властей сложилось впечатление, что организаторами восстания являлись именно китайские мандарины, которые таким образом пытались вынудить германских концессионеров пойти на предусмотренное договором об «аренде» Цзяочжоу соглашение об участии китайского капитала в строительстве и управлении железнодорожной концессии в Шаньдуне. Даже германская буржуазная пресса [81] признавала, что правительство и капиталисты Германии не выполняют этих условий и тем самым восстановили против себя правящие круги как в Пекине, так и в провинции Шаньдун. По сведениям, проникшим в немецкую печать, в ходе переговоров, состоявшихся в Цзинани, директор строительства железной дороги сумел вырвать у губернатора провинции Шаньдун обещание ликвидировать сопротивление строительству, оказываемое населением. Китайские власти предприняли для этого все возможные меры, и на трассе были возобновлены работы. Однако германская администрация не обольщалась иллюзиями относительно будущего: положение оставалось напряженным, и даже «оптимистически настроенные знатоки Китая» ожидали

туань (От миссионерского конфликта в Цзюйэ до движения Ихэтуань в Шаньдуне). Цзинань. 1959, стр. 54—57.

[77] DZA Potsdam, Ges. China. «Schantung-Eisenbahn», № 43, Bl. 46. Нота Приттвица Цзунлиямыню 21 июня 1899 года.

[78] Там же, лл. 64—65. Письмо Иешке германской миссии в Пекине, 21 июня 1899 года.

[79] Там же, л. 54. Телеграмма Иешке Приттвицу, 24 июня 1899 г.; л. 55. Телеграмма Иешке Приттвицу, 25 июня 1899 г.; л. 70. Телеграмма Иешке германской миссии в Пекине, 29 июня 1899 года.

[80] Тань Тянь-кай. Указ. соч., стр. 31. См. также Ло Чэн-лэ. Указ. соч., стр. 54—57.

[81] См., например, «Frankfurter Zeitung», 3 мая 1900 года.

возобновления волнений китайского населения. В связи с этим даже вставал вопрос, не следует ли строить дорогу по отдельным участкам, не растягивая работы на сотни километров, что дало бы возможность администрации концентрировать охранные полицейские отряды, а не распылять их на больших пространствах среди многочисленного китайского населения, возмущенного вторжением иностранных захватчиков.

Германским властям удалось настоять на том, чтобы пекинское правительство убрало строптивого и неугодного им губернатора провинции Шаньдун [82]. Юй Сянь был заменен 24 ноября 1899 г. генералом Юань Ши-каем, вскоре зарекомендовавшим себя в качестве кровавого палача и душителя народных движений. Германское посольство в Пекине и германские власти в Цзяочжоу считали Юань Ши-кая «германофилом» и надеялись на его поддержку и «твердую руку» [83]. Германская дипломатия была обрадована его назначением еще и потому, что в создании «новой армии» Юань Ши-кая, считавшейся образцовой в Китае, принимали участие германские инструкторы. Теперь часть этих отрядов Юань Ши-кай перевел в Шаньдун.

В начале 1900 г. положение в Шаньдуне вновь крайне обострилось. По свидетельству китайского цензора Гао Си-чжэ, «бесчинства иностранцев достигли такой степени, что местные чиновники никак не могут найти на них управу». Чтобы «смыть позор», цензор требовал строго наказывать злостных преступников иностранцев. «В противном случае,— заключал он,— гнев будет расти, народ поднимется, и тогда мы не оберемся бед» [84].

Но руководящие круги германского империализма, их дипломатия и военщина не видели глубинных процессов, происходивших в широких массах китайского народа. Они видели перед собою лишь пекинский двор и провинциальные власти, раздираемые внутренней борьбой, и прежде всего иностранных империалистических соперников, каждый из которых преследовал свои цели и интересы. Именно это являлось в представлении империалистов главными политическими факторами, с учетом которых и строились их экспансионистские планы. Ослепленные своекорыстными интересами, империалистические державы не видели процесса назревания широкого массового движения китайского народа. Когда же это движение, выйдя за рамки разрозненных выступлений в Шаньдуне, развернулось в полную силу и в других провинциях, империалистические державы убедились, что они застигнуты событиями врасплох. То было движение ихэтуаней — первое в XX веке широкое движение китайского народа, направленное против иностранного империализма.

---

[82] В том же направлении, исходя из собственных интересов, оказывала нажим на пекинское правительство и американская дипломатия («The Foreign Relations of the United States». Vol. I. 1902, pp. 77—84. См. подробно Цзин Цзя-жуй. Ихэтуань юньдун (Движение Ихэтуань). Шанхай. 1957, стр. 43—44).

[83] С другой стороны, как сообщал Д. Покотилов, «по мнению весьма многих... при назначении Юань Ши-кая в Шаньдун центральное китайское правительство руководствовалось, конечно, не соображениями о симпатиях его к немцам, а скорее желанием воспользоваться его военными способностями для того, чтобы, с одной стороны, обеспечить успокоение умов в Шаньдуне, а с другой — оградить эту провинцию от дальнейших захватов со стороны Германии, представители коей в Цзяочжоу выказывают, по-видимому, наклонности к расширению тамошних своих владений» (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 155, 1899, лл. 1—3. Письмо Д. Покотилова Витте, без даты).

[84] «Ихэтуань данань шиляо», стр. 71.

ИЗ ИСТОРИИ ВЕНГЕРСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ОТНОШЕНИЙ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Магда Адам

Одна из важнейших задач исторической науки наших дней — изучение подлинных причин второй мировой войны. Многое уже сделано в этой области историками стран социалистического лагеря и прогрессивными учеными капиталистических стран.

Рассматривая эти причины, исследователи уделяют большое внимание Мюнхенской конференции — позорнейшей странице в истории империализма, событиям, приведшим к сговору германо-итальянских фашистов с англо-французскими «умиротворителями» при энергичной поддержке правящих кругов США, и показывают пагубные последствия предательства Чехословакии западными державами для судеб всего человечества. В марксистских публикациях документов и монографиях [1] разоблачена классовая сущность мюнхенской политики западных держав, подлинный смысл которой заключался в натравливании гитлеровской Германии на Советский Союз. В советской и прогрессивной зарубежной историографии на обширном документальном материале обстоятельно показана активная роль Англии, Франции и США в осуществлении политики поощрения агрессора, раскрыт вопрос об ответственности этих держав за развязывание второй мировой войны.

Однако до сих пор в марксистской историографии мало внимания уделяется изучению политики хортистской Венгрии в период мюнхенского сговора и захвата Чехословакии гитлеровской Германией. По этим вопросам нет ни одной специальной работы.

В данной статье на основании материалов Венгерского государственного архива, Венгерского партийного архива, Закарпатского областного государственного архива УССР, сборников архивных документов, опубликованных в СССР, Чехословакии и других странах, делается попытка осветить некоторые стороны венгерско-чехословацких отношений накануне второй мировой войны.

★

Весной 1938 г. тучи новой мировой войны надвигались на Европу. Политика умиротворения и поощрения фашистских агрессоров, проводившаяся западноевропейскими державами и США, принесла свои пагуб-

---

[1] «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Тт. I—II. М. 1948; «История дипломатии». Т. III. М.-Л. 1945; Ф. И. Нотович. Из дипломатической истории мюнхенского соглашения. «Вопросы истории», 1945, № 5—6; «Фальсификаторы истории» (историческая справка). Госполитиздат. 1948; М. Гус. Американские империалисты — вдохновители мюнхенской политики. М. 1951; «Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии». М. 1951; А. М. Некрич. Политика английского империализма в Европе. М. 1955; В. А. Матвеев. Провал мюнхенской политики (1938—1939). М. 1955; Ю. В. Арутюнян. Роль американской дипломатии в организации Мюнхенской конференции 1938 года. «Вопросы истории», 1958. № 2; «Новые документы из истории Мюнхена». М. 1958; Z. Fierlinger. Zrada československé burzoasie a jejich spojencu. Praha. 1951; R. Beckmann. K diplomatickému pozadí Mnichova. Praha. 1954; «O československé zahraniční politice 1918—1939». Sborník statí. Praha. 1956; Vladimír Bernašek a Wladimír V. Bernašek. Bez slavy a bez ilusi. Praha. 1956; «Mnichov v dokumentech». Tt. I—II. Praha. 1958; A. Rothstein. The Munich Conspiracy. London. 1958, и др.

ные плоды. 13 марта 1938 г. гитлеровская Германия захватила Австрию и, фактически поощряемая правящими кругами западных стран, готовилась к новой агрессии.

В правительственных кабинетах Лондона и Парижа читали заявление Геринга о том, что «Германия не имеет дурных намерений в отношении Чехословакии» [2], но угроза фашистского порабощения уже нависла над чехословацким народом.

Судьба Чехословакии волновала европейскую общественность: отдадут ли западные державы эту страну на растерзание Гитлеру или, прислушиваясь к разумным доводам СССР, преградят путь фашизму? Для прогрессивных сил Венгрии чехословацкий вопрос вставал и в более конкретном плане. Примут ли правящие круги Венгрии участие в удушении Чехословакии? Удастся ли им толкнуть страну на путь реваншистских авантюр?

Шовинистическая программа «возрождения великой Венгрии» родилась вскоре после уничтожения Венгерской Советской Республики. К концу 20-х годов, по мере того как венгерские правящие круги убеждались в непрочности версальско-вашингтонской системы, стремление к пересмотру Трианонского мирного договора 1920 г. становилось главным содержанием внешней политики хортистской Венгрии. В основе реваншистской политики реакционных венгерских правительств лежало стремление господствовавших классов Венгрии вернуть свои позиции на территориях бывшей Австро-Венгерской империи, не вошедших в состав Венгрии после окончания первой мировой войны. Агрессивные претензии правящих кругов Венгрии распространялись, в частности, и на земли соседней Чехословакии.

После прихода к власти немецких фашистов, открыто взявших курс на ревизию Версальского договора, правящие круги Венгрии во внешней политике все более ориентировались на фашистскую Германию. Хортисты надеялись осуществить свои агрессивные замыслы в сговоре с германским фашизмом. Проводя пресловутую политику «Drang nach Osten», гитлеровское правительство, в свою очередь, намеревалось использовать венгерских реваншистов в экспансионистских целях и поэтому готово было частично поддержать их притязания, но лишь постольку, поскольку это способствовало осуществлению империалистических планов гитлеровцев.

Первоочередной задачей хортистской клики стало вооружение венгерской армии, уничтожение трианонских ограничений в области вооружения. Острые противоречия между странами Малой Антанты — империалистического блока Югославии, Чехословакии и Румынии, принимавших участие в разработке и подписании Трианонского договора,— способствовали осуществлению милитаристских замыслов венгерских правящих кругов.

Каждое из государств этого империалистического блока готово было вести сепаратные переговоры с Венгрией. Так, чехословацкое правительство заявило в декабре 1936 г. о своем согласии официально признать равноправие Венгрии в области вооружений [3]. Подобные заявления сделали и остальные участники Малой Антанты [4]. Однако, опираясь на тайное решение конференции, состоявшейся 10—12 ноября 1936 г. в Вене с участием представителей Италии, Австрии и Венгрии и признавшей за последней равноправие в области вооружения [5], венгерское правительство отвергло эти предложения. 23 сентября 1937 г. в Женеве, где состоялись переговоры министров иностранных дел государств Малой Антанты, министр иностранных дел Венгрии К. Канья заявил представителю Чехо-

---

[2] Цит. по Z. Fierlinger. Указ. соч., стр. 86.

[3] Országos Levéltár Külügyminisztérium (O. L. Küm). Politikai osztály (pol. o.). 1938, 7/7t., 541 sz.

[4] O. L. Küm. Számjelosztály (Számjel. o.), 1937, Bucarest, 28 számjel táv. (Bej.).

[5] См. В. Л. Исраэлян. Внешняя политика Венгрии в канун второй мировой войны (1926—1939). М. 1947 (кандидатская диссертация), стр. 112.

словакии К. Крофте: «Признание равноправия Венгрии в области вооружения теперь не имеет уже большого значения потому, что в этом отношении мы имеем дело с совершившимся фактом» [6].

Венгерские реваншисты в своих стремлениях поживиться за счет Чехословакии возлагали большие надежды на помощь своих германских покровителей. В целях укрепления германо-венгерских связей и обсуждения планов совместной агрессии против Чехословакии в Берлин для переговоров с Гитлером и Нейратом в конце ноября 1937 г. была направлена делегация во главе с премьер-министром Венгрии Дараньи. Во время этих переговоров Гитлер говорил о своем желании «видеть Венгрию сильной», о «стремлении к общей германо-венгерской границе» [7]. Он давал венгерским реваншистам советы, как добиться ослабления внутренних связей между государствами Малой Антанты. Гитлер рекомендовал венгерскому правительству при проведении принципа «разделяй и властвуй» не распылять своих политических усилий, направлять их лишь по одной линии, а именно против Чехословакии. Представители правящих кругов Венгрии заверили Гитлера, что они придерживаются той же точки зрения [8]. Переговоры в Берлине вызвали дальнейшее ухудшение чехословацко-венгерских отношений.

Обострение политической обстановки побудило правительство Чехословакии предпринять в феврале 1938 г. еще одну попытку наладить отношения с Венгрией. Хортисты отвергли предложение Праги о двухсторонних переговорах, ссылаясь на то, что «дружба с Германией не позволяет им пойти на такие комбинации» [9]. Когда вскоре после аншлюса Австрии, 28 марта, чехословацкое правительство снова обратилось к Венгрии с предложением объединить усилия обеих стран против Германии и «если нужно, то защищаться оружием», Канья ответил чехословацкому посланнику в Будапеште Кобру, что Германия «не угрожает Венгрии» [10].

Политика поощрения агрессора, проводившаяся в тот период правящими кругами западных стран, способствовала наступлению гитлеровской и хортистской реакции на Чехословакию. Венгерские представители в европейских столицах неоднократно писали в Будапешт, что Англия и Франция не будут защищать интересы Чехословакии [11]. Так, посланник Венгрии в Англии Барца сообщал Каньи, что английское правительство не выступит против насильственного решения чехословацкого вопроса [12]. Статс-секретарь английского министерства иностранных дел Батлер, как писал Барца, советовал посетившему Лондон адъютанту Гитлера Видеману «не стрелять, но задушить» Чехословакию [13].

Французские правящие круги занимали такую же позицию. Они и не думали о выполнении обязательств, вытекавших из франко-чехословацкого договора, и искали сближения с гитлеровской Германией [14].

США не принимали непосредственного участия в Мюнхенской конференции. Однако своей политикой по отношению к Германии они, по существу, способствовали развязыванию германской агрессии. Во время чехословацкого кризиса правительство Соединенных Штатов не только полностью разделяло позицию Англии и Франции, но и само поддерживало территориальные претензии агрессоров к Чехословакии, в том числе и требования венгерских правящих кругов, о чем сообщил вен-

---

[6] O. L. Küm, pol. o., 1938, 7/7 t., 541 sz.
[7] O. L. Küm, pol. o., 1938, 7/7 t., 277 sz.
[8] См. «Документы Министерства иностранных дел Германии». Вып. 1. М. 1946, стр. 23, 36.
[9] O. L. Küm, pol. o., 1939, 7/7 t., 584 sz.
[10] O. L. Küm, pol. o., 1938, 7/7t., 1045 sz.
[11] O. L. Küm, reservalt politikai osztály (res. pol.), 1938, 7t., 793 sz.
[12] O. L. Küm, res. pol., 1938, 7/a t., 722 sz.
[13] O. L. Küm, pol. o., 1938, 7/25 t., 1828 sz.
[14] O. L. Küm, pol. o., 1938, 7/7 t., 3341 sz.

герскому правительству Траверс — временный поверенный в делах Соединенных Штатов в Будапеште [15].

Ватикан также поощрял действия агрессивных сил, направленные против Чехословацкой республики. Статс-секретарь Ватикана Пачелли (впоследствии папа Пий XII) доверительно сообщил временному поверенному в делах Венгрии в Ватикане Тхиерри, что он (Пачелли), проживший 13 лет в Германии, благосклонно смотрел бы на завоевания немцев, если бы только знал, что Гитлер будет терпимо относиться к католикам на завоеванных им территориях. Пачелли обещал венгерскому правительству поддержать территориальные претензии Венгрии в момент расчленения Чехословакии [16].

В этих условиях СССР был единственной державой, последовательно отстаивавшей дело мира и безопасности в Европе, неоднократно предлагавшей Чехословакии помощь для предотвращения агрессии фашистской Германии.

Известные ныне архивные материалы министерства иностранных дел Венгрии свидетельствуют о том, что Советское правительство заявляло о своих намерениях защитить народы Чехословакии от фашизма и венгерскому посланнику в Москве Юнгерту. Оно обращало внимание венгерского правительства на опасность германской экспансии не только для Чехословакии, но и для Венгрии и других придунайских государств, которые, если «они не окажут должного сопротивления, потеряют свою независимость». «СССР заинтересован в независимости Венгрии» [17],— писал Юнгерт в Будапешт 26 марта 1938 года.

30 мая 1938 г. Юнгерт сообщал в Будапешт о реакции в СССР на действия Венгрии, направленные против Чехословакии. Советское правительство выражало надежду, что в Будапеште осознают опасность, которая угрожает самой Венгрии, и откажутся от агрессивных замыслов в отношении Чехословакии [18].

Чехословацкое правительство, выражая интересы империалистической буржуазии, вместо того чтобы принять протянутую Советским Союзом руку помощи, шло на все бо́льшие уступки агрессорам. Взгляды правительственных кругов выразил чехословацкий премьер-министр Годжа, еще в 1937 г. заявив австрийскому канцлеру Шушнигу, что он считал бы для себя трагедией, если бы Москва защитила Чехословакию [19].

Эта точка зрения была характерной для крупной чехословацкой буржуазии, предпочитавшей отдать страну на растерзание фашистской Германии, чем опереться на помощь социалистического государства.

Так интересы нации были принесены в жертву классовым устремлениям чехословацкой буржуазии. Но чехословацкий народ был полон решимости отстоять свою страну. По призыву Коммунистической партии Чехословакии он поднялся на борьбу против соглашательской политики буржуазии. Волна демонстраций трудящихся разных национальностей прокатилась по всей стране. В них принимало участие и венгерское население Словакии и Закарпатья. 31 июля 1938 г. трудящиеся венгры г. Кошице рука об руку с чехами, словаками шагали во главе с руководителями КПЧ Готвальдом, Широким по улицам города и требовали решительных действий для защиты Чехословакии [20]. 28 августа 1938 г. в Ужгороде на митинге в защиту Чехословацкой республики выступали представители проживавших в Закарпатье венгерских трудящихся. «Мы должны осознать,— призывал один из выступавших,— что если падет Прага, падет и Будапешт, что, защищая Чехословацкую республику, мы тем самым за-

[15] O. L. Küm, pol. o., 1938, 7/25 t., 3213 sz.
[16] O. L. Küm, pol. o., 1938, 7/7 t., 3199 sz.
[17] O. L. Küm, pol. o., 1938, 21/7 t., 1120 sz.
[18] O. L. Küm, pol. o., 1938, 7/25 t., 1907 sz.
[19] O. L. Küm, pol. o., 1937, 7/7 t., 3021 sz.
[20] Pártintézeti Archivum (Pi. Arch.). A. XXII. 70 (1938) 12.

щишаем и Венгрию»[21]. 4 сентября 1938 г. трудящаяся молодежь венгерской национальности с. Тарновцы (Закарпатье) обратилась ко всем венграм, проживавшим в Чехословакии, с призывом: «Кто сражается с оружием в руках за Чехословацкую республику, тот одновременно борется за независимость Венгрии, за лучшее будущее всех венгров»[22].

Коммунисты Венгрии, ведя героическую борьбу против своих правящих классов и их фашистского правительства, вместе с тем призывали народ развернуть борьбу за спасение Чехословакии от раздела и грабежа, затеваемого фашистами. Они разъясняли венгерскому народу, что реваншистские требования правящих классов Венгрии, несмотря на громкие фразы о «родине» и «народе», направлены против национальных интересов страны. На страницах партийных органов «Dolgozók Lapja» и «Uj Hang» КПВ указывала на империалистический, антисоветский характер реваншистской политики хортистского правительства, которое «не хочет опоздать к дележу территории Чехословакии и желает помочь Гитлеру в борьбе против СССР». Коммунисты разъясняли своему народу, что реваншистские устремления венгерских правящих кругов угрожают Венгрии потерей национальной независимости. Коммунисты выдвигали требование, чтобы «Венгрия договорилась с Чехословакией» и обе страны «вместе защищались от общей угрозы — германского империализма»[23].

Выступая в защиту Чехословакии, Коммунистическая партия Венгрии оказывала серьезную поддержку коммунистам Чехословакии в их стремлении добиться улучшения положения венгерского населения, жившего в Чехословацкой республике. Верная ленинским принципам национальной политики, КПЧ неоднократно предлагала чехословацкому правительству решить национальный вопрос в Чехословакии в духе дружбы народов. Руководители КПЧ — Готвальд, Запотоцкий, Широкий, Борканюк — обратились к чехословацкому правительству с меморандумом, в котором требовали улучшения положения венгерского нацменьшинства. Обе братские коммунистические партии развернули активную деятельность, выполняя решения Коминтерна от 20 октября 1937 г. о задачах борьбы КПЧ за национальные права венгерского нацменьшинства[24].

Особенно тесное сотрудничество между КПЧ и КПВ в деле защиты Чехословакии сложилось с марта 1938 года. По просьбе Коммунистической партии Чехословакии венгерские коммунисты направляли партийных агитаторов, которые выступали перед венгерским населением Словакии и Закарпатья, рисовали им картины тяжелой жизни трудящихся в хортистской Венгрии, разоблачали фашистские планы закабаления Чехословакии, призывали к ее защите. Поддержку КПЧ и чехословацкому народу в борьбе против угрозы нацистского порабощения оказывали также коммунисты Румынии, Югославии, Англии, Франции[25] и других стран.

Так в общем выступлении за спасение Чехословакии росла и крепла интернациональная солидарность народных масс разных стран, имевшая большое значение для сплочения трудящихся всех национальностей Чехословакии. Решимость верных сынов чехословацкого народа отстоять свободу и независимость своей республики особенно ярко проявилась 21 мая 1938 г., когда в ответ на угрозу независимости и целостности Чехословакии по всей стране были проведены мощные демонстра-

---

[21] Закарпатский областной государственный архив (ЗОГА), ф. 9—с/2, оп. 2, д. 756. л. 178; O. L. Küm, pol. o., 1938, 7/7 t., 7029 sz.

[22] Pi. Arch. A. XXII. 7 (1938) 11.

[23] «Dolgozók Lapja», 12 апреля 1938 года.

[24] Pi. Arch. A. XXIII. 1/3 (1937) 4.

[25] Pi. Arch. A. XXII. 1 (1938) 3; «O československé zahranični politice», str. 343; В. Матвеев. Указ. соч., стр. 116, 117.

ции, организованные коммунистической партией. Под давлением народных масс чехословацкое правительство объявило в этот день частичную мобилизацию. Планы гитлеровских фашистов и их венгерских подручных путем «блицкрига» покончить с Чехословакией были сорваны [26].

После этого венгерские реваншисты вынуждены были умерить свой воинственный пыл. Но венгерская дипломатия продолжала лихорадочную деятельность, пытаясь обеспечить успех в достижении своих целей. Она стремилась изолировать Чехословакию. В период Бледской конференции Малой Антанты в августе 1938 г. венгерским реваншистам удалось изнутри ослабить этот блок, выработав соглашение по обсуждавшимся на конференции вопросам (о признании за Венгрией равноправия в области вооружения, о заключении пакта о ненападении и др.) с Югославией и Румынией, преднамеренно сорвав новую попытку чехословацкого правительства прийти к соглашению с Венгрией [27].

Однако усилия венгерских дипломатов, направленные на пересмотр Трианонского договора, казались Хорти недостаточными. В августе 1938 г. он предпринял поездку в Берлин, где вел переговоры с Гитлером и Риббентропом. В результате было достигнуто соглашение между Германией и Венгрией о совместном военном выступлении против Чехословакии. 6 сентября начались переговоры между начальниками генеральных штабов венгерской и германской армий [28].

Министерство вооруженных сил Венгрии лихорадочно снабжало венгерскую армию приобретенным в Италии и Германии военным снаряжением [29]. В стране была объявлена частичная мобилизация, и отборные силы венгерской армии 16 сентября 1938 г. были сконцентрированы на чехословацкой границе, где проводились маневры. Эта демонстрация была рассчитана на то, чтобы оказать давление на чехословацкое правительство. Но военные приготовления хортистов не дали ожидаемого эффекта [30]. К тому же, по сообщениям венгерского посланника в Лондоне Барци, во время переговоров между Гитлером и Чемберленом «не было сказано ни слова о венгерских требованиях к Чехословакии» [31]. Тогда Хорти в письме к Гитлеру снова напомнил о заинтересованности Венгрии в «решении» чехословацкого вопроса. Он подчеркнул, что «...решением судетонемецкого вопроса чехословацкая проблема еще не будет снята с повестки дня», и выразил надежду, что Гитлер проявит «большее внимание к венгерским интересам» и окажет содействие венгерским правящим кругам. С таким же письмом обратился Хорти и к Герингу [32].

Фашистская Германия не спешила заверить Хорти в поддержке венгерских требований к Чехословакии, и это вызвало тревогу в Будапеште. Венгерское правительство стало усиленно искать сочувствия своим реваншистским планам в других странах и в первую очередь в Англии и Франции. Оно добилось полуофициальных заверений со стороны ряда политических деятелей этих стран в том, что они поддержат венгерские требования к Чехословакии. Так, в письме к венгерскому правительству лорд Галифакс писал: «То обстоятельство, что английское правительство в данное время свое внимание сосредоточило на проблеме судетских немцев, вовсе не означает, что оно пренебрегает венгерскими требованиями» [33]. В беседах с депутатом венгерского парламента Лакатошем в сен-

---

[26] K. Gottwald. Spisy. T. VIII. Praha. 1953, str. 183.

[27] O. L. Küm, számjel o., 1938, 5766/30 számjel táv. (Kim.).

[28] «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945» (в дальнейшем «ADAP»). T. II. Deutschland und die Tschechoslowakei 1937—1938. Baden-Baden. 1951, S. 486—487; «Известия», 4 декабря 1945 года.

[29] O. L. Küm, res. pol., 1938, 7/a t., 242 sz.

[30] «ADAP». T. II, S. 651.

[31] O. L. Küm, számjel o., 1938. London, 46 számjel táv. (Bej.).

[32] O. L. Küm, számjel o., 1938, 21 t., 88 számjel táv. (Kim.).

[33] O. L. Küm, pol. o., 1938, 2 t., 3292 sz.

тябре 1938 г. министр иностранных дел Франции Боннэ также обещал учесть требования хортистов [34].

Одновременно венгерские правящие круги предприняли новую попытку заручиться обещанием Гитлера учесть при решении чехословацкого вопроса их интересы. С этой целью 18 сентября 1938 г. Имреди и Канья снова посетили Германию, где они были посвящены в разработанный фашистами конкретный план действий против Чехословакии [35].

20 сентября Имреди и Канья встретились в Оберзальцберге с Гитлером, который им заявил, что «разрешит чешский вопрос, даже если это будет сопряжено с опасностью мировой войны», и высказал уверенность в том, что Англия и Франция не выступят на стороне Чехословакии. Гитлер потребовал от хортистов более активной поддержки германских агрессивных действий, подчеркнув, что «иначе он не сможет выступить в защиту венгерских интересов». И тут же Гитлер дал конкретное указание венгерскому правительству — требовать референдума в тех районах Чехословакии, которые оно намеревалось присоединить к Венгрии. Тогда же Имреди передал германскому правительству письмо с изложением претензий Венгрии к Чехословакии, чтобы Гитлер «мог отстаивать их во время встречи с Чемберленом в Годесберге» [36].

После возвращения из Германии венгерские правители принялись за выполнение установок Гитлера. 22 сентября 1938 г. они потребовали от чехословацкого правительства такого же отношения к венгерским требованиям, как и к германским [37]. Перенимая германский опыт подрыва Чехословакии изнутри, хортисты посредством своей агентуры также активизировали деятельность венгерских националистических фашистских группировок. Руководители профашистской «Объединенной венгерской партии» выступали единым фронтом со всеми националистическими, сепаратистскими элементами в Чехословакии, стремившимися под различными лозунгами к расчленению республики.

Глава словацких националистов Тисо, не останавливаясь перед прямым предательством интересов словацкого народа, вел тайные переговоры с венгерским правительством о присоединении Словакии к Венгрии. В качестве условия этого присоединения он требовал создания на территории Словакии центральной исполнительной власти, а также созыва законодательного собрания, распространяющего свои функции на внутренние дела. Эти условия были приняты венгерским правительством [38].

Широко развернули хортисты подрывную деятельность против Чехословакии в Закарпатье, где они имели разветвленную сеть агентов не только среди венгерских, но и среди украинских буржуазных националистов.

Венгерские правящие круги стремились приблизить к себе и руководителей националистических группировок «американских русинов». Министерство иностранных дел Венгрии дало указания своим генеральным консулам в Нью-Йорке и Кливленде усилить античехословацкую деятельность среди закарпатцев, эмигрировавших в США. При помощи своих агентов хортистам удалось изолировать прочехословацкие элементы в националистических группировках «американских русинов» и добиться принятия последними решений, направленных на подрыв целостности Чехословакии. Когда в сентябре 1938 г. чехословацкий кризис достиг кульминационного пункта, Канья предписал венгерскому консулу в Кливленде Алекси использовать 10 тыс. долл. на нужды закарпатских националистов, в частности, на отправку телеграмм правительствам Анг-

[34] O. L. Küm, pol. o., 1938, 2 t., 149 sz.
[35] O. L. Küm, számjel o., 1938, Varsó, 174 számjel táv. (Bej.).
[36] «ADAP». T. II, S. 689—690.
[37] O. L. Küm, számjel o., 1938, 7 t., 172 számjel táv. (Kim.).
[38] O. L. Küm, számjel o., 1938, 17 t., 106 számjel táv. (Kim.).

лии, Франции, Германии, Италии, Польши, в которых националисты требовали «права Закарпатья на самоопределение, проведение референдума и, по возможности, отторжения от Праги» [39].

27 сентября того же года венгерское правительство еще раз обратилось через своего посланника в Праге к чехословацкому правительству с требованием «предоставить всем национальностям Чехословакии право на самоопределение» [40].

Таким образом, к осени 1938 г. венгерские правящие круги развернули активную дипломатическую и политическую кампанию, направленную на углубление чехословацкого кризиса и достижение своих реваншистских целей. Все это способствовало усилению международного напряжения в период подготовки мюнхенского сговора.

Сообщение о намечавшейся Мюнхенской конференции вызвало среди венгерских реваншистов чувство радости. Возможность пересмотра Трианонского договора превращалась «из мечты в явь». Но телеграммы представителей венгерского правительства в Лондоне, Берлине и Праге от 23 сентября вызвали беспокойство в Будапеште. Так, в телеграмме посланника в Праге Я. Веттштейна говорилось: «Гитлер принял предложение англичан, чтобы на данной встрече (Мюнхенской конференции.— *М. А.)* требования венгров и поляков вовсе не обсуждались и чтобы эти требования они (венгры и поляки.— *М. А.)* обсудили непосредственно с Прагой» [41].

Венгерское правительство приняло срочные меры. 28 сентября венгерский посол в Берлине Стояи на приеме у Геринга пытался узнать, как обстоит дело с венгерским вопросом, будет ли он обсуждаться на конференции в Мюнхене. И на этот раз Геринг пообещал всемерную поддержку венгерскому правительству [42].

Однако рассмотрение на Мюнхенской конференции венгерских и польских требований к Чехословакии, которые уже не играли прежней роли в планах фашистской Германии, не входило в расчеты последней. Участники конференции договорились о том, что претензии Венгрии и Польши к Чехословакии будут удовлетворены путем двухсторонних переговоров с чехословацким правительством. Если же в течение трех месяцев стороны не придут к соглашению, то претензии Венгрии и Польши станут предметом обсуждения нового заседания представителей четырех держав [43]. Решения Мюнхенской конференции вызвали в Будапеште вначале раздражение в связи с тем, что Гитлер и Муссолини не поддержали интересы хортистов в Мюнхене. Но исход конференции, предательство западными державами Чехословакии укрепляли надежды венгерской реакции на осуществление ее агрессивных замыслов. И к вечеру 30 сентября в Берлин и Рим были направлены поздравительные и благодарственные телеграммы от Хорти, Имреди, Каньи [44].

После мюнхенской сделки западных держав с германо-итальянскими агрессорами правительственные круги Венгрии стали еще настойчивее добиваться осуществления своих реваншистских планов. Однако, опасаясь в случае применения военных мер для реализации своих планов оказаться изолированной на Балканах, боясь протеста со стороны Югославии и Румынии, Венгрия предпочла путь переговоров. Она не осмелилась последовать примеру правителей буржуазно-помещичьей Польши, которые предъявили 30 сентября чехословацкому правительству ультиматум, угрожая военными действиями, и оккупировали Тешинскую Силезию.

Кое-кто из европейских политических деятелей склонен был расце-

---

[39] O. L. Küm, számjel o., 1938, 10/b t., 7 számjel táv. (Kim.).
[40] O. L. Küm, pol. o., 1938, 7/7 t., 234 sz.
[41] O. L. Küm, pol. o., 1938, 7/25 t., 130 számjel táv.
[42] O. L. Küm, pol. o., 1939, 7/a t., 918 sz.
[43] «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. I, стр. 299.
[44] O. L. Küm, pol. o., 1938, 7/25 t., 897 sz.

нить поведение венгерских правящих кругов как «миролюбивое»[45]. Но несомненен тот факт, что враждебные действия венгерского правительства, направленные против Чехословакии, после Мюнхена стали еще более агрессивными. В нотах, предъявленных венгерским правительством Чехословакии 1—4 октября 1938 г.[46], хотя и предлагались переговоры, но они отнюдь не являлись свидетельством миролюбия внешней политики хортистской Венгрии. В ноте от 3 октября в качестве предварительных условий для переговоров выдвигалось следующее: чехословацкое правительство должно было немедленно освободить политических заключенных и демобилизовать всех солдат венгерской национальности; в целях защиты венгров, проживавших в Чехословакии, и их имущества создать местные охранные отряды под смешанным руководством; передать два-три чехословацких пограничных города Венгрии в знак согласия с ее требованиями[47].

Оборотной стороной «миролюбивых» дипломатических усилий венгерского правительства была подрывная деятельность против Чехословакии, которую хортисты особенно усилили после Мюнхена. По указанию венгерского правительства из нилашистских молодчиков и зараженной шовинистической пропагандой фашистской молодежи были сформированы отряды диверсантов, известные под именем «сабадчапаток» (добровольческие штурмовые отряды), которые затем были нелегально переброшены на территорию Словакии и Закарпатья, чтобы организовывать здесь восстания, совершать диверсии и убийства[48].

Одновременно была достигнута договоренность с правительством буржуазно-помещичьей Польши, которое согласилось в целях «укрепления венгерско-польской дружбы» забрасывать польских террористов в Закарпатье. С 10 октября началась систематическая переброска туда польских диверсантов[49].

Правители буржуазной Чехословакии, предавшие национальные интересы страны, согласились начать переговоры с Венгрией, приняв ее предварительные условия[50]. Переговоры между делегациями венгерского и чехословацкого правительств велись с 9 до 13 октября 1938 г. в Комарно — городе, расположенном на границе Чехословакии и Венгрии.

Хортисты рассчитывали отторгнуть от Чехословакии территорию в 14 150 кв. км с населением 1 350 тыс. чел., включая те города и села Словакии и Закарпатья, в которых значительную часть населения составляли тогда венгры. Остальной части Словакии и Закарпатья чехословацкое правительство по требованию, предъявленному Венгрией, должно было предоставить право на самоопределение[51].

Однако первые же заседания показали, что в Комарно венгерским реваншистам пришлось иметь дело не столько с уже полностью потерявшим самостоятельность чехословацким правительством, сколько с руководителями фашистской Германии, которые не собирались делить с венгерским «союзником» то, что уже давно наметили в качестве очередной жертвы своей агрессии.

Если в начале переговоров чехословацкая делегация и склонна была удовлетворить часть венгерских территориальных претензий, то после того, как один из ее членов 11 октября посоветовался с Гитлером, она стала отклонять подобные требования. Ссылаясь на решение Мюнхенской конференции, которая не обязала чехословацкое правительство пе-

---

[45] O. L. Küm, pol. o., 1938, 2 t., 423 sz.
[46] O. L. Küm, res. pol., 1939, 7/a t., 945 sz, 951 sz, 956 sz.
[47] O. L. Küm, res. pol., 1939, 7/a t., 951 sz.
[48] Országos Lévéltár. (O. L.) Kozma iratak, 27 cs. naplojegyzetek, 1938 október 1—15.
[49] O. L. Küm, res. pol., 1938, 33/a t., 1331 sz; 1939, 7/a t., 934 sz; számjel o., 1938, B. Varsó, 124 számjel táv. (Bej.).
[50] O. L. Küm, res. pol., 1939, 7/a t., 190 sz.
[51] O. L. Küm, res. pol., 1938, 7 t., Komáromi tárgyalasok jegyzökönyve.

редать Венгрии часть территории, чехословацкая делегация выразила желание разрешить венгерский вопрос в рамках чехословацкого государства, то есть путем предоставления венгерскому нацменьшинству автономии [52].

Венгерская делегация отдавала себе ясный отчет в том, что поведение представителей Чехословакии отражало новые отношения между германским и чехословацким правительствами и выдавало планы Гитлера относительно Словакии и Закарпатья. Канья намекнул на это на заседании 11 октября 1938 года [53].

Венгерские правящие круги ни на шаг не отступили от занятой ими позиции и, прервав переговоры в Комарно, предприняли новые дипломатические демарши. Покидая Комарно, Канья заявил, что «Венгрия обратится к четырем великим державам, подписавшим Мюнхенский договор, и будет требовать как можно быстрее удовлетворить ее территориальные претензии к Чехословакии» [54].

В Мюнхен был послан Дараньи. Его принял 14 октября Гитлер в присутствии Риббентропа, Кейтеля и Эрдсмандорфа. Во время беседы Дараньи окончательно убедился в том, что Германия, готовившаяся к полному захвату Чехословакии, не собиралась уступать Венгрии ни одного чехословацкого района. Гитлер не советовал хортистской Венгрии добиваться новой конференции держав, участвовавших в мюнхенских переговорах. Узнав, что венгерское правительство готовится к военным действиям, Гитлер решительно возразил против этого. Чтобы уверить германских фашистов в преданности Венгрии «третьему рейху», Дараньи объявил, что венгерское правительство хочет стать еще ближе к «оси Берлин—Рим» и готово присоединиться к антикоминтерновскому пакту. Когда Гитлер поднял вопрос о Лиге Наций, Дараньи обещал, что Венгрия выйдет из нее [55]. Связавшись по телефону с Имреди и получив от него согласие на некоторые уступки в вопросе о Словакии, Дараньи передал Риббентропу новые венгерские требования. Последний изложил их министру иностранных дел Чехословакии Хвалковскому во время состоявшейся между ними встречи 14 октября, предложив ему найти с венграми компромиссное решение [56].

Англия и Франция, получив после провала переговоров в Комарно венгерский меморандум с изложением претензий Венгрии к Чехословакии, заверили венгерское правительство, что они поддерживают его требования и окажут в интересах Будапешта давление на Чехословакию [57]. Так вдохновители политики умиротворения отдавали Чехословакию на полное растерзание фашистским агрессорам.

Польские правители категорически возражали против новой конференции четырех держав, настаивая на том, чтобы венгерское правительство применило военную силу против Чехословакии и оккупировало Закарпатье, поставив Европу перед «совершившимся фактом» [58]. Речь шла о создании общей венгерско-польской границы. Польское правительство не желало, чтобы решения по этому вопросу принимались без его участия. Создание общей границы буржуазно-помещичья Польша и хортистская Венгрия рассматривали как важнейшую предпосылку к образованию блока Рим — Будапешт — Варшава, который позволил бы Италии, Польше и Венгрии выступать в будущих грабежах в качестве равноправного партнера гитлеровской Германии. Вместе с тем общая венгерско-поль-

---

[52] Там же.
[53] Там же.
[54] Там же.
[55] «ADAP». T. IV. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes. Baden-Baden. 1951, S. 68—71.
[56] Там же, стр. 72—73.
[57] O. L. Küm, pol. o., 1938, 61 t., 3746 sz.
[58] O. L. Küm, számjel o., 1938, Varsó, 372 számjel táv. (Bej.).

ская граница должна была (это не скрывали ее поборники) служить антисоветским целям [59].

Германская дипломатия быстро разгадала маневры своих «союзников» и решительно воспрепятствовала осуществлению их планов. Риббентроп во время беседы с польским послом в Берлине Липским 24 октября 1938 г. дал согласие на включение Закарпатья в состав Венгрии лишь при условии, если Польша удовлетворит претензии Германии в Данциге и Польском коридоре. Польская дипломатия вынуждена была отказаться от идеи создания общей венгерско-польской границы [60].

22 октября чехословацкое правительство вручило венгерскому послу в Праге новый проект урегулирования спорных вопросов с Венгрией, разработанный при непосредственном участии Риббентропа [61]. Чехословакия выражала готовность передать Венгрии территорию в 11 300 кв. км с 950 тыс. жителей. Но венгерское правительство отклонило этот проект, требуя, чтобы в состав Венгрии были включены города Кошице, Ужгород и Мукачево. По настоянию венгерской дипломатии вопрос о ее требованиях к Чехословакии был передан на рассмотрение арбитражной комиссии, состоявшей из представителей Германии и Италии. Идея немецко-итальянского арбитража была выдвинута Муссолини и одобрена в Лондоне и Париже [62]. При этом характерно, что гитлеровское правительство согласилось участвовать в арбитраже лишь при условии отказа Венгрии и Польши от попыток установить совместную венгерско-польскую границу [63].

Решение об арбитраже было дипломатической ширмой, которая прикрывала договоренность между Германией и Италией о дальнейшем разделе Чехословакии. Риббентроп специально побывал в Риме, чтобы «урегулировать разногласия по арбитражу» [64]. Исход спора между Венгрией и Чехословакией, по существу, был предрешен; арбитраж в Вене 2 ноября 1938 г. явился лишь формальным актом. Основные его постановления сводились к тому, что Чехословакия передавала Венгрии территорию в 12 400 кв. км с населением в 1 100 тыс. человек [65].

Венский арбитраж — прямое продолжение мюнхенского сговора. Буржуазная Чехословакия фактически оказалась полностью зависимой от Берлина и доживала последние дни. Позиции германского фашизма в Венгрии укрепились.

Не удовлетворенные решением венского арбитража, венгерские правящие круги с первых же дней ноября усилили подготовку к вооруженному захвату Закарпатья. При этом хортисты стремились доказать гитлеровцам свою преданность и заверить их в том, что общая венгерско-польская граница не направлена против интересов Германии. 15 ноября в беседе с германским послом Эрдсмандорфом Хорти пытался убедить германское правительство согласиться на захват Венгрией Закарпатья [66].

Спустя три дня в министерстве иностранных дел Германии венгерскому послу Стояи заявили, что германское правительство не советует Венгрии начинать военные действия в Закарпатье, так как, по имеющимся у него данным, Чехословакия ответит контрударом, возникнут всевозможные осложнения, а Германия не сможет оказать Венгрии помощи. Венгерское правительство предупредили, чтобы оно не пред-

---

[59] O. L. Küm, pol. o., 1938, 7/7 t., 3613 sz.

[60] L. Namier. Diplomatisches Vorspiel 1938—1939. Berlin. 1949, S 60, 76; O. L. Küm, számjel o., 1938, Róma, 151 számjel táv. (Bej.).

[61] O. L. Küm, számjel o., 1938, Praga, 186, 127 számjel táv. (Bej.).

[62] O. L. Küm, számjel o., 1938, Róma, 150, 134 számjel táv.; res. pol., 1939, 7/a t., 1203 sz.

[63] O. L. Küm, res. pol., 1939, 7/a t., 1403 sz.

[64] O. L. Küm, res. pol., 1939, 7/a t., 1244 sz.

[65] «Külügyi Szemle», 1939 január. XVI. évf. 1 sz.

[66] «ADAP». T. IV, S. 132.

принимало никаких шагов против Чехословакии без предварительного согласия Германии [67].

В общем, германский ответ по форме был туманным, расплывчатым. Воспользовавшись этим, правящая верхушка Венгрии поспешила заручиться поддержкой фашистской Италии. Представитель венгерского правительства информировал Муссолини, что Германия не советует Венгрии предпринимать акцию в Закарпатье, так как она не в состоянии оказать ей помощь, однако в принципе германское правительство не возражает. Муссолини дал венгерским реваншистам ряд советов, как успешнее осуществить захват Закарпатья, обещал оказать им поддержку и прислать 100 самолетов [68].

Венгерское правительство пыталось скрыть от Берлина план выступления против Чехословакии [69]. Между тем серьезная подготовка к военному захвату Закарпатья велась венгерскими реваншистами длительное время. Большую помощь оказывало им втайне польское правительство, обещавшее поддержать венгерскую армию путем заброски террористов в Чехословакию, а также «обеспечить нейтралитет Румынии, даже силой оружия» [70]. Одновременно с дипломатической подготовкой захвата Закарпатья венгерское правительство усилило там подрывную работу, организовало совместно с Польшей экономическую блокаду, пытаясь задушить этот край голодом [71].

К концу второй декады ноября 1938 г. венгерскому правительству казалось, что приготовления к военной акции против Чехословакии закончены. Но, опасаясь последствий этого шага, венгерские правящие круги не решились осуществить захват Закарпатья без ведома держав «оси». 20 ноября в утренних венгерских газетах появилось сообщение о том, что автономные власти Закарпатья якобы призвали венгерскую армию и ее наступление начнется через 24 часа [72].

В Берлине это известие вызвало бурю гнева. Итальянский посол в Германии по поручению Муссолини поспешил объяснить Гитлеру, что венгерское правительство ввело Италию в заблуждение [73]. 21 ноября Будапешт получил ноты германского и итальянского правительств, в которых державы «оси» потребовали от Венгрии отказаться от своих планов в отношении Закарпатья [74].

Провал планов венгерских реваншистов имел серьезные внутриполитические последствия. Реваншистские круги Венгрии обвиняли правительство в слабости его внешней политики. Канья вынужден был уйти в отставку. Победили те политические силы, которые считали неудачу акции в Закарпатье результатом недостаточной прогерманской ориентации венгерского правительства и требовали проведения еще более агрессивного курса в тесном союзе с фашистской Германией.

10 декабря 1938 г. министром иностранных дел Венгрии стал Чаки, известный своими крайне националистическими взглядами. Он все больше и больше подчинял внешнюю политику Венгрии политике держав «оси». В день своего назначения на пост министра иностранных дел Чаки сообщал венгерскому посланнику в Варшаве Хори: «Мы не отказались от известных наших планов относительно Закарпатья, но только поставили нашу тактику осуществления этих планов на новую основу и попытаемся решить этот вопрос в полном взаимопонимании с державами «оси» [75].

---

[67] Там же, стр. 135—136.
[68] O. L. Küm, Szabó-iratak, 1938, 9 t.
[69] O. L. Küm, res. pol., 1939, 7/7 t., 60 sz.
[70] O. L. Küm, számjel o., 1938, Varsó, 438, 446 számjel táv. (Bej.).
[71] O. L. Küm, számjel o., 1938, Varsó, 490 számjel táv. (Bej.).
[72] O. L. Kozma-iratak. 27 cz. naplójegyzetek, 1938, november 20.
[73] O. L. Küm, res. pol., 1939, 7/7 t., 362 sz.
[74] «ADAP». T. IV, S. 132.
[75] O. L. Küm, res. pol., 1939, 33/a t., 1483 sz.

В середине января 1939 г. Чаки направился в Берлин и в течение трех дней вел переговоры с германским правительством. Обсуждались дальнейшие агрессивные планы германского фашизма в отношении Чехословакии. Гитлеровское правительство не скрывало, что собирается уничтожить эту страну в марте 1939 г.[76], и пообещало Чаки решить закарпатский вопрос во время окончательной ликвидации Чехословакии[77].

Поездка Чаки в Берлин породила у венгерских правительственных кругов новые надежды на включение Закарпатья в состав Венгрии. Хортисты продолжали идти по пагубному пути сближения с державами «оси» и реваншистских авантюр. 24 февраля венгерское правительство приняло решение о присоединении к антикоминтерновскому пакту. Тогда же Чаки передал германскому правительству, что в случае присоединения Закарпатья к Венгрии «немецкие желания относительно дороги на Восток мы (венгерское правительство.— *М. А.*) бы в высшей степени удовлетворили»[78].

Наконец, 12 марта 1939 г. наступил долгожданный день для поборников «Великой Венгрии». Гитлер пригласил к себе Стояи и, раскрыв конкретный план ликвидации Чехословакии, дал санкцию венгерским реваншистам на оккупацию Закарпатья[79]. Точно не известно, какую цену запросили гитлеровцы. Лишь из более поздних материалов видно, что хортисты обязались разрешить Германии эксплуатацию Закарпатья в такой же мере, как это делало местное националистическое правительство[80].

Венгерское правительство начало готовить армию к походу. Хорти сразу же после переговоров 12 марта направил Гитлеру благодарственное письмо[81]. Однако ход событий еще раз показал, как мало Гитлер считался со своими партнерами. «Забыв» о согласованных с венгерскими сообщниками сроках начала военных действий против Чехословакии (венгерская армия должна была выступить 18 марта, а германская — 19 марта 1939 г.), германское правительство приступило к осуществлению захвата раньше обусловленного времени. 14 марта словацкий сейм под давлением гитлеровской Германии провозгласил Словакию «самостоятельной» республикой. В тот же день была провозглашена «независимость» Закарпатья — «Карпатской Украины». В ночь на 15 марта гитлеровские войска начали оккупацию Чехословакии.

Эти сообщения застали Будапешт врасплох, и венгерские реваншисты решили также ускорить осуществление своего плана захвата Закарпатья. 14 марта венгерские войска инсценировали в районе Мукачево и Ужгорода пограничные инциденты[82]. И в тот же день, в 14 час. 15 мин., Чаки пригласил к себе чехословацкого посланника в Будапеште Кобра и вручил ему ультиматум венгерского правительства, которое требовало: 1) немедленно освободить всех интернированных лиц венгерской национальности; 2) прекратить всякое преследование их; 3) выдать оружие венгерским организациям самозащиты; 4) начать в течение 24 часов эвакуацию чешских войск с территории Закарпатья; 5) сохранить полную неприкосновенность имущества венгерских подданных и лиц венгерской национальности[83]. Чехословацкое правительство приняло все пункты ультиматума, за исключением 3-го, который являлся неслыханным в дипломатической практике. Чаки признал ответ «неудовлетворительным», и в ночь на 15 марта венгерские войска начали военные действия

---

[76] «Документы Министерства иностранных дел Германии». Вып. I, стр. 90—91.
[77] O. L. Küm, számjel o., 1939, 14 számjel táv. (Kim.).
[78] O. L. Küm, res. pol., 1939, 33/a t., 67, 155 sz.
[79] «ADAP». T. IV, S. 232.
[80] O. L. Küm, pol. o., 1939, 21 t., 2377 sz.
[81] «Nazi Conspiracy and Agression». Vol. V. Washington. 1946, pp. 451—452.
[82] O. L. Kozma-iratak. 27 cz. naplójegyzetek, 1939, március 19.
[83] O. L. Küm, pol. o., 1939, 7/7 t., 1186 sz.

против Закарпатской Украины. К 20 марта Закарпатье было оккупировано.

Вслед за этим по приказу правительства венгерские войска вторглись в Восточную Словакию. Однако германские хозяева умерили разыгравшийся пыл своего венгерского партнера, потребовав немедленно прекратить продвижение венгерских войск в Словакии. Хортистам пришлось подчиниться.

К весне 1939 г. предательство Чехословакии, начало которому положил мюнхенский сговор, привело к ликвидации независимости и расчленению Чехословацкого государства.

★

Рассмотренные нами венгерско-чехословацкие отношения кануна второй мировой войны ясно показывают, что правящие круги Венгрии, проводя политику ревизии Трианонского договора и добиваясь захвата Словакии и Закарпатья, своими враждебными действиями по отношению к Чехословакии углубляли чехословацкий кризис, хотя в вопросе расчленения этой страны играли, конечно, второстепенную по сравнению с Германией и западными державами роль.

При осуществлении агрессивных планов венгерские реваншисты опирались на помощь германских и итальянских фашистов, польских реакционеров, на пагубную политику умиротворения, проводившуюся западными империалистами, и на противоречия между участниками империалистического блока — Малой Антанты.

Реваншистская политика венгерского правительства по отношению к Чехословакии наталкивалась на сопротивление прогрессивных сил Венгрии, возглавляемых коммунистической партией, которые в защите Чехословакии усматривали свой интернациональный пролетарский долг и спасение своей родины.

В общей борьбе прогрессивных сил Венгрии и Чехословакии против германского фашизма и венгерского реваншизма росла и крепла дружба венгерских и чехословацких трудящихся. В современных условиях между народами социалистической Венгрии и социалистической Чехословакии существуют и крепнут братские отношения, основанные на всестороннем сотрудничестве и взаимопомощи.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ ЯПОНИИ В КОНЦЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Л. Н. Кудашев

Прошло всего пятнадцать лет после окончания второй мировой войны, а на Дальнем Востоке вновь подготовляется почва для всякого рода авантюр, вырастает угроза миру в этом районе. Едва оправившись от сокрушительного поражения во второй мировой войне, правящие круги Японии при поддержке империалистов США пошли по пути возрождения милитаризма, превращая страну в базу подготовки новой войны. Хорошо известно, что в проведении своей провокационной и агрессивной политики японские империалисты в прошлом пользовались поддержкой тех империалистических кругов Запада, которые мечтали ослабить или сокрушить Советский Союз. Результаты этой политики обернулись против ее авторов. Уроков истории не следует забывать тем, кто становится на опасный путь возрождения милитаризма и обострения международной обстановки.

★

Во время второй мировой войны обстановка на Тихом океане определялась положением на основном фронте второй мировой войны — советско-германском. Судьба японской агрессии на Дальнем Востоке была предрешена поражением гитлеровцев на советско-германском фронте. Японские вооруженные силы были ослаблены тем, что, помимо операций против войск США и Англии в Юго-Восточной Азии, они должны были вести войну против Народно-освободительной армии Китая и держать в этой стране до 40 дивизий, насчитывавших около 580 тыс. солдат. Проводя агрессивную и враждебную политику в отношении СССР, японское командование всю войну сохраняло у советских дальневосточных границ Квантунскую армию, имевшую в своем составе в разные периоды войны от 800 тыс. до 1,1 млн. человек.

До осени 1944 г. ни США, ни Англия не спешили использовать выгодную для них обстановку, чтобы нанести серьезные удары японским милитаристам. Правящие круги этих стран сберегали до окончания войны свои вооруженные силы, располагавшиеся на Востоке, чтобы обеспечить себе позиции на Дальнем Востоке, не допустить победы демократических сил народов Юго-Восточной и Восточной Азии.

Лишь в конце 1944 г. американское и английское командование предприняло наступательные операции в Бирме и на Филиппинах. Эти действия США и Англии были вызваны опасением реакции, как бы народы этих стран не воспользовались ослаблением Японии для установления у себя демократических порядков и завоевания независимости.

Японская Главная ставка рассматривала Филиппины в качестве основного района предстоящих операций американцев. В то же время она не исключала возможности высадки американских войск на территории Японии. 24 июня 1944 г. был утвержден план операций «Сего сакусен», который был составлен в расчете на ведение в случае необходимости боевых действий на территории самой Японии. Такое решение неизбежно

ослабляло усилия Японии по обороне Филиппин. Японское командование почти не вело подготовки к отражению десанта противника в этом районе[1]. Операции развернулись в октябре 1944 года. Попытки японской авиации нанести удар по военно-морским соединениям американцев, продвигавшимся в район восточнее Филиппин, окончились неудачей. 20 октября американский 7-й флот, состоявший из 650 боевых единиц (в том числе 18 авианосцев и 6 линкоров), начал высадку десанта на острове Лейте. Командование Японии бросило в бой главные силы флота — Объединенную эскадру. Но ее попытки прорваться к Лейте не дали результата. Японский флот понес большие потери и вынужден был 27 октября вернуться на свои базы[2]. Это было самым тяжелым поражением японских военно-морских сил за всю войну. В январе 1945 г. американцы высадили десант на остров Лусон. 90 тыс. японских солдат ушли в горы, но были разгромлены американскими войсками и частями филиппинской народно-освободительной армии Хукбалахап[3].

Японскому командованию все труднее становилось удерживать под своим контролем морские коммуникации между Японией и странами, расположенными в южной части Тихого океана. Японское командование решило установить связь с ними по континенту от Северо-Восточных провинций Китая (Маньчжурия) до Сингапура, а также ликвидировать американские военно-воздушные базы в Центральном и Южном Китае. Этому решению милитаристские круги Японии придавали большое значение: единая коммуникационная линия должна была, по их замыслу, обеспечить ведение длительной войны на материке. Японские войска заняли Ханькоу, Лоян, Чанша, Гуйлинь, Лючжоу и другие крупные города, пытались организовать свой контроль на железнодорожных магистралях от Пекина до Кантона. Однако они не смогли его обеспечить. Народно-освободительная армия Китая и партизанские отряды постоянно разрушали главную линию железной дороги, подвергали систематическим атакам ряд важных железнодорожных узлов — Баодин, Шицзячжуан и другие тыловые базы японских войск.

Военные неудачи обостряли обстановку в империалистической Японии. В стране развернулось широкое антивоенное движение народных масс. Усилились разногласия среди политических группировок. Опасаясь, что в стране вспыхнет революция, правящие круги Японии решили пожертвовать премьер-министром Тодзио ради сохранения своей власти. Новое правительство возглавил генерал-губернатор Кореи Койсо. Однако новому кабинету, продолжавшему политику правительства Тодзио, не удалось добиться «национального единства», ликвидации внутренних разногласий, прекращения борьбы клик. Армия и флот по-прежнему сохраняли свою независимость от правительства. Командование отказалось включить премьер-министра в состав Главной ставки[4]. Среди народных масс, а также отдельных наиболее дальновидных представителей правящих кругов зрело требование создания «правительства мира». Койсо и министр иностранных дел Сигэмицу решили предпринять ряд маневров в надежде улучшить внешнеполитические позиции Японии. Они считали, что осуществление их целей может быть достигнуто путем отвлечения англо-американских вооруженных сил с Дальнего Востока на Запад.

19 августа 1944 г. на императорской конференции руководителей армии и членов японского правительства была принята «Программа ру-

---

[1] Хаттори Такудзиро. Дайтоа сэнсо дзэнси (Полная история войны в Великой Восточной Азии). Т. IV. Токио. 1951, стр. 159.

[2] «История войны на Тихом океане». Т. IV (перевод с японского). М. 1958, стр. 145—146.

[3] Там же, стр. 148—149.

[4] Там же, стр. 176.

ководства войной». Программа предусматривала активизацию японской политики в отношении СССР. «В случае разгрома Германии или заключения ею сепаратного мира,— говорилось в этом документе,— необходимо, не теряя времени, предпринять усилия для изменения обстановки в лучшую сторону, используя с этой целью Советский Союз»[5].

15 сентября 1944 г. Сигэмицу поставил этот вопрос на заседании Высшего совета по руководству войной, раздав его членам экземпляры составленного им предварительного плана: «Дипломатические меры, которые следует предпринять в отношении Советского Союза». В плане указывалось, что ввиду создавшейся обстановки Япония должна немедленно начать активный дипломатический демарш в отношении Советского Союза, предложив свое посредничество для достижения мира между Германией и СССР[6]. Главной целью такого демарша было стремление спасти Германию от поражения. Японская дипломатия считала, что прекращение войны на советско-германском фронте даст возможность Германии обрушить ее основные силы на США и Англию, тем самым оттянув силы этих держав от Тихого океана.

Советское правительство отказалось вести переговоры с Японией по этому вопросу.

Убедившись в неудаче своего маневра, японские правящие круги начали склоняться к мысли о необходимости заключения компромиссного мира с США и Англией за счет раздела Китая и стран Юго-Восточной Азии. Правящие круги Японии возлагали определенные надежды на реакционные профашистские элементы, имевшиеся в США и Англии, которые не желали полного разгрома Японии и стремились сохранить Японию на Дальнем Востоке в качестве потенциальной угрозы СССР, а также демократическому движению в Китае и других странах Азии.

В середине сентября 1944 г. главный директор газеты «Асахи» Бунгиро Судзуки посетил по поручению Койсо шведского посланника в Токио Багге и попросил его передать своему правительству просьбу Японии узнать в Лондоне, каковы возможности заключения мира при условии возврата всех территорий, захваченных Японией во время войны и, возможно, даже Маньчжурии, с тем, чтобы сохранить за собой Тайвань и Корею. Багге об этом сообщил в Стокгольм[7].

Предложение Японии не встретило одобрения ни в Англии, ни в США. Эти страны не хотели жертвовать своими позициями в Китае. США намеревались использовать чанкайшистскую клику для установления своего безраздельного господства в Китае. Они давно планировали установить свой контроль над Кореей. Англичане надеялись добиться бо́льших уступок от Японии.

Японские милитаристы рассчитывали использовать разногласия, существовавшие между гоминданом и Коммунистической партией Китая, для того чтобы добиться сговора с Чан Кай-ши. 5 сентября 1944 г. Высший совет по руководству войной принял решение «О проведении политических акций в отношении Чунцина». В нем предусматривалось заключение мира между Японией и Чан Кай-ши при условии эвакуации японских войск из Китая и передачи правительству Чан Кай-ши власти над всей страной (за исключением Маньчжурии) в обмен на уход из Китая американцев и англичан[8]. Старый и опытный политический деятель, бывший премьер-министр и министр иностранных дел Угаки был командирован в Шанхай для выяснения возможностей заключения мира.

В конце октября того же года на совещании у Койсо, в присутствии военного министра и министра иностранных дел, Угаки доложил о ре-

---

[5] Там же, стр. 187.
[6] «Сюсэн сироку» («Хроника конца войны»). Токио. 1952, стр. 236—237.
[7] Там же, стр. 238.
[8] «История войны на Тихом океане». Т. IV, стр. 186.

зультатах своей поездки. По его мнению, для заключения мира с Чунцином надо было пойти на эвакуацию японских войск из Китая и согласиться на создание нейтральной зоны в Маньчжурии [9]. Однако японские военные круги выступили против форсирования вопроса о заключении мира с Чунцином. Они находились под впечатлением своих успехов в Китае. Военщина не теряла надежд на успешное ведение затяжной войны, которая, по ее планам, должна была обеспечить Японии заключение более выгодного мира.

В декабре ставка верховного командования разработала «План руководства войной на середину 1945 года». В этом плане предусматривались мероприятия по подготовке к войне на территории самой Японии. Генеральный штаб ожидал высадки союзных армий на японские острова в середине 1945 года. В плане говорилось: «Продолжая решительные усилия в области ведения войны и рассчитывая на благоприятный поворот в военных событиях, империя в то же время немедленно создаст систему активной обороны, опирающуюся на Японию, Маньчжурию, Китай, и будет упорно вести затяжную войну» [10]. Окончательный план мероприятий был изложен в «Программе чрезвычайных мер, необходимых для достижения победы», утвержденной 25 января 1945 года. Программа указывала меры для консолидации государственной политики и военного руководства, а также для укрепления связей Японии с оккупированными территориями Китая.

Трудящиеся Японии, сознававшие безрассудность политики продолжения войны, остались глухи к призывам военщины мобилизовать все силы для победы. Народ требовал мира. 23 декабря 1944 г. серьезные волнения произошли в Токио, Иокогаме и Кобе. Демонстранты шли по улицам с призывом «Долой войну!», затем собрались у здания германского посольства в Токио, выставив лозунг «Порвать с Германией!». Волнения продолжались и на следующий день [11].

Японские милитаристы были напуганы антивоенным народным движением. Выступая на императорской конференции, председатель Тайного совета Хиранума заявил, что мероприятия «по руководству настроением населения» имеют наиболее важное значение. Он призвал принять необходимые меры против «деморализации общественного мнения». «Одновременно с применением жестких мер необходимо проявить мягкость» [12],— заявил Хиранума.

Между тем военное положение держав оси ухудшилось. В январе 1945 г. Советская Армия перешла в невиданное по своим масштабам наступление по всему фронту. Советские войска вступили на германскую территорию. Приближался час окончательного разгрома гитлеровской Германии и ее союзников. В феврале американские войска высадились на острове Иводзима (группа островов Огасавара), что позволило приблизить их опорные базы более чем на тысячу километров к основным японским центрам.

Среди правящих кругов Японии усилилось движение за выход из войны. Ряд политических деятелей — бывшие премьер-министры Вакацуки, Окада, Коноэ, бывший министр иностранных дел Того, министры Сигэмицу, Кидо и др., считавшие в это время необходимым добиваться прекращения войны, поддерживаемые некоторыми дипломатическими работниками за границей, которые видели неизбежность поражения Японии,— объединился в так называемую партию мира.

На первых порах эта группировка не проявляла большой активности, ограничиваясь закулисными переговорами и попытками воздействовать на императора, с тем чтобы он использовал свой авторитет для давления

---

[9] «Сюсэн сироку», стр. 215.
[10] Хаттори Такудзиро. Указ. соч., стр. 156.
[11] Архив МИД Китая, отдел информации, д. 16 (2) 557.
[12] «История войны на Тихом океане». Т. IV, стр. 163.

на армейскую верхушку. В феврале 1945 г. Вакацуки, Окада, Коноэ, каждый в отдельности, написали обращения к императору, в которых указывали, что дальнейшее продолжение войны «сыграет только на руку коммунистам» и что для сохранения власти императора и защиты «устоев национального государственного строя» необходимо покончить с войной. Они предлагали заключить компромиссный мир, чтобы максимально сохранить государственную структуру [13]. Коноэ подчеркивал: «Наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением» [14]. Лейтмотивом письма Коноэ являлось утверждение, что затяжка войны «увеличивает угрозу коммунистической революции».

Японское правительство усилило дипломатический зондаж относительно возможности заключения мира с США и Англией. В марте 1945 г. Сигэмицу лично просил шведского посланника Багге сделать все, что он может, чтобы помочь Японии начать мирные переговоры. Багге должен был узнать, «какой мир хотят заключить Англия и США» [15]. Однако эти планы осуществить не удалось. Правительство Койсо, оказавшееся не в состоянии вывести страну из войны, вынуждено было 6 апреля 1945 г. уйти в отставку.

Поражение фашистской Германии и ее союзников коренным образом меняло политическую и стратегическую обстановку на Тихом океане и создавало условия для быстрого разгрома милитаристской Японии.

5 апреля 1945 г. советское правительство денонсировало пакт о нейтралитете с Японией, подписанный 13 апреля 1941 года. В заявлении советского правительства указывалось на коренные изменения, происшедшие в международной обстановке с момента заключения договора, подчеркивался факт нарушения Японией статей 1-й и 2-й пакта, предусматривавших обязательство сторон «поддерживать мирные и дружественные отношения между собой», «соблюдать нейтралитет, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав». «Германия напала на СССР, а Япония — союзница Германии,— говорилось в заявлении,— помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза». В связи с этим советское правительство считало, что пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл [16].

Денонсация пакта являлась серьезным предупреждением японским правящим кругам. СССР таким образом давал понять японским правящим кругам, что необходимо прекратить агрессивную войну. Эту мысль подчеркивали советские представители в беседах с японскими дипломатами в Москве и Токио. Но правительство Японии не сделало надлежащих выводов из этого предупреждения. Японские милитаристы надеялись путем маневрирования и использования противоречий среди членов антифашистской коалиции добиться такого мира, который сохранил бы за ними известную долю захваченных ими территорий. В возможности этого их убеждала политика США. В этой стране все большее влияние получала так называемая «японская партия», делавшая ставку на сохранение консервативной императорской Японии в качестве оплота американской политики в Азии. Президент США Трумэн склонялся к отмене требования «безоговорочной капитуляции» Японии. В американских радиопередачах на Японию подчеркивалась возможность заключения «почетного мира», делались намеки на то, что Японии выгодно капитулировать

---

[13] Там же, стр. 180.
[14] Там же, стр. 252.
[15] «Сюсэн сироку», стр. 239.
[16] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. III. М. 1947, стр. 166.

перед США до вступления СССР в войну против Японии[17]. Определенная группа правящего лагеря США вынашивала планы закончить войну до вступления в нее СССР с тем, чтобы не допустить Советский Союз к решению дальневосточных проблем, помешать подъему антиимпериалистической, освободительной войны народов Азии.

Дипломатический аппарат Японии весной 1945 г. стал активно нащупывать возможности организации переговоров для заключения компромиссного мира. Прибывший в Швецию Багге в начале мая с ведома своего правительства потребовал, чтобы японский посланник в Швеции Окамото официально подтвердил просьбу японского правительства выяснить намерения США в отношении Японии. Параллельно с Багге активную деятельность в Швеции развернул японский военный атташе генерал Оно, стремившийся установить контакт с правительствами США и Англии[18]. Вскоре маневры японских империалистов стали достоянием мировой печати. Багге официально передал американскому послу Хершелю Джонсону японское предложение о мирных переговорах. Японцы настаивали на том, чтобы мирные условия предусматривали сохранение под их контролем Кореи и Тайваня. Это противоречило Каирской декларации, в которой говорилось о возвращении Тайваня Китаю и восстановлении независимости Кореи. Джонсон заявил, что Каирская декларация, которую США не в состоянии изменить, ясно сформулировала позицию союзников в этом вопросе, и дал понять, что Корея должна перейти под контроль США[19].

Одновременно с попытками установить контакт с Джонсоном японская дипломатия начала переговоры в Швейцарии с руководителем американской разведки А. Даллесом. 23 апреля 1945 г. немецкий разведчик Хэк, действуя от имени японского морского атташе в Берне Фудзимура, нанес первый визит доверенным лицам Даллеса. Получив сообщение последнего, государственный департамент США направил ему 3 мая инструкцию, в которой поручал затребовать от Фудзимура полномочий на ведение переговоров. В японском правительстве вопрос этот вызвал разногласия. Военщина еще не хотела верить в свое поражение. Морское руководство сомневалось, можно ли доверить такое щекотливое дело, как ведение секретных дипломатических переговоров, рядовому морскому офицеру. Поэтому из Токио предписали Фудзимура лишь осторожно развивать контакты с Даллесом.

Через Даллеса Фудзимура удалось выяснить позицию США в отношении возможных условий мира. Американцы дали понять, что имеются надежды сохранить в Японии императорский режим и флот, но что абсолютно исключена возможность удержания японского контроля над Кореей и Тайванем[20].

Дальнейшие переговоры японское правительство решило вести через японского посланника в Швейцарии Касе. В группу Касе входили: японский военный атташе в Швейцарии генерал Окамото и японские банкиры — член Совета Банка международных расчетов в Базеле Китамура и начальник отдела этого банка Иосимура. Посредником между этой группой и представителями американской разведки выступил шведский банкир Джекобсон — советник Банка международных расчетов, состоявший в дружеских отношениях с работниками американского консульства в Базеле и в родстве с заместителем начальника штаба английского военно-морского флота (японцы рассчитывали поставить в известность об этих переговорах также и Англию).

В середине июня 1945 г. Иосимура и Китамура от имени Касе передали А. Даллесу через Джекобсона предложение начать переговоры о

---

[17] «История войны на Тихом океане». Т. IV, стр. 191—192.
[18] R. Butow. Japan's Decision to Surrender. Stenford. 1954, p. 56—57.
[19] «Сюсэн сироку», стр. 239, 248.
[20] R. Butow. Указ. соч., стр. 104—105, 107—108.

мире. Они изложили японские мирные условия: отмена требования «безоговорочной капитуляции», неприкосновенность императорской системы, сохранение конституции, международное управление Маньчжурией, оставление Кореи и Тайваня за Японией. Даллес передал эти условия в Вашингтон, а Джекобсон — английскому правительству.

Даллес советовал японскому правительству начать мирные переговоры до вступления СССР в войну, выдав, таким образом, японцам секретное решение Ялтинской конференции о вступлении СССР в войну с Японией после завершения войны в Европе[21].

Японская дипломатия лихорадочно искала путей для выхода Японии из войны на основе компромиссного мира. Параллельно с переговорами в Швейцарии японским советником Иноуэ были установлены контакты с представителем американского посольства в Лисабоне. Иноуэ выдвигал те же предложения, что и его коллеги в Швейцарии. Он пугал своих собеседников длительной войной и «советской угрозой»[22].

Тем временем международная обстановка еще больше изменилась в сторону, не благоприятную для Японии. Народные массы США, Англии и других стран настойчиво требовали укрепления единства великих держав и быстрейшего завершения войны. С этим не могли не считаться правящие круги США и Англии, которые к тому же хотели решительного сокрушения своего империалистического конкурента. Не надеясь одержать своими силами быструю победу, руководители США и Англии были заинтересованы во вступлении СССР в войну против Японии. В самой Японии продолжали бороться сторонники немедленного заключения мира и военные круги, выступавшие за продолжение войны, даже если это будет означать перенесение ее на территорию собственно Японии. Все эти обстоятельства мешали активности реакционных сил, стремившихся спасти консервативный режим в Японии, и тормозили начало японо-американских переговоров. Планы японских империалистов были окончательно сорваны Потсдамской конференцией, принявшей специальную декларацию о Японии.

В декларации, подписанной США, Англией и Китаем, находившимися в состоянии войны с Японией, союзники призывали Японию капитулировать и предупреждали, что дальнейшее сопротивление приведет к ее быстрому и полному разгрому, неизбежному опустошению метрополии и окончательному уничтожению ее вооруженных сил.

Потсдамская декларация формулировала основные политические принципы обращения с Японией после ее капитуляции. Они заключались в следующем: полное искоренение милитаризма; оккупация Японии до осуществления основных целей декларации; выполнение условий Каирской декларации, предусматривавшей ограничение японского суверенитета островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые будут указаны союзниками; разоружение японской армии; суровое наказание военных преступников; устранение всех препятствий к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа; установление свободы слова, религии и мышления, а также уважение к основным человеческим правам. Союзники заявляли о готовности вывести оккупационные войска, «как только будет учреждено мирно настроенное и ответственное правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа»[23].

Потсдамская декларация отражала антифашистский, освободительный характер второй мировой войны, мешала империалистам Запада выдвигать в дальнейшем какие-либо захватнические, грабительские требования в отношении своего восточного конкурента. Впоследствии империалисты США сорвали проведение в жизнь ряда положений декларации.

[21] «Сюсэн сироку», стр. 301—302.
[22] Архив МИД Китая, отдел информации, д. 16 (2) 457.
[23] «История войны на Тихом океане». Т. IV, стр. 261. Приложение.

После подписания декларации в Японии состоялся ряд совещаний Высшего совета по руководству войной и кабинета министров. Того, министр иностранных дел в новом кабинете Судзуки, считал нецелесообразным отклонять декларацию, чтобы не затруднять дальнейших переговоров с СССР и со своими противниками. Представители военных кругов настаивали на отклонении декларации. Военный министр Анами, морской министр Йонай, начальники штабов Умедзу и Тоеда в конце концов заставили премьера Судзуки выступить с заявлением об отказе принять декларацию. «Правительство не придает ей большого значения, и мы игнорируем ее,— заявил Судзуки.— Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны» [24].

Отказ японского правительства от принятия Потсдамской декларации стоил японскому народу сотен тысяч жертв. Американские империалисты использовали этот отказ для того, чтобы применить атомную бомбу против мирного населения Японии. Японские правящие круги пренебрегли содержавшимся в Потсдамской декларации требованием прекращения войны, отражавшим единодушное стремление сотен миллионов людей к миру.

В соответствии с соглашением, принятым на Ялтинской конференции, и в связи с отказом японского правительства принять Потсдамскую декларацию вступление СССР в войну стало неизбежным.

Вступление СССР в войну предопределяло поражение японских вооруженных сил, и никакой стратегической необходимости в применении США атомной бомбы не было. Отсутствовала и тактическая необходимость в этом. Однако, вынашивая планы превращения послевоенной Японии в свою базу в Азии, не желая допустить СССР к решению дальневосточных вопросов, правящие круги США решили приурочить применение атомной бомбы против Японии к моменту вступления СССР в войну против Японии.

Решение сбросить атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки было принято американским правительством, исходя из чисто империалистических планов завоевания мирового господства, шантажа СССР и других государств. Как признается в докладе управления службы американской стратегической бомбардировочной авиации США, выбор Хиросимы и Нагасаки определялся «плотностью населения этих городов и их значением в жизни страны» [25].

6 августа в 8 часов 15 минут Хиросима был превращен в руины. На следующий день Трумэн выступил с угрозами сбросить бомбы в других местах. Вторую имевшуюся у них бомбу США сбросили 9 августа на Нагасаки. Жертвой бомбардировки снова явилось мирное население.

Гибель сотен тысяч людей в результате атомной бомбардировки не изменила намерений японского правительства и Главной ставки. Военные руководители отказались принять предложение Того обсудить вопрос об окончании войны [26]. У. Черчилль признает: «Было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой» [27]. Такого же мнения придерживается и главный военный советник американского президента адмирал Леги. «По моему мнению,— пишет он,— применение этого варварского оружия в Хиросиме и Нагасаки не оказало никакой существенной помощи в нашей войне против Японии» [28]. «Взрывы атомных бомб в Японии,— справедливо замечает английский ученый Блэкетт,— были не последним актом второй мировой войны, а первым актом «холодной войны» против России» [29].

---

[24] «Сюсэн сироку», стр. 502—503.

[25] P. M. S. Blakett. Military and Political Consequence of Atomic Energy. London. 1948, p. 127.

[26] «Сюсэн сироку», стр. 535.

[27] W. Churchill. The Second World War. Vol. VI, p. 646.

[28] W. D. Leahy. I was there. New York. 1950, p. 441.

[29] P. M. S. Blakett. Указ. соч., стр. 127.

8 августа советское правительство заявило правительству Японии, что, поскольку после поражения Германии «Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны», Советский Союз, стремясь «приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после отказа от безоговорочной капитуляции», будет считать себя с 9 августа «в состоянии войны с Японией»[30].

Вступая в войну, советское правительство стремилось ликвидировать военный очаг на Дальнем Востоке, освободить народы Азии от японской тирании и спасти десятки миллионов людей от угрозы длительной и опустошительной войны на территории Японии и территории оккупированных ею стран.

Премьер-министр Судзуки, министры Того, Йонай, а также виднейшие политические деятели из придворных кругов — Коноэ, Кидо и другие 9 августа пришли к выводу о необходимости закончить войну[31]. Правящие круги больше всего опасались не военного поражения, а революционных последствий, которые могли бы подорвать господство помещиков и капиталистов в стране. Участие в войне Советских Вооруженных Сил опрокидывало все расчеты японской военщины, надеявшейся бросить в бой против англо-американских войск при их высадке на островах Японии нетронутые силы сухопутных армий, расположенных на материке, что позволило бы затянуть военные действия.

Вступление СССР в войну против милитаристской Японии имело огромное политическое и военное значение. Оно привело к бурному подъему национально-освободительного движения на Востоке, к всенародным вооруженным восстаниям в странах Юго-Восточной Азии. Народно-освободительная армия и партизанские части Китая в широких масштабах развернули наступление в Северном Китае, Маньчжурии и Центральном Китае, сыграв значительную роль в разгроме японских оккупантов. 10 августа в войну против Японии вступила также Монгольская Народная Республика, войска которой действовали вместе с Советской Армией. Активное участие в разгроме японских захватчиков приняли корейские партизаны, действовавшие в горных районах страны.

Между тем в Токио из действующей армии поступали все более тревожные сообщения о неспособности Квантунской армии сдерживать натиск советских войск.

9 августа Высший совет по руководству войной начал обсуждать вопрос о принятии Потсдамской декларации, то есть о безоговорочной капитуляции. Участие Советского Союза в войне заставило и японских военных лидеров изменить свою позицию. Ни у кого уже не было сомнений в том, что продолжать войну невозможно. Военные руководители настаивали на выдвижении четырех условий при принятии Потсдамской декларации: сохранение существовавшего государственного строя, наказание военных преступников самими японцами, самостоятельное разоружение и недопущение оккупации страны союзниками, а если оккупация неизбежна, то она должна была быть кратковременной, осуществляться небольшими силами и не затрагивать Токио[32]. Министр иностранных дел Того предлагал выдвинуть лишь первое условие. Разногласия были перенесены на заседание кабинета министров, но и там не было достигнуто единое мнение. Придворные круги, обеспокоенные сложившимся положением, попытались оказать нажим на руководителей армии, используя авторитет императора.

---

[30] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. III, стр. 362, 363.

[31] «Сюсэн сироку», стр. 560—561.

[32] «История войны на Тихом океане». Т. IV, стр. 211.

10 августа император согласился с предложением премьера Судзуки принять Потсдамскую декларацию с оговоркой: «Японское правительство понимает, что эта декларация не содержит требований, ущемляющих прерогативы императора как суверенного правителя Японии»[33]. О согласии Японии принять декларацию с такой оговоркой было сообщено союзным державам. 12 августа стал известен ответ союзников. В заявлении указывалось: «С момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена верховному командующему союзных держав, который предпримет такие шаги, какие он сочтет нужными для осуществления условий капитуляции». «Форма правительства Японии,— говорилось далее,— в конечном счете будет в соответствии с Потсдамской декларацией установлена свободно выраженной волей японского народа»[34].

14 августа был послан ответ союзникам о принятии Японией условий Потсдамской декларации[35].

Однако японские милитаристские деятели не хотели примириться с безоговорочной капитуляцией. Несмотря на официальное заявление японского правительства о капитуляции, Квантунская армия еще более двух недель продолжала оказывать отчаянное сопротивление советским войскам. Полный разгром ее Вооруженными Силами Советского Союза вынудил Японию признать себя побежденной. 2 сентября на борту американского линкора «Миссури», находившегося в водах Токийского залива, состоялась церемония подписания акта о капитуляции Японии.

Так была закончена вторая мировая война. Разгром милитаристской Японии принес народам Дальнего Востока освобождение от ига японских захватчиков, всему человечеству — долгожданный мир.

Таковы факты недавнего прошлого. Япония переживает сейчас один из наиболее ответственных моментов в своей послевоенной истории. Решается вопрос, будет ли Япония развиваться по пути мира и независимости, внесет ли она достойный вклад в дело укрепления сотрудничества и безопасности народов или же пойдет по пути реваншизма и ремилитаризации, снова превратившись в очаг авантюр и агрессии.

Курс правящих кругов Японии на превращение страны в ракетно-атомную базу США подрывает основы мира на Дальнем Востоке и может навлечь на страну тяжелые беды. Японские правящие круги не учитывают серьезности и опасности положения, которое может сложиться в результате осуществления агрессивных актов американскими войсками, базирующимися в Японии.

26 февраля 1960 г., выступая перед депутатами индонезийского парламента, Н. С. Хрущев подчеркивал, что народы не забыли агрессивных действий японских милитаристов, которые пытались совсем недавно поработить народы Восточной Азии. Говоря о заключении нового японо-американского военного договора, Никита Сергеевич заявил: «Надо прямо и откровенно сказать, что это очень опасная игра, и опасная в первую очередь для самой Японии. Не зря в народе говорят: «Кто сеет ветер, тот пожнет бурю», причем такую бурю, которая может смести с лица земли любителей поиграть с ветром»[36].

---

[33] Там же, стр. 212.

[34] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. III, стр. 378—379.

[35] Там же, стр. 380.

[36] «Счастье и мир — народам!». М. 1960, стр. 186.

В отделении исторических наук АН СССР и научных советах

ТВОРЧЕСКИЙ ОТЧЕТ АКАДЕМИКА Н. М. ДРУЖИНИНА

Бюро Отделения исторических наук АН СССР ввело в практику своей работы обсуждение на заседаниях творческих отчетов крупных деятелей науки. Отчеты имеют целью показать, как опытный исследователь ищет пути правильной постановки проблем и наиболее точного их решения, как он отбирает нужный материал, как организует свою работу.

Недавно на Бюро Отделения исторических наук был заслушан отчет академика Н. М. Дружинина о его деятельности в 1958—1960 годах. Отчет свидетельствует о том, что научные труды Николая Михайловича соответствуют выработавшемуся у него в течение нескольких десятилетий историко-научному профилю исследователя истории крестьянства и сельского хозяйства России. Ряд работ Н. М. Дружинина посвящен вопросам, выходящим за пределы названной им тематики, однако его наиболее значительные труды посвящены истории русского крестьянства.

Советской исторической общественности Н. М. Дружинин известен как ученый, органически сочетающий марксистско-ленинскую методологию с ценными приемами конкретного исследования, выработанными практикой русской исторической школы. Для Н. М. Дружинина как историка характерна широта охвата изучаемых им проблем и соответственно этому многообразие и обширность исследуемого материала. В его работах использованы самые разнообразные категории источников: статистико-экономические сведения, законы и законопроекты, политические трактаты и материалы о массовом антикрепостническом движении. Ценнейшие качества Николая Михайловича как историка трудящихся масс крепостной России, хорошо известные по его прежним работам, с полной силой раскрываются в его новых замыслах, о которых он доложил на заседании Бюро Отделения исторических наук.

В настоящее время Николай Михайлович работает над крупным исследованием «Русская деревня на переломе (60—70-е годы XIX в.)». Легко прослеживается тематическая связь названной работы с его изданной двухтомной фундаментальной монографией «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева». Вместе с серией исследований, посвященных помещичьим крестьянам первой половины XIX в., и недавно опубликованной книгой И. П. Гриценко об удельных крестьянах труд Н. М. Дружинина о государственных крестьянах всесторонне обрисовывает положение сельского населения России в дореформенное время, вскрывает исторические предпосылки отмены крепостного права. В завершающей главе второго тома монографии «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» показано, что правительственные акты 30—40-х годов, регулировавшие жизнь государственной деревни, явились одним из важных источников законодательства 1861 года.

В своем исследовании Н. М. Дружинин ставит цель выяснить влияние реформы 19 февраля 1861 г. на социально-экономическое развитие русского крестьянства в период временно обязанных отношений. Автор предполагает охватить все категории крестьян русских уездов Европейской России и Сибири. Хронологические границы монографии — 60—70-е годы XIX в. — интереснейший и важнейший этап в истории сельского населения России. Существо этого периода В. И. Ленин охарактеризовал словами Л. Н. Толстого: «У нас теперь все это переворотилось и только укладывается» [1].

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 29.

В указанные два десятилетия происходило фактическое расторжение крепостнических связей, закрепленное законодательными актами начала 60-х годов. Исходная дата изучаемого периода определяется Положениями 1861 г., конечная — законом 27 декабря 1881 г. об обязательном выкупе оставшихся невыкупленными земель, означавшем ликвидацию временно обязанных отношений. Рассматриваемое двадцатилетие лежит между первой и второй революционными ситуациями, различие характера которых показывает всю глубину социальных изменений в русской деревне, происшедших в изучаемое время.

Социально-экономическая история первых пореформенных десятилетий обследована крайне слабо; обобщающие труды в этой области устарели. Наиболее значительная книга П. А. Зайончковского о проведении в жизнь крестьянской реформы 1861 г. отражает лишь некоторые исходные моменты проблемы. Локальные работы, выполненные большей частью в форме диссертаций и в значительной мере остающиеся неопубликованными, разумеется, также не могут восполнить имеющийся пробел. Таким образом, состояние изучения вопроса подчеркивает большую значимость исследования, предпринятого Николаем Михайловичем.

Основное содержание новой монографии Н. М. Дружинина сводится к следующему. Вначале раскрывается существо реформы 1861 г. и процесс ее реализации. Здесь будет дан анализ не только Положений 19 февраля 1861 г., но и последующего крестьянского законодательства, а также характеристика деятельности центральных и местных учреждений по крестьянским делам, рассмотрено крестьянское надельное землевладение и податное положение крестьян к концу изучаемого периода. Проведение в жизнь крестьянской реформы будет освещено как проявление развернувшегося в стране в эти годы процесса так называемого первоначального накопления.

Раскрытие всех указанных выше вопросов делается на основе официальных законоположений, уставных грамот и выкупных актов с привлечением материалов архивов губернских присутствий по крестьянским делам, мировых съездов, мировых посредников и т. д. Такой путь исследования, чрезвычайно трудоемкий и в то же время многообещающий, весьма типичен для Н. М. Дружинина. Под его пером вереницы мелких фактов, рассказывающих о насилии и произволе, почерпнутых из документации местных учреждений, сольются в обобщающую яркую картину тяжелого положения крестьян в царской России.

Уделяя внимание конкретным моментам, Николай Михайлович, естественно, своей главной задачей ставит решение ряда крупных проблем, связанных с претворением в жизнь Положений 1861 года. Среди них процесс первоначального накопления и крестьянская реформа 1861 г. как одно из звеньев этого процесса, вопрос о том, почему в пореформенной России крупное землевладение стало основой крепостнических пережитков. Н. М. Дружинина занимает вопрос: почему в России в отличие от некоторых западноевропейских стран сохранявшиеся крупные, феодального типа земельные владения являлись источником сильнейших крепостнических пережитков в аграрном строе страны?

В монографии рассматривается крупнейшая проблема аграрной истории России изучаемого автором времени — проблема становления и развития в стране буржуазной собственности на землю. Николай Михайлович придерживается взгляда, что «понятие буржуазной собственности — это вопрос факта, а не права», что отношения собственности выражают собой не что иное, как производственные отношения между людьми. Последнее обстоятельство и предопределило повышенный интерес исследователя к вопросу о формировании буржуазной собственности как проявлению укреплявшихся капиталистических производственных отношений. Н. М. Дружинин подвергает критике взгляды некоторых современных советских экономистов и правоведов, переоценивающих значение юридического момента в этом процессе и не учитывающих того положения, что право лишь закрепляло отношения, уже фактически сложившиеся в ходе стихийного социально-экономического процесса.

Он поднимает также ряд теоретических вопросов, таких, как определение природы буржуазной собственности на землю, степень ее действительной безусловности и полноты, которые абсолютизируются в буржуазной исторической и юридической литературе.

Вопрос становления буржуазной собственности на землю в дореформенное время изучался такими советскими историками, как В. Н. Кашин и К. В. Сивков, но их ценные работы имеют все же фрагментарный характер. Имеющийся в распоряжении Н. М. Дружинина материал о развитии крестьянского, купеческого и другого недворянского землевладения за целое столетие до реформы 1861 г. позволит гораздо полнее и обстоятельнее изучить процесс превращения буржуазного землевладения из спорадического, «случайного» явления в широкое и типичное. Чтобы преодолеть бытующую еще в современной исторической литературе упрощенную трактовку вопроса, важно также показать нарастание — наряду с буржуазной собственностью — переходной земельной собственности, крестьянского парцеллярного землевладения.

Как отметил Н. М. Дружинин, при изучении вопроса о мобилизации дворянского землевладения не следует переоценивать степень падения крепостнических латифундий. Надо иметь в виду, что помещики не только теряли землю, но в известной части и приобретали ее, так что в некоторых районах страны крепостнические латифундии увеличивались по сравнению с дореформенным временем.

Очень важно, что Н. М. Дружинин намерен разработать статистические материалы не только о землевладении, но и о действительном землепользовании, то есть изучить также арендные отношения.

В подготавливаемой монографии будет широко показана картина бедствовавшей и разлагавшейся в пореформенное время деревни. Здесь подробно исследуются внутренние процессы самого крестьянского хозяйства. Так, в разделе о товаризации крестьянского хозяйства исследуются такие вопросы, как ускорение процесса отделения промышленности от земледелия, эволюция цен, отрицательное влияние феодальных пережитков на развитие обмена и т. д. В следующей главе, где рассматривается начальный период процесса «раскрестьянивания», будет освещен вопрос о роли торгового, ростовщического и промышленного капитала в хозяйственной жизни деревни, о влиянии переселений на процесс «раскрестьянивания» и др. Сложнейшей проблемой является определение стадии дифференциации крестьянства, решение которой в современной исторической литературе осложнено наличием расхождений в понимании этапов «раскрестьянивания». Особое внимание Н. М. Дружинин уделит вопросу о применении наемного труда в земледелии и о росте производительных сил в крестьянском хозяйстве.

Предметом его исследования в монографии является классовая борьба в деревне. Кроме количественной характеристики крестьянского движения 60—70-х годов XIX в., здесь будет также дан углубленный анализ его причин и факторов, воздействовавших на крестьянскую освободительную борьбу (в том числе воздействие промыслового отхода и связи крестьян с городом). Затем автором будут освещены последствия крестьянского движения, приведшего к концу изучаемого периода ко второй революционной ситуации 1879—1881 гг.: влияние массовых выступлений на внутреннюю политику правительства, с одной стороны, и на демократическую интеллигенцию — с другой.

Тема классовой борьбы обещает стать в подготавливаемой книге одной из самых значительных. Подобное суждение основывается на том, что Н. М. Дружинин, как известно, является редактором многотомного издания документов «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX века». О работе над этой публикацией Николай Михайлович также доложил на заседании Бюро Отделения исторических наук. Богатый документальный материал по теме крестьянского движения, а также постоянно проявляемый интерес автора к этой проблеме должны явиться залогом успешного решения поставленной автором задачи.

Таково в основном содержание новой монографии академика Н. М. Дружинина «Русская деревня на переломе (60—70-е годы XIX в.)». В ней найдет разрешение ряд важнейших проблем истории России XIX в., в частности истории крестьянства. Этот труд вберет в себя огромный архивный материал. Автор ознакомил слушателей со списком восемнадцати уже привлеченных для изучения архивных фондов. Здесь отмечены фонды высших государственных учреждений (Главного комитета об устройстве сельского состояния, Комитета министров, министерств внутренних дел, государственных имуществ и т. д.), а также некоторые общественные и личные фонды.

Выступавшие по отчету академика Н. М. Дружинина доктора исторических наук В. К. Яцунский, А. С. Нифонтов, В. И. Шунков полностью одобрили творческие замыслы исследователя.

Николай Михайлович сообщил и о других сторонах своей деятельности за 1958 — 1960 годы. В настоящее время он возглавляет работу Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства. Выпуск непериодических сборников «Материалы по истории сельского хозяйства», издание вышеупомянутой серии в восьми томах по истории крестьянского движения XIX — начала XX в., подготовка новых книг к столетию реформы 1861 г.— все это части большой издательской работы, которая осуществляется коллективом ученых, объединяемых Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства. Чрезвычайно плодотворными оказались организованные этой комиссией симпозиумы по аграрной истории Восточной Европы.

Как руководитель комиссии, Николай Михайлович отметил некоторые недостатки в ее работе, в частности то обстоятельство, что не удалось осуществить кооперирования работы представителей общественных и сельскохозяйственных наук. До сих пор в комиссии работают лишь историки и экономисты.

Н. М. Дружинин, как всякий крупный ученый, загружен, помимо основных заданий, о которых говорилось выше, еще множеством отдельных работ, например, составлением ряда глав для новой многотомной «Истории СССР», редактированием различных изданий. К Николаю Михайловичу обращаются за помощью многие исследователи. Выступления по диссертациям, отзывы, рецензии в журналах на вышедшие книги, выступления в печати и по радио, пропагандирующие исторические знания, заполняют до отказа время ученого.

Обсуждение отчета Николая Михайловича Дружинина показало его выдающееся значение как исследователя исторических судеб русского народа, одного из организаторов советской исторической науки, ученого-общественника.

П. Г. Рындзюнский

Рецензии

НОВОЕ ИЗДАНИЕ БИОГРАФИИ В. И. ЛЕНИНА *

Новое издание биографии В. И. Ленина, подготовленное Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и коллективом авторов по решению ЦК КПСС, является большим событием в идейной жизни страны. Биография В. И. Ленина — это книга, которая учит бороться, жить и трудиться во имя коммунизма, учит любви и преданности партии и народу, верности принципам пролетарского интернационализма.

Выпущенная в свет биография В. И. Ленина — наиболее полная в сравнении со всеми предыдущими изданиями. Она ярко освещает многие страницы героической истории нашей партии, по-новому, на основе последних достижений исторической науки трактует некоторые события и факты. Книга полнее, чем прежние издания, учитывает мемуарную литературу, воспоминания современников и соратников В. И. Ленина, рисующие его как вождя, товарища и человека, вводит в научный оборот новые архивные документы и материалы, содержащие важные сведения о деятельности Коммунистической партии и ее великого создателя.

Основное достоинство книги заключается в том, что биографические сведения о жизни Владимира Ильича даны в неразрывной связи, в органическом единстве с историей большевистской партии.

«Биография» написана живым, образным языком. В книге показаны исторические

* «Владимир Ильич Ленин. Биография». Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Авторский коллектив: П. Н. Поспелов (руководитель), В. Е. Евграфов, В. Я. Зевин, Л. Ф. Ильичев, Ф. В. Константинов, А. П. Косульников, З. А. Лёвина, Г. Д. Обичкин, П. Н. Федосеев. Госполитиздат. 1960. XIV + 609 стр. Тираж 400 000. Цена 11 руб.

условия и процесс формирования мировоззрения В. И. Ленина. Приведенные в ней новые архивные документы, воспоминания, письма помогают ярче осветить детские и юношеские годы Владимира Ильича. Авторы справедливо отмечают, что одним из истоков формирования Ленина как человека и революционера была обстановка в демократической, передовой для своего времени семье Ульяновых. Книга ярко рассказывает о том, как В. И. Ленин стал убежденным сторонником революционного марксистского учения. В марксизме он увидел то оружие, овладев которым российский пролетариат сможет добиться своего освобождения. Семнадцатилетним юношей Владимир Ульянов понял, что путь террора в борьбе с царизмом, по которому пошел его старший брат Александр, является ошибочным. Глубоко восприняв учение К. Маркса об исторической миссии пролетариата, В. И. Ленин возглавил борьбу за соединение марксизма с массовым рабочим движением в России.

В книге подчеркивается, что решающую роль в формировании Владимира Ильича как вождя революционного пролетариата сыграла его деятельность в Петербурге, особенно работа в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», где он подружился с выдающимися передовыми рабочими И. В. Бабушкиным, В. А. Шелгуновым, В. А. Князевым и другими. На основе ранее неизвестных сведений авторы дают более полный рассказ о пребывании В. И. Ленина в сибирской ссылке. С большим интересом прочтет советский и зарубежный читатель страницы, где говорится об упорной, напряженнейшей работе В. И. Ленина в ссылке над классическим произведением марксизма «Развитие капитализма в России». За три года В. И. Ленин изучил и критически проанализировал обширнейшую литературу по экономике России. В труде «Развитие капитализма в России» упоминается и цитируется свыше 500 различных работ: книг, сборников, исследований, статей. Литература, фактически изученная и использованная В. И. Лениным, но не вошедшая в перечень источников, во много раз больше. Об исключительной скромности и требовательности Владимира Ильича к себе свидетельствует такой факт: он долго не хотел давать своему труду название «Развитие капитализма в России», считая, что оно «слишком смело, широко и многообещающе» (стр. 63).

В «Биографии» центральное место отводится борьбе В. И. Ленина за создание Коммунистической партии, партии нового типа, в корне отличной от социал-демократических партий II Интернационала.

В. И. Ленин учил, что партия призвана быть передовым, сознательным, организованным отрядом рабочего класса, вооруженным революционной теорией, знанием законов общественного развития и классовой борьбы. При освещении истории создания партии авторы вводят в научный оборот много воспоминаний, писем, малоизвестных документов.

Читатель узнает о деятельности В. И. Ленина в период издания «Искры» и работы II съезда РСДРП, его непримиримой борьбе за революционную программу и организационные принципы построения партии. В книге подчеркивается, что создание большевистской партии явилось крупнейшим событием в истории мирового рабочего движения.

Авторы ярко рисуют В. И. Ленина как гениального продолжателя марксистского учения. Все составные части марксизма — философия, политическая экономия, научный коммунизм — получили в бессмертных его трудах дальнейшее развитие, обогащение и конкретизацию. Владимир Ильич дал ответы на все коренные вопросы, которые поставила новая эпоха перед рабочим классом. Ведя непримиримую борьбу против ревизионистских извращений марксизма, В. И. Ленин в то же время страстно выступал против попыток превратить учение Маркса в собрание застывших формул, оторванных от жизни. Все произведения В. И. Ленина проникнуты творческим пониманием марксизма как вечно живого, развивающегося учения, требующего верности принципам, но не признающего никаких шаблонов и догм.

Страница за страницей книга рассказывает о том, как Владимир Ильич гигантской силой своего интеллекта, выдающимися организаторскими способностями, революционной убежденностью, непреклонной волей, преданностью делу рабочего класса, цельностью характера очень быстро завоевал огромный авторитет в партии и в международном рабочем движении. На стр. 196 цитируется малоизвестное письмо одного социал-демократа, в котором кратко, но выразительно сказано о причинах огромной популярности В. И. Ленина: «Это — великолепный пропагандист и агитатор, блестящий дипломат и политик, роскошный теоретик и практик, вполне доступный для

широких масс, одинаково ценный на профессорской кафедре и на рабочем собрании, сочетавший в себе все, что нужно для партийного вождя».

Вынужденный из-за преследований царской охранки долгое время проживать в эмиграции, В. И. Ленин принимал активное участие в революционной работе во Франции, Англии, Швейцарии и в других странах. Владимир Ильич никогда не замыкался в кругу чисто русских дел, он внимательно изучал и перенимал все ценное, что давал опыт международного рабочего движения. В то же время В. И. Ленин был страстным пропагандистом замечательных достижений российского революционного движения.

Ряд новых или малоизвестных сведений читатель найдет в главе «Биографии», посвященной жизни и деятельности В. И. Ленина в период первой русской революции. Авторы подчеркивают, что еще задолго до начала революции Владимир Ильич гениально предвидел ее неизбежность, предсказал, что она примет общенародный характер, неустанно готовил партию к надвигавшимся социальным битвам.

Революция, как отмечают авторы, явилась первой исторической проверкой жизненной силы ленинской идеи союза рабочего класса и крестьянства, учения о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции.

В «Биографии» хорошо показано, как Владимир Ильич разрабатывал революционную тактику и стратегию партии в годы первой империалистической войны, какой громадный вклад он внес в дело сплочения революционно-пролетарских и антиимпериалистических сил различных стран. В это трудное время, работая с неимоверным напряжением, перенося нужду и лишения, он написал ряд классических произведений, создал учение об империализме, новую теорию социалистической революции. Классический труд этого периода — «Империализм, как высшая стадия капитализма» — результат громадного научного подвига. В. И. Ленин изучил обширнейшую литературу по вопросам экономики, техники, политики, дипломатии, рабочего движения и др. Выписки, конспекты, заметки, таблицы, собранные им в 20 тетрадях, составили книгу объемом более 40 печатных листов. На этом и других примерах авторы показывают величие Ленина как гениального ученого-революционера, обладавшего колоссальной энергией и упорством в достижении цели.

Читатель с большим интересом прочтет яркие и запоминающиеся страницы биографии, связанные с периодом Февральской революции. Когда свершилась Февральская революция, Ленин был в Швейцарии. Вместе со всеми большевиками-эмигрантами, говорится в книге, он бурно разделял восторг по поводу победы рабочих и солдат России, гордясь тем, что именно они первыми начали прорыв фронта мирового империализма. Ленин подробно анализировал революционные события в России и обосновал большевистскую тактику.

Февральскую революцию, свергнувшую царизм, он рассматривал лишь как первый этап революции, которая должна перерасти в социалистическую.

«В период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции,— пишут авторы,— Ленин предстал перед всем миром как гениальный теоретик марксизма, мудрый вождь Коммунистической партии и величайший мастер революционного руководства» (стр. 356). Авторы повествуют о послеоктябрьском периоде жизни Ильича. Им удалось в сжатой форме раскрыть все многообразие деятельности главы первого в мире социалистического государства. Читатель найдет в книге много новых документов, освещающих руководство В. И. Ленина внутренней и внешней политикой, военными делами, хозяйственным строительством и т. д.

В. И. Ленин, как никто другой, был близок к простому народу. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся и угнетенным. Он знал и понимал их думы и чаяния. Тема «Ленин и народ» пронизывает содержание книги. Многие страницы посвящены раскрытию облика Владимира Ильича как подлинно народного вождя, друга и учителя всех тружеников земли.

В неразрывной связи Коммунистической партии с широкими массами Владимир Ильич видел источник ее силы и непобедимости. В книге приводятся слова Ленина, показывающие, как он понимал связь с массой:

«Жить в гуще.
Знать настроения.
Знать все.
Понимать массу.
Уметь подойти.
Завоевать ее абсолютное доверие.
Не оторваться руководителям от руково-

димой массы, авангарду от всей армии труда» (стр. 497).

В. И. Ленин неуклонно соблюдал эти требования во всей своей деятельности. Он всегда был в гуще масс. Он учил массы и учился у них. Эта живая связь народа и вождя ярко и образно раскрывается в книге. Читатель найдет много волнующих примеров близости Ленина к трудящимся массам, ленинской заботы о благе трудового человека, безграничной любви народа к своему вождю.

Огромное внимание Владимир Ильич уделял работе коммунистов непосредственно на предприятиях, в деревне, проведению собраний трудящихся с отчетами и докладами руководящих работников. Он резко осуждал «комчванство», хвастовство и высокомерие тех членов партии, которые полагали, что все задачи можно решить простым декретированием, общими фразами и политической трескотней.

Большое значение Владимир Ильич придавал развертыванию внутрипартийной демократии, привлечению коммунистов к активному участию в жизни партии, неуклонному проведению методов коллективного руководства. Коллективность В. И. Ленин считал высшим принципом партийного и государственного руководства и последовательно проводил этот принцип во всей своей деятельности. Он отмечал огромную роль партийных съездов и конференций, пленумов Центрального Комитета, рассматривал их как олицетворение коллективной мысли, гигантского политического и организационного опыта партии и тщательно к ним готовился. В Центральном Комитете Ленин видел высший между съездами партии коллективный орган руководства партией и страной. ЦК, указывал он, объединяет «действия всех советских и партийных учреждений, всех организаций рабочего класса», объединяет и направляет «всю работу Советской республики». «Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии» (стр. 498).

При всей широте своих полномочий В. И. Ленин никогда не принимал единоличных решений по вопросам, подлежащим коллективному обсуждению и разрешению. Подчеркивая роль Центрального Комитета, он писал, что только коллективные решения ЦК, принятые в Оргбюро или в Политбюро, или пленумом ЦК, должны проводиться в жизнь секретарем ЦК; «иначе работа ЦК не может идти правильно» (стр. 498). Владимир Ильич постоянно советовался с членами Политбюро и Центрального Комитета, народными комиссарами и другими руководящими работниками. В качестве примера, ярко характеризующего глубокое уважение В. И. Ленина к Центральному Комитету как коллективному органу руководства, авторы «Биографии» приводят следующий факт. Владимир Ильич усиленно готовился к XI съезду партии. Он участвовал в подготовке проектов решений съезда по основным вопросам и разработал план политического доклада Центрального Комитета. Представляя этот план на рассмотрение пленума ЦК, Владимир Ильич просил освободить его ввиду болезни от участия в заседании пленума, указав, что если потребуется его присутствие на пленуме для объяснений по поводу плана доклада, то он, безусловно, явится «часа через 2—3 после вызова» (стр. 536). Новые или малоизвестные документы, приведенные в книге, дают нам примеры ленинского отношения к нормам и принципам внутрипартийной жизни, партийного и государственного руководства.

До последнего дыхания В. И. Ленин заботился об укреплении партии, о сохранении идейного и организационного единства ее рядов. Партия свято хранит заветы любимого вождя. Руководствуясь ленинской резолюцией «О единстве партии», принятой на X съезде РКП(б), партия разоблачила и идейно разгромила троцкистов, зиновьевцев, правых капитулянтов. Она повергла в прах антипартийную фракционную группу Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина, Шепилова. Отбросив прочь кучку оторвавшихся от народа политических банкротов, партия еще теснее сплотила свои ряды.

В новой биографии значительно обстоятельней, чем в предыдущих изданиях, показано величие В. И. Ленина как военного деятеля, руководителя и организатора разгрома внутренней контрреволюции и войск интервентов в период гражданской войны. Профессиональных военных всегда поражало блестящее умение Владимира Ильича ориентироваться в самых сложных и специальных вопросах военной науки и военного искусства. Он неустанно требовал от военных руководителей овладения всеми видами боевого оружия, всеми приемами военного искусства. Например, по его указанию из Балтийского моря по Ма-

риинской водной системе был отправлен на Волгу отряд миноносцев, который вошел в состав Волжской речной флотилии и оказал большую помощь в борьбе с белогвардейцами. Обдумывая способы ликвидации прорыва конного корпуса Мамонтова на Южном фронте, В. И. Ленин обратил внимание Реввоенсовета на возможность применения авиации на бреющем полете против белой конницы. Он поддержал также инициативу Реввоенсовета Южного фронта о создании 1-й Конной армии как оперативно-стратегической подвижной группы войск. Эта армия была грозной ударной силой, сыгравшей важную роль в разгроме Деникина.

Авторы показывают роль Владимира Ильича как организатора Советских Вооруженных Сил, разработавшего основы советской военной науки.

В. И. Ленин, отмечается в «Биографии», всегда придавал огромное значение вооружению партии и рабочего класса ясным пониманием целей и перспектив дальнейшего движения вперед. Сразу же после Октябрьской революции он приступил к разработке плана социалистического строительства. В этой связи громадное значение имела работа Ленина «Очередные задачи Советской власти», в которой освещены важнейшие проблемы переходного периода от капитализма к социализму, разработаны основы экономической политики диктатуры пролетариата, намечены конкретные пути и методы социалистического преобразования России.

Шаг за шагом авторы «Биографии» прослеживают все важнейшие этапы деятельности Ленина по руководству хозяйственным строительством. С интересом читаются страницы, посвященные ленинскому плану ГОЭЛРО. Владимир Ильич смотрел далеко вперед. Он предложил разработать первый перспективный план развития народного хозяйства — государственный план электрификации России. Этот план «надо дать сейчас», чтобы «увлечь массу рабочих и сознательных крестьян великой программой на 10—20 лет» (стр. 455). Такой план был разработан под непосредственным руководством В. И. Ленина и вынесен на обсуждение VIII Всероссийского съезда Советов.

Книга знакомит читателя с напряженной борьбой В. И. Ленина за план электрификации Советской России, против происков его противников. Политические обыватели, оппортунисты, враги социализма издевались и хихикали над планом ГОЭЛРО. Троцкий, Рыков и их сторонники кричали о его нереальности, пытались препятствовать его принятию, а затем и осуществлению. В. И. Ленин дал решительный отпор маловерам и капитулянтам.

План ГОЭЛРО был единодушно одобрен VIII Всероссийским съездом Советов. Трудящиеся Советской России не пожалели сил для осуществления ленинского плана электрификации. Ныне этот план перевыполнен во много раз. Советский Союз вступил в такой период своего развития, когда осуществление ленинской идеи о сплошной электрификации страны становится практической задачей создания материально-технической базы коммунизма.

В. И. Ленин указывал на огромное международное значение плана ГОЭЛРО. «...Если Россия,— говорил он,— покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии» (стр. 482).

При выработке новой экономической политики В. И. Ленин исходил из глубокого анализа хозяйственного и социально-политического развития страны в 1918—1920 годах. Он особенно тщательно изучал положение в деревне, неоднократно беседовал с ходоками, внимательно читал крестьянские письма. «Ведь это же подлинные человеческие документы! Ведь этого я не услышу ни в одном докладе!» — говорил Владимир Ильич редактору «Бедноты» В. А. Карпинскому о крестьянских письмах в газету (стр. 485). Большой материал дали В. И. Ленину его посещения ряда деревень и сел Московской губернии. Он принимал участие в совещании беспартийных крестьян — делегатов VIII съезда Советов и, как он сам говорил, «вынес чрезвычайно много из их дебатов по самым больным вопросам деревенской жизни». Свою запись выступлений крестьян Владимир Ильич разослал членам ЦК и народным комиссарам. Владимир Ильич принимал крестьян многих центральных губерний, Сибири и других районов страны. Беседуя с ходоками, Ильич узнавал о жизни и настроениях крестьян.

«Чем велик Ленин? — писал крестьянин О. И. Чернов, побывавший у Владимира Ильича. — А вот чем. Он не меня, конечно, слушал, как персону необыкновенную, а через меня он слушал все крестьянство, и через меня он учел

всю сложность обстановки на низах» (стр. 486).

Авторы подробно прослеживают, как изучал и обобщал опыт мест Владимир Ильич. Он считал делом большой важности отчеты местных органов, особенно экономических, сам разрабатывал формы отчетов, следил за своевременным поступлением их в Совнарком, тщательно изучал их.

Ильич советовался с рабочими, ходоками-крестьянами, учеными, партийными работниками, со старыми специалистами. Это, как отмечают авторы, ярко характеризует ленинский стиль руководства, показывает, какое огромное значение В. И. Ленин придавал коллективному мнению, учету практического опыта, как внимательно он прислушивался к голосу масс.

В «Биографии» особо подчеркивается, что деятельность В. И. Ленина являла собой образец «сочетания революционного размаха и деловитости, пролетарской организованности и дисциплины» (стр. 517).

Успех социалистического строительства, указывал В. И. Ленин, решат трудящиеся массы, их творческая активность, самоотверженный труд, приумножающий материальное богатство общества. В статье «Великий почин» и в ряде выступлений Ильич раскрыл значение коммунистических субботников как первых зачатков коммунистического труда. Субботники, образцовые общественные столовые, детские сады, ясли и т. п. он считал ростками коммунизма и заботу о всемерном развитии их рассматривал как первейшую обязанность общества. В. И. Ленин выражал твердую уверенность, что при поддержке пролетарской государственной власти «ростки коммунизма не зачахнут, а разрастутся и разовьются в полный коммунизм» (Соч. Т. 29, стр. 397).

Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде партии отмечал, что теперь мы имеем уже не отдельные ростки, а систему учреждений коммунистического типа. Всемерно содействуя их развитию, партия проявляет ленинское умение замечать, выявлять, оценивать и решительно поддерживать все новое и передовое, что рождается в жизни.

Нельзя без глубокого волнения читать страницы «Биографии», где рассказано о работе В. И. Ленина над последними статьями и письмами, в которых он наметил перспективы строительства социализма и коммунизма в нашей стране. Владимиру Ильичу было разрешено диктовать сначала 5—10, а затем не более 30—40 минут в день, и он вынужден был спешить, чтобы успеть сказать все, что хотел. До болезни В. И. Ленин писал свои статьи и письма, как правило, не прибегая к помощи стенографов, и теперь непривычная для него диктовка потребовала дополнительного напряжения, предварительного обдумывания, чтобы не потерять ни одной лишней минуты. «Но непреклонная воля, сознание лежащей на нем ответственности дали ему силу преодолеть страдания, вызванные болезнью, и сделать то, что казалось выше человеческих возможностей» (стр. 553).

В. И. Ленин был выдающимся борцом за мир и безопасность народов, за мирное сосуществование и экономическое соревнование государств с различными социальными системами. Это хорошо показано в новом издании биографии. Идеологи «холодной войны» распространяют выдумки о том, что Ленин будто бы не выдвигал принципа мирного сосуществования. При этом они искажают содержание ленинских выступлений, вырывают из контекста отдельные фразы, где говорится о возможности столкновений сил капитализма и социализма. В книге полностью разоблачается этот недобросовестный прием, рассчитанный на обман масс и мирового общественного мнения. Авторы всесторонне освещают глубоко гуманистическое содержание ленинских идей о мире и мирном сосуществовании.

«Окончание войн, мир между народами, прекращение грабежей и насилий — именно наш идеал»,— писал Ленин в 1915 году (стр. 269). После победы Великой Октябрьской социалистической революции первым актом Советской власти явился Декрет о мире. Авторы раскрывают идейное богатство этого ленинского декрета, который объявил войну за раздел мира и грабеж слабых народностей «величайшим преступлением против человечества» (стр. 352).

Многие страницы «Биографии» повествуют об исключительно напряженной, самоотверженной борьбе В. И. Ленина за выход молодой Советской республики из империалистической войны. Беспощадно разоблачая авантюризм троцкистов и «левых коммунистов», В. И. Ленин прилагал все усилия к тому, чтобы во имя спасения и защиты Советской власти от полчищ германского империализма был заключен тяжелый для нас Брестский мир. Он был уверен, что партия, рабочий класс поддержат его. И действительно, партийные организации и рабочие массы быстро разобрались в положении

и решительно выступили в поддержку позиции Ленина.

Владимир Ильич убедительно доказал, что принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем полностью отвечает интересам советского народа, трудящихся всех стран, всего прогрессивного человечества. Этот ленинский принцип требует, чтобы государства при решении спорных вопросов не прибегали к применению силы, к войне, чтобы между социалистическими и капиталистическими странами поддерживались нормальные, мирные, деловые отношения.

В книге хорошо раскрыто существо ленинской идеи экономического соревнования двух систем. На основе новых и малоизвестных документов показано, что одним из важнейших факторов, способствующих мирному сосуществованию двух систем, Ленин считал развертывание взаимной торговли.

В «Биографии» впервые введены в научный оборот архивные документы, раскрывающие роль В. И. Ленина в руководстве советской делегацией на международной конференции в Генуе (1922 г.). Перед советской делегацией, отмечал Владимир Ильич, стоят две цели: во-первых, борьба за мир и экономическое сотрудничество народов; во-вторых, установление деловых, торговых отношений Советской России с капиталистическими странами. Владимир Ильич наметил широкую программу предложений, с которыми выступала советская делегация на Генуэзской конференции. Важнейшим пунктом этой программы был вопрос о всеобщем сокращении вооружений. Вместе с тем В. И. Ленин указывал, что советская делегация не должна ультимативно настаивать на широкой программе, ибо в Генуе речь может идти лишь о соглашении всех, а не о подчинении меньшинства большинству. В документе, впервые приведенном в «Биографии», говорится: «Не хотите широкой, давайте более узкую... (программу.— *Н. Ж.*).

Пойдем и на самую даже узенькую, но только ни на что невыгодное для нас не пойдем. Ультиматумам не подчинимся. Если желаете только «торговать»,— давайте, но кота в мешке мы не купим и, не подсчитав «претензий» до последней копейки, на сделку не пойдем» (стр. 527). Попытки империалистических держав навязать Советскому государству условия как побежденной стране Владимир Ильич называл вздором, на который не стоило и отвечать.

Выступая за мирное экономическое соревнование двух систем, В. И. Ленин в то же время говорил, что это отнюдь не означает необходимости уступок в принципиальных вопросах идеологии и политики. Так, он резко выступил против предложений Г. В. Чичерина пойти ради заключения договора с Америкой на изменение Конституции РСФСР. В книге впервые публикуется письмо Владимира Ильича членам Политбюро ЦК от 23 января 1922 г., в котором он сообщал: «Я сейчас получил два письма от Чичерина (от 20 и 22). Он ставит вопрос о том, не следует ли за приличную компенсацию согласиться на маленькое изменение нашей Конституции, именно представительство паразитических элементов в Советах. Сделать это в угоду американцам. Это предложение Чичерина показывает, по-моему, ...что его надо немедленно отправить в санаторию, всякое попустительство в этом отношении, допущение отсрочки и т. п. будет, по моему мнению, величайшей угрозой для всех переговоров» (стр. 528).

В. И. Ленин предупреждал правительства империалистических государств, что Советская страна никогда не поддастся диктату и нажиму, что она не боится угроз. «Мы,— говорил он,— видели угрозы пушками со стороны союзных держав, в руках которых находится почти весь мир. Угроз этих мы не испугались. Об этом, господа европейские дипломаты, пожалуйста, не забывайте» (стр. 528—529).

Ильич мечтал о наступлении того времени, когда войн не будет. Авторы «Биографии» приводят беседу Владимира Ильича с Надеждой Константиновной, во время которой он выразил уверенность, что «новые изобретения в области науки и техники сделают оборону нашей страны такой мощной, что всякое нападение на нее станет невозможным». В другой раз, заглядывая в будущее, В. И. Ленин, по словам Н. К. Крупской, высказал предположение, что со временем в результате развития техники война окажется настолько разрушительной, что она вообще станет немыслимой. «Ильич с большим увлечением говорил об этом. Видно было, как страстно он хотел, чтобы война стала невозможной» (стр. 529).

Наша партия претворяет в жизнь идеи Ленина о мире и мирном сосуществовании. Она творчески развивает их. В решениях XX и XXI съездов КПСС был сделан и обоснован громадной важности вывод о

возможности предотвращения войн в современных условиях. Этот вывод нашей партии — новое слово в марксизме. Ныне не только Советский Союз, но и весь могучий социалистический лагерь, все свободолюбивые люди нашей планеты стоят на страже мира. Это могущественная сила, способная сломать хребет любому империалистическому агрессору.

В книге обобщен значительный материал, рисующий В. И. Ленина как близкого друга угнетенных народов, величайшего борца за их национальное и социальное освобождение. Авторы глубоко и всесторонне раскрывают огромное международное значение ленинских работ по национальному вопросу. Владимир Ильич рассматривал национальную политику Коммунистической партии как составную часть вопроса о социалистической революции, о ее союзниках и резервах.

В «Биографии» подробно освещается деятельность В. И. Ленина, направленная на скорейшее практическое разрешение национального вопроса в нашей стране. 3 ноября 1917 г. была опубликована «Декларация прав народов России», провозглашавшая равенство, суверенность и свободное развитие народов России, их право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. О том, что Советская власть на деле осуществляла это право, свидетельствовало решение Совета Народных Комиссаров о признании независимости Финляндии. В. И. Ленин лично вручил это постановление Совнаркома главе финляндского правительства. Советское правительство расторгло тайные грабительские соглашения в отношении Персии, Турции и Китая, заключенные царской Россией с другими империалистическими державами.

В. И. Ленин предвидел, что народы Востока перестанут быть резервами империализма.

Он придавал важное значение установлению и укреплению дружественных отношений Советского государства со странами Востока, угнетавшимися империалистическими державами. В 1921 г. были заключены договоры с Ираном, Афганистаном, Турцией и Монголией. Владимир Ильич внимательно следил за ходом переговоров, имел длительную беседу с афганской миссией, принимал турецкую и монгольскую делегации. В книге цитируется малоизвестная инструкция Народного Комиссариата иностранных дел полпреду РСФСР в Афганистане. Эта инструкция, разработанная в соответствии с указаниями В. И. Ленина, ярко характеризовала принципы политики Советского государства в отношении стран Востока. В ней говорилось: «...наша политика на Востоке не агрессивна, она есть политика мира и дружбы. Вы должны систематически во всей Вашей работе выдвигать этот основной момент и, в частности, в Кабуле ставить основной целью деятельности развитие нашей дружбы с Афганистаном» (стр. 523).

Советское правительство стремилось установить дипломатические отношения с Китаем и с этой целью обратилось к Сунь Ят-сену. В ответном письме Сунь Ят-сен выражал надежду на то, что дружеские отношения между Советской Россией и Китаем установятся, как только будет покончено с реакционерами в Китае. Он закончил свое письмо лучшими пожеланиями «моему другу Ленину и всем, кто так много совершил для дела человеческой свободы» (стр. 524).

В «Биографии» указано, что В. И. Ленин постоянно подчеркивал огромное международное значение правильного разрешения национального вопроса в Советской стране. «Это,— писал он,— мировой вопрос, без преувеличения мировой... Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным» (стр. 543).

Авторы подробно рассматривают ленинский план создания СССР на основе добровольного объединения равноправных независимых советских республик, раскрывают выдающуюся роль В. И. Ленина как создателя Союза Советских Социалистических Республик.

Ленинские принципы дружбы с угнетенными народами, которые в современную эпоху поднялись на решительную борьбу против колониализма, свято выполняются нашей партией, они лежат в основе советской внешней политики. Эти принципы воплощены в конкретных делах. Своим вкладом в строительство Бхилайского металлургического завода в Индии, высотной Асуанской плотины в Египте и т. д. СССР заслужил уважение со стороны всех угнетенных народов мира. Народы Азии и Африки свято чтят память о Ленине — пламенном борце против колониализма. С особой силой звучат взволнованные слова великого китайского демократа Сунь Ят-сена, сказанные на траурном митинге в Кантоне: «За многие века мировой истории появи-

лись тысячи вождей и ученых с красивыми словами на устах, которые никогда не проводились в жизнь. Ты, Ленин, исключение. Ты не только говорил и учил, но претворил свои слова в действительность. Ты создал новую страну. Ты указал нам путь для совместной борьбы... В памяти угнетенных народов ты будешь жить веками, великий человек» (стр. 576).

★

Новая книга о Ленине носит подлинно научный характер. Вместе с тем велико ее воспитательное воздействие на читателя. Она учит героизму, зовет на подвиги, на самоотверженный труд во имя торжества коммунизма — самого совершенного и справедливого строя на земле. Каждое теоретическое положение Ленина о закономерностях строительства социализма и коммунизма раскрывается в тесной связи с современностью. Авторы подчеркивают огромное значение ленинского наследия — могучего идейного оружия партии в борьбе за победу коммунизма в нашей стране.

Идея органического единства теории и практики, составляющая дух ленинизма, проходит красной нитью через всю книгу.

Большим достоинством новой «Биографии» является то, что авторский коллектив не только дал яркую характеристику многих ленинских произведений, но и ввел читателя в творческую лабораторию В. И. Ленина, показал, какой титанический труд вложил он в свои произведения.

Важное значение имеет заключительный раздел книги, «Торжество великих идей ленинизма», в котором говорится о победоносном шествии марксизма-ленинизма, о претворении этого бессмертного учения в жизнь в СССР и ряде стран Европы и Азии, о могучем влиянии его на ход мировой истории.

Вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунистического общества, образование мировой системы социализма, рост международного коммунистического и национально-освободительного движения — все эти исторические события доказывают правоту и жизненность научного предвидения В. И. Ленина. Ленинизм каждый день находит подтверждение в деятельности Коммунистической партии Советского Союза.

Ярким воплощением и творческим развитием ленинизма в современных условиях являются решения XXI съезда КПСС. Это ленинизм в действии, ленинизм, претворяемый в повседневную практику коммунистического строительства. «Великие идеи Ленина,— говорил Н. С. Хрущев,— его гениальный план электрификации страны, план строительства коммунизма живут и будут жить, вдохновляя нашу партию, наш народ на новые героические подвиги во имя достижения нашей конечной цели!» [1].

Н. М. Железнов

[1] Н. С. Хрущев. Претворение в жизнь ленинских идей электрификации страны — верный путь к победе коммунизма. М. 1959, стр. 8.

НЕУТОМИМАЯ БОРЬБА ЗА МИР БЕЗ ОРУЖИЯ МИР БЕЗ ВОЙН *

«Думаю, вы согласитесь со мной, если скажу,— имей мы даже две жизни, их следовало бы посвятить только одной этой великой и достойной задаче — упрочению мира между народами» (т. 2, стр. 249). Эти пламенные слова, сказанные главой Советского правительства 24 сентября 1959 г. в Питсбурге (США), могли бы служить эпиграфом к недавно опубликованному Госполитиздатом двухтомному сборнику выступлений Н. С. Хрущева по проблемам внешней политики СССР и международного положения, его интервью и бесед с иностранными деятелями в 1959 году.

В двухтомник включены часть доклада, касающаяся вопросов внешней политики, и заключительное слово Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, его речи в связи с визитом в СССР президента Финляндской республики У. К. Кекконена, премьер-министра Вели-

* Н. С. Хрущев. Мир без оружия — мир без войн. Тт. I—II. Госполитиздат. 1960. Тираж 100 тыс. Цена тома 7 руб.

кобритании Г. Макмиллана, премьер-министра Афганистана Сардара Мухаммеда Дауда, императора Эфиопии Хайле Селассие I, речи во время поездок советских партийно-правительственных делегаций в ГДР, Албанию, Польшу, КНР, Венгрию, в связи с визитом в США, а также многие другие важнейшие документы.

Новый сборник имеет огромное политическое и научное значение. Он содержит богатейший материал по проблемам внешней политики Советского Союза, по вопросам международных отношений на современном этапе. Сборник является ценным источником для исследователей, занимающихся изучением истории новейшего времени.

Каждое выступление, интервью или беседа главы Советского правительства служат прекрасным примером большевистской страстности, принципиальности и убедительности.

В речах Н. С. Хрущева дается глубокий анализ истории советской внешней политики и сложившейся в наши дни международной обстановки. Этот анализ приводит к неизбежному выводу о необходимости мирного сосуществования государств с различными социальными системами. Выступая на третьей сессии Верховного Совета СССР, Никита Сергеевич разъяснял, что мирное сосуществование — это властное требование жизни, «реальный факт, а не чья-либо просьба или пожелание. Это — объективная необходимость, которая вытекает из нынешнего положения в мире, из современного этапа развития человеческого общества. Обе главные общественные системы, существующие сейчас на земле, располагают вооружением, которое принесло бы пагубные последствия, если бы оно было пущено в ход. Кто заявляет сейчас о своем непризнании мирного сосуществования и полемизирует против него, фактически выступает за войну» (т. 2, стр. 346—347). При этом глава Советского правительства подчеркнул, что мирное сосуществование необходимо и благотворно для обеих сторон. «Мы исходим из того,— говорил Н. С. Хрущев,— что отношения между государствами с различными социальными системами должны строиться на основе мирного сосуществования. У нас и у правящих кругов капиталистических стран разные взгляды, разные мировоззрения. Мы никогда не откажемся от своих взглядов и не тешим себя иллюзиями, что наши классовые противники изменят свою идеологию. Но это не значит, что из-за различия во взглядах мы должны вести войну» (т. 1, стр. 35). Эту мысль Никита Сергеевич повторяет многократно, и каждый раз он находит яркие образы и аргументы в ее защиту.

Развивая и конкретизируя принципы внешней политики Советского государства, Н. С. Хрущев четко и ясно раскрывает содержание ленинского положения о мирном сосуществовании. В первую очередь это означает отказ от войны как средства решения спорных вопросов. Возможность исключения войн из международной жизни вытекает из анализа нового соотношения сил в мире.

В сборнике мы найдем много речей и выступлений, в которых глава Советского правительства подтверждает и развивает важнейший вывод XX съезда КПСС о том, что война в современных условиях не является неизбежной. В докладе на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев отметил, что в результате выполнения и перевыполнения семилетнего плана развития народного хозяйства СССР, а также благодаря высоким темпам социалистического строительства в странах народной демократии Европы и Азии «еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части мира, возникнет реальная возможность исключить мировую войну из жизни общества» (т. 1, стр. 25). Мирное сосуществование, указывает Н. С. Хрущев, означает также отказ от вмешательства во внутренние дела других стран. «...Политические и экономические взаимоотношения между странами должны строиться на основе полного равенства сторон и взаимной выгоды» (т. 2, стр. 46).

Противники политики мирного сосуществования стремятся опорочить ее, клеветнически утверждая, что Советское государство провозгласило необходимость мирного сосуществования якобы лишь тогда, когда стало очевидным, что ядерная война неизбежно привела бы к неисчислимым бедствиям для всех. Громадной заслугой Н. С. Хрущева является то, что он, основываясь на тщательном анализе истории международных отношений и советской внешней политики, нанес решительный удар по этим ложным утверждениям.

Советское государство провозгласило мирное сосуществование основным принципом своей внешней политики и неуклонно проводило его в жизнь на протяжении всей своей истории. Не случайно, что первым государственным актом Советской власти был Декрет о мире. Именно Советское государство в 20-х годах впервые в истории

выступило поборником всеобщего разоружения. Из сборника читатель узнает о многих миролюбивых актах Страны Советов начиная с октября 1917 г. и до наших дней. В одностороннем порядке были сокращены в последнее время Советские Вооруженные Силы в общей сложности более чем на 2 млн. человек, СССР ликвидировал свои военные базы на территории других государств и прекратил испытания атомного оружия. Н. С. Хрущев показывает, что миролюбивый характер советской внешней политики вытекает из самой сущности социалистического строя (см. т. 2, стр. 47).

Глава Советского правительства разъясняет, почему империалистические агрессивные круги извращают принципы внешней политики социалистических стран. «Они боятся, что если народы их стран узнают правду о миролюбивой политике социалистических государств,— сказал Никита Сергеевич в своей речи на митинге трудящихся Новосибирска,— осознают, что им никто не угрожает, то они выступят против гонки вооружений и «холодной войны». Народы могут спросить, для чего же тогда все военные союзы и блоки империалистических государств? И поэтому эти блоки могут развалиться, поскольку они были созданы под страхом, что страны социализма будто бы хотят завоевать капиталистические страны» (т. 2, стр. 339).

Н. С. Хрущев большое внимание уделяет разоблачению сути «холодной войны», которая в условиях напряженности может легко превратиться в «горячую» ядерную войну. Он убедительно показывает, что «холодная война» придумана и начата империалистами для того, чтобы усиливать гонку вооружений, сколачивать военные блоки, чтобы держать в подчинении народы капиталистического мира, выжимать из них все средства на расширение вооружений, обеспечивающее монополистам громадные прибыли. Для оправдания политики «холодной войны» реакционные силы запугивают народные массы надуманной угрозой коммунизма.

Никита Сергеевич с большой убедительностью разбивает лживые доводы тех, кто, клевеща на Советский Союз, заявляет, что СССР является сторонником мира якобы из-за своей слабости, что будто он боится войны, страшится военной мощи капиталистического мира. Делая такие заявления, империалисты выдают желаемое за действительное. В своей речи 1 декабря 1959 г. на VII съезде Венгерской социалистической рабочей партии Н. С. Хрущев подчеркнул, что «мы не вымаливаем мира. Стремление к миру — это отнюдь не признак нашей слабости» (т. 2, стр. 414). Конечно, империалистические круги жаждут стереть с лица земли социалистические страны, но, как метко сказал глава Советского правительства, силенок для этого у них нет, а мощь СССР и всего социалистического лагеря возрастает с каждым днем.

В 1959 г. Советский Союз приступил к выполнению семилетнего плана развития народного хозяйства — плана создания материально-технической базы коммунизма. После его завершения советским людям понадобится не более 5 лет, чтобы догнать и перегнать США по производству промышленной продукции на душу населения. Наша страна выйдет тогда на первое место в мире как по абсолютному объему производства, так и по производству продукции на душу населения.

Советское государство способно отстоять свою страну от любых посягательств извне и помочь братским социалистическим странам защитить свои завоевания, свою свободу и независимость, дав сокрушительный отпор агрессору. Выступая на приеме советских журналистов в Кремле 14 ноября 1959 г., глава Советского правительства сделал заявление о том, что «сейчас у нас накоплено такое количество ракет, такое количество атомных и водородных зарядов, что если бы на нас напали, то мы сможем смести с лица земли всех вероятных своих противников» (т. 2, стр. 383).

Но Советский Союз — миролюбивое социалистическое государство, которому чужды агрессивные намерения, который не хочет жертв, не хочет разрушений материальных ценностей и гибели миллионов людей. В своей политике он всегда будет придерживаться великих ленинских принципов мирного сосуществования и готов в любой момент пойти на полное всеобщее разоружение. Противники мирного сосуществования утверждают, что коммунисты своими заявлениями о неизбежности идеологической борьбы между социалистической и капиталистической системами будто сводят на нет такое сосуществование, что идеологическая борьба якобы обязательно вызывает «холодную войну», что мирное сосуществование с Советским государством, мол, невозможно, так как СССР борется за коммунизм. Н. С. Хрущев вскрыл подоплеку подобных утверждений. Он постоянно разъяснял и разъясняет, что принцип мирного сосуществования вовсе не означает вмеша-

тельства одного государства во внутренние дела другого государства, не требует отказа от установленных в этих государствах порядков, от господствующей среди их населения идеологии, что идеологические споры и противоречия неизбежны между странами с различными социальными системами (см. т. 2, стр. 341).

Глава Советского правительства неустанно доказывает, что в решении идеологических вопросов нужно действовать не пушками, а следует убеждать людей в правоте или неправоте той или иной идеологии, к тому же, замечает Никита Сергеевич, пушки, атомные бомбы не остановят народы, если они решат установить в своих странах новый, более приемлемый для них строй. Н. С. Хрущев вновь и вновь показывает беспочвенность утверждений буржуазной пропаганды о том, будто революции делаются по заказу, будто Советский Союз намерен ниспровергать капитализм в других странах с помощью «экспорта» революции.

Никита Сергеевич дает должный отпор и тем буржуазным идеологам, которые обвиняют Советское правительство в неискренности при защите принципа мирного сосуществования. Проповедники империализма пытаются убедить народы в том, что марксизм-ленинизм исходит будто из положения о необходимости войны для победы социализма. Путем тщательного исторического анализа Н. С. Хрущев показывает, что подобные утверждения являются не чем иным, как извращением сущности марксизма-ленинизма, который всегда вел непримиримую борьбу против милитаризма и никогда не считал войну между странами обязательной для победы пролетариата (см. т. 2, стр. 351).

Н. С. Хрущев не исключает, а подчеркивает мысль о необходимости взаимных уступок в международных отношениях, он призывает идти навстречу друг другу и использовать малейшие возможности для предотвращения войны. «Но нельзя смешивать взаимные уступки в интересах мирного сосуществования государств,— предупреждает Никита Сергеевич в своем докладе на третьей сессии Верховного Совета СССР,— с уступками в принципах, в том, что касается самой природы нашего социалистического строя, нашей идеологии. Здесь ни о каких уступках и каком-либо приспособлении не может быть и речи. Если будут уступки в принципах, в вопросах идеологии, то это будет означать сползание на позиции наших противников. Это будет означать качественное изменение политики, будет предательством дела рабочего класса» (т. 2, стр. 350). Речи и выступления Н. С. Хрущева являются ярким выражением того, что мы твердо стояли, стоим и будем стоять на позициях марксизма-ленинизма.

Необычайно убедительно, просто, образным языком доводит Никита Сергеевич до сознания зарубежных широких масс социалистическую идеологию, правду о Советском Союзе. Своими пламенными, доходчивыми речами он ломает барьеры лжи и клеветы, нагроможденные реакционной буржуазной пропагандой вокруг советского образа жизни, социалистического строя, развеивает страх перед коммунизмом, который стремится внушить народам современная буржуазная пропаганда.

Огромной заслугой Н. С. Хрущева является и то, что он умело разоблачает сущность утверждений буржуазных идеологов, правых лидеров социал-демократии, пытающихся скрыть неприглядную наготу капиталистического мира под покровом болтовни о так называемом «народном капитализме».

Большое внимание в своих выступлениях уделяет глава Советского правительства вопросу о нерушимой дружбе народов социалистических стран как одному из важнейших факторов укрепления мира во всем мире. Это один из могучих источников их силы и непобедимости, с которым не могут не считаться империалистические державы. Единство и сплоченность стран социалистического лагеря, подчеркивает Н. С. Хрущев, является надежной гарантией их государственного суверенитета и независимости (см. т. 1, стр. 435).

Могущество социалистических стран, стремление трудящихся масс во всех уголках нашей планеты к миру, а также ослабление империалистического лагеря создают те условия, при которых новая мировая война может быть предотвращена.

В настоящее время на долю стран социализма, занимающих около $^1/_4$ территории и насчитывающих $^1/_3$ населения земного шара, приходится примерно третья часть мирового производства промышленной продукции. В итоге выполнения и перевыполнения семилетнего плана развития экономики СССР, а также в результате осуществления планов народно-демократическими странами Европы и Азии на долю социалистического лагеря будет приходиться уже более половины мировой продукции, что в значительной мере окажет воздействие на укрепление мира во всем мире, и «любой во-

инствующий милитарист, — констатирует Н. С. Хрущев,— должен будет десять раз подумать, прежде чем отважиться на войну» (т. 2, стр. 52).

Не только народы социалистического лагеря, но и трудящиеся капиталистических стран кровно заинтересованы в сохранении и упрочении мира. Горячий энтузиазм, с которым встречают трудящиеся за рубежом речи главы Советского правительства в защиту мира, является ярким свидетельством того неоспоримого факта, что к миру стремятся все народы нашей планеты.

Как верный ленинец, Н. С. Хрущев считает, что воля народных масс должна быть превыше всего. Первейшим желанием абсолютного большинства людей земного шара является сейчас мир. Поэтому Н. С. Хрущев настойчиво повторяет, что главы государств должны сделать «реальные шаги к укреплению мира в Европе и во всем мире» (т. 1, стр. 114), а «все правительства должны больше прислушиваться к голосу своих народов и делать то, что необходимо в интересах народов, в интересах всего мира» (т. 1, стр. 141).

В сборнике содержится много данных, говорящих о том, что с каждым годом возрастает сила народных масс, с которой вынуждены считаться правящие круги империалистических стран. Мировое общественное мнение в наши дни оказывает влияние на весь ход развития международных событий. Из материалов, приведенных в двухтомнике, видно, что в борьбу за мир вступило население стран, добившихся после второй мировой войны национальной независимости, а также народы колониальных и зависимых государств. Движение сторонников мира представляет сейчас громадную силу и является самым широким и массовым движением современности, объединяющим сотни миллионов людей, независимо от их политических взглядов и убеждений.

В материалах, помещенных в сборнике, читатель найдет исчерпывающий ответ на вопрос о том, какие конкретные шаги нужно предпринять на пути осуществления политики мирного сосуществования. Так, в речи по случаю отъезда из Москвы премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана глава Советского правительства заявил, что «мы будем направлять наши усилия к тому, чтобы последовательно, шаг за шагом ликвидировать все наслоения, которые разделяют нас, стремиться к развитию дружественных отношений на основе принципов мирного сосуществования, создать условия для ликвидации военных группировок. Мы стоим за то, чтобы спорные вопросы решались только путем переговоров, чтобы в решении спорных вопросов государства руководствовались Уставом Организации Объединенных Наций» (т. 1, стр. 100—101). Решительное требование об укреплении взаимного доверия между государствами и об устранении подозрения между ними было высказано Н. С. Хрущевым и в его ответах на вопросы редакции газеты «Правда» от 10 апреля 1959 года. «Путь к этому,— говорил он,— мы видим через мирное сосуществование, постепенное развязывание спорных узлов. Это единственно надежный путь, ведущий к ликвидации «холодной войны» и к развитию подлинно дружественных отношений между государствами» (т. 1, стр. 238). Лица, стоящие у кормила власти в США и в других империалистических странах, часто произносят миролюбивые речи. Это им приходится делать под нажимом народных масс. Но, как неоднократно разъяснял Н. С. Хрущев, только тогда мирное сосуществование может стать прочным, когда хорошие, миролюбивые декларации будут подкрепляться делами в защиту мира. Советский Союз показывает тому пример.

Глава Советского правительства предлагает начать с устранения наиболее опасных причин, порождающих в наши дни напряженность в международных отношениях, и в частности добиться заключения мирного договора с Германией, что является ныне одной из коренных проблем международных отношений.

Не менее настойчиво Н. С. Хрущев ставит вопрос о Западном Берлине, который «сейчас стал источником конфликтов, своего рода яблоком раздора» (т. 2, стр. 409). Советский Союз предложил превратить Западный Берлин в вольный демилитаризованный город, в дела которого никто не должен вмешиваться. При этом Советский Союз наряду с США, Англией и Францией согласен быть одним из гарантов статуса вольного города Западного Берлина. В гарантировании данного статуса должна принять участие и Организация Объединенных Наций. Таким образом, это советское предложение, как и другие, не нарушает чьих-либо интересов и соответствует задаче укрепления всеобщего мира и безопасности.

Что же касается решения национальной

задачи германского народа — воссоединения Германии, то, разъясняет Н. С. Хрущев, это — дело самих немцев, а «не дело четырех великих держав, и если бы мы взяли на себя такую роль, то это означало бы нарушение суверенитета двух германских государств. Это было бы грубым вмешательством во внутренние дела германского народа» (т. 1, стр. 112). В то же самое время Никита Сергеевич указывает, что воссоединение Германии не может быть достигнуто путем механического объединения двух немецких государств, чего так усиленно добиваются западные державы. Поэтому Советское правительство сочло разумным предложение правительства ГДР о создании конфедерации двух германских государств и полностью поддержало это предложение. Но, поскольку такая конфедерация еще не создана, Советский Союз по-прежнему предлагает подписать мирный договор с двумя существующими германскими государствами.

Однако западные державы отвергают советские мирные предложения по германскому вопросу, не предлагая взамен ничего такого, что соответствовало бы здравому смыслу и сложившейся обстановке в Германии. Учитывая негативную позицию западных держав, Советское правительство предупредило, что в случае, если в ближайшем будущем западные страны не согласятся подписать мирный договор с двумя реально существующими германскими государствами, оно вынуждено будет подписать этот договор лишь с Германской Демократической Республикой.

Речи и выступления Н. С. Хрущева свидетельствуют о том, какие большие усилия постоянно прилагает Советское правительство, чтобы найти обоюдо приемлемое решение германского вопроса. Глава Советского правительства разоблачил позицию западных держав в вопросе воссоединения Германии. Он показал, что реакционные круги США, Англии и Франции в действительности не хотят воссоединения страны, срывают воссоединение Германии.

Громадное внимание Никита Сергеевич уделяет самой жгучей проблеме современности — разоружению. «От того,— говорит он,— удастся ли найти правильное решение этой проблемы, будет во многом зависеть, куда пойдет человечество — к войне с ее катастрофическими последствиями или восторжествует дело мира» (т. 2, стр. 153).

Советское правительство, исходя из создавшейся в мире ситуации, пришло к твердому убеждению: выход из тупика нужно искать на путях всеобщего и полного разоружения, что полностью устранило бы возможность создания каких-либо военных преимуществ для тех или иных государств. Выступая 18 сентября 1959 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, глава Советского правительства внес предложение с детальной программой трехэтапного всеобщего и полного разоружения. Суть этой программы состоит в том, чтобы в течение четырех лет все государства осуществили бы полное разоружение и не имели бы больше средств ведения войны. В своих выступлениях Н. С. Хрущев уточнил, что программа всеобщего и полного разоружения не должна задержать решение вопроса о прекращении испытаний ядерного оружия.

Но западные державы саботируют советские миролюбивые предложения, используя вопрос о контроле в качестве одного из основных препятствий к достижению соглашения о разоружении. Они отрывают систему контроля от мер по разоружению, предлагают контроль без разоружения и, по сути дела, превращают органы контроля в органы по сбору военно-разведывательных данных. Одним из вопиющих посягательств на безопасность и суверенитет Советской страны под предлогом контроля разоружения было предложение президента США Эйзенхауэра о так называемом «открытом небе». Осуществление подобного предложения предоставило бы американцам возможность свободно летать над советской территорией и фотографировать ее. «...Выдвигать нарочито раздутые требования контроля,— говорится в декларации Советского правительства,— а тем более ставить организацию контроля впереди разоружения, в качестве предварительного условия любых мер в области разоружения — это равнозначно тому, чтобы блокировать все подходы к разрешению этой проблемы» (т. 2, стр. 171).

Большим вкладом в дело мира является разоблачение Н. С. Хрущевым пропагандистского вымысла противников разоружения о том, что разоружение или значительное сокращение вооружений и вооруженных сил якобы приведет к экономическому кризису или спаду производства и лишит работы многих людей, занятых теперь в военной промышленности. В действительности всеобщее и полное разоруже-

ние дало бы возможность переключить огромные средства на строительство школ, больниц, жилых домов, сократить налоги, понизить цены на промышленные товары и продукты питания, что благотворно сказалось бы на жизненном уровне трудящихся.

Глава Советского правительства разоблачил бредни апологетов империализма о причинах борьбы СССР за разоружение и убедительно показал, что наши предложения о разоружении действительно преследуют гуманные цели, что советская политика, основанная на марксистско-ленинской теории, проникнута заботой о человеке, о счастье народов.

Материалы, включенные в двухтомник, рассказывают как о врагах разоружения, так и о его сторонниках. К числу первых относятся влиятельные капиталистические монополии, которые, всячески поддерживая «холодную войну» и увеличивая гонку вооружений, извлекают из нее громадные прибыли. Этим кругам противостоят мощные прогрессивные силы. Советские предложения о разоружении всколыхнули широкие слои населения во всем мире. «Проблема разоружения,— заявил Н. С. Хрущев в докладе на третьей сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1959 г.,— является теперь не просто объектом переговоров дипломатов и исследований экспертов, а важнейшим вопросом общественной борьбы, в которой участвует подавляющее большинство человечества» (т. 2, стр. 368).

Руководствуясь горячим желанием добиться эффективных результатов в решении проблемы мира, Н. С. Хрущев, как глава Советского правительства, выразил в выступлении на Генеральной Ассамблее готовность договориться с другими государствами о соответствующих частичных шагах по разоружению и упрочению безопасности (см. т. 2, стр. 162).

Сознавая большую ответственность за сохранение мира, которая лежит на СССР и США, Советское правительство не раз выражало свое искреннее стремление к мирному урегулированию спорных вопросов и предпринимало конкретные шаги к нормализации отношений с США. Так, оно предлагало Соединенным Штатам заключить пакт о ненападении на 50 лет, развить взаимовыгодную торговлю, расширить культурные связи, но, как указывает Н. С. Хрущев, во всех случаях Советский Союз наталкивался либо на прямой отказ, либо на скрытое сопротивление правящих кругов США.

Глава Советского правительства в своих речах и выступлениях показал, что советский народ полон лучших устремлений жить в дружбе и мире со всеми народами, что он придает огромное значение проблемам мирного соревнования двух систем (социалистической и капиталистической) в экономической, научной и культурной областях, развитию международной торговли и помощи слаборазвитым странам (см. т. 1, стр. 60).

Глава Советского правительства просто и выразительно объясняет, насколько выгодно мирное соревнование для обеих сторон. «Ведь если мы победим в мирном соревновании,— говорил Н. С. Хрущев 28 июля 1959 г.,— от этого никто не пострадает — ни американцы, ни англичане, ни французы, ни немцы потому, что это мирное соревнование, соревнование за то, чтобы увеличивалось производство, чтобы развивалась экономика. Это соревнование за то, кто обеспечит народ лучшим питанием, лучшей одеждой, обувью, обеспечит для народа лучшие культурные условия жизни. Давайте соревноваться на мирном поприще. Это — благородно» (т. 1, стр. 499). Во время своей поездки по США Никита Сергеевич неустанно разъяснял, что независимо от того, кто победит в этом соревновании, в выигрыше окажутся и Советский Союз и США, ибо народы обеих стран будут жить в условиях мира и жить еще лучше, чем теперь.

Но буржуазные деятели, рекламирующие капиталистический строй, не хотят стать на путь мирного экономического соревнования с социалистическими державами, что свидетельствует о том, что правящие круги капиталистических стран боятся этого соревнования, страшатся своих народов.

Через весь сборник красной нитью проходит мысль о том, что никакие идеологические разногласия не должны быть помехой для развития взаимовыгодных экономических связей. «Нельзя не видеть,— пишет Н. С. Хрущев в статье для американского журнала «Форин афферс»,— что политика мирного сосуществования получает прочную основу только при наличии широкой, ничем не ограниченной международной торговли. Можно без преувеличения сказать, что без развития торговли между странами нет другой хорошей основы для улучшения отношений между нашими странами» (т. 2, стр. 61). При этом Никита Сергеевич сослался в качестве примера на значительное расширение в последние го-

ды торговых связей между СССР и Англией, чему не помешали идеологические разногласия.

В ряде речей и выступлений Н. С. Хрущев разоблачил ложный тезис буржуазной пропаганды о том, что торговля с СССР якобы неустойчива и не имеет перспектив. Но факты свидетельствуют о другом: из числа фирм капиталистических стран, участвовавших в марте 1959 г. в Лейпцигской ярмарке, советские внешнеторговые организации имели деловые отношения со 177 фирмами, в том числе с 81 западногерманской, с 28 фирмами Англии, с 15 — Франции, с 13 — Голландии.

Никита Сергеевич вскрыл истинные цели политики дискриминации и бойкота, проводимой реакционными кругами в отношении торговых связей с СССР, и всю бесперспективность, недальновидность и абсурдность такой политики.

Н. С. Хрущев, пользуясь неопровержимыми фактическими данными, показал, как жестоко просчитались реакционные правящие круги США и других стран, думая, что своими торговыми санкциями они затормозят развитие советской науки, техники, экономики. Получилось так, что Советский Союз первым запустил искусственные спутники Земли, послал ракету в сторону Луны, создал искусственную планету, а советская экономика неуклонно и быстро идет вперед. Просчитались реакционные правящие круги США и в своих надеждах на экономическую изоляцию СССР. За последние пять лет, отметил Н. С. Хрущев 6 марта 1959 г. на приеме в Лейпциге, торговля Советского Союза с капиталистическими странами возросла более чем в два раза, охватив, в частности, все западноевропейские страны, на долю которых приходится почти две трети советского товарооборота с капиталистическим миром в целом (см. т. 1, стр. 152).

Глава Советского правительства разъяснил, как много теряют народы США и других империалистических стран, вставших на путь экономической блокады социалистического лагеря. «Политика дискриминации,— заверил Н. С. Хрущев в той же речи в Лейпциге,— наносит больше вреда тем странам, правящие круги которых проводят такую политику. Более дальновидные деловые люди и экономисты и раньше понимали абсурдность такой политики. Но теперь, как говорят, даже слепые прозрели, особенно после запуска советских искусственных спутников Земли» (т. 1, стр. 153).

Реакционные силы империалистических держав не могли сорвать торгово-экономических связей Советского государства со слаборазвитыми и зависимыми странами Азии, Африки и Латинской Америки. Отношения Советского Союза с этими странами неуклонно расширяются и принимают все новые формы, еще больше усиливаются авторитет нашего государства и уважение к нему со стороны многомиллионных народов этих стран.

На убедительнейших примерах глава Советского правительства показал, что экономические, деловые связи СССР со слаборазвитыми и зависимыми странами, помощь этим странам имеют важное значение для их индустриализации, завоевания и укрепления ими экономической независимости. Отношения Советского государства с этими странами, отметил Н. С. Хрущев, являются ярким доказательством правильности ленинской миролюбивой политики, образцом бескорыстного экономического сотрудничества с народами, борющимися за укрепление своей свободы и независимости.

Примером братского сотрудничества стран, независимо от их политического устройства и социальных систем, служат советско-афганские отношения. С помощью СССР в Афганистане построены, строятся или проектируются промышленные предприятия, автомобильные дороги, гидроэлектростанции, ирригационные сооружения, речной порт и другие объекты. По просьбе афганского правительства Советское государство оказывает содействие Афганистану в разведке нефти в северных районах страны.

С предельной ясностью глава Советского правительства раскрыл коренную разницу между политикой СССР и империалистических держав в отношении других государств, в частности слаборазвитых и зависимых стран. «Империалисты,— говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде КПСС,— превращают свои экономические отношения со слаборазвитыми странами в предмет шантажа и вымогательств, навязывают им военные и политические условия. Наша страна строит свои отношения со всеми государствами на основах полного равноправия и сотрудничества, без всяких условий военного или политического порядка. Мы не занимаемся благотворительностью. Советский Союз предоставляет помощь на справедливых коммерческих началах. Социалистические страны помогают слаборазвитым странам создать собственную про-

мышленность, в то время как США стараются продать потребительские товары, не находящие сбыта на внутреннем рынке» (т. 1, стр. 34).

Знакомство со сборником еще раз убеждает, что в наше время нет более искреннего и неутомимого борца с колониализмом, чем Н. С. Хрущев.

Советское правительство и его глава исходят из того, что взаимные встречи и беседы, взаимные визиты государственных и общественных деятелей способствуют созданию такой международной обстановки, при которой возможно жить без страха за будущее, способствуют обеспечению мирного сосуществования. Приветствуя в Кремле премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана (21 февраля 1959 г.), Н. С. Хрущев сказал, что народы ждут от правительств, чтобы они предприняли новые усилия и преодолели препятствия, мешающие людям целиком отдаться мирному труду без страха перед войной, для чего имеются все необходимые условия. «Наши позиции нередко расходятся,— подчеркнул Н. С. Хрущев,— но это не должно нас обескураживать. На наш взгляд, расхождения во взглядах делают более настоятельной необходимость в переговорах с целью урегулирования этих расхождений» (т. 1, стр. 91). Развивая эту мысль в речи на обеде в посольстве Великобритании 23 февраля 1959 г., Никита Сергеевич, обращаясь к Макмиллану, заметил, что «было бы большим бедствием не только для наших народов, но и для всего человечества, если бы мы с Вами, занимая высокие посты в своих государствах и представляя свои страны, не сделали всего от нас зависящего, чтобы не допустить третьей мировой войны» (т. 1, стр. 93).

И Советское правительство сделало и делает все для улучшения отношений с Англией. Оно выразило готовность заключить с этой страной не только соглашения о развитии торговых и культурных связей (что было осуществлено), но и подписать договор о дружбе и ненападении.

Глава Советского правительства высказал твердое убеждение, что отношения между СССР и Соединенными Штатами Америки могут быть построены на фундаменте мира и дружбы, ибо между нашими странами нет каких-либо территориальных споров и неразрешимых противоречий, нет вопросов, которые помешали бы созданию обстановки доверия и взаимопонимания. Н. С. Хрущев неоднократно заявлял, что Советский Союз всегда готов сделать все возможное для достижения этой цели. Если в годы второй мировой войны советский и американский народы хорошо боролись вместе против общего врага и разгромили его, то в мирных условиях у обоих наших народов есть больше оснований и возможностей для дружбы и сотрудничества.

Во время своей поездки в США Н. С. Хрущев как глава Советского правительства изложил широкую программу установления прочного мира и мирного сосуществования стран с различными социальными системами, программу нормализации советско-американских отношений.

В речах и выступлениях, опубликованных в сборнике, показаны те реакционные силы, которые пытались свести на нет успех визита Н. С. Хрущева в США и которые впоследствии торпедировали Парижское совещание в верхах в мае 1960 года. Это в первую очередь монополисты, наживающие огромные прибыли на гонке вооружений и стремящиеся любой ценой продлить «холодную войну» и превратить ее в «горячую», направив удар против стран социалистического лагеря. Это военные деятели США, угрожающие Советскому Союзу атомными и водородными бомбами. Это идеологи империализма и профсоюзные боссы из АФТ — КПП, разглагольствования которых, по существу, ничем не отличаются от выступлений лидеров американского империализма, особенно когда речь заходит о Советском Союзе. Еще до визита Н. С. Хрущева в США, и особенно после советско-американских переговоров в Кэмп Дэвид, американские реакционные круги усилили деятельность, направленную к недопущению разрядки международной напряженности, к созданию такой обстановки, при которой было бы невозможно проведение совещания на высшем уровне.

В речи от 23 июля 1959 г. Н. С. Хрущев предупреждал: «В страхе перед возрастающими успехами Советского Союза, всех социалистических стран американские империалисты и монополисты идут на такие грубые шаги, которые нельзя назвать иначе, как прямое вмешательство в наши внутренние дела, самое бесцеремонное отношение к суверенным и независимым странам, которые, как и США, являются членами Организации Объединенных Наций» (т. 1, стр. 487). Еще задолго до наглой выходки

американских империалистов, заславших весной и летом 1960 г. в наше воздушное пространство самолеты-разведчики, Н. С. Хрущев разоблачил скрытые цели тех, кто призывает к отказу от национального суверенитета.

Советский народ с открытой душой и чистыми намерениями послал в мае этого года главу своего правительства в Париж на совещание в верхах. Но надежды миролюбивого человечества оказались обманутыми правящими кругами империалистических держав, главным образом США, стремящимися продолжить политику «отбрасывания» коммунизма, еще больше отравить международную обстановку, усилить «холодную войну». Вместе с тем в майские дни блестяще оправдался прогноз, сделанный Н. С. Хрущевым еще 18 сентября 1959 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, о том, что «попытки помешать ослаблению международной напряженности, вставлять палки в колеса приведут лишь к конфузу тех, кто не желает отказаться от подобных попыток, ибо народы их не поддержат» (т. 2, стр. 150).

Народы всего мира горячо поддержали новые советские предложения о разоружении, которые наше правительство подготовило к майскому совещанию в верхах. Ввиду торпедирования этого совещания американскими империалистами новые предложения были обнародованы в Москве в июне, после возвращения советской делегации из Парижа.

Своей программой полного и всеобщего разоружения СССР вписал новую страницу в историю борьбы советского народа, Коммунистической партии Советского Союза, нашего правительства за мир во всем мире. Огромный вклад в это благородное дело внес глава партии и правительства Н. С. Хрущев.

А. Н. Красильников

Заметки о книгах

А. А. ИЗБЕКОВА. *Победа колхозного строя в Якутской АССР.* Т. I. Хабаровск. 1958. 286 стр.+2 вклейки. Тираж 500.

За последнее десятилетие опубликован ряд исследований, посвященных истории социалистических преобразований в сельском хозяйстве СССР [1], главным образом в центральных районах страны, где к моменту установления Советской власти преобладали капиталистические отношения. Значительно меньше изучена история коллективизации у кочевых и полукочевых народов Сибири, Казахстана и Средней Азии, не прошедших в прошлом капиталистической стадии развития, находившихся в условиях господства патриархально-феодальных отношений. Победа колхозного строя у этих народов представляет собой невиданный еще в истории гигантский скачок от патриархальщины и средневековья к социализму. На эту тему имеется всего несколько работ: М. А. Сергеева, А. Б. Турсунбаева, А. П. Кучкина, Л. П. Потапова и других [2]. С точки зрения дальнейшей разработки данной проблемы несомненный интерес представляет рецензируемая книга А. А. Избековой.

Автором широко использованы архивы Москвы и Якутии, впервые введены в научный оборот фонды Совнаркома, Госплана, Наркомзема, Наркомфина ЯАССР, Губземотдела, Якутколхозсоюза, районных и сельских Советов, колхозов республики, а также воспоминания организаторов колхозного движения. Все это позволило автору

[1] М. А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М. 1954; А. И. Конюков. Очерки о первых этапах коллективного земледелия (1917—1925 гг.); С. П. Трапезников. Борьба партии за коллективизацию сельского хозяйства в годы первой сталинской пятилетки. М. 1951; Н. Н. Скрыпнев. Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918—1920 гг. М. 1951, и др.

[2] М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития народов Севера. М.-Л. 1955; А. Б. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата. 1957; А. П. Кучкин. Советизация казахского аула. М. 1951; Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. М.-Л. 1935; его же. Очерки из истории алтайцев. М.-Л. 1953; «Очерки по истории Якутии советского периода». Якутск. 1957.

в значительной степени восполнить пробел в изучении истории преобразования сельского хозяйства в Якутской АССР.

Интересен материал, посвященный первым мероприятиям Советской власти в Якутии. В результате этих революционных мероприятий в республике были расширены посевные площади, оказана помощь малоимущим слоям сельского населения семенами и инвентарем. Особую ценность представляют приводимые в книге сведения о возникновении в Якутии первых колхозов (1918—1921 гг.), о кооперативном движении, которое происходило в этой части страны до массовой коллективизации сельского хозяйства.

На большом, в значительной мере новом фактическом материале автор раскрывает роль якутской партийной организации в подготовке и проведении коллективизации, руководство ее деятельностью со стороны Центрального Комитета.

Важнейшим мероприятием по подготовке коренного переворота в сельском хозяйстве Якутии была аграрная реформа. Из книги читатель узнает о классовой сущности и предпосылках реформы, о разнообразных формах привлечения трудового крестьянства, а также городского актива к ее проведению (группы бедноты и батрачества, выдвижение в Советы, кооперацию и земельные комиссии наиболее способных и революционных элементов из числа бедняков и середняков, организация батрачкомов и др.), о разоблачении попыток кулачества сорвать реформу и утаить земельные излишки.

Главное место в книге отводится освещению развития массового колхозного движения в Якутии, политической работы местных партийных организаций и Советов, перестройки их деятельности в соответствии с нуждами колхозного строительства, помощи колхозам со стороны рабочего класса.

Проведению социалистических преобразований в якутских наслегах оказала активное сопротивление эксплуататорская верхушка. Эти преобразования тормозились также многочисленными пережитками докапиталистических отношений, родоплеменными обычаями, религиозными предрассудками и традициями полукочевого и кочевого быта. В книге говорится и о допущенных в ходе коллективизации ошибках. В условиях отсталого хозяйства и быта, при недостаточной идейно-политической закалке и грамотности некоторых местных руководящих работников, при сравнительно медленных темпах коллективизации перегибы и ошибки в колхозном строительстве в Якутии были, как справедливо замечает автор, серьезными, и потребовалось немало сил и времени для их преодоления» (стр. 168, 169).

В советской исторической литературе до сих пор недостаточно исследованы организация колхозного производства на Советском Востоке, степень и способы обобществления имущества, организация труда, распределение доходов и т. д. А. А. Избекова сделала шаг вперед в освещении данной темы.

Якутские колхозы, показывает автор, унаследовали многие недостатки единоличного землепользования данного района: разбросанность мельчайших пашенных и сенокосных участков, крайнюю чересполосицу, отсталость приемов земледелия и животноводства. Создание единых сенокосных и пахотных массивов в Якутии было связано не только с объединением крестьян в колхозы, но и с расчисткой и раскорчевкой новых земель, поселкованием и т. д., что требовало значительных материальных затрат, продолжительного времени и более совершенной техники (стр. 195). В первые годы массовой коллективизации многие колхозы, хотя они и назывались артелями, по существу, представляли простейшие объединения для оказания взаимопомощи во время летних работ (стр. 197). Нередко якутским колхозникам, проживавшим в тайге в далеко разбросанных друг от друга юртах, приходилось приезжать для совместной работы за 10—15 км. Колхозы, как правило, насчитывали в среднем не более 10—15 хозяйств. Стоимость их имущества не превышала 2—3 тыс. руб. (стр. 197—198).

Автор показывает, как преодолевались эти и другие трудности колхозного строительства.

Много внимания автор уделил вопросам развития общественного животноводства, имевшего для Якутии первостепенное значение.

Якутские колхозы значительно окрепли в 1935—1936 гг., особенно в связи с созданием в Якутии машинно-тракторных и сенокосных станций, которые являлись в тех условиях наилучшей формой технического обслуживания колхозов со стороны Советского государства. Освещая работу первых МТС и деятельность их организаторов — русских рабочих-коммунистов из числа 25-

тысячников, автор показывает огромное значение механизации, которая позволила значительно облегчить крестьянский труд, повысить во много раз его производительность, улучшить обработку почвы, расширить посевные площади, повысить валовой сбор продукции, экономически укрепить колхозы (стр. 209—216).

Фактические данные, приведенные в книге, свидетельствуют о серьезных успехах колхозного строительства в Якутии в довоенный период, показывают великую силу и правильность ленинской теории социалистического преобразования сельского хозяйства, применимую для конкретно-исторических условий жизни каждого народа.

Говоря о научной и практической ценности рецензируемого труда, следует вместе с тем отметить и некоторые существенные, на наш взгляд, его недостатки.

Правильно отмечая решающее значение индустриализации СССР для социалистического переустройства сельского хозяйства Якутии, автор ограничивается все же лишь общей постановкой вопроса, в то время как следовало бы более рельефно показать развитие промышленности и транспорта, формирование промышленных кадров рабочего класса в самой Якутии и благотворное влияние этих процессов на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, на организационное и экономическое укрепление колхозов.

Нам представляется спорным причисление всех якутских крестьян (кроме жителей Олекминского района) к полукочевому населению, так как известно, что в некоторых наслегах Западно-Кангаласского, Намского, Устьалданского, Амгинского, Татчинского и других районов Центральной Якутии они уже жили оседло.

А. А. Избековой следовало бы обратить внимание на то, как в процессе развития массовой коллективизации, с расширением хлебопашества в прошлом полукочевое скотоводческое хозяйство якутских крестьян таежных районов приобретало все более земледельческий уклон и становилось оседлым. К сожалению, в книге приведено слишком мало материалов о поселковании в колхозах. Автор, правда, говорит о том, что этот вопрос будет освещен во II томе, поскольку массовое поселкование колхозов Центральной Якутии и окончательная ликвидация полукочевого быта развернулись позднее. Однако данный процесс происходил уже и в рассматриваемое время.

Нельзя согласиться с утверждением А. А. Избековой, будто первоначальной основой коллективного труда было только хлебопашество (стр. 132). При незначительности посевов зерновых культур в Якутии коллективный труд использовался (и даже в большей степени) в животноводстве (а именно при заготовке кормов).

В книге мало места отводится освещению культурно-массовой работы среди женщин, их вовлечения в колхозное производство и в общественную жизнь.

Своеобразие процессов социалистического преобразования сельского хозяйства в Якутии, преодоление трудностей, встретившихся на пути к новой жизни, были бы показаны более отчетливо, если бы автор привлек сравнительный материал, иллюстрирующий положение в других национальных республиках Сибири и Средней Азии. Это позволило бы глубже проанализировать как общие, так и своеобразные черты и закономерности великого переворота в деревне.

Отмеченные недостатки, однако, не меняют общей положительной оценки книги.

А. И. Новгородов

Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л. 1959. 412 стр. Тираж 1 800. Цена 32 руб. 75 коп.

Выход в свет нового тома Полного собрания русских летописей — важное событие в деле издания памятников русской истории. После публикации академиком М. Н. Тихомировым десять лет назад Московского летописного свода конца XV в.[1] перед советскими археографами встал вопрос об издании летописных памятников конца XV—XVI вв., в значительной части остававшихся неопубликованными или известными только по устаревшим изданиям. Публикация Устюжского летописного свода и Иоасафовской летописи[2], расширявших наши представления о состоянии летописного дела в Русском государстве XV—XVI вв., была продиктована насущной необходимостью. Однако существенным недостатком издания этих летописей был разнобой в принципах публикации и в отборе публикуемых памятников. Создание в Институте истории АН СССР специальной группы по изданию летописей под руковод-

[1] ПСРЛ. Т. 25. М.-Л. 1949.
[2] Устюжский летописный свод. М.-Л. 1950; Иоасафовская летопись. М. 1957.

ством М. Н. Тихомирова оживило работу в этой области русской археографии.

Рецензируемый том, подготовленный к печати В. И. Бугановым, Т. Н. Протасьевой, М. Н. Тихомировым при участии М. В. Щепкиной, под общей редакцией М. Н. Тихомирова, содержит в себе уникальный летописный памятник XVI в.— Вологодско-Пермскую летопись.

Сохранилось всего семь списков этой летописи: Кирилло-Белозерский середины XVI в. (Ленинградское отделение Института истории. Собрание рукописных книг, № 251), положенный в основу публикации; Синодальный середины XVI в (Государственный исторический музей (ГИМ), Синодальное собрание, № 485); Чертковский второй половины XVI в. (ГИМ. Собрание Черткова); Академический середины XVI в. (Библиотека АН СССР (БАН), № 16. 8.15). Следует упомянуть также Лондонский список второй половины XVI века. Поскольку микрофильм этого списка был получен из Британского музея по окончании подготовки тома к печати, варианты из него даны в приложении. Лишь частично использован в издании Воронцовский список конца XVI — начала XVII в. (БАН, № 34 2.31), содержащий (со многими пропусками) текст летописи за 1404—1486 годы. В рецензируемом томе публикуется окончание указанного списка, содержащее описание событий за 1482—1486 годы. Заметим, что в аппарате издания не оговорены статьи 1409—1486 гг., отсутствующие в Воронцовском списке. Это ставит исследователя, который будет пользоваться изданием, в крайне трудное положение. В публикации совершенно не использован Румянцевский список начала XIX в. (Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Собрание Румянцева, № 246), поскольку он является копией с Лондонского.

Еще Н. М. Карамзин обратил внимание на Синодальный список Вологодско-Пермской летописи и привел ряд отрывков из него в примечаниях к своей «Истории государства Российского»[3]. Однако источниковедческому обследованию эта летопись была впервые подвергнута А. А. Шахматовым[4]. Опираясь на его выводы, М. Н. Тихомиров дал обстоятельное исследование истории текста этого памятника[5]. В основу первой части Вологодско-Пермской летописи (до 1418 г.) была положена Софийская первая летопись (текст, близкий к спискам Карамзина и Оболенского). Следующая часть летописи восходит к Московскому своду 1480 г., заимствования из которого начинаются уже с 1408 года. В конце XV — начале XVI в. при дворе пермского епископа Филофея эта летопись с продолжением из Московского свода конца XV в. (текст за 1483—1496 гг. близок к Симеоновской летописи) была пополнена сведениями за 1480—1496 гг. северного происхождения. Так при дворе вологодско-пермских епископов возникла летопись, получившая в литературе название Вологодско-Пермской. В дальнейшем она на основании московских источников (сходных с Софийской II и Воскресенской) была доведена до 1526 г. (Академический список) и затем пополнена московскими записями за 1527—1539 гг. (Синодальный и сходные с ним списки). Таким образом, Вологодско-Пермская летопись принадлежит к числу тех летописных сводов, без изучения которых нельзя понять основные моменты истории общерусского летописания XV—XVI веков. Но ее значение этим не исчерпывается.

Вологодско-Пермская летопись уже привлекалась исследователями при решении многих важных вопросов русской истории. Ее рассказ о походе Ахмата на Угру в 1480 г. широко использовали А. Е. Пресняков[6] и К. В. Базилевич[7], а сообщения о взаимоотношениях с вогулами в конце XV в. разбирал С. В. Бахрушин[8]. И это вполне естественно, ибо Вологодско-Пермская летопись содержит ценные сведения по русской истории XV—XVI веков. Именно здесь помещена особая (летописная) редакция «Сказания о Мамаевом побоище», помогающая восстановить первоначальный текст этой замечательной пове-

---

[3] Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. VI. Примечания №№ 209, 214, 220 и др.

[4] А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV—XV веков. «Журнал министерства народного просвещения», 1900, сентябрь, стр. 141—144; его же. Обозрение русских летописных сводов XIV—XV веков. М.-Л. 1938, стр. 346—360.

[5] М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. «Проблемы источниковедения». Сборник III. М.-Л. 1940, стр. 225—244.

[6] А. Е. Пресняков. Иван III на Угре. «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову». СПБ. 1911.

[7] К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV века. М. 1952, стр. 145, 147, 156 и др.

[8] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. II. М. 1955, стр. 114, 152.

сти [9]. В приложении к рецензируемому тому сказание печатается по Лондонскому списку, существенно отличающемуся от остальных текстов Вологодско-Пермской летописи. Исключительный интерес представляют также сведения по истории народа коми. Поскольку Вологодско-Пермская летопись в своем первоначальном виде создана была при дворе вологодско-пермского епископа Филофея (около 1496 г.), в ней содержатся рассказы о поисках руды и серебра на р. Цильме, о строительстве в Вологде и на Устюге, о походах вымичей и вологжан и др. [10].

Особенно многочисленны новые сведения летописи, относящиеся к периоду боярского правления в малолетство Ивана Грозного. В частности, рассказ о монетной реформе 1533—1538 гг. уже привлекался для выяснения хронологии и обстоятельств этого важнейшего мероприятия правительства Елены Глинской [11]. Более достоверно, чем в других источниках, изложена в Вологодско-Пермской летописи история так называемого мятежа Андрея Ивановича Старицкого (1537 г.). Оказывается, старицкий князь бежал из своей удельной столицы только тогда, когда до него дошли сведения о том, что «великая княгини з бояры думает, а хотят его имати», то есть бросить в тюрьму. Уточняется и дата конца мятежа — суббота, 2 июня 1537 г., когда князь Андрей после возвращения в Москву был отправлен в заключение.

В археографическом отношении рецензируемое издание выполнено на высоком уровне. Удачен, в частности, отбор вариантов из важнейших списков летописи. Значительно сложнее обстоит дело с текстом летописи, положенным в основу издания. Дело в том, что древнейшую редакцию летописи представляет Лондонский список, обрывающийся известием 1449 года. Этот список (близкий к Академическому), к сожалению, приведен лишь в приложении к изданию. Недавно в фонде Оссолинских, хранящемся в отделе рукописей Библиотеки Академии наук УССР во Львове, были обнаружены два списка (полный и неполный) начала XIX в. с рукописи XVI в., которые дают ту же редакцию Вологодско-Пермской летописи, что и Лондонский список. Новые находки, конечно, значительно расширят возможности дальнейшего изучения замечательного памятника русского летописания.

Еще А. А. Шахматов обратил внимание на то, что Вологодско-Пермская летопись в своей начальной части (до 1471 г.) схожа с неизданной Никаноровской [12]. Это объясняется тем, что в основу обеих положен один и тот же не дошедший до нас Московский свод 1472 года. А. А. Шахматову был известен всего лишь один список Никаноровской летописи (БАН, № 16. 171); автором этих строк и А. Н. Насоновым был обнаружен другой список (ГБЛ, Музейное собрание, № 2913) [13]. Н. Н. Улащик высказал предположение, что последний является копией с Ленинградского [14]. Издание Никаноровской летописи, которое подготавливается в настоящее время под редакцией А. Н. Насонова, также будет способствовать уяснению ряда спорных вопросов истории создания Вологодско-Пермской летописи.

Группа по изданию русских летописей под руководством академика М. Н. Тихомирова наметила обширный план работы на ближайшие годы по подготовке к печати не публиковавшихся ранее памятников русского летописания. В Ленинграде, например, ведется подготовка к изданию так называемой Уваровской летописи, представляющей собою московский свод 1518 г. (редактор К. Н. Сербина). М. Е. Бычкова и автор этих строк готовят к публикации «Летописец начала царства» — памятник по истории России в первый период правления Ивана Грозного. Группа предполагает также осуществить в будущем переиздание Лаврентьевской и Ипатьевской летописей (их старые публикации давно уже стали библиографической редкостью), а также шире применять фототипическое воспроизведение древнейших летописных текстов.

А. А. Зимин

---

[9] См. Л. А. Дмитриев. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище». «Повести о Куликовской битве». М. 1959, стр. 414—421.

[10] См. «Очерки по истории Коми АССР». Т. I. 1955, стр. 51, 67, 71—72, 74.

[11] И. Г. Спасский. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 год. «Материалы и исследования по истории СССР». Вып. 44. М. 1955, стр. 273 и сл.

[12] А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XV вв., стр. 347, 360.

[13] А. Н. Насонов. Летописные памятники Москвы. «Проблемы источниковедения». Вып. IV. 1955, стр. 767.

[14] Н. Н. Улащик. О списках Никаноровской летописи. «Проблемы источниковедения». Вып. VIII, 1959, стр. 430.

Ф. И. ШАБШИНА. *Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945 гг.)*. М. Издательство восточной литературы. 1959. 274 стр. Тираж 2 100. Цена 10 руб. 50 коп.

За последние годы советские востоковеды проделали большую работу по составлению обобщающих трудов, посвященных истории стран Востока в период общего кризиса капитализма. Среди подобных книг, отражающих несомненные успехи советского востоковедения, следует отметить «Очерки новейшей истории Кореи» Ф. И. Шабшиной. Рецензируемая книга, представляющая первую часть этого большого труда, содержит систематическое изложение истории Кореи за период 1918—1945 годов[1].

Ф. И. Шабшина использовала обширный круг источников на корейском, японском, русском и английском языках, привлекла ряд оригинальных материалов из фондов исторического музея в Вонсане, а также фондов Пхеньянского государственного музея освободительной борьбы.

Обширная документальная база позволила автору успешно справиться с основной задачей исследования — показать героическую революционную борьбу корейского народа за национальную независимость и социальное раскрепощение в период колониального господства японского империализма, отобразить процесс созревания внутренних предпосылок корейской народно-демократической революции.

Первый раздел книги посвящен социально-экономическому и политическому положению в Корее и подъему национально-освободительной борьбы в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции (1918—1920 гг.). Основное внимание здесь справедливо уделено народному восстанию 1919 г.[2], которое, хотя и потерпело поражение в силу неорганизованности масс, сыграло важную роль в освободительной борьбе корейского народа. В ходе восстания явственно обнаружились неспособность корейской буржуазии руководить национально-освободительным движением, ее своекорыстие, боязнь масс и несостоятельность ее идеологии — буржуазного национализма. В то же время активное выступление корейского пролетариата против колонизаторов способствовало упрочению позиций рабочего класса в национально-освободительном движении.

На последующем этапе (1920—1931 гг.), как отмечает автор, создаются первые рабочие и крестьянские организации, возникают марксистские группы, которые начинают пропаганду марксистско-ленинской идеологии. В этом разделе довольно подробно освещается рабочее и крестьянское движение в годы мирового экономического кризиса, приводятся интересные подробности о борьбе коммунистов против национал-реформизма. История Кореи 20-х годов еще очень слабо разработана в советской и корейской историографии, и автор, естественно, встретился с большими трудностями в освещении ряда вопросов, особенно деятельности первых марксистских кружков, распространения марксизма в Корее.

В третьем разделе рассмотрен период 1931—1945 годов. 30-е годы характеризуются автором как переломный момент в развитии антияпонского национально-освободительного движения в Корее. Ф. И. Шабшина показывает, как с 1931 г. корейские патриоты под руководством коммунистов переходят к организованной вооруженной борьбе против японских колонизаторов. Партизанское движение особенно активизируется с 1934 г., когда на территории Северо-Восточного Китая была создана Корейская народно-революционная армия, возглавленная Ким Ир Сеном. Заключительная глава, «Корея в годы второй мировой войны», представляет особый интерес, так как этот вопрос совершенно не освещен в советской историографии.

Предложенная автором периодизация отличается от принятой в ряде советских изданий по новейшей истории зарубежных стран. Так, в «Очерках новейшей истории стран зарубежного Востока» (М. 1954—1957) выделены три периода, имеющие иные хронологические рамки: 1) от Великой Октябрьской социалистической революции до мирового экономического кризиса (1918—1929); 2) от начала мирового экономического кризиса до второй мировой войны (1929—1939); 3) период второй мировой войны (1939—1945).

Нам представляется, что отход от этой периодизации, успешно примененной при разработке истории стран Востока, вряд ли

---

[1] Вторая часть — «Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953 гг.)», — изданная Госполитиздатом в 1958 г., положительно оценена в советской печати. См. «Проблемы востоковедения», 1959, № 2.

[2] Этот вопрос всесторонне исследован в монографии Ф. И. Шабшиной «Народное восстание 1919 г. в Корее». М. 1958.

оправдан. Периодизация должна правильно отражать основные закономерности развития общества, главные этапы истории той или иной страны; содействовать правильному распределению материала для характеристики важнейших исторических событий и явлений. Ф. И. Шабшина в первом разделе (1918—1920 гг.) рассматривает в качестве одной из главных проблем подъем национально-освободительного движения в Корее, наступивший под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. При чтении книги у читателя может создаться ошибочное представление, что подъем освободительной борьбы закончился в 1920 г., после поражения первомартовского восстания. Вместе с тем это был первый крупнейший отклик на победу Октября, и последующее движение нельзя рассматривать в отрыве от опыта и уроков народного восстания 1919 года. Не случайно Ф. И. Шабшина в следующем разделе, посвященном периоду 1920—1931 гг., возвращается к указанному восстанию. И хотя в книге события рассматриваются в хронологической последовательности, чувствуется логический разрыв в раскрытии темы о послеоктябрьском революционном подъеме в Корее. Нам представляется, что первый период новейшей истории Кореи целесообразно было бы рассматривать в рамках 1918—1929 гг., то есть до начала мирового экономического кризиса.

Что касается конечного рубежа второго периода, то более оправданным выглядит выделение 1937-го, а не 1931 года. В июле 1937 г. началась антияпонская освободительная война китайского народа, что внесло существенные изменения в обстановку на всем Дальнем Востоке. Эти изменения сказались и в Корее как на развитии национально-освободительной борьбы корейских патриотов, так и на колониальной политике японского империализма в Корее [3].

В книге имеется ряд спорных положений по вопросам формирования национальной буржуазии и ее роли в антияпонском движении. Ф. И. Шабшина относит процесс формирования национальной буржуазии только к колониальному периоду (после 1910 г.), считая, что в предшествующий период корейская буржуазия была главным образом торгово-ростовщической, компрадорской буржуазией (стр. 29). Нам представляется, что правильнее было бы говорить о формировании корейской национальной буржуазии уже в 90-х годах XIX века.

Определение различных слоев внутри корейской буржуазии, их политических позиций чрезвычайно важно для изучения расстановки классовых сил на разных этапах национально-освободительного движения в Корее. Характеризуя расстановку классовых сил накануне антияпонского восстания 1919 г., автор, как нам кажется, преуменьшает антияпонские настроения национальной буржуазии. Ф. И. Шабшина исключает из национально-революционного лагеря (к началу восстания 1919 г.) национальную буржуазию и значительные слои мелкой буржуазии, утверждая, что «противоречия между национальной буржуазией и японским империализмом, толкнувшие ее в марте 1919 г. на антияпонское выступление, были слабее противоречий между ней и рабочим классом и крестьянством» (стр. 94). Эта формулировка опровергается приводимыми автором фактами. На стр. 68 Ф. И. Шабшина отмечает широкое участие в антияпонском движении национальной буржуазии, торговцев, служащих, учителей, врачей и других слоев мелкой буржуазии. Эти факты свидетельствуют о том, что в Корее главным противоречием было противоречие между корейским народом (включая национальную буржуазию) и японским империализмом. Трусливая и непоследовательная позиция национальной буржуазии в период восстания 1919 г. говорит не столько о слабости противоречий между национальной буржуазией и японским империализмом, сколько о слабости самой национальной буржуазии.

Сложен вопрос об оценке национал-реформизма в Корее. Следует сказать, что анализ политических организаций, легальных, полулегальных и подпольных, крайне затруднителен из-за скудости источников. Те материалы, которыми располагает исследователь, не позволяют дать в настоящее время достаточно полную картину политической жизни Кореи, ибо в условиях колониального террора и жестокой цензуры слабо прорывались наружу различные оттенки общественных движений в стране. Поэтому автору крайне трудно было проследить позиции различных слоев буржуа-

[3] Вопросы периодизации новейшей истории Кореи являются предметом дискуссии и среди историков Корейской Народно-Демократической Республики. Журнал «Екса квахак» начал печатать материалы дискуссии корейских историков по вопросам периодизации (см. «Екса квахак», 1960, № 3).

зии и ее организаций, которые были очень пестры по своему составу. В рецензируемой работе отмечается, что национал-реформизм отражал интересы средней национальной буржуазии, значительной части мелкой буржуазии, а также некоторой части помещиков (либералов) (стр. 94). Автор отрицает причастность компрадорской буржуазии к национал-реформизму (там же). С этим нельзя согласиться, тем более, что Ф. И. Шабшина сама относит к числу реформистов такого крупного компрадора, как Ким Сон Су (стр. 96).

При чтении соответствующих разделов книги не создается ясного представления о том, почему в 30-е годы завершается процесс сближения национал-реформизма с империализмом (стр. 239—240). Этот вопрос, конечно, требует специального исследования. Однако на основе имеющихся материалов можно отметить, что возрастание роли компрадорской, крупной буржуазии в национал-реформистских организациях объясняет эволюцию национал-реформизма от робких требований национальной независимости до перехода в 30-х годах на позиции откровенного пособничества колонизаторам. Банкротство национал-реформизма можно было бы ярче показать, проследив рост недовольства низовых членов организаций предательской политикой руководящей верхушки. Такая линия правильно намечена автором при характеристике деятельности общества «Чондоге» (стр. 201) и борьбы горняков Синхына (стр. 140), однако она недостаточно четко проведена в книге.

Неравномерно разработана Ф. И. Шабшиной социально-экономическая история Кореи и колониальная политика японского империализма. Более полный анализ этих вопросов, особенно для 20-х и 30-х годов, позволил бы раскрыть глубже такие общие проблемы истории Кореи колониального периода, как, например, обострение аграрного кризиса, колониальная однобокость промышленного развития, методы колониальной эксплуатации и т. д.

Книга Ф. И. Шабшиной является первым в советской историографии опытом обобщающего труда по новейшей истории Кореи. Автор подытожил уже проделанную другими исследователями работу и осветил целый ряд новых проблем. Книга Ф. И. Шабшиной обогащает наши знания по истории Кореи. Вместе с тем она обнажает слабые места в советском корееведении и более остро ставит перед учеными те вопросы, которые требуют научной разработки и уточнения.

О. С. Сороко.

А. П. КАЖДАН. *Деревня и город в Византии IX—X вв. (Очерки по истории византийского феодализма.)* М. 1960. Изд-во АН СССР. Тираж 1 500. Цена 16 руб. 70 коп.

Монография А. П. Каждана посвящена проблеме становления феодальных производственных отношений в Византии. Содержание работы несколько шире ее названия, так как автор нередко предпринимает значительные экскурсы как в предшествующий период, главным образом в VII—VIII вв., так и в последующий — вплоть до конца XII столетия. Это дает возможность автору показать не только зарождение тех исторических явлений, которые стали играть определяющую роль в жизни византийского общества IX—X вв., но и выяснить некоторые тенденции их дальнейшего развития.

А. П. Каждан видел задачи своего исследования в том, чтобы: 1) рассмотреть развитие византийской деревни в тесной связи с развитием византийского города; 2) выяснить своеобразие экономической и социальной структуры византийского общества, так как наиболее общие черты византийского феодализма, роднящие его с западноевропейским, уже достаточно выявлены в историографии; 3) рассмотреть социально-экономический строй Византии в его развитии, показав еще раз беспочвенность утверждений буржуазной историографии о застойности и неизменности византийской «цивилизации», противопоставляемой ими «прогрессирующей цивилизации» Запада.

Исследуя проблему византийской общины, разложение которой является исходным моментом развития феодальных отношений, автор показал ее отличительные черты: возрождение и укрепление в VIII—X вв. внутри общины большесемейных отношений; наличие общих неподеленных земель и, наконец, развитие прав на чужую землю. Характеризуя общину «Земледельческого закона» как типичную земледельческую общину с верховной собственностью на неподеленные угодья и на участки, находившиеся в личном пользовании, автор констатирует, что в этот период процесс ее разложения еще не зашел далеко: выделение аллода еще только начиналось. В X в.

положение существенно меняется: аллод стал господствующим видом собственности на поделенные земли; право на чужую землю модифицировалось в право предпочтительной покупки при отчуждении земли соседа; купля-продажа земли стала обыденным явлением, иными словами, земледельческая община превращалась в общину-марку. Этому процессу активно содействовало государство, подчинившее общину и превратившее ее в податную; способствовала этому и рецепция римского права, узаконившего свободное распоряжение наделом. Формирование общины-марки сопровождалось усилением имущественного неравенства и выделением значительного слоя бедняков (предшественников феодально зависимого крестьянства) и мелких вотчинников. Однако в силу прочности славяно-византийской общины эти процессы совершались в Византии сравнительно медленно. Автор детально разработал вопрос о происхождении крупной земельной собственности. По мнению А. П. Каждана, революционный перелом VI—VII вв. привел к гибели позднеримской крупной собственности. Новая крупная собственность начинает формироваться (как и крупнейшие феодальные фамилии Византии) с середины IX и особенно усиливается с X века. Заслуживает внимания вывод автора о том, что крупная собственность этого периода была собственностью феодальной, не имевшей никакого отношения к позднеримским поместьям; основной формой реализации этой собственности в IX—X вв. была феодальная рента. Феодально зависимое крестьянство формировалось в основном в результате разложения общины-марки.

Исследуя специфику византийского феодализма, А. П. Каждан установил еще одну черту его сходства с феодализмом Запада: зарождение в Византии IX—X вв. элементов феодальной иерархии, развитие вассалитета, формирование феодальных дружин и феодальной юрисдикции.

Исходя из факта существования в Византии в период формирования феодальных отношений сильной государственной власти, автор полагает, что здесь государство сыграло гораздо большую роль в процессе феодализации, чем на Западе. Прочность византийской общины заставила господствующий класс Византии предпринять на первом этапе централизованный натиск на крестьянство. К концу X в. свободное крестьянство оказалось обложенным государственными налогами и повинностями, которые представляли собою реализацию верховной собственности государства на землю, причем собственности именно феодального типа (римская податная система рухнула уже к началу VIII в., а новые платежи и повинности в пользу государства ничем, в сущности, не отличались от частновладельческой ренты).

Сравнительно единый в VII—VIII вв. класс свободного крестьянства постепенно начинает делиться на ряд категорий. Важнейшими среди них были государственные крестьяне, которые выплачивали налоги, и стратиоты, несшие военную службу. Последние постепенно становились вотчинниками рыцарского типа. Государственные крестьяне, прикрепленные к земле, своей общине и тяглу[1] стали феодально зависимыми от государства, являвшегося выразителем воли и интересов класса феодалов. Эта зависимость крестьян от государства облегчила в дальнейшем их превращение в лично зависимых (с этого времени начинают развиваться такие институты, как солемний, арифмос, патронат и т. п.). Однако в X в. превращение государственных крестьян в лично зависимых представляло лишь тенденцию, которая полностью проявилась в более позднее время.

Много внимания уделяет автор изучению экономической и социальной природы византийского города. Значительный интерес представляет вывод А. П. Каждана, что общий кризис античного полиса, связанный с гибелью рабовладельческого способа производства, обусловил упадок византийских городов в VII—IX веках. Новый подъем ремесленного производства, наметившийся в X и особенно в XI вв., был связан с развитием феодального города, с возникновением новых центров или с возрождением старых на новой, феодальной основе. В Константинополе этот подъем проявился намного раньше (IX в.), чем в провинции (XI—XII вв.), но зато упадок средневекового ремесла наступил в столице уже в XII в., когда провинциальные города достигли своего расцвета.

А. П. Каждан показал, что признанный марксистской историографией тезис о цеховой регламентации и цеховой иерархии как типичных чертах средневекового цехо-

[1] Этот тезис был выдвинут А. П. Кажданом еще в 1952 году. Сходные взгляды по этому вопросу были высказаны и Г. Острогорским (G. Ostrogorsky. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles. 1956, p. 18—21).

вого строя вполне применим и к Византии. Особенности византийского цехового строя, по мнению А. П. Каждана, состояли в применении рабского труда, в тесной связи цеха с императорским двором и в строгом контроле государства над цеховой иерархией. В дальнейшем этот контроль из средства, стимулировавшего развитие столичного ремесла, превратился в его оковы, что, возможно, и обусловило ранний упадок (XII в.) ремесла в Константинополе.

Весьма обстоятельно проанализирована в книге проблема социальных противоречий в византийском обществе IX—X веков. Автор пришел к выводу, что централизованный натиск феодалов на крестьян вызывал в IX в. мощный отпор с их стороны. Наиболее яркими проявлениями антифеодальной борьбы, охватившей всю империю, было восстание, которое возглавил Фома Славянин (820—823 гг.), и движение павликиан. В дальнейшем, в частности, в первой половине X в., восстания крестьян носят более узкий, локальный характер.

Концепция развития византийского общества в IX—X вв., разработанная А. П. Кажданом, представляет большой интерес. Она дает, на наш взгляд, наиболее последовательное объяснение политики императоров Македонской династии, пытавшихся помешать поглощению мелкой крестьянской собственности крупным землевладением. Эта проблема вызывала и вызывает большие споры в историографии. По мнению А. П. Каждана, законодательство этих императоров явилось отражением борьбы столичного чиновничества с крупной провинциальной знатью за ренту-налог, за путь централизованной или частновладельческой феодальной эксплуатации крестьянства.

В монографии А. П. Каждана впервые в нашей историографии развитие феодальных отношений в Византии IX—X вв. освещено всесторонне как в деревне, так и в городе. Автор положил начало широкому использованию такого трудного и малообработанного материала, как археологический. Без учета этого материала разработка вопросов экономической истории исследуемого периода уже не может отвечать требованиям современной науки.

Научная ценность книги А. П. Каждана определяется и ее полемической заостренностью, направленной против антинаучных теорий, имеющих хождение в современном буржуазном византиноведении.

Тщательный анализ источников позволил автору сделать немаловажные уточнения фактологического характера. Например, ему удалось установить, что восстание Фомы Славянина началось в 820, а не 821 году (стр. 350, прим. 6).

Вместе с тем книга А. П. Каждана не лишена недостатков. Некоторые выводы автора, на наш взгляд, недостаточно доказаны. Наиболее спорным нам представляется вывод о роли византийского государства в процессе феодализации. В отличие от работ, вышедших несколько лет назад[2], А. П. Каждан в настоящей монографии уже не считает централизованную форму эксплуатации начальным, довольно продолжительным этапом, на смену которому пришел второй этап — этап частновладельческой эксплуатации. Теперь он выдвигает на первый план развитие феодальных отношений внутри общины-марки и делает вывод об активном содействии государства этому развитию. Однако эти изменения во взглядах автора все же не устранили неясностей в его трактовке данного вопроса.

Следует заметить, что не полностью решены такие вопросы, как время возникновения верховной государственной собственности в Византии; социальная сущность и природа этой собственности; время превращения государственной собственности в феодальную, а налога — в ренту-налог и, наконец, вопрос о государственном прикреплении крестьянства к земле. Источники, которые приводит А. П. Каждан, по нашему мнению, и не бесспорны и не вполне достаточны для того, чтобы мы могли признать доказанным, что в IX—X вв. свободное крестьянство было прикреплено государством к своей общине, своему тяглу. Интерпретация этих источников к тому же тесно связана с пониманием такого института, как арифмос, природа которого вряд ли может считаться выясненной до конца (ср., например, стр. 176 и 177).

Мы бы назвали некоторые из указанных выше выводов интересной и умело разработанной гипотезой, признание которой в значительной мере зависит от выяснения сущности византийского государства. К сожалению, эта важнейшая проблема до сих пор не нашла в марксистской историографии достаточной разработки, чем мы и

---

[2] А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии. «Византийский временник» V, 1952; его же. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. «Византийский временник» X, 1956.

объясняем спорность некоторых выводов автора. Нельзя признать доказанным мнение А. П. Каждана о патронате, который он рассматривает как право определенного лица получать в свою пользу (частично или полностью) налоги с того или иного крестьянского поселения или округи в силу специального распоряжения центральной власти (стр. 175—178). Если признать это определение, то нелегко будет отделить патронат от таких институтов, как василикат, харистикий, солемний и даже прония на первых этапах ее развития. Автор приводит в качестве примера патроната случай, когда одна из деревень сама избрала Охридскую архиепископию «своей госпожой» [3]. Однако текст письма архиепископа Феофилакта не оставляет сомнений в том, что налоги с этих крестьян по-прежнему шли в пользу государства, а не патрона села, который оказывал крестьянам свое покровительство и, очевидно, выплачивал налоги в казну за это село без посредничества сборщиков налогов. Кстати, этот пример «добровольной» коммендации крестьян феодалу в XI в. не подкрепляет тезиса о государственном прикреплении крестьян. По нашему мнению, развитие патронарных отношений шло главным образом по пути постепенного вовлечения свободных крестьян в зависимость от феодала и не являлось результатом мероприятий центральной власти.

В целом труд А. П. Каждана является серьезным вкладом в советское византиноведение. Книга привлечет внимание широкой научной общественности и вызовет интерес не только византинистов, но и славистов и востоковедов.

Г. Г. Литаврин

[3] Theophylacti archiepiscopi Bulgariae epistolae. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 126. Paris. 1864, col. 449. c.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ

«Вопросы истории КПСС» № 3. «Документ К. Маркса о Парижской Коммуне»; «Новый документ В. И. Ленина» (письмо правлению Германской социал-демократической партии 15 марта 1913 г.), Н. Г. Севрюгина, Н. Н. Суровцева. Из истории создания В. И. Лениным книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»; «Из первых зарубежных откликов» (на работу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»); Н. Григорьева. Деятели братских партий о книге В. И. Ленина; В. Ю. Ахундов. Сорокалетие Коммунистической партии Азербайджана; А. М. Совокин. О возможности мирного развития революции после разгрома корниловщины; Б. П. Борцов, Н. Н. Липовченко, Я. Е. Пашко. К освещению вопроса об образовании КП(б) Украины и ее тактики в 1918 году; Жорж Коньо. Коммунистические партии стран Западной Европы в годы второй мировой войны; Ю. Н. Амиантов. Большевистская крестьянская печать. (Из истории создания газет для крестьян. 1917—1922 гг.); А. В. Лазарев. Из истории разработки ленинского декрета о рабочем контроле.

«История СССР» № 3. С. В. Рогинский. Великая Отечественная война советского народа 1941—1945 гг. (Характеристика боевых действий по фронтам и периодам); Г. А. Даниялов. От феодальных отношений к социализму. (К сорокалетию Дагестанской АССР); А. В. Митрофанова. Эвакуация промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.); А. Л. Шапиро. Бобыльство в России в XVI—XVII вв.; Е. Ф. Пашкевич. Первые бригады коммунистического труда в Ленинграде. (Опыт анализа состава и производственных показателей); В. Н. Гапонов. Герои-гастелловцы; Л. В. Максакова. Культурно-просветительные учреждения в первые годы Великой Отечественной войны (1941—1943 гг.); Н. А. Пашаев. Из истории борьбы за всеобщую грамотность населения в Советском Азербайджане; А. В. Игнатьев. Незавершенный этап (к истории русско-английских переговоров 1914 г.); Н. С. Киняпина. Подготовка промышленно-технических кадров в России в 20—50-х годах XIX века; А. И. Старцев. Ф. Р. Каржавин и его американское

путешествие; Г. Г. Фрименков. Рукописная газета «Колокольчик»; Н. М. Шепукова. К вопросу об итогах подворной переписи 1678—1679 гг. в Российском государстве; Е. В. Мышковский. Операции по выкупу помещичьих крестьян государством в начале XVIII века; К. Н. Тарновский. Советская историография российского империализма и вопросы периодизации истории советской исторической науки (1917—1936); Н. Н. Степанов. Этапы истории советской исторической науки; А. В. Карасев. Ленинград периода Великой Отечественной войны в советской исторической литературе; А. А. Курносов, Е. С. Лагутин. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны и буржуазная историография; Ю. Н. Яблочкин. О подмосковном климате и фальсификаторах истории; А. П. Новосельцев. Русско-иранские отношения XVII — первой половины XVIII в. в зарубежной историографии.

«Новая и новейшая история» № 3. «Важная задача историков-марксистов» (передовая об изучении истории второй мировой войны); Долорес Ибаррури. Ленин — наш учитель, наш вождь; Иоганн Копленнг. В. И. Ленин и международное рабочее движение; В. И. Ермолаев. Некоторые вопросы освободительной борьбы американских колоний Испании и Португалии. (К 150-летию начала войны за независимость 1810—1826 гг.); Л. И. Зубок. Идеология и тактика американского тред-юнионизма в 1897—1904 годах; А. М. Некрич. Политика Англии в период «странной войны»; А. Л. Мортон. К дискуссии о чартизме; Р. А. Ермолаева. В. И. Ленин и польская революционная социал-демократия в 1912—1914 годах; В. А. Кондратьев, Б. А. Жучков. Польский революционер — товарищ В. И. Ленина по ссылке; Ю. В. Борисов. Советский Союз и Франция в годы второй мировой войны (1941—1945 гг.); С. Дернберг. Из истории борьбы за национализацию крупной промышленности в Восточной Германии; В. М. Далин. Первый отзыв Бабефа о Робеспьере; «Из истории празднования Первого мая. (Материалы ИМЛ при ЦК КПСС)»; «Неопубликованное письмо Августа Бебеля»; Л. И. Гольман. Разоблачение Ф. Энгельсом буржуазных фальсификаторов истории Ирландии; А. С. Кан. Обзор новых книг по истории рабочих города и деревни в Швеции до промышленного переворота.

«Военно-исторический журнал» № 5. Р. Малиновский. 2-й Украинский фронт в борьбе за освобождение Чехословакии; В. Кузнецов. Операция, завершившая разгром фашистской Германии; И. Азаров. Лидер «Ташкент». (Из истории обороны Одессы и Севастополя); А. Иовлев. Подготозка командных и политических кадров Советской армии в 1929—1933 годах: «О потерях и пополнениях вооруженных сил Германии во второй мировой войне». (Публикация документов); И. Муратов. Из истории интернациональных формирований в СССР в 1918—1922 годах. (Обзор литературы.)

«Военно-исторический журнал» № 6. С. Красильников. О стратегическом руководстве в Великой Отечественной войне; М. Вассер, Л. Иванова. Я. М. Свердлов и Красная Армия; В. Трифонов. Советская артиллерия в Балатонской оборонительной операции; А. Головко. На внешних морских коммуникациях Севера; И. Константинов. Ракетная бомбардировка Англии; Э. Ротштейн. Мюнхенские тенденции в политике правящих кругов Великобритании в период 1939—1945 гг.; «Последние недели фашистской Германии». (Публикация выдержек из военного дневника ОКВ).

«Исторический архив» № 3. «О революционной ситуации в Эстонии накануне восстановления Советской власти в 1940 г.». Подг. В. Г. Гусарова, В. А. Маамяги, А. Т. Матсулевич; «К истории первых аграрных преобразований в Прибалтике (1940—1941 гг.)». Подг. Ю. И. Дамберг, В. П. Данилов, Б. И. Жучков, Э. В. Кузнецова; «Документ о героизме воинов Прибалтики в боях за Родину (1941 г.)». Подг. В. А. Пережогин; «Из истории патриотического движения за сбор средств на вооружение Советской Армии (1941—1942 гг.)». Подг. А. М. Синицин; «Из переписки Н. К. Крупской с социал-демократическими организациями Украины в 1904 г.». Подг. М. И. Горбунова, Г. М. Деренковский, Е. Д. Пухова; «О Международной женской социалистической конференции в 1915 г.». Подг. В. С. Неволина, Н. В. Орлова; «К вопросу о наличии в России монополистических организаций высшего типа». Подг. К. Ф. Шацилло; «Из истории центрального и местного управления в пер-

вой половине XVI в.». Подг. А. А. Зимин; Т. В. Ивницкая. Об использовании материалов советской прессы в документальных публикациях; Л. И. Давыдова, Л. И. Даценко. Обзор фондов совнархозов Москвы и Московской области; С. Ш. Хаскина. Фонд Комитета Севера.

«Советская археология» № 2. «К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина». (Передовая); Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья; Н. А. Онайко. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья; В. Л. Воронина. Доисламские культовые сооружения Средней Азии; П. А. Раппопорт. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества; А. Ф. Медведев. Древнерусские писáла X—XV вв.; И. Р. Селимханов. К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа; А. А. Формозов, А. Д. Столяр. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае; Р. К. Римантене. Стоянка каменного и бронзового веков Самантонис; Р. В. Чубарова. Неолитические стоянки на о. Итурупе; А. О. Мнацаканян. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан; В. М. Скуднова. Родосская керамика с о. Березани; В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг.; Т. М. Минаева. Поселение в устье р. Узун-Кол; И. М. Суслов. Московская эмаль XVII в.

«Преподавание истории в школе» № 3. «Внеклассную работу по истории на уровень новых задач». (Передовая); Г. А. Куманев. Решающий вклад советского народа в победу над фашистской Германией; Н. П. Ерошкин. Государственные учреждения России до образования абсолютной монархии.

«Украинский исторический журнал» № 3 (на укр. яз.). И. Ф. Евсеев. Советско-польское экономическое сотрудничество; А. И. Кацевал. Мероприятия Коммунистической партии Украины по экономическому образованию кадров (1953—1958 гг.); Е. А. Киян. Профсоюзы Украины в борьбе за восстановление и развитие тяжелой промышленности (1946—1950 гг.); В. И. Клоков. Влияние борьбы советского народа против гитлеровских агрессоров на рост антифашистского движения в странах Европы; М. Д. Березовчук. Роль комнезамов в социалистической перестройке села; А. П. Фоменко. Укрепление рядов КП(б)У при переходе к нэпу; Р. П. Ростикус. Участие молодежи Буковины в освободительной борьбе трудящихся (1918—1940 гг.); М. З. Данилюк. Самоотверженный труд колхозников Украины, эвакуированных в восточные районы СССР (1941—1944 гг.); В. А. Ежов. Социалистическое соревнование шахтеров Донбасса с нефтяниками Азербайджана в 1943—1944 гг.; Х. Б. Кинзебулатов. Дружба и сотрудничество украинского и башкирского народов в годы Великой Отечественной войны; А. А. Недух. Связи комнезамов Украины с трудящимся крестьянством Российской Федерации и Средней Азии; М. И. Куличенко. Братская помощь русского народа трудящимся Украины в культурном строительстве (1917—1920 гг.); В. Р. Раевский, Г. И. Курпнек. Революционные латышские стрелки на Украине в годы гражданской войны; М. А. Литвиненко, И. Ш. Черномаз. Новые книги о восстановлении народного хозяйства Украины в 1921—1925 гг.; П. П. Теличук. Источники по истории аграрных отношений на Правобережной Украине в 1907—1910 гг.

«Вестник Московского университета. Исторические науки» № 3. А. И. Калмыкова. О некоторых вопросах расслоения советской деревни в годы восстановительного периода (1921—1925 гг.); *К. Ф. Шацилло.* Монополии и строительство подводного флота в России накануне и в период первой мировой войны; Н. П. Бородин. Крестьянская аренда в Орловской губернии в конце XIX в. (1880—1900 гг.).

«Известия АН Армянской ССР. Серия общественных наук» № 1. М. Г. Никогосян. Из истории Советов Армении в период двоевластия; Л. П. Гарибджанян. Страницы истории Ереванского государственного университета (1921—1930 гг.) (арм. яз.); З. М. Касабян. Об одном иероглифе из раскопок Тейшебаини (Кармир блур).

«Известия АН Армянской ССР. Серия общественных наук» № 2. О. М. Варданян. О работе среди сельской бедноты и батраков Советской Армении в 1927—1929 гг. (арм. яз.); Р. Г. Саакян. Из истории советско-турецких отношений (1928—1929 гг.); А. С. Аветян. Вопрос о Багдадской железной дороге накануне первой мировой войны (арм. яз.).

«Известия АН Армянской ССР. Серия общественных наук» № 3. О. У. Меликсетян. Первые мероприятия Советской власти по разрешению вопроса об армянских беженцах (1921—1922) (арм. яз.); Н. К. Кривонос. Армянская колония в г. Золочеве.

«Известия АН Казахской ССР. Серия истории, этнографии и археологии». Вып. 1. П. И. Тугов. К истории национализации промышленности в Казахстане в 1918—1920 гг.; Ф. И. Колодин. Осуществление ленинского кооперативного плана в Казахстане; Х. Бисенов и Р. Сулейманов. Торжество ленинских идей культурной революции (на историческом опыте Казахской ССР); И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева. Претворение в жизнь ленинских идей о раскрепощении женщины (по материалам Казахстана); Т. Шоинбаев. Встречи Алибия Джангильдина с В. И. Лениным (каз. яз.); Е. Л. Виленский, В. С. Познанский. Телеграммы трудящихся Казахстана В. И. Ленину.

«Известия АН Латвийской ССР» № 4. А. Сажин. Роль совнархозов в электрификации нашей страны (1918—1920); Ю. Нетесин. Из истории проникновения германского капитала в экономику России (по материалам акционерного общества братьев Фельзер и К°. Рига).

«Краткие сообщения Института востоковедения». XXXVII. Афганский сборник. Р. Т. Ахрамович. К характеристике внешней политики Афганистана в начальный период второй мировой войны (1939—1941 гг.); М. А. Бабаходжаев. Миссия Нидермайера — Гентига в Афганистане (1915—1916 гг.); Ю. В. Ганковский. Из истории осады Кандагара Надир-шахом Афшаром в 1737—1738 гг.; М. Р. Арунова. К истории народных выступлений в государстве Тимуридов в XV в.; Н. М. Гуревич. Межимпериалистическая борьба в Афганистане в период второй мировой войны; А. Д. Давыдов. Имения медресе Субханкули-хана в Балхе (по вакуфной грамоте XVII в.). (Публикация.).

«Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры». 78. П. И. Борисковский. Некоторые спорные вопросы палеолита Костенок; А. А. Формозов. Исследования памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 году; Д. А. Крайнов. Раскопки Бахчисарайской мустьерской стоянки в 1957 году; И. И. Артеменко. Памятники эпохи неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья; Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии в 1957 году; Н. И. Сокольский. Раскопки в Кепах в 1957 году; И. Т. Кругликова. Работы восточнокрымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 году; Н. Н. Погребова и Л. В. Кондрацкий. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района, Николаевской области; В. Ф. Гайдукевич, С. И. Капошина, Е. И. Леви. Экспедиция Ленинградского отделения Института истории в 1957 году по античной археологии; О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1957 году; А. А. Иессен. Работы Азербайджанской экспедиции в 1957 году; Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа.

«Некоторые вопросы международных отношений». Сборник статей. Академия общественных наук при ЦК КПСС. В. М. Юрковский. Финансовая зависимость России от западных держав перед первой мировой войной; И. С. Хмель. Внешнеполитическая борьба Украинской ССР за утверждение Советской власти (1917—1920 гг.); Н. В. Ляхович. Борьба Румынской Народной Республики за создание зоны мира на Балканах; Ю. М. Винник. Империалистическая агрессия против КНДР и политика Индии (июнь 1950 г.— январь 1954 г.); А. Н. Яковлев. Американская буржуазная литература о формировании внешнеполитического курса США в 1953—1956 годах; П. Д. Шаткин. Позиции социал-демократической партии Германии по внешнеполитическим вопросам (1955 — апрель 1959 г.).

«Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы». Т. II, вып. 1. А. В. Фадеев. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России; Н. П. Гриценко. Экономические связи России с Северным Кавказом в 40-х годах XIX века (по материалам Центрального гос. архива Чеч.-Ингушской АССР); Л. Н. Колосов. Из истории захвата монополиями нефтеносных земель в Чечено-Ингушетии (1895—1917 годы); Л. П. Семенов. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал; З. К. Джамбулатова. Сыны Чечено-Ингушетии на фронтах Вели-

кой Отечественной войны 1941—1945 годов; Х. Д. Ошаев. К истории возникновения чеченских героико-эпических песен.

«Ученые записки Азербайджанского гос. университета». Серия общественных наук. № 1. Н. Саркисов. Разворот революционного движения в Баку летом 1905 года; М. Касумов. Журнал «Молла Насреддин» в годы Советской власти; Г. К. Гусейнов. К характеру экономических отношений в шелкомотальном производстве Азербайджана (азерб. яз.).

«Ученые записки Дагестанского гос. университета». Т. IV. Историко-филологический факультет. А. И. Алиев. Из исторического прошлого даргинцев; А. М. Бабаев. Патриотизм трудящихся Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.); А. Л. Летифов. Коренизация аппарата и вовлечение кадров в промышленность в первые годы Советской власти в Дагестане; Б. Ш. Омаров. Борьба колхозников Дагестана за подъем общественного животноводства в годы третьей пятилетки; С. С. Симонов. Студенческое движение в Киевском университете в период революционной ситуации 1859—1861 гг.

«Ученые записки Кишиневского гос. университета». Межвузовский сборник по истории КПСС. Вып. 1. Н. М. Ильяш. Укрепление рядов КПСС в период наступления социализма по всему фронту; С. П. Кутовой. Забота Коммунистической партии о дальнейшем развитии и совершенствовании материально-технических средств для сельского хозяйства; Т. И. Котеля. Деятельность партийной организации Молдавии по подбору, расстановке и воспитанию колхозных кадров (1953—1958 гг.); С. Е. Нечаев. Деятельность Коммунистической партии Молдавии по подъему животноводства в 1953—1958 гг.; Д. Е. Шемяков. Проникновение финансового капитала в экономику Молдавии в эпоху империализма (конец XIX в.— 1917 г.); С. П. Платонов. Социалистическая индустриализация — генеральная линия Румынской рабочей партии.

«Ученые записки Ленинградского гос. университета». Серия востоковедческих наук. Вып. 9. История и филология Индии. Е. Я. Люстерник, Е. Г. Шапот. О некоторых проектах организации русско-индийской торговли в XVIII веке.

«Ученые записки Саратовского гос. университета». Т. 68. Выпуск исторический, посвященный 50-летию университета. И. В. Синицын. Итоги археологического изучения древней истории Нижнего Поволжья; И. В. Порох. Некоторые вопросы истории общественного движения в России первой половины XIX ст. в работах саратовских исследователей; В. К. Медведев. Борьба партийных организаций Нижнего Поволжья за подготовку массового колхозного движения (1928 г.); М. Я. Косенко. Из истории борьбы крестьян Саратовской губернии летом и осенью 1917 г.; А. М. Ардабацкая. Идеи Белинского как один из источников формирования революционного демократизма петрашевцев; Л. А. Дербов. Начало дипломатических и торговых отношений России с Китаем; Н. А. Коробов. Из истории строительства народной демократии в освобожденных городах Китая накануне образования Китайской Народной Республики; Я. М. Майофис. Борьба за дружественные советско-германские отношения в период Ноябрьской революции в Германии (ноябрь — декабрь 1918 г.); А. Ф. Остальцева. Англо-русское соглашение 1907 г. в оценке современников; А. М. Шапиро. А. И. Герцен о некоторых вопросах общественно-политической жизни Англии 50—60-х гг. XIX века; Э. К. Путнынь. Из истории идейной борьбы в области историографии античности в первые десятилетия Советской власти (1917—1934 гг.).

«Ученые записки Азербайджанского гос. пединститута языков». Вып. VIII. М. Т. Гусейнов. О борьбе бакинских большевиков за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую (март — ноябрь 1917); И. С. Муслюмов. Участие советских профсоюзов в борьбе КПСС за коммунистическое воспитание трудящихся в годы пятой пятилетки; Б. Н. Мангасарян. Некоторые итоги осуществления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Азербайджанской ССР.

«Ученые записки Гродненского гос. пединститута». Кафедра истории. Вып. VII. Д. С. Марковский. О роли рабочего класса Белоруссии в социалистическом преобразовании деревни; Б. М. Фих. Комитеты бедноты Белоруссии в борьбе за проведение продовольственной политики Советской власти; В. А. Неделько. Классовое расслоение белорусского крестьянства в конце восстановительного периода.

«Ученые записки Карельского педагогического института». Т. IX. П. И. Иха-

лайнен. Из истории советско-финляндских отношений. Предоставление Советским правительством независимости Финляндии; Л. В. Жемойтель. Абсолютистское государство как специфическая форма выражения относительной самостоятельности надстройки в отношении базиса; Г. А. Нефедова. Торговля Карелии после отмены крепостного права в России (1861—1900 гг.).

«Ученые записки Московского гос. пединститута имени В. И. Ленина». Кафедра истории КПСС. Часть вторая. Т. 135. Л. Т. Антоненков. Внутрипартийная демократия — одна из норм партийной жизни, выработанных В. И. Лениным; Г. М. Кохновер. О некоторых объективных предпосылках в стране для перехода Коммунистической партии к новой политике по отношению к середняку и решения VIII съезда РКП(б); С. В. Аксенов. Борьба КПСС за идейно-политическое воспитание рабочего класса в первые годы нэпа (1921—1923 гг.); М. П. Макаров. Борьба Коммунистической партии Великобритании против идеологии современного оппортунизма в английском рабочем движении (1951 — апрель 1957 г.).

«Ученые записки Мурманского гос. пединститута». Т. IV, вып. 3. А. М. Шнитман. Развертывание Д. Н. Благоевым марксистской пропаганды в Болгарии во второй половине 80-х годов XIX столетия и русское освободительное движение.

«Ученые записки Ташкентского гос. пединститута имени Низами». Кафедра истории СССР. Вып. XXIII, ч. I. Ш. Ш. Абдуллаев. Из истории развития культуры народов Узбекистана (1921—1932).

«Ученые записки Тираспольского гос. пединститута». Вып. VIII. И. И. Большаков. К вопросу об образовании рабочего класса в дореволюционной Молдавии; И. Н. Шрира. Некоторые черты развития и размещения нефтяной промышленности Румынии при капитализме; И. Гончарук. Демократическая аграрная реформа в Румынской Народной Республике.

«Научные записки Ленинградского финансово-экономического института». Вып. 21 Г. И. Дроздова. Группа «Освобождение труда»— первая русская марксистская группа.

«Труды Новочеркасского политехнического института». Т. 96. Работы кафедры истории КПСС. Л. Г. Зайцева. Большевики во главе стачечного движения текстильщиков весной — летом 1905 года; Г. В. Малашенко. Первая областная конференция большевиков Донбасса и Криворожья; Л. П. Авдеева. КПСС — организатор героического труда женщин-колхозниц в годы Великой Отечественной войны (1943—1945 гг.); В. Ф. Негодаев. Массово-политическая работа в колхозах Ростовской области в годы Великой Отечественной войны; В. Ф. Тимошенко. Борьба КПСС за дальнейшее развитие внутриколхозной демократии в послевоенный период (1946—1950 гг.).

«Труды Новочеркасского политехнического института». Т. 110. Работы кафедры истории КПСС. Г. В. Малашенко. Шахтеры Донбасса в борьбе за разгром калединской контрреволюции (ноябрь 1917 — февраль 1918); М. А. Толокнов. Борьба КПСС за улучшение качественного состава своих рядов в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.); В. В. Дороганов. Руководящая роль КПСС в борьбе за выполнение второй пятилетки в области промышленности; Н. Н. Земченко. Коммунистическая партия — организатор социалистической дисциплины труда; П. Ф. Ковальский. Партийные организации шахт комбината «Ростовуголь» в борьбе за развитие соцсоревнования как важнейшего условия повышения производительности труда в первые годы шестой пятилетки.

«Труды Саратовского областного музея краеведения». Вып. III. В. Я. Рассудова. М. И. Калинин в Саратове; А. В. Сергеев. Административно-территориальное деление Нижнего Поволжья в XVIII в.; П. Д. Степанов. Хвалынские городища; Е. К. Максимов. О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья; И. В. Синицын. Археологические памятники северо-западного Прикаспия; И. Я. Ханин. К вопросу о древней металлургии и металлообработке на территории Нижнего Поволжья; П. Д. Степанов. Из истории этнографических исследований в Саратовской области.

Хроника научной жизни

О СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Государственное научное издательство «Советская Энциклопедия» совместно с Отделением исторических наук Академии наук СССР приступило к подготовке «Советской исторической энциклопедии» (СИЭ) — нового 12-томного научного справочного издания (отв. редактор академик Е. М. Жуков). В СИЭ найдут освещение на основе марксистско-ленинской теории и методологии события и факты отечественной и зарубежной истории с древнейших времен до наших дней. Выпуск энциклопедии явится важным событием в научной жизни страны.

СИЭ выпускается по решению ЦК КПСС. Инициатива ее создания принадлежит группе ведущих советских ученых — академикам В. П. Волгину, Е. М. Жукову, А. М. Панкратовой, В. В. Струве, М. Н. Тихомирову и другим.

Историческая энциклопедия рассчитана на преподавателей высших учебных заведений и техникумов, учителей средней школы, научных работников, специалистов по истории, археологии, этнографии, а также другим общественным наукам (политической экономии, права, литературы, философии и др.), студентов, аспирантов, журналистов, партийный и советский актив и, наконец, на широкие круги читателей, интересующихся историей. Новое издание, естественно, встретит большой интерес и за рубежом, особенно в странах народной демократии. Известно, что статьи БСЭ переводились и печатались в зарубежных журналах, издавались отдельными брошюрами и книгами (например, 50-й том БСЭ — «Союз Советских Социалистических Республик» — был переведен и издан в ГДР и в Великобритании).

В историческую энциклопедию войдет около 25 тыс. терминов по истории — в несколько раз больше, чем в универсальные энциклопедические издания БСЭ и МСЭ. Каждый том будет содержать 92 листа: 80 листов текста, остальное — карты и иллюстрации. 35% объема СИЭ отводится истории СССР, 65% — всеобщей истории.

Издание универсального марксистского справочника по отечественной и зарубежной истории предпринимается в нашей стране впервые. Правда, в дореволюционное время имели место попытки создания исторических словарей: В. Н. Татищева (1753 г.), школьного исторического словаря под редакцией Н. И. Кареева (нач. XX в.). Военной истории большое место отводилось в «Энциклопедии военных и морских наук» Г. А. Леера (1883—1897 гг.) и особенно в военной энциклопедии изданий И. Д. Сытина (1911—1915 гг.).

Исторические справочники выходят в ряде зарубежных стран — в США, ФРГ, Италии, Японии и других. Однако они не имеют универсального характера, отображая лишь историю того или иного государства или группы государств, а иногда отдельные периоды истории народов. К такого рода изданиям можно причислить энциклопедию по истории Соединенных Штатов Америки в 10 томах издателя Харперса (первое издание—1902 г.), Энциклопедию классической древности Паули — Виссова (издается в Германии с 1839 г., к 1956 г. вышло в свет 38 томов), Энциклопедию ислама в 5 томах (издана в Голландии и в Германии в 1908—1938 гг.) и др.

Советская историческая энциклопедия коренным образом отличается от всех этих изданий. Ее статьи-справки отражают новейшие достижения марксистской исторической науки по истории всех стран мира.

В конце 1959 г. был подготовлен и издан проект словника СИЭ, предназначенный для обсуждения среди научной общественности. С этой же целью уже отпечатан макет I тома энциклопедии. Предполагается печатать макеты всех последующих томов.

Над проектом словника СИЭ трудилось свыше 200 историков СССР и стран народной демократии. К его составлению, а также к подготовке и рецензированию статей I и всех последующих томов СИЭ широко привлечены работники институтов Академии наук СССР (истории, археологии, этнографии, славяноведения, востоковедения, Пушкинского дома), институтов истории Академий наук союзных республик и филиалов Академии наук СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и его филиалов, университетов и педагогических институтов Москвы, Ленинграда, Киева, Баку, Еревана, Тбилиси, Минска, Ташкента, Уфы, Казани, Свердловска и других городов, Государственного исторического музея, Музея

Революции, Музея Советской Армии, Артиллерийского музея, Музея истории религии и атеизма, краеведческих музеев, библиотек, архивов и других научных учреждений страны. В создании энциклопедии (составление статей, рецензирование, консультации) принимают участие многие зарубежные ученые, прежде всего историки стран социалистического лагеря. Чтобы дать представление о том, какой большой коллектив занят работой над составлением СИЭ, достаточно сослаться на макет ее I тома. В нем свыше 2 500 статей-справок, в подготовке которых участвовало более 1 тыс. авторов и до 2 тыс. рецензентов.

Высокий научный и идейный уровень энциклопедии сможет быть обеспечен благодаря участию в ней ученых высокой квалификации. Известно, что выдающиеся советские историки всегда считали для себя честью участвовать в создании энциклопедий. В БСЭ, например, выступали в качестве авторов академики В. П. Волгин, Б. Д. Греков, Е. А. Косминский, М. В. Нечкина, М. Н. Покровский, Е. В. Тарле, М. Н. Тихомиров, О. Ю. Шмидт и др. Очень полезно и сотрудничество в СИЭ молодых ученых, имеющих специальные труды в той или иной области истории.

Словник СИЭ был разослан во все научные учреждения нашей страны и ряда зарубежных государств (свыше 2 тыс. адресов), откуда поступило огромное количество отзывов, критических замечаний, предложений. Приславшие свои пожелания единодушно приветствовали подготовку нового издания.

В издательстве «Советская Энциклопедия» возникли значительные трудности при окончательной доработке словника. Они объясняются прежде всего тем, что в словник поступает очень много добавлений. Количество терминов непрерывно растет, а объем издания невозможно увеличить. В связи с этим часть историков предлагает ограничиться краткими статьями-справками (буквально словарного типа) и предельно увеличить за этот счет количество терминов. Другая часть историков полагает, что статьи должны быть обстоятельными, а количество терминов ограничено. К сожалению, эта часть историков, как правило, не указывает конкретно, что и в какой степени следует сократить. Таким образом, учет результатов обсуждения словника широкой научной общественностью требует большой аналитической работы, дополнительной консультации с научными учреждениями и специалистами. Известно, что правильно составленный и продуманный словник — одно из основных условий, обеспечивающих высокий научный и идейный уровень издания.

В соответствии с пожеланиями научной общественности в словник включено только по истории СССР свыше 1 тыс. новых терминов. Но в связи с этим пришлось исключить немало терминов менее актуальных, объединить их или, наконец, уменьшить размер статей.

Словник предусматривает освещение основных вопросов исторического материализма, наиболее существенных событий древней, средневековой, новой и новейшей истории всех стран мира, а также главных вопросов археологии, этнографии, историографии, вспомогательных исторических дисциплин.

В СИЭ будут опубликованы статьи-справки о событиях древней истории нашей страны, истории ее феодального и капиталистического периодов. Больше внимания уделяется освещению истории XIX и начала XX века. Огромное количество справочного материала, значительная часть которого получена в результате новейших исследований, даст представление о революционном движении в России. Немало статей посвящается просветителям, декабристам, петрашевцам, революционным демократам, народникам, российскому рабочему движению, революции 1905—1907 годов.

Особенно много материала будет посвящено истории Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войне 1918—1920 гг., Великой Отечественной войне, истории социалистического и коммунистического строительства в СССР и странах народной демократии. Будут опубликованы биографии деятелей освободительного и революционного движения в России, активных участников трех русских революций, героев гражданской и Великой Отечественной войн, выдающихся строителей социализма, старейших деятелей коммунистической партии. Большое внимание уделяется освещению истории социалистического строительства в СССР, а также в странах народной демократии, индустриализации нашей страны, коллективизации сельского хозяйства, социалистическому соревнованию, культурной революции, национальному строительству, внешней политике Советского государства и т. д.

Значительная часть статей посвящается истории союзных и автономных республик СССР, истории республик нашей страны, существовавших в первые годы Советской власти (Бухарская, Хорезмская, Горская и др.).

СИЭ ставит своей задачей дать углубленное освещение истории КПСС, поэтому настоящее издание явится ценным пособием для изучающих историю коммунистической партии. Читатель найдет в энциклопедии статьи по важнейшим проблемам марксизма-ленинизма. Фундаментальные статьи раскроют важнейшие события в жизни коммунистической партии и всего советского народа в эпоху строительства социализма и коммунизма.

Большое место в СИЭ займет освещение истории зарубежных стран и народов, их населяющих, особенно истории государств социалистического лагеря. Будет опубликовано значительное количество статей-справок по истории первобытнообщинного, рабовладельческого строя (история Вавилонии, Египта, Греции, Рима, Китая, Индии и т. д.), истории средневековья. Много места отводится изложению событий новой и новейшей истории. Читатель СИЭ получит сведения относительно всех западных революций.

Много статей-справок планируется по истории международного рабочего движения, коммунистических и рабочих партий, I и II Интернационалов, Коминтерна, борьбы марксизма-ленинизма против реформизма и ревизионизма.

Одной из особенностей издания является широкое освещение истории стран Азии (Китая, Индии, Индонезии, Японии и др.), Африки, Латинской Америки с их древнейшей цивилизацией, показ национально-освободительной борьбы против колониализма.

СИЭ включит статьи о государственных деятелях, дипломатах, о войнах и крупных сражениях, а также о полководцах — с древности до наших дней. При этом особое внимание будет уделено войнам XX столетия. В СИЭ будет отведено много места партизанскому движению в период гражданской войны 1918—1920 гг., Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., движению Сопротивления, подпольным организациям, действовавшим в тылу врага, и др.

Большой раздел словника СИЭ занимают статьи о мирных договорах, соглашениях, пактах, конвенциях и т. д.

В силу специфики энциклопедии в ней будут довольно широко представлены статьи по истории исторической науки, археологии, этнографии, античности, медиевистике, славяноведению, византиноведению, востоковедению (арабистика, ассирология, египтология, индология, иранистика, тюркология и т. д.), китаеведению, африканистике и др.; по вспомогательным историческим дисциплинам (археографии, библиографии, дипломатике, сфрагистике, палеографии, метрологии, нумизматике и др.); о летописях, публикациях, исторических и общественно-политических журналах, научных обществах и важнейших исследовательских учреждениях, архивах, музеях, библиотеках; данные о различных исторических школах и направлениях (народническое направление в русской историографии, государственная и скептическая школы в России, историческая школа права в Германии, краковская историческая школа, кембриджская, манчестерская, оксфордская школы историков и др.). Значительно увеличится (по сравнению с универсальными энциклопедиями) количество статей о летописцах, хронистах, мемуаристах, библиографах, историках, археологах и этнографах.

Издание энциклопедии свидетельствует о зрелости советской исторической науки. СИЭ отразит новейшие достижения исторической науки в СССР и зарубежных социалистических странах, достижения прогрессивных ученых капиталистических государств.

На страницах энциклопедии будут восполнены пробелы, исправлены многие неточности, ошибки, неправильные трактовки, устранены односторонность, идеализация в освещении тех или иных вопросов и событий прошлого, которыми страдают ранее вышедшие энциклопедии и словари.

Справочность СИЭ по сравнению с универсальными энциклопедиями усиливается за счет многих факторов. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что историческая энциклопедия не является сборником отдельных статей. Это цельное, стройное издание, в котором предусмотрены глубокая взаимосвязь и взаимодополнение всех статей. В СИЭ включено много статей и терминов как по отечественной, так и по всеобщей истории, ранее не публиковавшихся в энциклопедических изданиях. Самый этот факт отражает развитие советской исторической науки. Однако специфика энциклопедических справочников порождает немало трудностей: как, например, в СИЭ отразить целые исторические этапы, новые явления,

события в истории, не получившие еще энциклопедической терминологии.

Одновременно с включением большего количества статей по сравнению с энциклопедиями Брокгауза и Эфрона, Граната, с современными зарубежными энциклопедиями, а также с БСЭ 1-го и 2-го изданий справочность статей СИЭ увеличивается за счет введения новых фактов, цифр, дат, имен и значительного расширения библиографии. Почти все статьи энциклопедии будут снабжены подробной библиографией, указывающей монографии, важнейшие статьи, а также публикации документов русских дореволюционных, советских и иностранных авторов. Эта библиография позволит отобрать и рекомендовать все наиболее ценное из того, что создано советской исторической наукой, и дать в основном исчерпывающее освещение существа каждого вопроса.

Само собой разумеется, что Советская историческая энциклопедия ставит задачу дать объективное представление о важнейших отраслях, школах и направлениях в исторической науке, о крупных историках. В тех случаях, когда в статье затрагиваются не решенные в исторической науке вопросы, будут указываться основные точки зрения.

Многие крупные статьи энциклопедии снабжаются хронологическими, статистическими и тому подобными таблицами. Например, статьи о странах будут иметь хронологические таблицы, которым отводится столько же (а иногда и больше) места, сколько и историческим очеркам. Будут приведены разнообразные статистические таблицы по экономике, народонаселению, культуре и т. п. Так, к статье «Капитализм в России» предполагается дать таблицу, указывающую годы основания (строительства) крупнейших заводов, фабрик, железных дорог, к статье «Индустриализация СССР» — таблицу с годами основания крупных социалистических строек. Было бы очень полезно к статье «Город» составить таблицу, указывающую годы основания (если можно определить их точно) или годы первого упоминания в летописях и документах городов, а также численность населения крупнейших городов СССР и зарубежных стран за 1897, 1939, 1959 годы. Хотя это и очень сложное дело, следует попытаться подготовить такую таблицу.

Хронологическими и статистическими таблицами снабжаются статьи «Верховный Совет СССР» (таблица сессий с указанием повестки дня), «Урал», «Сибирь», «Война», «Гражданская война 1918—20», «Великая Отечественная война 1941—45», «Вторая мировая война 1939—45». Специальные таблицы дополнят статьи «Нумизматика», «Метрология», «Всемирный совет мира», «Движение Сопротивления» и др. Интересная таблица готовится к статье «Библиотеки». Благодаря ей читатель сумеет получить сведения об общих и особенно исторических фондах, рукописных отделах, уникальных изданиях литературы, о крупных библиотеках нашей страны (50—60 библиотек).

Статья «Коммунистическая партия Советского Союза» включит следующие разделы: исторический очерк, хронологическая таблица всех съездов, конференций и пленумов, их повестка дня, исторические очерки, посвященные коммунистическим партиям союзных республик, наконец, обширная библиография. К статье «ВЛКСМ» также предполагается таблица с указанием дат съездов и хронологическая таблица героических дел Ленинского комсомола.

В статьях о крупных операциях Великой Отечественной войны в 1941—1945 гг. («Белорусская операция 1944», «Берлинская операция 1945», «Сталинградская битва» и др.) предполагается назвать не только фронты, но и все армии, участвовавшие в сражениях, перечислить имена командующих этими армиями.

В статьях «Процесс 50-ти», «Процесс 20-ти» (процессы народников) читатель найдет полный список лиц, привлеченных к процессам, с указанием на годы их жизни и социальное положение. В статьях «Группа Благоева», «Группа Бруснева», «Молодая гвардия» (краснодонцы) и т. п. будут приведены фамилии участников этих организаций, отмечены их социальная принадлежность, годы жизни.

К статье «Бородинское сражение» прилагается полный список участвовавших в сражении русских и французских корпусов и дивизий с указанием командующих и численности соединений.

Учитывая специфику исторической энциклопедии, большинству крупных статей будут предпосланы историографические разделы, освещающие вклад советских исследователей, а также прогрессивных ученых зарубежных стран в разработку важнейших проблем истории, дающие обзор буржуазной историографии и критику фальсификаторов и ревизионистов. Чрезвычайно ответственными и важными явятся статьи «История», «Историография», «Источниковеде-

ние», «Социология» и др., подготовка которых потребует огромной работы целого отряда советских историков.

Ставится задача опубликовать в СИЭ справки по историографии СССР и союзных республик, а также всех зарубежных стран. Схемы исторических очерков по странам и союзным республикам предусматривают наряду с отображением общих процессов развития освещение в каждом случае специфических особенностей, а также научное обоснование исторической периодизации. Все это потребует от историков дополнительных научных изысканий. В статьях о К. Марксе, Ф. Энгельсе и В. И. Ленине будут освещены исторические взгляды основоположников научного коммунизма. Значительная часть статей о А. И. Герцене, Н. Г. Чернышевском, В. Г. Белинском, Н. А. Добролюбове, Д. И. Писареве, Г. В. Плеханове и др. также будет содержать изложение их исторических и социологических концепций.

Освещение в СИЭ истории науки, техники и культуры будет ограничено. Краткие сведения по этим вопросам предполагается включить в исторические очерки по странам и республикам и в специальные хронологические таблицы к последним, а также в статьи «Возрождение», «Просвещение», «Исторический жанр в литературе», «Историческая тема в музыке, искусстве», «Могучая кучка», «Передвижники», «Культурная революция», «Промышленный переворот».

На страницах энциклопедии подвергнется критике реакционная историография. Читатель получит представление об острой идеологической борьбе, которая происходит между марксистской исторической наукой, с одной стороны, и буржуазной историографией — с другой.

СИЭ будет снабжена многочисленными иллюстрациями и картами. Предполагается опубликовать вдвое больше исторических карт, чем во втором издании БСЭ. Причем часть из них будет опубликована впервые, другие исправлены, уточнены или коренным образом переработаны.

Подготовка СИЭ — дело коллективное. Большое участие в ней примут не только ученые Москвы и Ленинграда, но также многих других городов нашей страны. Создание исторических очерков об Армении, Азербайджане, Белоруссии, о некоторых зарубежных странах, которые во многом отличны от исторических очерков БСЭ, вызвало большие трудности, поставило перед авторами новые, сложные задачи. И совершенно правильно поступила, например, научная общественность Минска, подвергнув суровой критике один из вариантов статьи о Белоруссии. В настоящее время разрабатывается новая структура статей о советских республиках и зарубежных странах, иной метод подачи исторического материала.

Работа над СИЭ будет содействовать развитию советской исторической науки, способствовать изучению закономерностей и опыта развития советского общества, всей мировой социалистической системы, изучению и пропаганде великих революционных традиций рабочего класса СССР и зарубежных стран. Она внесет несомненный вклад в дело коммунистического воспитания советских людей.

Издание СИЭ позволит повысить уровень исторического образования в высшей и средней школе. Распространение исторических знаний среди широкого круга читателей скажется на повышении общего культурного уровня советских людей, воспитании у них любви к героическому прошлому нашей Родины, благородных чувств советского патриотизма и социалистического интернационализма.

М. И. Кузнецов

НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

В Ленинграде состоялась научная сессия по истории советского рабочего класса. В сессии приняли участие представители научных учреждений и учебных заведений ряда городов. На сессии присутствовали и выступали представители профсоюзных и комсомольских организаций, члены бригад коммунистического труда некоторых ленинградских предприятий. Всего было заслушано 11 докладов, 22 сообщения и 20 выступлений в прениях.

Были обсуждены такие важные вопросы, как периодизация истории рабочего класса СССР, роль рабочего класса в государственной и общественной жизни страны, источники его формирования, количествен-

ные и качественные изменения в составе рабочего класса в период строительства социализма, проблемы и методы изучения состава, материального положения и роста культурного уровня советского рабочего класса, а также развития его интернациональных связей. Широкое освещение получили вопросы историографии и источниковедения.

Громадное значение для изучения истории рабочего класса СССР имеет славная история Коммунистической партии — ведущей силы рабочего класса и всего советского общества. Органическая взаимосвязь этих двух проблем была раскрыта в докладе В. А. Чумичева (ЛГУ) «О возрастании роли КПСС в период развернутого строительства коммунизма».

С докладом «Об основных этапах развития советского рабочего класса» выступила А. В. Митрофанова (Институт истории АН СССР). В докладе был поставлен вопрос о необходимости разработки научной периодизации истории рабочего класса СССР, без чего невозможно глубоко и всесторонне изучить эту историю.

При определении основных этапов послеоктябрьской истории рабочего класса, сказал докладчик, следует исходить из принципов периодизации истории советского общества. Вместе с тем необходимо учитывать особенности предмета исследования. История рабочего класса СССР, по мнению докладчика, может быть разделена на два больших периода соответственно двум периодам истории советского общества.

Первый период: 1917 — 1937 гг. — переходная эпоха от капитализма к социализму, эпоха победы пролетарской революции и построения социализма в СССР — является периодом превращения пролетариата нашей страны в новый класс, в рабочий класс социалистического общества.

Второй период: 1938 — 1959 гг. — эпоха завершения строительства социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму — является периодом расцвета советского социалистического рабочего класса.

В рамках каждого из этих больших периодов, говорит докладчик, целесообразно выделить крупные этапы. Так, в первом периоде следует выделить три таких этапа: 1917 — 1920 гг., 1921 — 1925 гг., 1926 — 1937 годы. Второй период истории советского рабочего класса можно разделить на четыре этапа: 1938 — 1941 гг., 1941—1945 гг., 1946—1958 гг. и новый, четвертый этап в развитии рабочего класса и всего советского общества, начавшийся с 1959 года.

Предлагая эту периодизацию на обсуждение участников сессии, докладчик подробно охарактеризовал основные особенности и отличия каждого из периодов и этапов развития рабочего класса СССР.

И. Я. Трифонов (ЛГУ) в сообщении «Рабочий класс СССР в период восстановления народного хозяйства (1921 — 1925 гг.)» указал, что для этого периода истории рабочего класса определяющим являлся процесс преодоления деклассирования и распыления рабочего класса, консолидации его сил под руководством Коммунистической партии. По мнению докладчика, первый этап консолидации рабочего класса относится к 1921—1922 годам. Характерной особенностью этого этапа являлось сплочение кадров индустриального пролетариата. Второй этап охватывает 1923 — 1924 гг., когда рабочий класс пополнился старыми, опытными, квалифицированными кадрами рабочих, вернувшихся из деревни и армии. В 1925 — 1926 гг. уже была достигнута довоенная численность рабочего класса и завершен процесс его консолидации.

Некоторые вопросы истории рабочего класса в годы Великой Отечественной войны были освещены в сообщении С. А. Уродкова (ЛГУ).

С докладом о роли рабочего класса в государственной и общественной жизни советского общества выступил Н. А. Корнатовский (ЛГУ). Значительное место в докладе было уделено анализу важнейших особенностей, характеризующих развитие советского рабочего класса, показу количественных и качественных изменений, которые происходят в его составе по мере продвижения к коммунизму.

Вопрос о роли рабочего класса промышленных центров в Октябрьской революции и социалистическом строительстве рассмотрел в своем сообщении Д. А. Баевский (Институт истории АН СССР). Он отметил, что исследование этой темы позволит более углубленно и аргументированно раскрыть подлинно народный характер нашего государства и революции, в результате которой оно возникло.

В сообщении «Статистические данные о роли рабочего класса в формировании органов управления промышленностью (1917—1922 гг.)» В. З. Дробижев (редакция журнала «История СССР») указал на важность изучения социального состава

служащих хозяйственного аппарата Советского государства.

Докладчик привел интересные статистические данные, показывающие огромную организационную работу партии по привлечению масс трудящихся к управлению хозяйством страны.

Значительное место в работе сессии было уделено современному положению рабочего класса СССР и его борьбе за создание материально-производственной базы коммунизма.

М. Д. Плинер (ЛГУ) в сообщении «Технический прогресс и повышение культурно-технического уровня рабочих в послевоенный период (по материалам Ленсовнархоза)» отметил, что по мере технического прогресса в промышленности растет культурно-технический уровень рабочего класса, происходит стирание существенных различий между умственным и физическим трудом. Для подтверждения этого положения он привел такие данные. На Невском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина за период с 1951 по 1958 г. среди молодых рабочих (до 30 лет) удельный вес имеющих образование в объеме 7—10 классов либо среднетехническое возрос с 26,9% до 58,7%. К 1 августа 1959 г. на заводе «Электросила» имени С. М. Кирова 66,8% молодых рабочих имели образование в объеме 7 классов и выше. На Ленинградском металлическом заводе среди молодежи, поступившей на завод в 1957 г., 83,6% имели образование в объеме 7—10 классов, в том числе полное среднее образование — 30,7%. В современных условиях многие промышленные предприятия стали своеобразными учебными центрами с определенной системой различных форм обучения рабочих и инженерно-технических работников.

М. Ривлин (ЛГУ) в сообщении «Роль рабочего класса Ленинграда в подъеме сельского хозяйства после сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.)» на конкретных примерах из жизни партийной организации Ленинграда показал, как Коммунистическая партия, опираясь на указания В. И. Ленина о широком и планомерном привлечении промышленных рабочих к коммунистическому строительству в земледелии, организовала и возглавила патриотическое движение рабочего класса за оказание помощи колхозам и совхозам в их борьбе за крутой подъем сельского хозяйства.

Борьбе рабочего класса за повышение производительности труда в семилетке посвятил свое сообщение Л. Е. Бляхман (ЛГУ). Докладчик подробно рассказал о новых формах социалистического соревнования, о борьбе партийных организаций и рабочих промышленных предприятий ряда экономических районов страны за досрочное выполнение семилетнего плана, охарактеризовал основные формы участия рабочих в управлении производством на нынешнем этапе коммунистического строительства.

Л. Е. Анкудинова (ЛГУ), посвятившая свой доклад раскрытию изменений, происшедших в составе рабочего класса в период строительства социализма (1917—1937 гг.), отметила недостаточную изученность темы и привела ряд интересных статистических сведений. Численность рабочих и служащих только в крупной промышленности страны за это двадцатилетие увеличилась с 2 596 тыс. человек до 9 079 тыс., или на 268,8%. По отношению к населению страны удельный вес работающих в промышленности поднялся с 16,7% в 1917 г. до 34,7% в 1937 году.

С докладом о проблемах и методах исследования социального состава советского рабочего класса выступил О. И. Шкаратан (ГАОРСС ЛО). Докладчик подчеркнул, что качественно разнородные процессы формирования рабочего класса в дооктябрьский и послеоктябрьский периоды обусловливают необходимость разработки специфической методики исследования состава рабочего класса советской эпохи.

С сообщением «К вопросу о формировании и консолидации советского рабочего класса в переходный период от капитализма к социализму» выступил А. А. Матюгин (Институт истории АН СССР). Он подчеркнул, что изучение проблемы формирования и консолидации рабочего класса в период строительства социализма является одной из назревших и актуальных задач. Эта проблема, по его мнению, включает три группы вопросов: 1) превращение бывшего угнетенного и эксплуатируемого класса наемных рабочих в господствующий и руководящий класс и воспитание в нем социалистического сознания; 2) возникновение и формирование новых многочисленных отрядов рабочего класса в районах, где до Октябрьской революции господствовали докапиталистические социаль-

но-экономические отношения; 3) создание единой социалистической экономики и объединение всех групп рабочего класса в сфере обобществленного производства.

Методы и проблемы изучения материального положения советского рабочего класса были охарактеризованы в сообщении И. Ю. Писарева (Научно-исследовательский институт труда). В. А. Ежов (ЛГУ) выступил с сообщением «Некоторые проблемы и методы изучения культурного роста советского рабочего класса».

Сессия заслушала доклад Б. И. Шабалина (Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена) «Научные проблемы изучения истории советского предприятия (история фабрик и заводов)». В докладе отмечалось, что без глубоких исследований истории по крайней мере типичных предприятий разных отраслей промышленности во всех основных промышленных районах СССР невозможно сколько-нибудь полное воссоздание научной истории советского рабочего класса, истории советского общества, невозможно раскрытие общих закономерностей строительства коммунизма во всем богатстве конкретного содержания исторического процесса. Такой подход к изучению истории предприятий требует разработки единой методики и единой программы исследования, чтобы можно было получать сопоставимые данные, необходимые для более широких обобщений.

Активное участие историков в работе по созданию истории социалистических предприятий является одним из конкретных путей укрепления связи науки с жизнью, с практикой коммунистического строительства.

Л. С. Рогачевская (Институт истории АН СССР) выступила с обзором литературы по истории фабрик и заводов, изданной в 1956—1959 годах. За последние четыре года было опубликовано 120 книг и брошюр по истории отдельных предприятий. Однако большинство из них страдает существенными недостатками. В них непомерно много места отводится дооктябрьскому периоду истории фабрик и заводов, а история предприятий за советский период освещена явно недостаточно. Многие авторы опираются лишь на воспоминания очевидцев и участников описываемых событий и не привлекают других источников. Слишком узкая источниковедческая база неизбежно приводит к снижению научного уровня книг, к поверхностной оценке исторических фактов. Сухой, невыразительный язык, которым написаны эти книги, делает их неинтересными для широкого читателя. В заключение Л. С. Рогачевская подчеркнула, что история фабрик и заводов — дело большой политической и научной важности. Отдавать его на откуп отдельным авторам нельзя. Заводская общественность должна не только знать, что пишут о заводе, но и принимать самое активное участие в этой работе.

Участники сессии заслушали обзор литературы по истории рабочего класса СССР, подготовленный Д. А. Баевским, Р. П. Дадыкиным. А. А. Матюгиным, А. В. Митрофановой, Л. С. Рогачевской (Институт истории АН СССР) и С. Р. Гершбергом (редакция БСЭ). Этот обзор явился попыткой подвести некоторые итоги в области изучения истории советского рабочего класса, показать степень изученности отдельных вопросов и сосредоточить внимание на задачах, которые призваны решать историки.

В годы, прошедшие после XX съезда партии, отмечалось в обзоре, внимание к изучению послеоктябрьской истории рабочего класса СССР значительно усилилось. По этой проблеме вышел в свет ряд новых сборников документов, опубликовано несколько книг, брошюр и значительное количество журнальных статей. Многие исследователи готовят монографии по истории советского рабочего класса. Оживилась работа по написанию истории фабрик и заводов. Однако то, что сделано в этой области, еще далеко не соответствует важности задачи, возможностям наших ученых и тем требованиям, которые предъявляет к исторической науке широкая советская общественность. До сих пор отсутствует исследование обобщающего характера, в котором история советского рабочего класса рассматривалась бы в целом, за все годы Советской власти, или хотя бы за один какой-либо значительный отрезок времени. Еще сравнительно слабо изучены вопросы изменения численности, состава и размещения рабочего класса, а также характер изменений условий его жизни и труда. У нас почти нет работ об участии рабочего класса в строительстве Советского государства, в развитии советской демократии, в борьбе против свергнутых эксплуататорских классов, оказывавших сопротивление в ходе строительства социализма, о роли рабочего класса в борьбе за сплочение крестьянства и всех трудящихся.

Вступление нашей страны в полосу постепенного перехода от социализма к коммунизму и начало периода развернутого строительства коммунистического общества выдвинули перед исторической наукой ряд новых проблем, требующих изучения и обобщения. Среди них первостепенное значение имеют такие вопросы, как роль рабочего класса в восстановлении и дальнейшем развитии народного хозяйства после войны, его участие в управлении государством и хозяйством в новых условиях и борьба за создание материально-производственной базы коммунизма. Еще не изученными являются и такие вопросы, как укрепление международных связей советского рабочего класса после второй мировой войны, активное участие рабочих СССР в борьбе за мир.

Для решения всех этих задач необходимо объединить усилия историков и нацелить их на планомерное изучение коренных проблем истории рабочего класса СССР.

Дополнением к этому обзору литературы явилось сообщение Ю. С. Афанасьева (ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) о состоянии и задачах библиографии по истории советского рабочего класса. Он отметил, в частности, успехи, достигнутые в тридцатых годах по созданию библиографии истории фабрик и заводов. Но, к сожалению, эти ценные материалы не были опубликованы. До последнего времени основное внимание уделялось текущей регистрационной и рекомендательной библиографии по истории СССР. Это положение, естественно, не могло не отразиться отрицательно и на библиографии по истории рабочего класса в период социализма. В результате в настоящее время имеется только несколько устаревших крупных указателей литературы, содержащих материалы по истории рабочего класса и ряд рекомендательных указателей. К сожалению, в издательских планах на ближайшие годы не предусмотрено издание фундаментальных научных библиографических справочников по истории советского рабочего класса. Для создания в наиболее короткий срок подобных трудов необходима координация усилий Института истории АН СССР, университетских кафедр и крупнейших советских книгохранилищ.

В сообщении Н. Б. Крушкол (ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) основное внимание было уделено характеристике газет, выходивших в первые годы Советской власти (конец 1917—1922 гг.) как важнейшего источника по истории советского рабочего класса, который не только дополняет архивные материалы, но иногда является единственным, уникальным источником по той или иной проблеме.

В. М. Растяпин (Институт истории АН СССР) сделал сообщение о кандидатских диссертациях, посвященных этой проблематике.

Ю. С. Токарев (ЛОИИ) в своем сообщении дал обзор фондов ленинградских архивов, хранящих документальные источники по истории советского рабочего класса. Он поставил некоторые вопросы методики использования этих источников, предложив схему группировки соответствующих архивных фондов по степени важности и характеру происхождения документов. К первой группе фондов, которая располагает наибольшим количеством документов по истории советского рабочего класса, он отнес фонды фабрик и заводов, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. Вторую группу, по его мнению, составляют фонды органов государственной власти, управления промышленностью, планирования и контроля. К третьей группе фондов докладчик отнес фонды органов народного образования, социального обеспечения, здравоохранения и др. Однако, дав эту схему, Ю. С. Токарев не выдержал ее принцип до конца, так как при характеристике групп фондов он уделил основное внимание не особенностям происхождения документов и степени их важности, а количественному критерию — удельному весу документов по истории советского рабочего класса в составе того или иного фонда.

Обзор фондов ленинградских архивов был дополнен В. И. Старцевым (ГАОРСС ЛО), выступившим с сообщением о статистических источниках по истории советского рабочего класса, хранящихся в Государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области. В фондах архива имеются три вида статистических источников: 1) первичный учетно-статистический материал (заполненные бланки статистической отчетности), 2) вторичный (обработанный) статистический материал — таблицы, статьи и сообщения статистиков и 3) инструкции и правила проведения различных обследований и переписей. Особенно важное значение имеет фонд Петроградского отдела статистики труда, созданного в начале 1919 года. Деятельность этого отдела занимает значительное место в истории нашей статистики. В создании и работе этого учреждения принимали участие такие

известные ученые, как С. Г. Струмилин, А. Г. Рашин, К. Н. Яковлева и др. В фонде отдела сохранился ряд материалов, в свое время не опубликованных и представляющих значительный интерес для исследователя истории рабочего класса Ленинграда.

А. Ф. Бутенко (ЦГАОР и СС) в своем выступлении отметил, что среди многочисленных фондов, хранящихся в архиве (в нем насчитывается около 6 млн. дел), едва ли найдется хоть один более или менее крупный фонд, который не касался бы истории советского рабочего класса. Архив, располагавший до недавнего времени только документами за период с 1917 г. до начала Великой Отечественной войны, пополнился в настоящее время фондами упраздненных министерств черной и цветной металлургии, машиностроения, легкой промышленности и др., включающих материалы за период вплоть до 1957 года. Особенно широко отражены в материалах архива трудовые подвиги советского рабочего класса. А. Ф. Бутенко сообщил, что архив вместе с другими научными учреждениями работает над подготовкой сборников документов: «Выполнение ленинского плана ГОЭЛРО», «Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры», «Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир» и др.

И. И. Белоносов (ЦА ВЦСПС) указал на необходимость привлечения большего внимания историков к фондам профессиональных союзов, являющихся хорошей документальной базой для исследовательской работы по истории советского рабочего класса. По ориентировочным данным, в Государственном архивном фонде СССР имеется свыше 1 тыс. фондов профсоюзных организаций, насчитывающих более 1 млн. единиц хранения. Документы за период с 1917 по 1941 г. хранятся в государственных архивах, а с 1941 г.— в Центральном архиве ВЦСПС и в архивах профсоюзов на местах. Сотрудниками Центрального архива ВЦСПС готовится к изданию сборник документов «Профсоюзы СССР» в 4 томах.

Внимание ученых к профсоюзным фондам за последние три года заметно усилилось, однако исследование их ведется односторонне. В основном используются лишь материалы профсоюзных организаций в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, черной и цветной металлургии, железнодорожного транспорта и сельского хозяйства. И. И. Белоносов более подробно охарактеризовал фонды, в материалах которых нашла отражение история социалистического соревнования. В частности, он привел интересные данные о Всесоюзном социалистическом соревновании, возникшем в 1942 г. и продолжавшемся пятнадцать лет.

С кратким сообщением о материалах, хранящихся в рукописных фондах Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, выступила М. Я. Стецкевич (ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина). Она отметила, что до сих пор ни один исследователь не пользовался этими материалами, которые, как убедительно показала М. Я. Стецкевич, имеют большую научную ценность для изучения истории рабочего класса СССР.

Р. С. Мнухина (ЛГУ) остановилась на некоторых вопросах историографии интернациональных связей советского рабочего класса. Приведенные ею данные о документальных сборниках, монографиях, сборниках статей и журнальных статьях, посвященных этой теме, показали неравномерность в изучении отдельных этапов развития этих связей. Так, наиболее широко освещена история периода 1917—1923 гг., а последующие этапы изучены недостаточно.

Большое место в докладе В. И. Салова (Институт истории АН СССР) занял показ острой идеологической борьбы между прогрессивной и реакционной историографией за рубежом по проблемам истории советского рабочего класса.

Ю. Л. Кузнец (ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина) в своем докладе подробно осветил основные направления фальсификации современной американской и английской реакционной буржуазной историографией роли рабочего класса СССР в Октябрьской революции и социалистическом строительстве. Вопреки исторической действительности эта историография тщетно пытается «доказать» недоказуемое: «случайность» победы социализма в СССР, «неприемлемость русского пути» и «русского примера» для международного рабочего движения. Она стремится любыми средствами умалить и принизить общепризнанную роль Коммунистической партии Советского Союза в историческом прогрессе.

Реакционной буржуазной историографии США и Англии противостоят труды руководителей коммунистических партий этих стран У. Фостера и Г. Поллита, а также историков-марксистов Э. Ротштейна, У. Добба, Г. Аптекера, прогрессивного публициста К. Ламонта и др. Эти работы несут анг-

лийскому и американскому читателю правду о героическом рабочем классе СССР, помогают ему высвободиться от заскорузлых догм официозной буржуазной политической литературы.

Специальное заседание сессии было посвящено истории развития интернациональных связей советского рабочего класса. Докладчик С. Ю. Выгодский (ЛГУ) отметил, что завоевание политической власти и установление диктатуры пролетариата дали возможность рабочему классу нашей страны установить широкие связи с пролетариатом зарубежных стран. Докладчик сделал попытку определить основные периоды в развитии и укреплении интернациональных связей советского рабочего класса. По мнению С. Ю. Выгодского, можно выделить пять периодов: 1917—1923 гг., 1924—1929 гг., 1929—1939 гг., 1941—1945 гг. и 1945—1959 годы.

Таким образом, в основу своей периодизации докладчик положил этапы развития мирового коммунистического и рабочего движения. Между тем, на наш взгляд, правильнее было бы строить эту периодизацию в соответствии с основными этапами развития советского рабочего класса, ибо международные связи советских рабочих являются составной частью истории рабочего класса СССР. Кроме того, в периодизации, предложенной С. Ю. Выгодским, выпали два года (1939—1941). Создается впечатление, что тогда у советского рабочего класса были прерваны всякие связи с мировым рабочим движением. Однако это не соответствует действительности.

По докладу С. Ю. Выгодского развернулись оживленные прения.

Вопросу о дружественных связях советского рабочего класса с германским пролетариатом в 1918 г. посвятил свое выступление В. Г. Брюнин (ЛГУ).

С сообщением «Интернациональные связи советского рабочего класса в восстановительный период» выступила Э. Б. Генкина (Институт истории АН СССР).

История интернациональных связей, сказала Э. Б. Генкина, есть часть истории рабочего класса, которая, в свою очередь, является составной частью истории советского общества. Поэтому никакой особой, специальной периодизации истории интернациональных связей не может быть. Исходя из этих соображений, Э. Б. Генкина отвергла предложенное докладчиком деление истории интернациональных связей на пять этапов. Отмечая, что эта периодизация не обоснована, она прежде всего остановилась на первом этапе (1917—1923 гг.). Выделение его в самостоятельный период, может быть, и имеет объяснение с точки зрения всемирной истории, однако это никак не укладывается в периодизацию истории советского общества. Если же иметь в виду развитие принципов пролетарского интернационализма, что значительно шире, чем понятие об интернациональных связях рабочего класса, то в этом случае есть объективная основа для выделения трех крупных периодов: 1) дооктябрьский, 2) от Октябрьской революции до образования мирового лагеря социализма (1917—1945), 3) послевоенный период, когда принцип пролетарского интернационализма был положен в основу взаимоотношений стран социалистического лагеря.

Сообщение на тему «Революционные связи рабочего класса СССР с революционным движением Болгарии» сделал В. Н. Белоновский (ЛГУ).

М. Н. Кузьмин (ЛГУ) рассказал об интернациональных связях французского и советского рабочего класса в 1926—1929 годах.

С. А. Могилевский (ЛГУ) в своем выступлении охарактеризовал роль рабочего класса СССР в организации помощи борцам революции и дал анализ деятельности МОПР.

А. Ф. Лазарева (Ленинградский технологический институт, член авторской группы по написанию истории Кировского завода) выступила с сообщением об интернациональных связях рабочих Кировского (бывш. Путиловского) завода. Наиболее подробно она осветила историю развития дружеских связей путиловцев с китайским народом.

Главным предметом развернувшейся на сессии дискуссии был вопрос о периодизации истории советского рабочего класса.

По этому вопросу в прениях речь шла преимущественно о внутреннем делении двух больших периодов истории советского рабочего класса, предложенных А. В. Митрофановой: 1) 1917—1937 годы. Переход от капитализма к социализму и построение социалистического общества и 2) 1938—1959 годы. Эпоха завершения построения социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

И. Е. Марченко (Институт истории Академии наук БССР), соглашаясь с периодизацией, предложенной в докладе А. В. Митрофановой, считает необходимым

выделить в самостоятельный этап послевоенный восстановительный период.

Ю. И. Серый (Ростовский университет) отметил, что в нашей исторической литературе укоренилось неверное утверждение о составе рабочего класса в период первой мировой войны, а затем в период гражданской войны. В ряде статей прямо указывается, что за это время пролетарское ядро чуть ли не совсем исчезло. Но если это так, то вообще становится непонятным, кто же свергал власть помещиков и капиталистов. Разумеется, во время первой мировой войны в составе рабочего класса возросло количество мелкобуржуазных элементов, но пролетарское ядро сохранилось и не растворилось в мелкобуржуазной стихии.

Т. С. Александрова (ЛОИИ) подчеркнула, что в основу научной периодизации истории советского рабочего класса должен быть положен какой-то единый принцип. Этот принцип отсутствует в периодизации, предложенной А. В. Митрофановой. Если при выделении восстановительного периода в самостоятельный этап докладчик исходил из принципа развития народного хозяйства, то совершенно неясно, что, например, положено в основу выделения этапа 1938—1941 годов. Непонятно, чем существенно отличался рабочий класс в эти годы от предшествовавших лет второй и третьей пятилеток. По мнению Т. С. Александровой, в основу периодизации истории рабочего класса следует положить этапы развития социалистического способа производства.

А. М. Панфилова (МГУ) не согласилась с высказанным А. А. Матюгиным и другими ораторами мнением о том, что началом формирования советского рабочего класса является Великая Октябрьская социалистическая революция. Уже в недрах капиталистического общества рабочий класс создал свою партию, вооруженную самой передовой теорией марксизма-ленинизма, и выработал в себе некоторые новые качества, которые получили свое дальнейшее развитие в процессе строительства социализма и коммунизма.

Соглашаясь в основном с периодизацией, намеченной А. В. Митрофановой, А. М. Панфилова предлагает разделить первый период истории рабочего класса (1917—1937 гг.) на два этапы: 1) с 1917 по 1926 г., когда рабочий класс должен был главным образом осваивать старые производственные фонды и иметь дело с теми кадрами, которые достались ему от прошлого и пополнялись из разных социальных прослоек; 2) с 1927 по 1937 г., когда в процессе освоения новой техники совершенствовались «старые» и росли новые кадры. В этот период советский рабочий класс приобрел новые качества, значительно повысив свой культурно-технический уровень

Другим источником спора был вопрос о том, с какого времени рабочий класс нашей страны перестал быть пролетариатом в старом смысле этого слова и превратился в новый класс, в класс социалистического общества, в советский социалистический рабочий класс.

А. В. Митрофанова стремилась показать, что превращение пролетариата старой России в советский социалистический рабочий класс не являлось единовременным актом, а представляло собой процесс, в ходе которого рабочий класс постепенно приобретал черты, присущие классу социалистического общества.

Бесспорно, что решающее значение для превращения пролетариата в социалистический рабочий класс имела Великая Октябрьская социалистическая революция. Но она положила лишь начало этому процессу, ибо рабочий класс не стал на другой день после завоевания политической власти и командных высот в экономике новым классом, не приобрел сразу же всех черт, присущих классу социалистического общества. Сразу же после победы Октября и национализации крупной промышленности он стал социалистическим лишь по своему объективному положению в системе общественного производства, как класс господствующий, хозяин средств производства. «Рабочие строят новое общество,— указывал В. И. Ленин в январе 1919 г.,— не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоя по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно» [1].

Процесс превращения пролетариата старой, капиталистической России в советский социалистический рабочий класс завершился в середине 30-х годов. К этому времени в ходе строительства социализма в СССР рабочий класс обрел все черты, присущие рабочему классу социалистического общества. Был полностью ликвидирован частный наем рабочей силы, завершилось формирование национальных кадров рабочего клас-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 403.

са во всех ранее отсталых советских республиках, начался быстрый подъем культурно-технического уровня рабочего класса.

С возражением против этой, на наш взгляд, правильной точки зрения выступил С. И. Аввакумов (ЛОИИ). Он считает, что подобная концепция будто бы лишает советский рабочий класс очень важных общепризнанных качеств. Выходит, заявил С. И. Аввакумов, что рабочий класс нашей страны, взяв власть, становится господствующим классом, еще не будучи социалистическим, каковым он стал лишь двадцать лет спустя, когда был построен социализм в нашей стране. На самом же деле, по его мнению, рабочий класс превращается в новый, социалистический класс с первых же дней пролетарской революции, с того момента, когда он становится господствующим классом.

Дискуссия, развернувшаяся по этому вопросу, показала необходимость раскрытия научного содержания понятия «социалистический рабочий класс».

На своем заключительном заседании сессия приняла ряд рекомендаций, направленных на дальнейшее улучшение дела разработки истории советского рабочего класса. Было высказано пожелание, чтобы научные сессии по важнейшим проблемам истории рабочего класса СССР созывались регулярно. В частности, было признано целесообразным ближайшую сессию посвятить проблеме формирования кадров рабочего класса в союзных и автономных республиках. Для объединения усилий и координации деятельности историков, занимающихся историей советского рабочего класса, было решено войти в Бюро отделения исторических наук АН СССР с предложением о создании Научного совета по проблеме «История рабочего класса СССР». Сессия высказала пожелание, чтобы ученые-историки активизировали свое участие в создании истории предприятий и оказывали систематическую помощь заводским авторским коллективам в составлении трудов по истории фабрик и заводов. Было признано полезным провести всесоюзное совещание по вопросам истории фабрик и заводов. Сессия обратила внимание специалистов, занимающихся историей рабочего класса СССР, на необходимость более глубокого изучения истории профсоюзов и других массовых организаций рабочего класса. Было также высказано пожелание, чтобы научные библиотеки приступили к разработке и изданию научной библиографии по истории рабочего класса СССР.

Закрывая сессию, заместитель директора Института истории АН СССР Л. С. Гапоненко подчеркнул ее важное значение для дальнейшей научной работы в области истории советского общества, и в частности истории рабочего класса СССР. По общему мнению участников, сессия дала возможность поставить ряд важных и еще не решенных вопросов и обменяться по ним мнениями. Она способствовала объединению усилий ученых, занимающихся историей советского рабочего класса, и координации их деятельности в этой области. Наконец, сессия показала важность установления тесной связи между историками и коллективами предприятий, что еще больше приблизит науку к жизни. Активное участие в работе сессии целого ряда представителей крупнейших заводов и фабрик Москвы и Ленинграда наглядно показало одну из возможных форм этой связи.

К недостаткам в проведении сессии нужно отнести чрезмерную перегруженность ее программы, что помешало более широкому обсуждению некоторых спорных вопросов. В будущем при подготовке сессий необходимо составлять план работы с таким расчетом, чтобы у участников сессии было больше возможностей для выступлений в прениях, для развертывания творческой дискуссии.

А. Б. Беркевич,
Р. П. Дадыкин,
В. А. Овсянкин

НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ИЗУЧАЮТ ПРАКТИКУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

(С заседания кафедры истории КПСС Академии общественных наук при ЦК КПСС)

В научной тематике аспирантов и научных сотрудников Академии общественных наук вопросы руководства Коммунистической партией крутым подъемом сельского хозяйства занимают значительное место.

Кафедра истории КПСС Академии общественных наук проявила ценную инициативу, проведя заседание, посвященное обобщению практики сельских партийных организаций на современном этапе. С докладом об опыте работы Шиловского РК КПСС Рязанской области по подъему творческой активности колхозного крестьянства и распространению новых форм соревнования выступил первый секретарь райкома Герой Социалистического Труда М. В. Цыплаков.

Шиловский райком КПСС, отметил докладчик, руководствуясь ленинским принципом сочетания молодых и старых кадров, провел большую организаторскую работу по укреплению решающих участков кадрами. Серьезное внимание было уделено укреплению руководства колхозов. Была организована учеба руководящих партийных кадров, созданы семинары. Лекции читались специалистами сельского хозяйства. Важное значение имел перевод коммунистов из контор, кладовых и других вспомогательных служб на решающие участки колхозного производства.

Проведение политико-воспитательной работы с молодежью, улучшение деятельности культурно-просветительных учреждений на селе, восстановление принципа материальной заинтересованности обеспечили приток новых отрядов молодежи в колхозы. Интересны данные по Шиловскому району. Если в 1953 г. число юношей и девушек, работавших в животноводстве, достигало лишь 74, то в настоящее время там занято около 3 тыс. молодых тружеников.

Резкому улучшению состояния дел в Шиловском районе в большой степени содействовало изменение стиля работы райкома: отказ от излишних заседаний, многочисленных отчетов, проверок, составления справок, резолюций и т. д. Творческая инициатива колхозников всегда находит поддержку в райкоме. Райком стал конкретнее руководить сельским хозяйством. Центр тяжести партийной работы был перенесен непосредственно на производство: в колхозы, совхозы, на фермы, в бригады, звенья.

Как и во всей стране, в колхозах и на животноводческих фермах Шиловского района громадное внимание уделяется развертыванию социалистического соревнования. При Шиловском райкоме КПСС, например, создана специальная комиссия общественного контроля за ходом соревнования. Ее возглавляет лучшая доярка Л. И. Фокина. Члены комиссии выезжают в колхозы, совхозы, передают передовой опыт, подтягивают отстающих.

Докладчик указал на большую роль в колхозном производстве женщин и молодежи. Многие из них (например, знаменитая доярка дважды Герой социалистического труда П. Н. Коврова) явились инициаторами ценных начинаний.

Партийные организации проявляют заботу о воспитании у колхозников коммунистического отношения к труду. Все шире развертывается в области соревнование молодых доярок за звание ферм коммунистического труда.

В обсуждении доклада М. В. Цыплакова приняли участие многие научные сотрудники и аспиранты кафедры. Они посвятили свои выступления опыту партийно-организаторской и массово-политической работы местных партийных организаций Рязанской области, Ставрополья, Краснодарского края, Алтая в деревне.

О повышении культурно-технического уровня колхозного крестьянства Алтайского края и подготовке квалифицированных кадров для сельского хозяйства рассказал в своем сообщении аспирант В. Г. Фуров. Партийные организации края выдвинули и успешно решают задачу — дать каждому труженику поля специальность механизатора. Сейчас этот лозунг получил широкое распространение в Западной Сибири. Многие колхозы стали подлинными университетами технических знаний. В колхозе имени М. В. Фрунзе, Егорьевского района, создана широкая сеть курсов и школ, готовящих комбайнеров, трактористов, водителей автомашин и т. д. Здесь имеются курсы по овладению второй специальностью.

На помощь деревне пришел город. В Алтайском крае тысячи колхозников направ-

лены в город для обучения механизаторским специальностям. Алтайский завод, например, обучил 1 300 человек. В крае продолжает развертываться движение за переход инженеров и техников на постоянную работу в колхозы.

С сообщением о различных формах соревнования в районах Краснодарского и Ставропольского краев выступил аспирант Н. П. Красников. На Кубани по инициативе механизаторов колхоза имени С. М. Кирова широко распространено соревнование по профессиям. Соревнуются между собою доярки, свинарки, птичницы, кукурузоводы, свекловоды, огородники и т. д. В целях дальнейшего развития соревнования по профессиям Краснодарский крайком партии утвердил для работников ряда отраслей сельскохозяйственного производства специальные нагрудные значки: «Лучший животновод», «Лучший свекловод», «Лучший садовод», «Лучший виноградарь» и т. п.

Аспирант П. А. Малиновский осветил деятельность сельских парторганизаций по воспитанию колхозников в духе коммунистического отношения к труду.

Кафедра истории КПСС Академии общественных наук имеет интересный опыт проведения теоретических конференций. Так, в марте 1960 г. в Шиловском районе, Рязанской области, с помощью научных работников этой кафедры была проведена теоретическая конференция на тему «Воспитание колхозного крестьянства в духе коммунистического отношения к труду в условиях развернутого строительства коммунизма». На конференции присутствовало 380 человек. В своих выступлениях участники конференции говорили о распространении опыта передовиков, о путях повышения культурно-технического уровня крестьянства и т. д. Конференция имела важное значение. Она нацелила трудящихся района на выполнение конкретных задач, обобщила опыт деятельности партийных организаций по крутому подъему сельского хозяйства.

На заседании кафедры истории КПСС было принято решение установить тесную связь кафедры с Шиловским районом.

Вопросы, рассмотренные на заседании кафедры, безусловно, имеют большое практическое и теоретическое значение. Эта попытка конкретной связи научной работы преподавателей и аспирантов с практической деятельностью местных партийных организаций заслуживает внимания. Долг научных работников — серьезными, глубокими теоретическими обобщениями помогать партийным комитетам в их повседневной практической деятельности.

Б. М. Морозов

О РАБОТЕ ЛЬВОВСКИХ ИСТОРИКОВ ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА КПСС

За прошедшие после XX съезда годы учеными Львова осуществлен ряд важных исследований в разных областях исторической науки.

На историческом факультете Львовского государственного университета имени И. Франко исследования ведутся по двум основным направлениям: история западноукраинских земель и история стран народной демократии. Три члена кафедры истории СССР в течение нескольких лет занимаются подготовкой докторских диссертаций: В. К. Осечинский — «Галиция под гнетом Австро-Венгрии в эпоху империализма», А. И. Глядковская — «Культурное строительство в РСФСР в первые годы Советской власти», Г. Ю. Гербильский — «Общественно-политическое движение в Галиции в I половине XIX ст.».

Кандидат исторических наук В. К. Осечинский опубликовал ряд работ, в которых осветил положение Галиции в годы первой мировой войны, а также влияние Великого Октября на развитие революционного движения в Западной Украине [1].

В 1957 г. появилась интересная работа кандидата исторических наук А. И. Глядковской, в которой дан анализ первых декретов Советской власти [2].

---

[1] В. К. Осечинский. Австрийский военно-политический террор в Галиции. «Наукові записки» Львовского государственного университета. № 7. 1957. «Питання історії СРСР»; его же. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Западной Украине (1917—1920 гг.). «40 років Великого Жовтня». Сборник Львовского государственного университета Львов. 1957.

[2] А. И. Глядковская. Декреты Октябрьской социалистической революции. «40 років Великого Жовтня».

В опубликованной кандидатом исторических наук Г. Ю. Гербильским монографии [3] показаны социально-экономические и политические условия, в которых формировалась передовая общественно-политическая мысль в Галиции 30—40-х годов XIX столетия. К 250-летию Полтавской битвы Г. Ю. Гербильским написана работа «Русско-польский союз и жолковский стратегический план» [4].

В 1959 г. вышло исследование доцента В. Ф. Инкина, посвященное экономическому развитию Львова в XVIII столетии [5].

Ряд интересных работ опубликовали члены кафедры кандидаты исторических наук П. П. Челак, А. Г. Черных, Т. Г. Соколовская и преподаватель Я. П. Товстуха [6].

Члены кафедры истории УССР изучают проблему «История западноукраинских земель». А. И. Цыбко работает над докторской диссертацией «Западная Украина под гнетом буржуазно-помещичьей Польши (1919—1939 гг.)». Он опубликовал по этой теме статью [7].

Кандидат исторических наук Я. П. Кись занимается исследованием истории западноукраинских городов в эпоху феодализма, положения крестьянства в львовских городских селениях в XIV—XVIII вв. и борьбы против феодального гнета [8].

Члены кафедры истории южных и западных славян изучают историю Польши и Болгарии в эпоху феодализма и капитализма.

Много лет вопросами истории крестьянства занимается доктор исторических наук Д. Л. Похилевич. Им впервые сделана попытка обстоятельно исследовать историю крестьян Литвы и Белоруссии XVI—XVIII столетий, а также осуществлен ряд других важных исследований [9].

По истории Польши XIX в. две статьи опубликовал кандидат исторических наук В. А. Борис [10].

Историей Болгарии занимаются кандидат исторических наук А. С. Бейлис [11] и преподаватель В. П. Чорний [12].

Кандидат исторических наук И. И. Белякевич в последние годы исследует причины распада польского буржуазно-помещичьего государства в 1939 г., а также вопросы боевого содружества польских рабочих и солдат с трудящимися России во время Вели-

---

[3] Г. Ю. Гербільский. Передова суспільна думка в Галиччині. Львів. 1959.

[4] «Полтава. К 250-летию Полтавского сражения». М. 1959.

[5] В. Ф. Інкин. Нарис економичного розвитку Львіва у XVIII ст. Львів. 1959.

[6] П. П. Челак. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Западной Украине (1921—1923 гг.). «40 років Великого Жовтня»; А. Г. Черных. К вопросу о критике В. И. Лениным фальсификаторов истории Великой Октябрьской социалистической революции (там же), Т. Г. Соколовская. Культурное строительство в западных областях УССР в первые годы Советской власти (1939—1941 гг.) (там же); ее же. Идейно-воспитательная и культурно-просветительная работа в западных областях УССР. «Наукові записки» Львовского государственного университета. № 6. 1957. «Питання історії СРСР»; Я. П. Товстуха. Иван Франко об антинародной направленности в деятельности австрийского рейхстага и галицкого сейма (там же).

[7] А. И. Цыбко. Революционная борьба трудящихся Западной Украины против фашизма, за воссоединение с Советской Украиной в 1934—1939 гг. «40 років Великого Жовтня».

[8] Я. П. Кись. Участие городов западноукраинских земель в освободительной войне украинского народа. «Наукові записки» Львовского государственного университета. № 7. 1957. «Питання історії СРСР»; его же. Источники положения львовского мещанства XVII—XVIII вв. «Український історичний журнал», 1960, № 1.

[9] Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов. 1957; его же. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М. 1957 (гл. 7 и 11); его же. К вопросу о природе хозяйственного кризиса в Польше во II пол. XVII и I пол. XVIII в. «Kwartalnik historyczny», 1958, № 3; его же. Згубна роль церковнії унії в житті українського народу. Київ. 1958.

[10] В. О. Борис. До характеристики польскої шляхетської і буржуазної історіографії аграрного питання у революції 1848 р. в Галиччині. «Питання загальної історії». Львовский государственный университет. 1959; его же. Proces Juliana Goslara. «Kwartalnik historyczny», 1958, № 3.

[11] А. С. Бейлис. Г. С. Раковский о Восточном вопросе и о политике европейских государств в Болгарии в 50—60 годах XIX века. «Наукові записки» Львовского государственного университета. Т. XLIII. 1957. «Питання історії країн народної демократії»; его же. Великая Октябрьская социалистическая революция в России и революционный подъем в Болгарии в 1917—1920 гг. «40 років Великого Жовтня».

[12] В. П. Чорний. Реакционная роль чорбаджийства, крупной буржуазии и высшего духовенства накануне и во время апрельского восстания в Болгарии 1876 года. «Наукові записки» Львовского государственного университета. Т. XLIII. 1957. «Питання історії країн народної демократії»; его же. Болгарская эмиграция в период подготовки апрельского восстания 1876 года. «Питання загальної історії» Львовский государственный университет. 1959.

кого Октября и гражданской войны. На эти темы им опубликованы статья и монография [13].

К 10-летнему юбилею Китайской Народной Республики вышла книга кандидата исторических наук Р. М. Бродского [14], посвященная борьбе китайского народа за осуществление в стране демократических преобразований. Им также опубликованы статьи о русско-американских отношениях на рубеже XIX—XX вв. и позиции США в годы русско-японской войны [15].

Автор данного обзора более двадцати лет изучает историю революционного движения в Венгрии в 1918 — 1919 годах. Им написан ряд работ [16], посвященных данной теме.

Несколько исследований опубликовали другие члены кафедры новой истории: доценты Т. Г. Солтановская, Н. А. Ратич, М. А. Киселева, преподаватель И. М. Нефедов [17].

Сотрудники кафедры истории древнего мира и средних веков изучают проблемы: «Международные отношения в античном мире», «Классовая борьба в Испании и Франции в эпоху позднего средневековья», «История крестьянства западных областей Украины в XVI — XVIII вв.».

Содержательную работу по истории стран западного Средиземноморья III в. до н. э. и по истории Пирровой войны написал кандидат исторических наук И. И. Вейцковский [18].

Ряд работ напечатали в «Научных записках» Львовского университета члены кафедры кандидаты исторических наук А. А. Лозинский — «Парижская лига и день баррикад» (т. 43, вып. 8. 1957), Ю. М. Гроссман — «Аренда имения и ее влияние на положение крестьян западноукраинских земель» («Питання історії СРСР», 1958), З. П. Калинина — «Некоторые данные о деятельности хунты в период восстания» («Питання загальної історії». 1959).

Серьезные исследования осуществляются сотрудниками отдела истории Украины Львовского института истории общественных наук АН УССР. Они работают над двумя проблемами: борьба украинского народа за социальное и национальное освобождение и победа Великой Октябрьской социалистической революции и социалистическое строительство на Украине.

Плодотворно трудится академик АН УССР И. П. Крипякевич. Совместно с млад-

---

[13] И. И. Белякевич. Антинациональная внешняя политика польского буржуазного правительства и отклонение им помощи Советского Союза (март — август 1939 г.). «Наукові записки» Львовского государственного университета. Т. XXVI. Серия историческая, вып. 7, 1957; его же. Революционное содружество польских и российских трудящихся в 1917 году. Львов. 1957.

[14] Р. М. Бродский. Перший етап Китайскої новодемократичної революції (1917—1927 гг.). Львів. 1959. Фрагменты этой работы «Влияние Великого Октября на развитие революционного движения в Китае» были опубликованы в сборнике «40 років Великого Жовтня».

[15] Р. М. Бродский. К вопросу о позиции США в русско-японской войне и Портсмутских переговорах. «Вопросы истории», 1959, № 2; его же. Американо-русские отношения на рубеже XIX и XX ст. «Питання загальної історії». Львовский государственный университет. 1959.

[16] М. Ф. Лебович. Борьба внутренней и иностранной контрреволюции против венгерского народа в 1919 г. «Вопросы истории», 1957, № 9; его же. Образование Коммунистической партии Венгрии и ее борьба за социалистическую революцию. «Наукові записки» Львовского государственного университета. Т. XLIII. 1957. «Питання історії країн народної демократії»; его же. Влияние Великого Октября на борьбу советской Венгрии против антантовских интервентов. «40 років Великого Жовтня»; его же. Героическая страница истории венгерского рабочего класса. Журнал «Коммунист», 1959, № 3, и др.

[17] Т. Г. Солтановская. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на подъем революционного движения во Франции. «40 років Великого Жовтня»; ее же. «Друг народа» Жана Поля Марата — боевой орган буржуазно-демократической публицистики в первый период буржуазной революции. «Наукові записки» Львовского государственного университета. Т. XLII. 1958. «Питання журналістики»; Н. А. Ратич. Отклик Великой Октябрьской социалистической революции в Западной Галиции. «40 років Великого Жовтня»; его же. Влияние Всероссийской Октябрьской стачки на подъем рабочего движения в Западной Галиции. «Наукові записки» Львовского государственного университета. Т. XLIII. 1957. «Питання історії країн народної демократії»; М. А. Киселева. Антиимпериалистическое движение в Шанхае накануне январских событий 1932 г. «Питання загальної історії». Львовский государственный университет. 1959; И. М. Нефедов. О сельском землевладении в Галиции (1772—1847 гг.) (там же).

[18] І. І. Вейцківский. Зовнішня політика країн західного середземномор'я в 264—219 гг. до н. э. Львов. 1959; его же. Последние годы Пирровой войны. «Наукові записки» Львовского государственного университета. Т. XLIII, вып. 8, 1957; «К истории Пирровой войны». Журнал «Bibliotheca classica orientalis». Berlin. 1959. № 1.

шим научным сотрудником С. Т. Билецким он написал «Очерки истории Галицко-Волынского княжества».

Представляет интерес работа старшего научного сотрудника М. М. Кравец «Рабочее движение в Западной Украине в период 1921 — 1939 гг.». Это одна из первых попыток написать историю борьбы рабочего класса Западной Украины под руководством коммунистической партии за социальное и национальное освобождение, за воссоединение с Советской Украиной.

Вышла брошюра научного сотрудника В. В. Грабовец «Олекса Довбуш» (М. 1959) [19] о борьбе народного героя крестьянского движения 30—40-х годов XVIII столетия в Галицком Прикарпатье.

Ряд тем изучается сотрудниками кафедры исторических наук Высшей партийной школы во Львове. Кандидат исторических наук Б. И. Распутнис работает над монографией «Борьба революционных масс Украины против империалистической внешней политики Временного правительства (февраль — март 1917 г.)», В. Я. Гордиенко заканчивает диссертацию «Русско-германские отношения 1890 — 1894 гг.», кандидат исторических наук М. И. Гирич готовит к печати монографию «Крестьянское движение на Левобережной Украине накануне революции 1905 — 1907 гг.» [20].

В соответствии с семилетним планом научно-исследовательская работа львовских историков будет значительно расширена и должна быть прежде всего направлена на изучение актуальных проблем советского периода и строительства социализма в странах народной демократии.

М. Ф. Лебович

[19] Эта же работа вышла в 1957 г. на украинском языке во Львове под названием «Народный герой Олекса Довбуш».

[20] Научная работа кафедр истории КПСС высших учебных заведений Львова в данном обзоре не рассматривается.

Хроникальные заметки

◆ В июне 1960 г. в Свердловске состоялось межобластное совещание работников архивов Урала с участием старых большевиков и представителей Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС, Архивного управления РСФСР, вузов и музеев Свердловска. Зам. директора ИМЛ при ЦК КПСС Н. В. Матковский выступил с докладом «Об участии партийных архивов в разработке истории КПСС», в котором сделал, в частности, обзор части местных изданий и высказал предложение о создании монографии или сборника материалов «В. И. Ленин об Урале». Совещание заслушало также доклад старшего научного сотрудника ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС В. В. Аникеева «О подготовке документального сборника к печати», сообщение старшего научного сотрудника того же архива И. В. Кутейникова «Заполнение паспорта партийного архива» и лекции: Е. П. Подвигиной «Состав и содержание документов Центрального партийного архива», А. В. Соколовой «Режим хранения и реставрация документальных материалов» и А. И. Петрова «Микрокопирование документальных материалов».

На состоявшемся затем отдельном совещании работников государственных архивов основное внимание было уделено вопросам комплектования и экспертизы ценности документальных материалов и создания усовершенствованного научно-справочного аппарата в архивах.

◆ Недавно во Владивостоке была проведена вторая научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока, посвященная столетию города. На конференции присутствовали научные работники Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Томска, Иркутска, Хабаровска, Владивостока и других городов. На пленарных заседаниях были заслушаны доклады: секретаря Владивостокского горкома партии Д. П. Белых «О столетии Владивостока и перспективах его развития», заведующего отделом истории Дальневосточного филиала АН СССР А. И. Крушанова «О состоянии, задачах и перспективах развития исторической науки на Дальнем Востоке», А. П. Окладникова «Возникновение земледелия на Дальнем Востоке» и Б. О. Долгих «О задачах этнографической науки в Сибири и на Дальнем Востоке». На конференции работали секции истории Великой Октябрьской социалистической революции, истории социалистического строительства, истории, археологии и этнографии досоветского периода, в которых было прочитано свыше 60 докладов. Конференция приняла решение о путях разработки основных вопросов истории Дальнего Востока в ближайшие годы и избрала ученый совет в составе 37 человек. Совместными усилиями историков, экономистов, философов и литературоведов намечено подготовить труды «История дальневосточных организаций КПСС», «История Советского Дальнего Востока», издать сборники документов и монографии.

◆ В Ленинграде состоялось заседание городской редакционной коллегии по исто-

рии фабрик и заводов. Участники совещания заслушали сообщение директора Лениздата Л. В. Попова о выпуске литературы по истории промышленных предприятий в текущем году и перспективах на 1961 год. Сообщение о деятельности комиссии по истории фабрик и заводов при Ленинградском отделении Союза писателей РСФСР сделал В. М. Кукушкин. Руководитель авторского коллектива, работающего над историей Кировского завода, Н. И. Протопопов рассказал о ходе работ над вторым томом истории этого предприятия. В работе редколлегии приняли участие директор Института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС С. П. Князев, писатели А. Попов, М. Розанов и другие.

◆ Во время ремонта одного из домов г. Томска найдены документы, относящиеся к концу 1904 года. Среди них листовка «К солдатам», автор которой раскрывает антинародную сущность русско-японской войны и призывает солдат идти не на усмирение «бунтующего» народа, а объединиться с ним против своих настоящих врагов — царя, чиновников и капиталистов. В прокламации «Наконец-то», изданной Томским комитетом РСДРП, разъясняется, что мизерные уступки царизма «абсолютно ничего не дают народу». Привлекает внимание записная книжка с неоконченным наброском речи, предназначенной для произнесения на конспиративном студенческом собрании. В речи говорится о выдающемся значении марксистов и о роли и месте студенчества в революционной борьбе. В своей попытке кратко изложить основы программы социал-демократической партии автор опирается на работы К. Маркса и В. И. Ленина. Резолюция одной из студенческих сходок конца 1904 г. гласит: «Не доверяя правительству в его обещаниях идти навстречу прогрессивным требованиям и не разделяя надежд земских деятелей, что они способны осуществить указанные ими реформы, мы убеждены, что радикальная переработка существующего порядка возможна лишь при условии низвержения самодержавия и созыва Учредительного собрания от народа». Владельцем найденных документов и материалов был студент Технологического института Александр Яргин.

◆ В Центральном государственном историческом архиве (Москва) среди дел «высочайше учрежденной следственной комиссии» обнаружено ранее неизвестное письмо Ильи Николаевича Ульянова учителю Бронницкого уездного училища Н. П. Петерсону. Николай Павлович Петерсон в конце пятидесятых годов прошлого столетия был воспитанником Пензенского дворянского института, в котором отец В. И. Ленина работал в качестве старшего преподавателя. Под влиянием передовых учителей института и пензенской гимназии многие воспитанники этих учебных заведений отрицательно относились к царскому режиму. Став студентами Московского университета, они активно включились в революционную деятельность, были членами организации, известной под именем «Ишутинского кружка». В своем письме, посланном из Нижнего Новгорода (ныне Горький) и датированном 9 декабря 1864 г., И. Н. Ульянов пишет Н. П. Петерсону о возможности получения им места учителя подготовительного класса при гимназии. Указанное письмо было изъято жандармами у Н. П. Петерсона вместе с другими бумагами во время его ареста в апреле 1866 года.

◆ В г. Очакове открылся Краеведческий музей имени А. В. Суворова. Собранные здесь экспонаты посвящены прошлому, настоящему и будущему Очаковского района. Большой раздел нового музея содержит материалы о жизни и деятельности великого русского полководца А. В. Суворова. В витринах демонстрируется оружие, которым воевали суворовские чудо-богатыри. Большой интерес представляют две уникальные мраморные плиты, на которых высечены имена русских воинов, убитых и раненных при штурме Очакова. О революционных событиях на Очаковщине напоминает посетителям раздел, посвященный революционным восстаниям матросов на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков». Экспонаты заключительного раздела рассказывают о жизни Очаковского района в наши дни.

◆ В Могилевском областном государственном архиве выявлен редкий документ по истории Белоруссии — протоколы Всероссийского съезда беженцев-белорусов, состоявшегося 17 июля 1918 г. в Москве. На съезде присутствовало 227 делегатов от Виленской губернии, оккупированной в то время германскими войсками, от Белорусского национального комиссариата, крестьянской секции ЦИК, от беженцев-белорусов, временно проживавших в ряде губерний РСФСР. Почетным председателем президиума съезда единодушно был избран В. И. Ленин. В приветствии, посланном съездом Центральному Исполнительному Комитету, выражалась уверенность, что последний, «как выразитель воли трудящихся масс, пойдет навстречу съезду в его работах, поможет белорусскому трудовому народу в разрешении его насущных нужд и защите его интересов. Со своей стороны съезд, являющийся выразителем воли трудового белорусского народа, всегда будет стоять на страже завоеваний Великой Октябрьской революции и направит все свои силы к тому, чтобы отторгнутая насилием Белоруссия снова находилась в единении с трудовым народом великой Российской Федеративной Республики».

◆ В архивах Москвы обнаружены документы о работе специальной комиссии по борьбе с детской беспризорностью и улучшению жизни детей, созданной при ВЦИК в январе 1921 г. по инициативе и под руководством Ф. Э. Дзержинского. На заседании комиссии 31 января 1922 г. были обсуждены вопросы: о формах участия крестьянства в деле помощи детям, доклад представителя из Грузии о положении эвакуированных из Поволжья голодавших детей и мерах помощи им и др. 21 февраля 1922 г. комиссией был утвержден проект распределения 200 тыс. руб. (золотом) на

дополнительное питание детей. С 30 апреля по 6 мая 1923 г. комиссией совместно с Наркомпросом и Наркомземом была проведена всероссийская «Неделя беспризорного и больного ребенка». Председателем центрального комитета по ее проведению являлся Ф. Э. Дзержинский. Возглавляемая Ф. Э. Дзержинским комиссия провела огромную работу. В течение 1921—1922 гг. около 5 млн. голодавших детей Поволжья получили обеспечение на месте, 150 тыс. было переселено в другие губернии, около 175 тыс. было взято на содержание профсоюзами, более 40 тыс. — Красной Армией, около 40 тыс. — крестьянами. В губернии, которые постиг неурожай, через комиссию ВЦИК специально для детей было послано 500 тыс. пудов хлеба, 7 тыс. пудов диетического питания, 30 тыс. комплектов детской одежды, 17 тыс. пар обуви, более 600 тыс. аршин материи и т. п.

◆ В городе Лиепая во время ремонта одного из домов была обнаружена революционная прокламация «Пусть беснуются тираны!», отпечатанная на латышском языке в одной из подпольных типографий Латышской социал-демократической рабочей партии в январе 1906 года. Прокламация призывала революционеров не сгибаться под натиском черных сил царской реакции. «Только силой,— говорится в ней,— мы можем сбросить их иго, только силой мы способны освободиться от них... Недалеко то время, когда мы будем праздновать еще более блестящую победу, нежели в октябрьские дни... (1905 г.— *Ред.*). Недалеко то время, когда мы объявим им свой приговор! Да здравствует революция!». Прокламация передана в местный краеведческий музей.

◆ Историки Крыма ведут большую работу по изучению истории своего края. Сотрудниками Крымского государственного областного архива подготовлен и сдан в печать II том сборника документов «Борьба за Советскую власть в Крыму» (май 1918 г. — ноябрь 1920 г.). На материалах, обнаруженных в архиве, подготовлены статьи «Борьба за Советскую власть в Крыму в период гражданской войны и иностранной интервенции» (научный сотрудник Литвинова), «Крестьянское движение в Таврической губ. в XIX веке (до 1863 г.)» и очерк «История экономики Крыма в период 1861—1933 гг.» (старший научный сотрудник В. А. Коростелин). Кандидат исторических наук С. П. Петров написал брошюру «Восстановление Керченского металлургического завода в 1926—30 гг.» и продолжает работу над монографией «Развитие металлургической и железнорудной промышленности в Крыму в 1921—41 гг.». Кандидат исторических наук В. С. Горякина завершает монографию «Рабочее и социал-демократическое движение в Таврической губернии 1900—1917 гг.». Крымским областным издательством выпущена недавно ее работа «Ленинская «Искра» в Таврической губернии».

◆ В Северо-Осетинский научно-исследовательский институт поступили новые документы об установлении Советской власти на Северном Кавказе. В них рассказывается о денежных и материальных ресурсах, выделенных Советским правительством для Терской республики, о заботе, которую проявляли Коммунистическая партия и рабоче-крестьянское правительство к нуждам горцев в тяжелый для молодой республики 1918 год. Среди документов материалы заседания Совнаркома РСФСР от 23 августа 1918 г., на котором рассматривался вопрос о восстановлении железной дороги от Грозного до Чир-Юрта; протокол заседания Совнаркома от 14 декабря 1918 г., в котором говорится о выделении 22 млн. руб. на постройку железнодорожного полотна на участке Грозный — Червленная и Кизляр — Старо-Теречная. Документы подписаны Владимиром Ильичем Лениным.

◆ В Москве, в бывшем Андрониковом монастыре, одном из замечательных памятников древнерусского зодчества, заканчиваются реставрационные работы. Здесь откроется музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева, в котором будет экспонирована большая выставка, посвященная 600-летию со дня рождения Рублева. На Спасском соборе бывшего монастыря будет установлена памятная доска с надписью: «Великий русский художник Андрей Рублев в начале XV века вместе со своим другом Даниилом Черным расписывал Спасский собор; здесь же он был погребен в 1430 году». На территории монастыря устанавливается памятник-обелиск, на котором будут высечены слова: «Здесь погребены воины, погибшие на Куликовом поле в битве за освобождение Родины 8 сентября 1380 года».

◆ В Солигаличе обнаружен сборник, в котором содержатся рукописные материалы из истории англо-русских отношений в XVII веке. На заглавном листе удалось разобрать надпись: «Повесть о короле Франце, о сыне Брунцвике и о похождениях его». Однако ознакомление с содержанием рукописи показало, что это название не сборника, а заглавие одного из помещенных в нем рассказов. В сборнике имеются и другие произведения: «Сказание о Вавилонском царствии и о трех отроцех», «Слово о Дмитрие купце и премудрых словесех сына его». Особый интерес представляет «Роспись городу Лундану и всей Аглинской земли». Это рассказ одного из участников посольства Герасима Дохтурова (1645—1646 гг.), направленного по указу царя Алексея Михайловича в Лондон для установления отношений между Англией и Россией. В «Росписи» освещаются некоторые события из истории Англии и жизни ее столицы в годы буржуазной революции XVII в., содержатся важные данные об экономике страны, топографии Лондона, об укладе городского быта. В ней приводятся ценные сведения о тогдашних англо-русских отношениях, о взглядах русских людей на события, происходившие в то время в Англии. Предполагается, что автором «Росписи» был Федор Архипов — толмач Посольского приказа, сопровождавший русского гонца в Англию. Найденная рукопись будет выпущена в свет Ярославским издательством.

Рецензии

The Memoirs of Sir Anthony Eden. Full Circle. London, Cassell. 1960. 619 p.
А. ИДЕН. *Мемуары. Полный круг.*

Антони Иден, английский государственный деятель 30—50-х годов XX в., пользуется большой популярностью в Англии и широкой известностью за рубежом. Эта известность объясняется тем, что на протяжении четверти века Иден подвизался на авансцене английской внешней политики. Выходец из среды английского дворянства, имеющий тесные связи в финансовых кругах, Иден был министром иностранных дел Англии с 1935 по 1945 г. с небольшим перерывом, вызванным отставкой из правительства Чемберлена в феврале 1938 года. Он вернулся в правительство в сентябре 1939 г. в связи с начавшейся второй мировой войной (вначале он стал министром по делам доминионов, затем военным министром и в декабре 1940 г.— министром иностранных дел). Второй период в его государственной деятельности начался осенью 1951 г., когда победа консерваторов на выборах привела на смену лейбористскому правительству Эттли правительство Черчилля, в котором Иден стал министром иностранных дел. В 1955 г., после ухода в отставку Черчилля, наконец осуществилась лелеемая на протяжении многих лет мечта Идена — он занял пост премьер-министра Англии. И начало и конец его государственной деятельности были необычными. Он слишком молодым, по английским традициям, начал карьеру члена правительства. В 37 лет он был уже членом кабинета министров. «Английские консерваторы считали,— замечает один из биографов Идена,— что занимать подобный пост людям такого возраста абсурдно и смешно» [1]. В январе 1957 г. он вынужден был уйти с поста премьер-министра и совершенно прекратить политическую деятельность в связи с тем, что начатая им совместно с правительствами Франции и Израиля война против Египта закончилась для Англии катастрофическим политическим поражением и, по выражению английской публицистки Барбары Уорд, «национальным унижением» [2].

Все это, вместе взятое, объясняет, почему английский и зарубежный читатель с большим интересом встретил появление мемуаров Идена. Это объемистый том в 600 с лишним страниц. Однако он принес глубокое разочарование и читателю и политическим соратникам автора мемуаров. Первое и довольно общее впечатление от мемуаров — это то, что они неинтересны. Лейбористский еженедельник «New Statesman» назвал их «скучной книгой» [3]. А неинтересны они не только потому, что их автор не обладает даром занимательного повествования. Вряд ли кто-либо и ожидал этого от Идена, ибо общеизвестно, что красноречие не относится к числу его сильных сторон. Книга неинтересна прежде всего потому, что она, за небольшим исключением (переговоры, приведшие к ликвидации войны в Индокитае), не дает ничего нового по сравнению с тем, что читатель уже знает из других общедоступных источников об английской политике того времени, которое охватывают мемуары Идена.

Том посвящен второму этапу государственной карьеры Идена — периоду с октября 1951 г., когда Иден вернулся в Форейн Оффис после шестилетнего перерыва, и до его отставки с поста премьер-министра в январе 1957 года. Читатель, естественно, ожидал, что наиболее интересными должны быть главы, в которых речь идет о войне Англии против Египта. И даже в этом кульминационном пункте своих воспоминаний Иден остается верен себе и не сооб-

[1] A. Campbell-Johnson. Sir Anthony Eden. A Biography. London. 1955, p. 106.

[2] «New York Times Magazine», January 20, 1957, p. 14.

[3] «New Statesman», March 5, 1960, p. 335.

щает почти ничего нового. В предисловии автор говорит, что материал, которым он располагал при написании мемуаров, состоял из докладных записок, систематически направлявшихся им Черчиллю, когда тот был премьером, и членам правительства, когда Иден сам занимал пост главы правительства. Далее в его распоряжении были копии телеграмм, которые он посылал в Лондон, находясь за рубежом на различных международных конференциях, и из Лондона в представительства Англии за границей, а также заметки, делавшиеся им время от времени для себя о различных событиях. Следы этих материалов есть в книге, но тот факт, что они редко расширяют нашу осведомленность об английской политике периода 1951—1956 гг., заставляет сделать вывод, что автор многословием пытается замаскировать свое нежелание рассказать хотя бы часть правды о мотивах действий английского правительства в эти годы.

Фальсификация истории — это характерная черта любых мемуаров английских и иных буржуазных политических деятелей. И в этом смысле Иден не оригинален. Но все же мемуары английских премьер-министров Ллойд-Джорджа и Черчилля, а также и людей министерского ранга, например, Леопольда Эмери и некоторых других, являются значительно более интересным источником для историков, чем мемуары Идена. Они интересны обилием документов, которые приводятся авторами, новыми фактами и деталями, иногда сообщаемыми ими, а также некоторыми объяснениями событий, которые они считают по тем или иным соображениям возможным дать в своих книгах. Все это требует к себе в высшей степени внимательного и критического отношения со стороны советского историка, но все же это материал для размышлений. У Идена же этого материала настолько мало, что даже английская непрогрессивная печать не может скрыть по этому поводу своего раздражения.

Например, автор рецензии, опубликованной в еженедельнике «New Statesman», пишет: «Я очень хотел снять с сэра Антони обвинение если не в глупости, то хотя бы в вероломстве. Эти надежды сейчас разбиты... Сэру Антони была предоставлена неограниченная возможность пользоваться государственными архивами, но он не смог дать лучшей мотивировки своей авантюры (имеется в виду агрессия против Египта.— *В. Т.*), чем такие поддерживающие его журналисты, как Джон Коннелл и Т. Е. Атли»[4].

Уход от истины, подмена ее полуправдой или прямой неправдой встречаются у Идена очень часто. Даже рецензент в «New Statesman» не может этого не отметить. Во время Суэцкого кризиса, пишет он, «сэр Антони ходил по провисшему канату полуправды. В какой-то степени его поведение в то время может быть оправдано физическим давлением событий, интересами государства... и в не меньшей степени состоянием его здоровья. Ни одно из этих извиняющих обстоятельств не может быть применено к его мемуарам. Хладнокровно, самым бесстыдным образом повторять все свои увертки, замалчивания правды и ее явные искажения и сверх того добавлять еще новую неправду— значит вызвать самое категорическое осуждение». Рецензент заключает, что при написании своих мемуаров «Иден, как выражаются парламентарии, был менее чем откровенен»[5].

Наличие у Идена непримиримых противоречий с исторической правдой убедительно обнаруживается в его трактовках наиболее важных международных событий 1951—1956 годов. В отличие от многих своих предшественников по написанию мемуаров Иден не пытается дать всю картину жизни Англии в течение освещаемого в мемуарах пятилетия, он выбирает отдельные, прежде всего (и это естественно) внешнеполитические проблемы и рассматривает их. Но это не значит, что автор задался целью показать полную картину английской внешней политики, и из этой темы многие сюжеты он опускает. Внимание автора сконцентрировано в основном на трех проблемах: на политике западных держав в отношении Германии, приведшей к включению ФРГ в НАТО, на дальневосточной политике, в центре которой были события в Индокитае, и на положении на Ближнем Востоке, включая Суэцкий кризис. Одновременно с большей или меньшей подробностью затрагиваются некоторые другие сюжеты, такие, как англо-американский блок, англо-советские отношения.

Для того, чтобы верно понять позицию Идена по той или иной конкретной проблеме международной политики, нужно иметь в виду его формулировку общих задач английского правительства, а следовательно, и английского монополистического капитала, в области внешней и внутренней политики, как они представлялись Идену

[4] Там же, стр. 336.
[5] Там же.

6 апреля 1955 г., в момент, когда он стал премьер-министром Англии. В этот день, пишет Иден, «для меня было ясно, что я хотел делать. В области внешней политики — я предвидел рост коммунистических устремлений и хотел, чтобы свободный мир (Иден пользуется этим термином пропагандистов «холодной войны», означающим капиталистическую систему.— *В. Т.*) более тесно объединился на всех континентах для того, чтобы встретить их. В области внутренней политики — я верил, что демократия, основанная на частной собственности, должна поощряться с тем, чтобы она могла расти, и что она отвечала национальному характеру, тогда как социализм не отвечал ему». Формулируя таким образом свои задачи, Иден говорит правду, и очень важную правду, состоящую в том, что главной целью английского правительства консерваторов в 1951—1956 гг., равно как и его предшественника — лейбористского правительства, была борьба против социализма и коммунизма как внутри своей страны, так и на международной арене. Это — признание того, что политика английских правящих кругов является реакционной, агрессивной, враждебной интересам английского народа и других народов. Это, конечно, не является новостью, об этом много раз писали прогрессивные историки, экономисты и публицисты, но в устах экс-премьера Англии такое кредо имеет особое звучание. После подобного заявления уже легче понять внутренний смысл внешнеполитических акций английского правительства, какими бы словесными увертками, полуправдами и заведомыми неправдами они ни прикрывались. Оправдание агрессивной внешней политики английского империализма является главной политической целью мемуаров Идена. Оправдывая эту политику, он пытается оправдать тем самым и свои действия на постах министра иностранных дел и премьер-министра. Главным средством достижения этих целей в арсенале автора, как это уже отмечалось выше, является заведомо неверное толкование фактов и событий.

Самой большой фальсификации в книге Идена подвергается внешняя политика Советского Союза. Прекратив против нее борьбу по не зависящим от него причинам в сфере межгосударственных отношений, Иден продолжает эту борьбу в области идеологической. Важные внешнеполитические шаги Советского Союза, предпринятые в 1951—1956 гг. в соответствии с проводимой СССР политикой мирного сосуществования государств с различными социальными системами, Иденом или игнорируются или преподносятся читателю в извращенном виде. Это касается усилий советского правительства, направленных на улучшение отношений между СССР и Англией, на предотвращение ремилитаризации Западной Германии, на ликвидацию очагов войны на Дальнем Востоке, радикальных предложений 1955 г. по вопросу о разоружении, вклада СССР в прекращение англо-франко-израильской агрессии на Ближнем Востоке и роли СССР в ликвидации контрреволюционного мятежа в Венгрии. Особенное недовольство у Идена вызывает сам принцип мирного сосуществования. Не имея возможности привести хоть какие-либо факты, которые опровергали бы общеизвестную истину, состоящую в том, что этот принцип лежит в основе всей внешней политики СССР и неуклонно осуществляется советским правительством, Иден пытается голословно утверждать, что лозунг сосуществования является лишь «прикрытием» во внешней политике СССР, что при его помощи СССР якобы стремится «расколоть» западные державы, что целью советской внешней политики является будто бы «свержение капитализма».

Эти утверждения не отмечены оригинальностью, как не отмечена этим качеством и вся книга Идена. Не удивительно, что повторение давно и многократно опровергнутых измышлений об «экспорте революции» вызывает скуку у читателей — единомышленников Идена и возмущение у всех тех, кто добросовестно стремится понять основные проблемы международных отношений середины XX века. Нужно уж очень не уважать читателя, да и самого себя, чтобы относить революционное движение и национально-освободительную борьбу за счет «козней» Советского Союза. Иден изучал историю (она необходима для людей, идущих в дипломатическую службу) и поэтому не может не знать, что революциями и национально-освободительной борьбой отмечена история человечества задолго до 1917 г., когда родилось Советское государство. И тем не менее вместо серьезных размышлений о процессах, происходящих в современном мире, мы находим в книге Идена повторение гнусных антисоветских вымыслов.

Книга Идена глубоко враждебна Советскому Союзу. Она еще раз свидетельствует о том, что в области отношений с СССР линия Идена ничем принципиальным не отличалась от линии его предшественников по

руководству консервативными правительствами — Болдуина, Чемберлена, Черчилля. «С самой первой страницы и с первого параграфа,— писал один из руководителей Коммунистической партии Англии, Палм Датт, в журнале «Labour Monthly»,— старая антисоветская одержимость, являвшаяся на протяжении всего периода с 1917 г. профессиональным заболеванием всех английских политических лидеров — консерваторов и правых лейбористов — и лишившая английскую дипломатию ее былого мастерства и былой удачливости, пронизывает и окрашивает все повествование» [6].

В первой части книги — «Министр иностранных дел» — рассматривается ряд событий трехлетнего периода пребывания Идена в Форейн Оффис. Начинается изложение с мыслей автора об отношениях между Англией и СССР. Иден не может игнорировать наличие объективных факторов, делающих вполне возможным существование нормальных отношений сотрудничества и дружбы между двумя странами. Он признает, что «исторически и географически имелось достаточно оснований для того, чтобы Россия была нашим союзником в дни мира, как и в дни войны. Три великих конфликта доказали необходимость этого: война с Наполеоном и первая и вторая мировые войны» (стр. 3). Пожалуй, этим и исчерпывается то справедливое и правдивое, что можно найти в мемуарах Идена по проблеме отношений между Англией и СССР, хотя говорит он на эту тему много. Он не может начать рассказ о своей деятельности, не ответив на вопрос, почему же уроки истории не учтены в англо-советских отношениях, почему союзники военного времени перестали быть ими после наступления мира. Иден отвечает на этот архиважный вопрос следующее: «Идеология и советские амбиции... привели к тому, что союзное единство военного времени распалось при первом соприкосновении с миром» (стр. 4). В этом утверждении сразу две неправды: во-первых, различия в идеологии не могут служить препятствием для поддержания хороших отношений между Англией и СССР, и об этом говорят сами англичане, и, во-вторых, не из-за СССР, а по вине Англии были разрушены существовавшие в годы войны на пользу обеих стран союзные отношения, и это известно не только всякому мыслящему англичанину, но и всей международной общественности.

Приведем доказательства. В коллективном труде, посвященном политическим и стратегическим интересам Англии, составленном в Королевском институте международных отношений под руководством весьма авторитетных в Англии людей, содержится следующее здравое суждение: «Интересы Англии требуют, чтобы ее внешняя политика, насколько это возможно, игнорировала идеологические расхождения» [7]. Опыт второй мировой войны лишний раз показал, что для Англии придерживаться этого принципа не только вполне возможно и выгодно, но и крайне необходимо. Исходя из этого опыта, премьер-министр Англии во время войны У. Черчилль писал в ноябре 1941 г. И. В. Сталину: «Тот факт, что Россия является коммунистическим государством и что Британия и США не являются такими государствами... не является каким-либо препятствием для составления нами хорошего плана обеспечения нашей взаимной безопасности и наших законных интересов» [8].

Следовательно, не вопросы идеологии взорвали англо-советские союзные отношения. Виною тому агрессивная империалистическая политика английских правящих кругов, которые в союзе с империалистами США рвались к мировому господству. Поскольку на пути осуществления этих агрессивных, экспансионистских планов стояли социалистические страны, Англия вместе с США и некоторыми другими империалистическими державами начала против них «холодную войну», организовала враждебные им блоки. Многие далеко не прогрессивные историки в Англии и в других странах сходятся во мнении, что первым выстрелом в «холодной войне» была речь Черчилля в Фултоне, где он выступил от имени правящих кругов своей страны с планом создания антисоветского военного агрессивного блока.

В своих усилиях по сколачиванию военно-политических блоков, направленных против социалистических стран, революцион-

---

[6] «Labour Monthly», March 1960, p. 138.

[7] «Political and Strategic Interests of the United Kingdom. By a Study Group of the Royal Institute of International Affairs». London. 1940, p. XIII.

[8] «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. I. М. 1957, стр. 33.

ного и национально-освободительного движения, английские правящие круги зашли настолько далеко, что вступили с Западной Германией в военный союз, направленный против СССР. Одной из двух важных тем первой части мемуаров Идена и является рассказ о том, как английское правительство добивалось решения о ремилитаризации Западной Германии и как эта цель была достигнута в результате заключения при весьма активном участии Англии в 1954 г. Парижских соглашений, связавших Западную Германию с НАТО и легализовавших ее перевооружение.

В предисловии к своей книге Иден заявляет: «Уроки тридцатых годов и их применение к пятидесятым годам... являются темой моих мемуаров». Уроки, пишет Иден, состоят в том, что «успех ряда авантюр, связанных с нарушением соглашений в Абиссинии, в Рейнской области, в Австрии, в Чехословакии, в Албании, убедил Гитлера и Муссолини, что демократии не имеют воли к сопротивлению... Результатом была вторая мировая война» (стр. 518). Именно внешняя политика Англии, США и Франции позволила Гитлеру успешно осуществить эти авантюры. Напомним то, что не дописал Иден. Это была политика умиротворения агрессоров, одним из проводников которой являлся и сам Иден. Именно он был министром иностранных дел Англии в 1936 г., когда Гитлер провел ремилитаризацию Рейнской области. Именно Иден тогда сделал все возможное, чтобы сдержать французов, желавших предпринять что-то реальное в связи с этой акцией гитлеровской Германии. Как замечает его биограф, Идену «удалось стерилизовать... эту оккупацию» [9].

Прогрессивные деятели английского рабочего движения считают, что Идена 1951—1956 гг. можно понять, лишь имея в виду его деятельность накануне второй мировой войны. Палм Датт в рецензии на мемуары Идена пишет, что Иден «не упоминает, что именно он был министром иностранных дел, когда Гитлер вступил в Рейнскую область и разорвал Версальский мирный договор; когда Франция все еще умоляла оказать сопротивление (Гитлеру), а английская политика возражала против какого бы то ни было сопротивления; когда Гитлер был еще настолько слаб, что его можно было легко остановить, если бы этого только пожелали; ...когда выбор в пользу войны был сделан» [10].

Иден пытается убедить своих читателей, что в 50-х годах он и английское правительство якобы отказались от политики умиротворения. Но то, что мы читаем в первой части его мемуаров, лишний раз свидетельствует, что английские правящие круги в наши дни уже неспособны усваивать уроки истории, что политика умиротворения агрессивных сил германского империализма в антисоветских целях проводится ими и в наше время. Разница состоит лишь в том, что ранее они умиротворяли Гитлера, а сейчас умиротворяют Аденауэра и вооружают Западную Германию в нарушение взятых на себя Англией международных обязательств.

За участие в организации Парижских соглашений Иден получил высший английский орден — Орден подвязки. Во что в конечном счете обойдется английскому народу это «достижение» Идена, покажет будущее. История же говорит, что вооружение германского империализма представляет для Англии большую угрозу. Достаточно вспомнить 1914 и 1939 годы.

Весьма отрицательный для Англии результат действий правительства Черчилля — Идена в германском вопросе был налицо уже весной 1955 года. Участие Англии в заключении Парижских соглашений привело к ликвидации англо-советского союзного договора. Правительство СССР неоднократно предупреждало, что ратификация Англией Парижских соглашений, которые ведут к восстановлению германского милитаризма и означают вступление Англии в военный союз с Западной Германией против Советского Союза, перечеркнет англо-советский договор 1942 г. и аннулирует его. К этим предостережениям в Лондоне остались глухи, и в результате договор, имевший большое значение как для СССР, так и для Англии, укреплявший ее безопасность и улучшавший ее международные позиции, был аннулирован Верховным Советом СССР. Этим самым английское правительство причинило серьезный ущерб интересам своей страны. Очевидно, этим объясняется, что Иден в своей книге хранит гробовое молчание об англо-советском договоре и ответственности английского правительства за его ликвидацию.

Второй важной темой первой части мемуаров являются переговоры, относящиеся

---

[9] A. Campbell-Johnson. Указ соч., стр. 122.

[10] «Labour Monthly», March 1960, p. 136.

к войне в Индокитае, приведшие к достижению на Женевской конференции в апреле — июле 1954 г. соглашения о ликвидации этого очага войны на Дальнем Востоке. Главы, посвященные этой теме, являются единственными, вызывающими интерес у читателя; они служат важным источником для историка [11]. Иден подробно излагает переговоры по этому вопросу с правительствами Франции и США и ход Женевской конференции. Англия на этой конференции поддержала выдвинутое советской и некоторыми другими делегациями требование прекращения войны в Индокитае. Это шло вразрез с целями США, добивавшимися расширения военных действий и перенесения на индокитайскую почву «корейского опыта». Результатом явилось проявление в открытой форме англо-американских противоречий. «Женевскому совещанию,— пишет Кэмпбелл-Джонсон,— суждено было обострить англо-американские отношения чуть ли не до разрыва» [12].

И в мемуарах Идена и в рецензиях на них обращает на себя внимание объяснение причин, побудивших Англию занять в Женеве разумную позицию. Дело было в том, что соотношение сил, сложившееся в то время, не сулило агрессивному курсу успеха. Поразмыслив над американской идеей расширения войны в Индокитае, английское правительство пришло к выводу, что победу в этой войне вряд ли удастся одержать, и поэтому предпочло мир войне. «Сэр Антони,— пишет «Times Literary Supplement»,— действовал исходя из убеждения, что английские и западные интересы во Вьетнаме... нельзя было защитить силой». Было сомнительно, что в результате «локальной войны удастся вновь заполучить Вьетнам» [13]. Результаты Женевской конференции явились убедительным свидетельством того, как отрезвляюще действуют на империалистов силы, выступающие за мир, против войны. Вторым, еще более ярким подтверждением этого был крах англо-франко-израильского нападения на Египет в 1956 году.

Политике Англии на Ближнем Востоке уделяется очень много места в мемуарах Идена. Третья часть книги — «Суэц» — посвящена исключительно дипломатическим переговорам вокруг суэцкого вопроса и военной авантюре против Египта. Пожалуй, главы второй части мемуаров, касающиеся ближневосточных сюжетов, и главы о Суэце по степени фальсификации и по примитивности изобретаемых автором толкований могут быть поставлены в один ряд с теми местами, где автор рассуждает о политике Советского Союза.

Книга Идена пронизана высокомерием и национализмом, выражающимися в полном неуважении к народам и странам Ближнего Востока. Например, об Иордании он пишет: «Иордания была страной, за которую мы несли особую ответственность; мы дали ей существование» (стр. 341). Иден с полной серьезностью объясняет изгнание генерала Глабба из Иордании «ревностью» и «завистью» к нему короля Хуссейна. Вместо серьезного рассмотрения причин возмущения иорданского народа хозяйничаньем англичан в его стране мы находим в книге нудные рассуждения о «маневрах» арабских государств, за которыми якобы виднелась пресловутая «рука Москвы». Иден не может скрыть своего раздражения по поводу революции в Ираке. Это легко объяснимо: ведь революция ослабила позиции английского империализма в районе Ближнего Востока. К тому же, оказывается, Иден питал личные симпатии по отношению к тем, от кого революция освободила иракский народ. У бывшего короля Ирака Фейсала Иден отмечает «искренность и естественное очарование», а о Нури Саиде пишет, что он был его «личным другом в течение тридцати лет» (стр. 422—423). Когда же речь заходит о Насере, Иден сравнивает его с Гитлером и Муссолини (стр. 431).

Иден пишет о Суэце много, утомительно подробно, но каких-либо принципиально новых и значительных фактов или документов по сравнению с теми, которые приобрели известность до выхода в свет его мемуаров, не приводит. В качестве причины, побудившей английское правительство совершить вместе с Францией и Израилем вооруженное нападение на Египет, Иден вполне серьезно выдвигает необходимость предотвратить перерастание войны между Израилем и Египтом в большую войну и обеспечить установление мира на Ближнем Востоке. «Мы вмешались, чтобы разъединить (Египет и Израиль.— *В. Т.*) и прежде всего ликвидировать конфликт», — пишет Иден (стр. 557). «Наше вмешательство,— заме-

---

[11] Эта часть мемуаров Идена была опубликована на русском языке в журнале «Международная жизнь», 1960, №№ 2, 3, 4 и 5.

[12] A. Campbell-Johnson. Указ. соч., стр. 236.

[13] «Times Literary Supplement», March 4, 1960, p. 137.

чает он в другом месте,— ликвидировало конфликт» (стр. 527). Более того, Иден утверждает, что английская авантюра против Египта была успешной. «Суэц,— пишет он,— был кратковременной чрезвычайной операцией, которая имела успех» (стр. 577). Эти совершенно абсурдные утверждения вызвали единодушное осуждение со стороны английской прессы. Рандольф Черчилль в «New Statesman» назвал их «нечестными, неубедительными, незначительными» [14].

В действительности английское правительство действовало не в интересах прекращения войны на Ближнем Востоке. Оно развязало против Египта жестокую колониальную войну с целью восстановить свое господство над Суэцким каналом, нанести внезапный и сильный удар народам Арабского Востока, которые развернули героическую борьбу за полное освобождение от империалистического гнета. Агрессивные круги Англии, действуя в союзе с Францией, намеревались вооруженными средствами вернуть позиции, которые английские и французские колонизаторы утратили на Ближнем Востоке, и разгромить национально-освободительное движение в этом районе. Подтверждение этих целей мы находим даже в некоторых документах, приводимых Иденом в мемуарах.

«Мы,— писал он в телеграмме Эйзенхауэру 27 июля 1956 г.,— не можем позволить Насеру захватить этим путем контроль над каналом. Если мы займем сейчас твердую позицию, нас поддержат все морские государства. Если же мы не займем ее, наше и ваше влияние на всем Среднем Востоке, мы убеждены, будет окончательно ликвидировано» (стр. 427). Таким образом признается, что речь шла о господстве колонизаторов в странах Арабского Востока.

Утверждение об «успехе» английской интервенции в Египте нужно Идену прежде всего для того, чтобы как-то парировать предъявляемые ему как политическими соратниками, так и противниками обвинения в том, что этой авантюрой он причинил Англии огромный ущерб. Этим путем он также пытается приуменьшить роль Советского Союза в прекращении империалистической агрессии против Египта. Известно, что 5 ноября 1956 г. советское правительство энергично потребовало от Англии, Франции и Израиля прекратить агрессию против Египта. До этого английское правительство игнорировало призыв ООН о прекращении войны в Египте, но, получив 5 ноября послание советского правительства, английский кабинет уже следующим утром принял решение о прекращении огня. «Когда в 1956 году,— говорил Н. С. Хрущев,— Франция, Англия и Израиль напали на Египет, наше вмешательство прекратило эту империалистическую войну, которая была развязана агрессивными силами, чтобы лишить Египет независимости. ...Советское правительство направило послания Идену, Ги Молле и Бен-Гуриону, в которых предупредило, что есть страна, которая может нанести сокрушительный удар, если агрессия не будет прекращена. И буквально через 22 часа после этого война прекратилась» [15].

Если в вопросе об Индокитае в 1954 г. бесперспективность военных мер побудила Идена и английское правительство согласиться на установление там мира, то в суэцком вопросе Иден считал, что вооруженная борьба может принести колонизаторам победу, и поэтому рискнул пойти на войну. В этом был просчет Идена, причинивший Англии большой морально-политический и экономический ущерб. Силы мира перевесили силы агрессии, и последние должны были отступить. Этот просчет лишил Идена поста премьер-министра и заставил его уйти от политической деятельности.

В воспоминаниях Идена нельзя найти верного рассказа о его отставке. Единственной причиной отставки Иден выдвигает состояние своего здоровья. Действительно, на протяжении нескольких лет он временами чувствовал себя неважно, перенес три операции. Но причиной отставки явилась все же не болезнь, а то, что правящие круги Англии разочаровались в Идене как государственном руководителе и после позора Суэца, павшего как на Англию, так и на главу ее правительства, пришли к выводу, что Иден не является тем «лоцманом, который может благополучно провести государственный корабль сквозь шторм» [16]. Провал империалистической агрессии против Египта, развязанной английским правительством, возглавлявшимся Иденом, дискредитировал его не только в глазах английского народа и за рубежом, но и в глазах его собственной партии консерваторов. Те консерваторы, которые в свое время по-

[14] «New Statesman», March 5, 1960, p. 335.

[15] «Правда», 22 июня 1960 года.

[16] R. Churchill. The Rize and Fall of Sir Anthony Eden. London. 1959, pp. 10—11.

ощряли нападение на Египет — «Суэцкая группа»,— теперь были недовольны Иденом, считая, что он неумело вел дело и поэтому провалил его; те же, кто сначала неодобрительно относился к этой авантюре — а такие были и в партии консерваторов и в составе правительства,— считали, что Иден должен нести ответственность, так как он пренебрег их предостережениями и навлек на Англию позор и большие неприятности экономического и политического порядка. Та печать, которая всячески превозносила его и в 1955 г., когда он стал премьером, утверждала, что «наш новый премьер, бесспорно, обладает большим опытом, знаниями и мужеством» [17], что теперь «престиж и судьба Англии в надежных руках» [18], стала после отставки Идена развенчивать его. Появились утверждения, что он был хорош как министр иностранных дел, как второй человек в правительстве, но на первую роль явно не годился. Знаменательно, что критика в его адрес идет прежде всего из консервативных кругов. Наиболее ярко эта тенденция представлена в книге сына У. Черчилля, журналиста Рандольфа Черчилля, до выхода отдельным изданием публиковавшейся частями в «Daily Express», консервативной газете лорда Бивербрука, близкого друга У. Черчилля. Это объясняется тем, что Иден своей авантюристической политикой причинил серьезный политический ущерб консерваторам и сослужил плохую службу английским монополиям. «Главное основание для написания новейшей истории,— замечает Р. Черчилль,— состоит в том, что глупость может быть разоблачена, урок может быть усвоен и более мудрые решения могут возобладать в будущем» [19].

После Суэца в Англии кое-кто задавал себе вопрос, как могло случиться, что Иден, слывший человеком либеральных взглядов, оказался ревностным организатором неприкрытой агрессии. Отражением этих «раздумий» явилась корреспонденция К. Эттли, бывшего лейбористского премьер-министра, в газете «Observer», в которой говорилось: «Я никогда не был в состоянии понять, почему сэр Антони прибегнул к политике, которая шла вразрез со всеми принципами, на которых основывалась его политическая репутация» [20].

Действительно, Иден на протяжении своей длительной политической карьеры создавал себе репутацию человека, менее реакционного, чем другие лидеры консерваторов. Однако это была фальшивая репутация. Когда ранее говорили об Идене как о либеральном политическом деятеле, всегда вспоминали его речи в Лиге Наций в бытность его министром по делам Лиги Наций и имели в виду его отставку из правительства Чемберлена в 1938 году. Именно эти два момента прежде всего лежали в основе его популярности среди общественности Англии и других стран. Но при этом всегда забывали, что Иден в Лиге Наций был, по существу, громоотводом, который консерваторы использовали для того, чтобы отвлечь внимание народа от своих дел и иметь возможность проводить политику умиротворения агрессоров. Им была выгодна его репутация «сторонника коллективной безопасности», они пользовались ею для того, чтобы отвлекать внимание общественности от того, что делал другой, настоящий министр иностранных дел С. Хор. Что касается отставки Идена в 1938 г., то она была вызвана не принципиальными расхождениями с политикой Н. Чемберлена, а различными взглядами на то, как вести переговоры о соглашении с Муссолини. Пожалуй, решающую роль в отставке сыграло то, что Н. Чемберлен, желая сам осуществлять повседневное руководство внешней политикой, оскорбительно игнорировал Идена. Известно, что, уйдя из правительства, Иден выступил в парламенте с бесцветной речью и в дальнейшем, в течение 18 месяцев, не произнес ни единого слова критики, не говоря уже о борьбе против политики Чемберлена. Одни, как, например, известная либеральная деятельница Вайолет Бонхэм Картер, объясняют это нежеланием Идена портить отношения с Чемберленом и его единомышленниками в надежде «оставить себе открытым путь для возвращения к прежней работе» [21]. Другие, как, например, консерватор Р. Черчилль, придерживаются того мнения, что Иден не расходился с Чемберленом и другими мюнхенцами относительно целей внешней политики Англии и

[17] «Daily Telegraph», 21 апреля 1955 года

[18] «Yorkshire Post», 6 апреля 1955 года.

[19] R. Churchill. Указ. соч., стр. 308—309.

[20] См. R. Churchill. Указ соч. (jacket).

[21] A. Campbell-Johnson. Указ. соч., стр. 164.

поэтому также является ответственным за политику умиротворения агрессоров в тридцатые годы. «Англия,— пишет он,— была шаг за шагом низведена Болдуином, Макдональдом, Чемберленом, Хором, Саймоном, Галифаксом и Иденом на положение, когда нам пришлось воевать почти одним и в то время, которое не мы выбрали»[22].

Иден понимал значение общественного мнения в современной политической жизни, значение симпатий к СССР в английском народе, его стремление к тому, чтобы жить с советским народом в мире и дружбе. Отсюда его поездка в СССР в 1935 г., его приглашение советским руководителям посетить Англию, сделанное на конференции глав четырех государств в Женеве в 1955 году. Нельзя, однако, не учитывать, что эти акции не сопровождались положительными изменениями в англо-советских отношениях: за поездкой в Москву в 1935 г. последовала активизация курса английских правящих кругов на умиротворение агрессора, приведшая к заключению англо-германского морского соглашения, а вторая половина 1956 г. была ознаменована нападением на Египет и развертыванием в Англии разнузданной антисоветской кампании в связи с контрреволюционным мятежом в Венгрии. Именно в духе этой кампании и написаны Иденом в его мемуарах разделы, касающиеся венгерских событий.

Таким образом, Суэц привел не только к отставке Идена, но и к краху его фальшивой репутации.

Политическая судьба Идена является закономерным результатом той внешней политики, которую ведут после второй мировой войны английские правящие круги. Это политика империалистическая, экспансионистская, политика, враждебная социализму, прогрессу, устремлению народов к свободе, миру и безопасности, и поэтому она обречена на провал. Война против Египта потерпела поражение не потому, как считают консервативные и лейбористские критики Идена, что военная подготовка к ней велась недостаточно четко, что она предпринята была недостаточно быстро, что правительство мало считалось с мнением генерала Кейтли, командовавшего операцией, что не хватало десантных средств, что переоценили влияние живущих в Нью-Йорке американцев еврейского происхождения на позицию правительства США, что недостаточно глубокими были гавани Кипра, что мало было транспортных самолетов[23] и т. п., а потому, что против нее выступили мощные силы мира, возмущенные наглой агрессией и полные решимости задушить новую войну в зародыше. Возмущение народов Ближнего Востока, народов Азии и Африки, сопротивление египетского народа, мощное выступление советского правительства и других миролюбивых правительств против агрессии — все это в сочетании с отрицательным отношением английского народа к военной авантюре обеспечило поражение агрессии Англии против Египта. Сыграло свою роль и отношение правительства США, сделавшего все возможное для того, чтобы дискредитировать политику своего союзника — Англии — на Ближнем Востоке и извлечь из этого для себя определенные выгоды; об этом с большой горечью пишет Иден. Политическая трагедия Идена — это урок для всех государственных руководителей капиталистических государств. Иной и не может быть в наши дни участь тех деятелей, которые пытаются силой изменить действие объективных законов общественного развития.

В. Г. Трухановский

---

[22] R. Churchill. Указ. соч., стр. 105.

[23] См. «New Statesman», March 5, 1960, pp. 335—336; «The Tory Swindle 1951—1959. Quick Guide for busy voters». London. 1959.

Заметки о книгах

«Magyar Történeti Bibliográfia. 1825—1867». I—IV köt. Budapest. Akadémiai kiadó. 1950—1959.

«Венгерская историческая библиография 1825—1867 гг.»

Задача создания полной исторической библиографии стояла в плане научной работы Венгерской Академии наук уже в течение нескольких десятилетий. Однако в условиях реакционного хортистского режима такую работу осуществить было невозможно. Только в народно-демократической Венгрии Академия наук смогла приступить к созданию максимально полной, подлинно научной исторической библиографии.

Первый и третий тома этого издания вышли в 1950, второй — в 1952 году. Издание было задумано, как указывается в предисловии к первому тому, в качестве пособия при составлении нового, отвечающего требованиям марксистско-ленинской науки учебника истории для высшей школы, а также в помощь исследователям.

«Венгерская историческая библиография» охватывает период с 1825 по 1867 год. Она включает книги, журнальные и газетные статьи на венгерском и иностранных языках, опубликованные с 1825 г. вплоть до момента выхода издания, а также относящиеся к периоду 1825—1867 гг. архивные документы и рукописные источники, хранящиеся в венгерских библиотеках и архивах. В библиографию вошли материалы не только по истории, но и по смежным дисциплинам.

Первый том — «Общая часть»— начинается с аналитического описания трудов классиков марксизма-ленинизма, имеющих отношение к истории Венгрии. Далее следует описание общих исторических работ по всему периоду.

Общие исторические работы группируются в томе по следующим проблемам: история Габсбургской монархии; история Венгрии; история Трансильвании; история Хорватии; связи с другими народами. Содержание этого раздела перекликается с содержанием последующих томов, имеющих специальный характер, как, например, третий том, посвященный вопросам политики и идеологии, или четвертый, включающий материалы по истории венгерских национальных меньшинств.

В «Общую часть» входит также описание различного рода справочных и вспомогательных изданий, публикаций документов, источниковедческих работ, специальных библиографий, словарей и энциклопедий, статистических сборников, работ по краеведению и топонимике. Особый раздел посвящен географическим работам. Сюда входят записки иностранцев, посещавших Венгрию, этнографические записи, школьные учебники по географии и научные исследования. Большой и разнообразный материал представлен в разделе «Путеводители». Краеведческая литература охватывает целый комлекс вопросов: природа, административное деление, органы управления, народное образование, церковь и т. д. Специальные разделы посвящены вопросам демографии и здравоохранения.

Таким образом, содержание первого тома далеко выходит за рамки собственно исторического материала. Значительная часть описанной в нем литературы является современной изучаемому периоду, поэтому данный том может служить целям источниковедческого исследования.

Широкое толкование понятия «историческая библиография» нашло еще более наглядное выражение во втором томе, посвященном экономике Венгрии середины XIX века. Кроме теоретической литературы, здесь указаны работы по конкретной экономике, а также по организации отдельных отраслей: сельского хозяйства, промышленности, транспорта, торговли и т. д. В соответствии с аграрным характером венгерской экономики наибольшее место в библиографии занимает литература по сельскому хозяйству. Помимо деления по отраслям сельского хозяйства, литература группируется по хронологическим периодам, по характеру изданий, по темам, а в некоторых случаях и по отдельным местностям.

Чрезвычайно широкий диапазон литературы — полемические газетные статьи и популярные брошюры, научные исследования по агрономии и практические советы по сельскому хозяйству, статистико-экономические материалы и семейные архивы земельных магнатов — дает большие возможности для изучения не только хозяйственных вопросов, но и социальных отношений в венгерской деревне, аграрного законодательства, физико-географических условий разных районов страны.

Следующие разделы книги, включающие

литературу по горному делу, промышленности, транспорту, торговле, финансам, отражают начальный этап развития капиталистического хозяйства в стране. Особый интерес представляют многочисленные материалы периодической печати, а также законодательные акты, свидетельствующие о росте влияния поднимавшегося класса буржуазии.

Весьма своеобразно построен раздел, посвященный классовой структуре венгерского общества. Наряду с такими классовыми категориями, как мелкое и среднее крестьянство, дворяне, буржуазия, здесь фигурируют династия, королевский двор, а также отдельные группы интеллигенции по профессиям. Такая группировка материала, очевидно, обусловлена характером представленной здесь литературы, почти полностью вышедшей в период дворянской и буржуазно-помещичьей Венгрии. Ценный фактический материал дает раздел, относящийся к экономическим учреждениям и общественным организациям, который систематизирован по хронологическим периодам, местонахождению и характеру соответствующих организаций.

Исторический материал в собственном смысле слова составляет главным образом содержание третьего тома, который озаглавлен «Политика. Право. Народное образование. Наука. Искусство. Печать. Религия. Церкви». Материал в этом томе группируется в основном по историческим периодам, однако наряду с этим применяется также классификация по проблемам, характеру изданий, территориальному признаку. По объему третий том в полтора раза больше предыдущего и богаче по содержанию.

Первый раздел тома — «Политика» — включает два основных подраздела: «История политической борьбы» и «Государственный аппарат». Материал каждого из подразделов группируется по хронологическим периодам и по проблемам, как, например, основные вопросы революции и освободительной борьбы, политические направления и партии, а также по отдельным темам: рабочее и крестьянское движение, участие иностранцев в освободительном движении и т. п. В подразделе «Государственный аппарат» материал систематизирован по отдельным элементам системы управления.

Политическая история Венгрии в течение всего периода в целом и отдельных отрезков его (период реформ — с 1825 до 1848 г., революция 1848—1849 гг. и абсолютизм — с 1849 по 1867 г.) представлена в томе обширным и разнообразным библиографическим материалом.

Другие разделы третьего тома носят более специальный характер. В общем они преследуют цель показать культурную жизнь страны во всех аспектах и с максимальной полнотой. Здесь также содержится ценный справочный материал. Например, в подразделе «Печать» имеется список периодических изданий с указанием профиля и сроков выхода каждого из них.

Четвертый том «Библиографии» посвящен одной из наиболее актуальных проблем в истории Венгрии — национальному вопросу. Он содержит материалы по истории национальных меньшинств, входивших ранее, а частью и входящих ныне в состав Венгерского государства. Особый интерес издания заключается в том, что составители поставили своей задачей, как указано в предисловии к тому, дать материал по истории национальностей не только в аспекте национального вопроса, но и с точки зрения развития самих национальностей.

Стремясь дать исчерпывающую библиографию вопроса, составители включили в четвертый том обширный материал по истории политической, общественно-экономической и культурной жизни каждого народа, проживавшего на территории Венгрии, его быта, религии, обычаев, взаимоотношений с другими народами, его национально-освободительного движения.

В библиографию включена литература, касающаяся не только народов, игравших заметную роль в общей национально-освободительной борьбе против гнета Габсбургов, но и тех немногочисленных национальных меньшинств, история которых в меньшей мере связана с историей венгерского народа.

Диапазон учтенной в четвертом томе литературы чрезвычайно широк также и по характеру изданий. Это в значительной части литература, современная событиям: материалы местных и центральных газет, статьи из научных, общественно-политических, литературно-художественных журналов, монографии, статистические сборники, отчеты ведомств, мемуары, переписка и т. д. Несмотря на это, составители считают, что им не удалось охватить всю литературу и источники при подготовке «Венгерской исторической библиографии», так как они опирались главным образом на фонды венгерских библиотек и архивов, а для полного

завершения работы необходимо изучить богатства библиотек и других стран.

Четвертый том состоит из двух частей. Первая включает общие работы по истории национальных меньшинств Венгрии и материалы, относящиеся к национальному вопросу и национальной политике в Венгрии в целом. Содержание второй части составляет история славянских народов, проживавших на территории Венгрии,— хорватов, сербов, словенцев, словаков. Сведения по истории других народов должны войти в следующий, пятый том, который намечено выпустить в 1961 году.

Материалы, касающиеся каждого народа, систематизированы по единому принципу, но с учетом специфики развития разных народов. Изучение многочисленных источников и документов, их отбор и систематизация позволили составителям библиографии выделить в классификационной схеме ряд вопросов, которые еще не получили широкого отражения в исторической литературе и, как справедливо отмечено в предисловии, могут привлечь к себе внимание исследователя.

Четвертый том в отличие от предыдущих имеет большой вспомогательный аппарат. Указатель имен авторов, редакторов, рецензентов облегчает пользование библиографическим материалом. Список условных сокращений названий стран, городов, органов печати, а также список использованных источников дают ценные дополнительные сведения географического и культурно-исторического характера об изучаемом периоде истории Венгрии.

Составители «Библиографии» рассматривают ее лишь как первую часть большой работы, за которой последует продолжение (по периоду 1867—1945 гг.). Однако сам по себе рецензируемый труд представляет вполне самостоятельное целое и является ценным библиографическим пособием по истории Венгрии.

Е. М. Кан

РОМРЕУО MARQUEZ. *¿Hacia donde va el 23 de Enero?* Ed. «Pensamento vivo». Caracas. 1960. 170 p.

ПОМПЕЙО МАРКЕС. *Куда ведут события 23 января?*

23 января 1958 г. в результате победоносного народного восстания, поддержанного частью вооруженных сил, в Венесуэле был свергнут диктаторский режим американского ставленника Переса Хименеса. Эти события в свое время привлекли внимание советских исследователей[1]. Рецензируемая книга рассказывает о том, в каком направлении развивались последующие события в Венесуэле. В книге собраны важнейшие выступления Помпейо Маркеса — одного из видных руководителей Коммунистической партии Венесуэлы — в 1959 г. перед партийным активом, в сенате и печати. Они дают представление о политической линии компартии в создавшихся после падения диктатуры Переса Хименеса условиях. В период диктатуры Помпейо Маркес возглавлял подпольную деятельность компартии. В настоящее время он член Национального секретариата Коммунистической партии Венесуэлы, сенатор.

Клика Переса Хименеса установила в Венесуэле жестокий, террористический режим, опорой которого служили бесконтрольно действовавшие в стране 300 американских монопольных компаний. Все партии были распущены и объявлены вне закона. Тысячи противников диктатуры погибли в застенках. Неоднократные попытки свергнуть диктатуру, предпринимавшиеся различными политическими группировками, терпели поражения. Режим Переса Хименеса рухнул только тогда, когда четыре крупнейшие партии страны — коммунистическая, «Демократическое действие», «Республиканско-демократический союз» и социал-христианская — создали единый фронт борьбы против диктатуры. Было образовано временное правительство во главе с контр-адмиралом Ларрасаблем, подготовившее выборы. Коммунисты предложили другим партиям выдвинуть общего кандидата на пост президента. Однако договоренности по этому вопросу достичь не удалось. Каждая из трех буржуазных партий выдвинула своего кандидата. В результате выборов президентом стал Ромуло Бетанкур — лидер партии «Демократическое действие», который создал правительство блока трех буржуазных партий. Коммунисты получили на выборах 161 тыс. голосов, два места в сенате и семь — в нижней палате.

---

[1] См. А. Ф. Шульговский. Свержение диктаторских режимов в Латинской Америке (на примере Венесуэлы). Сборник «Проблемы современной Латинской Америки». М. 1959; его же. Подъем национально-освободительного движения в Венесуэле. Сборник «Латинская Америка в прошлом и настоящем». М. 1960; Э. Л. Нитобург. Ветер свободы в нефтяном Эльдорадо. Освободительное движение в Венесуэле. М. 1960.

Положение в Венесуэле продолжает оставаться неустойчивым. Агенты монополий, сторонники Переса Хименеса, реакционеры различных мастей предпринимают попытки свергнуть правительство Бетанкура. В то же время правительство не проявляет решительности в борьбе с врагами демократии. Некоторые представители правительства в надежде задобрить реакцию допускают антикоммунистические выпады в духе «холодной войны» [2].

Помпейо Маркес в своей книге дает марксистский анализ этим событиям, указывает, каким образом Венесуэла может выйти на широкую дорогу социального прогресса и обеспечить свою национальную независимость.

«Суть проблемы,— пишет Маркес,— заключается в том, что в нашей стране идет борьба между реакционными и прогрессивными силами, между теми, кто стремится идти вперед и создать демократию, основанную на независимой экономике, и теми, кто пытается держать страну на положении колонии, полуколонии, в условиях полуфеодальной отсталости в сельском хозяйстве» (стр. 64).

Автор указывает, что сила венесуэльской реакции в том, что она располагает экономической базой и контролирует производство в стране. Реакция — это латифундисты-помещики, в руках которых находится земля; американские монополии, контролирующие нефтяную и горнорудную промышленность и внешнюю торговлю страны; наконец, это связанные с ними компрадорские элементы. Вместе с этими враждебными народу силами действует часть офицерства и духовенства, которой чужды национальные интересы.

«Североамериканская экспансия,— отмечает Маркес,— возможна именно потому, что она находит в Венесуэле соответствующие социальные слои, оказывающие ей поддержку, потому что в Венесуэле имеются классы и группы, готовые предать родину, открывающие дверь североамериканским монополиям и разрешающие им закрепиться, присвоить богатства, держать страну на полуколониальном положении, в условиях экономической и политической зависимости» (стр. 68).

Чтобы обеспечить Венесуэле демократическое развитие, указывает Маркес, недостаточно свергнуть реакционное правительство и лишить реакцию политической власти, необходимо изменить экономическую структуру страны.

Для современной политической обстановки в Венесуэле, продолжает Маркес, характерно, с одной стороны, утверждение демократического правительства, развитие рабочего и крестьянского движения, легальная деятельность коммунистической партии, с другой,— наличие сил, опирающихся на американский империализм и консервирующих полуфеодальные отношения в деревне. Пока противоречие между этими силами не будет разрешено, положение правительства Венесуэлы останется шатким и оно будет находиться под угрозой насильственного свержения.

Коммунисты, отмечает Маркес, желают успеха коалиционному правительству Бетанкура. Провал правительства мог бы быть использован реакцией для ликвидации парламентского режима и политических партий, для возврата к реакционной диктатуре. Но чтобы добиться успеха, правительство должно представить определенную реальную программу реформ, смелый и энергичный план действий. Предъявляя требования правительству, необходимо учитывать его буржуазный характер, степень развития политической сознательности рабочего класса в стране, а также ряд других факторов. Маркес пишет, что от нынешнего правительства Бетанкура нельзя требовать проведения в жизнь радикальной антифеодальной и антиимпериалистической программы.

Что же в состоянии сделать правительство и чего оно не делает? Оно должно обеспечить Венесуэле больший процент дохода с прибылей американских нефтяных компаний, а также организовать государственную нефтяную компанию, которая могла бы хоть частично разрабатывать нефтяные ресурсы независимо от американских монополий.

В 1957 г. Венесуэла производила 146,3 млн. т нефти, или 19% добычи капиталистического мира. Во время диктатуры Переса Хименеса американские нефтяные компании, в руках которых находится нефть Венесуэлы, получали огромные прибыли. По официальным данным, до 20% национального дохода Венесуэлы ежегодно переводилось в США в форме прибылей

[2] Политика Бетанкура вызывает недовольство в его собственной партии. В 1960 г. левое крыло партии откололось и образовало «Левое демократическое действие», к которому примкнули 20 депутатов и 1 сенатор.

нефтяных монополий, которые за период с 1950 по 1957 г. получили чистой прибыли свыше 3 млрд. долл. (больше, чем было получено ими во всех остальных странах Латинской Америки, вместе взятых). Одновременно доходы Венесуэлы от добычи нефти ежегодно снижались: в 1949 г. за кубометр своей нефти Венесуэла получала 8,66 долл., а в 1954 — 6,92 доллара. Нынешний президент Бетанкур в своей книге «Венесуэла: политика и нефть», опубликованной в Мексике в 1956 г., указывал на необходимость ограничить гигантские прибыли американских нефтяных компаний в Венесуэле и начать государственную разработку нефтяных богатств страны. Если правительство пойдет по этому пути, то народ, трудящиеся окажут ему единодушную поддержку.

Правительство могло бы справиться и с проведением аграрной реформы. В Венесуэле 6 759 латифундистов владеют 22 млн. га, в то время как сотни тысяч крестьян вообще не имеют земли. Внесенный правительством на рассмотрение конгресса проект аграрной реформы предусматривает наделение 350 тыс. семейств крестьян 12,5 млн. га земли (8 млн. за счет государственного земельного фонда и 4 млн.— за счет выкупленной у помещиков земли). Проведение этой крайне скромной аграрной реформы растягивается на 20-летний срок. Но правительство не спешит с осуществлением своего проекта — в бюджете на 1961 г. оно даже не предусмотрело расходов по аграрной реформе. Между тем, правительство могло бы немедленно экспроприировать земли соучастников Переса Хименеса и целинные земли, находящиеся в собственности помещиков.

Еще одной задачей, которую могло бы разрешить правительство, является принятие мер по индустриализации страны. Это позволило бы уменьшить число безработных в Венесуэле, достигавшее в 1959 г. почти 250 тыс. человек.

Чтобы добиться осуществления этой программы, заключает Маркес, народные массы должны бороться за нее. «Мы,— пишет автор,— указываем на линию развития, на перспективы, которые позволяют идти вперед. Наши перспективы позволяют наметить демократическую линию развития, которая нанесла бы поражение реакционной линии, в частности,— компромиссу с реакцией и шатаниям, берущим в настоящий момент верх в правительстве» (стр. 156).

В своей книге Маркес уделяет большое внимание роли коммунистической партии, как силы, могущей оказать огромное влияние на ход политических событий в стране. Коммунистическая партия пока находится в меньшинстве, но, подчеркивает автор, когда меньшинство проводит правильную политическую линию, оно может оказывать большое воздействие на события и превратиться в руководящую силу. Именно такую роль играла компартия в период свержения клики Переса Хименеса.

Компартия Венесуэлы уже сейчас занимает видное место в общественной жизни страны. Она является решающей силой в профсоюзном и студенческом движении, во многих массовых организациях. Растет значение партии и в крестьянском движении. Большую роль играет компартия в борьбе за единство демократических сил. Партия борется за такое единство демократических сил, которое основывалось бы не на дележе министерских портфелей, а на программе создания «экономической основы венесуэльской демократии».

В книге Помпейо Маркеса, насыщенной фактами, яркими и убедительными примерами, дан глубокий марксистский анализ венесуэльской действительности. Книга помогает разобраться в сложной политической обстановке в этой стране. В книге излагается тактика компартии на современном этапе истории Венесуэлы.

Венесуэльская компартия сравнительно молода, она оформилась в 1935 году. За двадцать пять лет своего существования компартия Венесуэлы только семь лет действовала в легальных условиях, остальные годы она боролась в подполье.

Книга Помпейо Маркеса свидетельствует о растущем авторитете компартии, о тех больших исторических задачах, которые она призвана решать

Книга Помпейо Маркеса помогает понять процесс роста национально-освободительной борьбы в странах Латинской Америки, в которую включаются все более широкие слои населения.

И. Р. Лаврецкий

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

«Исторически преглед». София, 1960, № 2.

К. Петров и М. Исусов. Девяносто лет со дня рождения В. И. Ленина; Ж. Натан. Академик Тодор Павлов и болгарская историческая наука. Статьи и сообщения: Д. Тишев. Влияние учения В. И. Ленина в Болгарии во время первой мировой войны и революционного кризиса; А. Бурмов. Тайный центральный болгарский комитет (его создание и первый период развития); П. Топалов. Возникновение рабочего и коммунистического движения в Западной Фракии (1901—1920); Н. Жечев. Путешествия румын в Болгарию в прошлом веке; Я. Цинцадзе. Болгарская языческая богиня XI в.

«Történelmi Szemle». Budapest. 1960, № 1.

Статьи и сообщения: В. Эндреи. Этапы развития текстильного набивного рисунка в Европе; И. Н. Киш. Усадебное хозяйство в Шаропатаке и Токае во второй половине XVI в.; А. Шпис. К истории текстильных мануфактур XVIII в.; И. Богдан. Бумажная мельница в с. Лека (Хамор) в XVIII в.; Ш. Михалик. К истории венгерских керамических фабрик эпохи позднего феодализма; В. Эндреи. О ревизии оценки античной техники; З. Хегедюш. Выводы металлографического анализа железных предметов и шлаков IX—X вв. н. э.; Я. Варга. Производство вина в первой половине XVIII в.; М. Г. Шандор. Материалы по истории токарного станка в Венгрии.

«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin. 1960, № 3.

Д. И. Мельников. Всемирно-историческое значение победы свободолюбивых народов над германским империализмом во второй мировой войне; С. Дёрнберг. Народно-демократическая революция на территории ГДР и решение жизненных вопросов немецкой нации; Л. Штерн. Германский реваншизм после второй мировой войны и буржуазная историография; Л. Бертольд. Борьба Коммунистической партии Германии против угрозы войны. Бернская конференция (1939); О. Рюле. К вопросу об историческом развитии сельского хозяйства в Восточной и Западной Германии; В. Тиле, Х. Беднарек. Основание Союза свободных профсоюзов Германии (ФДГБ) в ходе борьбы за уничтожение основ германского империализма и милитаризма и создание антифашистского строя (1945—1946 гг.); В. Гросс. Борьба антифашистов г. Шварценберга до прихода оккупационных войск (май — июнь 1945 г.); Г. Фёрстер, Х. Хельмерт, Х. Отто, Х. Шниттер. Нападение гитлеровской Германии на Данию и Норвегию (операция «везерюбунг»); Х. Хофман, Ф. Вайтендорф. Преподавание истории в западногерманских школах в духе НАТО. К 90-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина: Б. А. Айзин. Борьба В. И. Ленина против оппортунизма и ревизионизма в немецком рабочем движении в 1898—1914 гг.

«Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin. 1960. Sonderheft zum 15. Jahrestag der Befreiung Deutschlands vom Hitlerfaschismus.

К 15-й годовщине освобождения: Л. Эйнике. Антифашистское движение и освободительная борьба народов — важные факторы поражения германского империализма во второй мировой войне; Г. Шуман, Г. Кюнрих. Общие цели борьбы Советского Союза и немецких антифашистов во второй мировой войне за свободную, миролюбивую Германию; Р. Кнолль. Помощь Советского Союза демократическим силам немецкого народа (май — июнь 1945 г.); В. Арнольд. Значение распространения Воззвания КПГ от 11 июня 1945 г.; К. Дробиш. Борьба в 1945—1946 гг. в Лейпциге за единую партию рабочего класса; Г. Бензер. Образование СЕПГ — предпосылка осуществления единства действий немецкого рабочего класса; Р. Лоц, Г. Шмидт. КПГ жива!; Р. Граф. Герман Аубин на службе фашистской оккупационной политики по отношению к Польше и клерикально-милитаристского антибольшевизма; Воспоминания: Р. Бюхнер. К истории спасения и открытия памятника Ленину в Эйслебене; Научные сообщения: В. Гура. Из традиций

совместных боев. Немецкие антифашисты в Народной гвардии ПРП и в Польской народной армии.

«Kwartalnik Historyczny». Warszawa. 1960, № 2.

М. Ячиновска. Доходы сенаторской знати, поступавшие из провинций, и ее общественно-экономическое расслоение в период упадка республики; Ю. Мацурек. Чехи и поляки в прошлом (исследования после 1945 г.); А. Жарновска. Сфера влияния и социальный состав ППС накануне революции 1905 г.; Т. Котарбински. Необходимость изучения новейшей истории; Ф. Рышка. Новейшая история Польши в западногерманской историографии; В. Чаплински. К вопросу о популяризации; Т. Словиковски, С. Врубель. Еще раз к вопросу об учебниках истории; З. Свитальски. Польско-русские отношения и срыв сейма в 1639 г.; Х. Жадковска. По следам неизвестного солдата 1863 г.; Л. Гиршович. К истории сотрудничества между Францией «Виши» и гитлеровской Германией.

«Z pola walki». Warszawa. 1960, № 2.

Т. Данишевски. В. И. Ленин и польское коммунистическое движение; В. Найдус. В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Краковском союзе помощи политическим заключенным; Ж. Корманова. Издание Сочинений В. И. Ленина на польском языке (1918—1939); Документы: неизвестная статья К. Маркса во вроцлавском журнале «Ostdeutsches Athenäum» за 1855 г.; Первая польская биографическая брошюра о В. И. Ленине; С. Жбиковски. Западная стрелковая дивизия; Биографические статьи и материалы: Я. Томицки. Мирослав Здярски.

«Studii. Rewista de istorie». Bucureşti. 1960, № 1.

Статьи: И. Тотою. К вопросу о турецком владычестве в Банате и Кришане; Г. Зане. Новые данные о жизни Н. Бэлческу. По неопубликованным документам; Г. Крону. Византийское право в Дунайских княжествах. «Индрентаря леджий» («Свод законов») 1652 г. Заметки и сообщения: А. Нямцу. Новые данные об Ионе Пиуарку-Молнаре; Л. Демень. Текст двух соглашений 1437 г. между повстанцами и дворянами по оригинальным документам; С. Гольденберг. «Бумажная мельница» в Сибиу в XVI в.; И. Рохова. Исправление текста в Хронике Теофана; С. Янкович. Неизвестные данные о воеводе Стояне Индже; М. Дан. Из переписки Иоана Богдана с русскими учеными.

«Studii. Revista de istorie». 1960, № 2.

90 лет со дня рождения В. И. Ленина: А. Оцетя. В. И. Ленин и основные принципы марксистской историографии; Е. Стэнеску. Методологические указания В. И. Ленина о марксистском изучении истории; Л. Баниан. В. И. Ленин о родине и патриотизме; В. Ливяну. Некоторые вопросы, относящиеся к Румынии периода первой мировой войны, в свете работ В. И. Ленина; Л. Стефэнеску. Тезисы В. И. Ленина по вопросу разложения феодализма и развития капитализма в России; А. Иордаке и А. Порцяну. Историческое значение ленинского учения об империализме; К. К. Бодя. Малоизвестные участники революции 1848 г.; А. Виану. Русский просветитель В. Ф. Малиновский в Дунайских княжествах; В. Раца. Создание рабочего кружка в Бухаресте; Т. Помпилиу. Об «Истории румын в вопросах и ответах» Самуила Мику Клайна; Л. Бойку. Новые сведения о суконной промышленности в Молдове в середине XIX в.; И. Сабэу. О борьбе трансильванского крестьянства против военных обложений во время войны Габсбургской империи против Французской революции (1792—1797).

«Analele Institutului de istorie a partidului de pe linga C. C. al P.M.R.». Bucureşti. 1960, № 2.

П. Константинеску-Яшь. К вопросу о ленинской концепции истории; Е. Няму и А. Федотова. Из борьбы РКП против втягивания Румынии в антисоветскую войну (сентябрь 1939 г.— июнь 1941 г.); Д. Хурезяну. Аграрные отношения в Румынии в начале XX века и отношение социалистического движения к крестьянству; С. Хоменко и П. Якош. Аспекты реорганизации профсоюзного движения в нашей стране. Первый свободный общий конгресс объединенных профсоюзов Румынии (26—30 января 1945 г.); В. А. Варга. Псевдоисторики из «Остфоршунг» («Исследование Востока») на службе агрессивных милитаристских целей западногерманского монополистического капитала. Документы: К сорокалетию всеобщей забастовки. Н. Г. Мунтяну. Документы по за-

бастовке рабочих железных дорог, портов, судостроительных верфей и речного транспорта Румынии (апрель — июнь 1920 г.); Органы центральной и местной прессы Коммунистической партии Румынии.

«Československý časopis historický». Praha. 1960, № 3.

Статьи: И. Долежал. К вопросу о развитии партизанского движения в чешских землях; Я. Млынарик. Роль классовой борьбы в развитии рабочего движения в Словакии в 1918—1920 гг.; К. Горалек. История и языкознание.

«Nghiên Cứu Lich sử» Hà-nôi. 1960, № 5.

Нгуен Хонг Фонт. Товарищ Нгуен Ай Куок и ленинское учение по национальному вопросу и о развитии народов колониальных стран; Нят Нгуен. Марксизм-ленинизм о роли личности в истории; Хонг Куанг. Изучать Ленина, активизировать работу в области истории в интересах насущных задач революции; Зыонг Минь. Предварительные заключения о медных наконечниках стрел, обнаруженных в Ко-лоа; В. В. Струве, Н. В. Пигулевская. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма; Чан Хюи Лиеу. Отражение вьетнамского революционного движения в литературных произведениях вьетнамских авторов (продолжение); Хоа Банг. Общие соображения по вопросу о крепости Тханг-лонг времен династий Ли, Чан, Ле и о воротах внешней городской крепостной стены конца 18 века (в связи с выходом книги «Исторические памятники и виды Ханоя»).

ЗАМЕТКИ О СТАТЬЯХ

Из истории дружбы двух братских народов.

«Československý časopis historický». Praha. 1960, № 2, str. 97—113.

В статье Ч. Аморта «Помощь Советского Союза чехословацкому народу в 1939—1945 гг.» использованы, помимо литературы по данному вопросу, фонды Архива Министерства иностранных дел Чехословакии, Военно-исторического архива и Архива Института истории Коммунистической партии Чехословакии. Автор привлек также прессу: советские газеты «Правда», «Известия» и чехословацкие «Československé listy», «Za *svobodné Československo»*.

Ч. Аморт всесторонне освещает бескорыстную, братскую помощь Советского Союза чехословацкому народу в период второй мировой войны и одновременно с этим разоблачает антисоветскую и антинародную политику чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне. В частности, автор на основе новых архивных источников раскрыл предательскую деятельность начальника чехословацкой военной миссии Г. Пика, всячески саботировавшего формирование чехословацких воинских частей в СССР.

Говоря о мюнхенском соглашении 1938 г. и оккупации Чехословакии в 1939 г., автор подчеркивает, что СССР с самого начала протестовал против Мюнхена и не признал оккупацию. Огромной моральной поддержкой для чехословацкого народа явилось воззвание советских писателей 6 октября 1938 г., изданное, несмотря на препятствия цензуры, Обществом культурных и экономических связей с СССР под названием «Выражение любви советского народа к покоренной Чехословакии».

После вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз помощь СССР чехословацкому народу не уменьшилась; она приобрела более широкий характер. 8 июля 1941 г. Советское правительство объявило чехословацкому правительству, эмигрировавшему в Лондон, о своем признании Чехословакии в границах 1937 года. 18 июля 1941 г. было подписано соглашение об урегулировании отношений между обеими странами на время войны, а 12 декабря 1943 г.— договор о союзе между СССР и Чехословакией.

Советское правительство оказало помощь в формировании чехословацких воинских частей на территории СССР. Уже в сентябре 1941 г. была сформирована чехословацкая воинская часть, преобразованная в 1943 г. в бригаду, затем в корпус (лето 1944 г.) и, наконец, в армию (март 1945 г.). Ч. Аморт подробно освещает совместные боевые действия советских и чехословацких воинских частей в период войны. Автор приводит ответ Н. С. Хрущева на приветствие чехосло-

вацкого командования, посланное в связи с освобождением Киева. В этом ответе подчеркивалось, что «древний Киев никогда не забудет» участия чехословаков в его освобождении. Значительное внимание Ч. Аморт уделяет военным действиям в 1944—1945 годах.

Ч. Аморт на основании архивных материалов (фонды Министерства иностранных дел) показывает, какую большую материальную помощь оказало Чехословакии Советское правительство. В 1942 и 1943 гг. Чехословакии были предоставлены займы, а в соответствии с соглашением, заключенным 31 марта 1945 г., Чехословакия была фактически освобождена от уплаты долга по займам. Кроме того, СССР предоставил чехословацким воинским частям военное снаряжение. В статье приводится фактический материал о помощи СССР партизанскому движению в Чехословакии. Так, только в июле — августе 1944 г. на территорию оккупированной Чехословакии были переброшены 24 партизанские группы (404 чел.).

Советский народ оказал большую помощь чехословацкому народу в период Словацкого восстания 1944 г., а также помог населению освобожденных районов Чехословакии, на территории которых возникала народная власть — Национальные комитеты, нормализовать жизнь.

Статья заканчивается описанием Пражской операции в мае 1945 года.

Н. Д. Ратнер

Академик Тодор Павлов и болгарская историческая наука.
«Исторически преглед». София. 1960, № 2, стр. 11—18.

Член-корреспондент Болгарской Академии наук Ж. Натан выступил со статьей по случаю 70-летия академика Т. Павлова, президента академии, виднейшего болгарского историка и философа.

В годы мрачного фашистского режима Т. Павлов опубликовал ряд трудов, имеющих важное методологическое значение для марксистской историографии. Его исследования этих лет (1938—1941 гг.), в которых с позиций марксизма-ленинизма освещались важнейшие проблемы национально-освободительного движения, были направлены прежде всего против попыток болгарских фашистов представить историю Возрождения в Болгарии в искаженном виде.

Вопросы истории болгарского Возрождения разрабатывались Т. Павловым и после 1945 года. Он исследовал такой важный вопрос, как качественное различие между патриотизмом деятелей Апрельского восстания и социалистическим патриотизмом, раскрыл характер этого восстания как антифеодального в своей основе и в то же время национально-освободительного, показал значение русско-турецких войн для освободительной борьбы болгарского народа.

Видное место в исторических исследованиях акад. Т. Павлова занимают его работы по истории коммунистической партии.

Крупный вклад внес Т. Павлов в создание первого марксистского обобщающего труда «История Болгарии». Определяя задачи этого произведения, Т. Павлов отметил, что оно должно быть общей историей болгарского народа, то есть историей производительных сил, базиса, классов и классовой борьбы, государства и партии, науки, культуры, искусства, религии, фольклора, быта, языка и всех событий, сопутствовавших развитию народа от начального периода его истории до наших дней.

Особенно важное методологическое значение имеют высказывания Т. Павлова о периодизации болгарской истории, которая должна основываться на марксистско-ленинском учении об общественно-экономических формациях и в то же время учитывать конкретные, специфические черты развития Болгарии.

Первостепенное значение для изучения новой и новейшей истории Болгарии имеют труды акад. Т. Павлова «Характер и значение социалистической революции в Болгарии» (1958 г.) и «Еще раз о характере народного восстания 9 сентября (некоторые теоретико-методологические вопросы социалистической революции)» (1960 г.). В этих работах Т. Павлов на основе глубокого анализа фактов сделал вывод, что народно-демократическая революция в Болгарии с самого начала (то есть с 9 сентября 1944 г.) носила социалистический характер.

В заключение статьи Ж. Натан указывает, что акад. Т. Павлов и его труды оказывали и продолжают оказывать неоценимую помощь болгарским историкам и исторической науке в Болгарии.

Н. Ф. Филоненко-Алексеев

Борьба румынских трудящихся за власть в 1944 году.

«Analele Institutului de istorie a partidului de pe linga C. C. al P.M.R.» Bucureşti. 1959, № 6, p. 25—48.

23 августа 1944 г. в результате народного вооруженного восстания, развернувшегося в условиях победоносного наступления Советской Армии, в Румынии была свергнута фашистская диктатура Антонеску. Однако буржуазным партиям и придворной клике удалось поставить у власти правительство с реакционным большинством, во главе которого оказалось доверенное лицо двора — генерал Сэнэтеску. Пользуясь тем обстоятельством, что в правительство входили в качестве министров без портфеля представители компартии и некоторых других демократических организаций, реакция хотела скрыть подлинный характер правительственного большинства и собрать силы для наступления против народа. В стране создалось исключительно сложное положение.

О том, как народ под руководством коммунистической партии сорвал коварные планы реакции, рассказывается в статье А. Саву «Борьба народных масс под руководством Румынской коммунистической партии за свержение первого правительства с реакционным большинством». Автор использует при этом архив Института истории партии при ЦК РРП, а также прессу всех направлений.

А. Саву сообщает, что уже в ночь на 24 августа на совещании румынских реакционных группировок был составлен план действий. Реакция решила препятствовать развитию руководимой коммунистами массовой борьбы, постепенно ликвидировать демократические права, завоеванные народом 23 августа, сохранить старый, фашистский государственный аппарат, саботировать установление добрососедских отношений с СССР и ориентироваться во внешней политике на США и Англию.

Министр внутренних дел генерал Алдя, ссылаясь на военное положение, сохранил на местах органы фашистской власти. Реакционеры лихорадочно налаживали связи с правительствами Англии и США. Для этого в Стокгольм и Анкару были посланы специальные эмиссары.

Против замыслов реакции решительно выступила Коммунистическая партия Румынии. Под давлением народных масс правительство было вынуждено освободить из тюрем антифашистских борцов, ликвидировать концентрационные лагеря, отменить фашистскую конституцию 1938 года. Компартия потребовала провести чистку государственного аппарата, подчеркивая, что засилье в нем фашистов является главной внутренней опасностью. Одновременно она энергично вовлекала рабочих в борьбу за удовлетворение их экономических и политических требований. Железнодорожники, рабочие крупнейших заводов и фабрик «Малакса», «Вулкан», «Индустриа текстилэ», «Форд-ромыне» и др. приступили к организации профсоюзов и изгнанию с предприятий фашистов.

А. Саву говорит о массовых митингах протеста против попыток правительства воспрепятствовать демократическим преобразованиям. По призыву компартии трудящиеся революционным путем осуществляли свои требования. На крупнейших бухарестских предприятиях был введен 8-часовой рабочий день.

Автор показывает, что коммунистическая партия умело сочетала давление на правительство снизу, со стороны масс, с борьбой внутри самого правительства.

Чтобы вовлечь в борьбу все демократические силы, коммунистическая партия 26 сентября выступила с «Проектом платформы Национально-демократического фронта Румынии», содержавшим программу широких демократических реформ и предусматривавшим мобилизацию всего народа для ведения антигитлеровской войны. Железнодорожники, рабочие различных отраслей промышленности Румынии на многолюдных собраниях и митингах обещали свою полную поддержку проекту реформ.

Такой же отклик нашел призыв коммунистической партии в селах. Крестьяне под руководством рабочих, пришедших из городов, начали устранять реакционных примарей (мэров коммун) и избирать новую, демократическую власть. В огне борьбы за землю укреплялся союз рабочих и трудящихся крестьян.

О присоединении к платформе заявили многие демократические организации. Особо важное значение в консолидации демократических сил имело соглашение между коммунистической и социал-демократической партиями, благодаря которому был образован Центральный комитет Единого рабочего фронта в Бухаресте и местные комитеты.

Буржуазные партии — национал-царанистская и национал-либеральная — отказались

присоединиться к проекту платформы Национально-демократического фронта.

Опираясь на поддержку масс, 7 октября компартия выступила с призывом свергнуть правительство. На следующий день состоялся стотысячный митинг в Бухаресте, организованный Единым рабочим фронтом совместно с другими демократическими организациями. После митинга рабочие, крестьяне окрестных коммун, представители интеллигенции, женщины, молодежь вышли на демонстрацию с лозунгами: «Пусть правительство уйдет!», «Требуем создания правительства Национально-демократического фронта!», «Землю — крестьянам!», «Политические права — женщинам!», «Равную оплату за равный труд!». Через три дня, 11 октября, был официально оформлен Национально-демократический фронт.

Коммунисты и социал-демократы предложили либералам и царанистам образовать коалиционное правительство при условии, если последнее признает важнейшие положения программы Национально-демократического фронта. Это предложение вызвало переполох в стане либералов и царанистов. Они боялись усиления позиций демократических сил в правительстве и отвергли соглашение с Национально-демократическим фронтом. Однако позднее, убедившись, что борьба против «правительства генералов» ширится, и опасаясь разоблачения в глазах масс, либералы и царанисты вынуждены были вступить в переговоры.

Правительство Сэнэтеску начало открытые репрессии против народа. Национально-демократический фронт выступил против попыток возродить фашистские методы расправы с трудящимися. В Констанце, Брашове, Тырговиште и других городах состоялись грандиозные митинги протеста. Рабочие завода «Вулкан», нефтеочистительного завода «Петрол-Блок Стандарт», электростанции «Гривица» поставили вокруг предприятий пикеты, охраняя их от фашистов. Воодушевленные борьбой рабочих, крестьяне также оказывали отпор карателям-жандармам.

18 октября представители коммунистов и социал-демократов вышли из правительства Сэнэтеску. Правительство, спеша воспользоваться уходом левых из кабинета, приняло ряд решений, направленных на ликвидацию завоеваний трудящихся; одновременно оно распорядилось об отправке рабочих-активистов на фронт. Но правительство, подчеркивается в статье, было уже бессильно провести в жизнь свои планы. Его отказ уйти в отставку вызвал бурю возмущения в стране. 19 октября 70 тыс. рабочих Бухареста вышли на демонстрацию. Собрания, митинги, манифестации прошли по всей Румынии. А. Саву приводит интересные цифры, показывающие, насколько широкий характер приняло движение.

28 октября в Бухаресте состоялась новая 70-тысячная демонстрация. В тот же день народные массы, руководимые коммунистами, заняли примарию Галаца и находившуюся в том же городе префектуру уезда Ковурлуй. В этих условиях царанисты и либералы вынуждены были принять предложение Национально-демократического фронта о создании нового правительства. 4 ноября оно было образовано. Позиции демократических сил в новом кабинете значительно укрепились. Во главе министерства путей сообщения стал Г. Георгиу-Деж.

Движение за создание демократического правительства продолжалось и дальше и 6 марта 1945 г. увенчалось успехом. В этот день было сформировано правительство, в котором рабочий класс стал играть руководящую роль.

В. Н. Виноградов

Новые материалы по истории польского рабочего движения («Архив Бардовского»).

«Z pola walki». Warszawa. 1959, № 3, s. 88—129 и 1960, № 1, s. 80—134.

Партия «Пролетариат» сыграла выдающуюся роль в польском рабочем движении; она была первой политической организацией польских трудящихся, стоявшей на позициях марксизма.

Для изучения ее истории большой интерес представляют опубликованные в журнале «Z pola walki» документы и материалы так называемого «архива Бардовского» — партийного архива, захваченного полицией в момент разгрома ЦК партии (июль 1884 г.) на квартире одного из деятелей «Пролетариата», П. В. Бардовского. Эти материалы составляют часть «Следственных материалов варшавского, новоминского, радиминского и других жандармских управлений о 29 лицах, привлеченных к уголовной ответственности по обвинению в принадлежности к партии «Пролетариат»». «Следственные материалы», хранящиеся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, представляют собой в основном русские переводы документов, подготовленные для ведения следствия а затем суда; польские оригиналы до сих пор не найдены.

Почти все документы публикуются впервые. Они относятся к сравнительно небольшому периоду — с середины марта 1884 г., когда в Париже было заключено соглашение между партией «Пролетариат» и организацией русских революционеров «Народная Воля», и до 10 июля того же года, то есть до разгрома жандармерией штаб-квартиры ЦК партии и ареста С. Куницкого, П. В. Бардовского и многих других. Организатор и идейный вдохновитель партии «Пролетариат» Л. Варыньский с 1883 г. находился в тюрьме, и руководство партией осуществлял С. Куницкий, теснейшим образом связанный с «Народной Волей». Этот период характеризуется некоторым ослаблением марксистских позиций руководителей партии и усилением террористических тенденций, что нашло свое отражение и в публикуемых материалах и документах.

«Архив Бардовского» распадается на две части: 1) переписка и материалы секретариата партии и 2) материалы для подготовлявшегося к печати очередного, шестого номера органа партии — журнала «Пролетариат». Переписка и материалы секретариата характеризуют методы и объем деятельности руководящих органов партии, до сих пор недостаточно известные, их связь с местными организациями, отношение партии к другим политическим организациям, ее финансовые и издательские дела и т. д.

Вторая часть «архива Бардовского» — портфель редакции журнала «Пролетариат» — весьма объемиста и разнообразна. Здесь имеются статьи, наброски, заметки, в которых поднимались вопросы классовой борьбы и революции, а также освещалась повседневная жизнь и борьба польских рабочих.

Интересны материалы о революционном движении в Польше. Здесь имеется, в частности, написанное П. В. Бардовским обращение к армии, призывавшее солдат и офицеров присоединиться к рабочим. В статье об общих принципах организационной деятельности ЦК партии «Пролетариат» подчеркивалась необходимость совместных действий польских и русских революционных сил для победы над самодержавием.

Чувство большого уважения вызывают тайно пересланные из Варшавской цитадели письма Л. Варыньского и видного революционера А. Ентыс к товарищам по партии и незаконченный ответ С. Куницкого, свидетельствующие об их глубокой вере в правоту и победу своего дела.

К. И. Козырина

Из истории американской экспансии на Дальнем Востоке (1868—1895 гг.).

«Лиши яньцзю». Пекин. 1960, № 1—2, стр. 83—103.

Автор статьи «Американская политика на Дальнем Востоке в период Мэйдзи в Японии (1868—1895 гг.)» Шао Дин-сюнь показывает, что экспансия Соединенных Штатов на Дальнем Востоке усилилась после гражданской войны 1861—1865 годов. Сопротивление китайского и корейского народов и препятствия со стороны европейских держав активизировали стремление США использовать Японию в интересах своей агрессии на Дальнем Востоке. Шао Дин-сюнь пишет: «В период 1868—1895 гг. основным содержанием политики США на Дальнем Востоке являлось активное использование и поддержка агрессии Японии в Китае и Корее».

Первоначально правительство Мэйдзи пыталось блокироваться с Англией и Германией — чтобы противостоять США, с Россией — чтобы противостоять Англии и США, с цинским правительством — чтобы противостоять всем западным державам, но постепенно японское правительство все более склонялось к сближению с США.

Наибольшую угрозу для американских агрессивных замыслов, считает Шао Дин-сюнь, представляла возможность союза между Японией и Китаем. Эта идея союза и совместного отпора агрессорам пользовалась известной популярностью в Японии в начале периода Мэйдзи. Однако преобладание сторонников агрессивной политики в правительстве Японии, а также провокационная деятельность американского посланника в Токио де Лонга привели к тому, что планы заключения союза между Китаем и Японией были сорваны. Отношения между ними еще более обострились из-за инцидента с японским рыболовным судном. В 1871 г. на Тайване было убито несколько жителей Рюкю — рыбаков с судна, занесенного к берегам Тайваня штормом. Япония, не имея никакого отношения к королевству Рюкю (последнее было вассалом Цинской империи), тем не менее потребовала от цинского правительства извинений за убийство «японских подданных». Выдвинув этот вопрос во время переговоров в Пекине (1873 г.), Япония одновременно осуществила карательную экспедицию на Тайвань. В организации этой экспедиции приняли участие бывший консул США в Амое Лежандр и несколько американских офицеров. Японии было пре-

доставлено для транспортировки войск и боеприпасов американское судно «Нью-Йорк»; в Японию была послана партия военного снаряжения и боеприпасов.

Однако японо-американская военная авантюра кончилась неудачей. Англия, обеспокоенная перспективой захвата Тайваня Японией, которая находилась под сильным влиянием США, поддержала протест цинского правительства по поводу японского вторжения на Тайвань и участия в нем американцев. США решили отмежеваться от этого агрессивного акта. Посланник США в Японии Прайн разыграл комедию «протеста» по поводу «найма» американских офицеров и судна. В дальнейшем дипломатические представители США в Китае во время переговоров всеми средствами помогали навязать цинскому правительству так называемый пекинский протокол (31 октября 1874 г.), согласно которому Китай должен был уплатить Японии большую контрибуцию. По поводу инцидента 1871 г. в протоколе было записано, что «тайваньцы убили подданных Японии». Эта формулировка служила «официальным основанием» для захвата Рюкю Японией.

Намерение захватить архипелаг Рюкю издавна являлось частью обширных экспансионистских планов США. Еще коммодор Перри в 1854 г. заставил власти Рюкю подписать неравноправный договор с США. В 1872 г. де Лонг от имени США согласился на присоединение Рюкю к Японии на условиях сохранения их договора с США. В 1878 г. Япония запретила Рюкю платить дань Китаю, а в 1872 г. японское правительство вызвало в Токио короля архипелага и задержало его в Японии. Острова Рюкю были реорганизованы в префектуру Окинава.

В 70-х годах США и Япония совместно осуществили агрессию против Кореи. После инцидента, спровоцированного Японией, в Корею были направлены японские солдаты, 2 военных судна и 4 транспорта. Под угрозой орудий корейское правительство вынуждено было 26 февраля 1876 г. подписать Канхвасский договор с Японией. Договор являлся неравноправным, однако его первая статья определяла Корею как независимое государство, то есть отрицала сюзеренитет Китая по отношению к Корее. В 1882 г. американское правительство назначило посланника в Корее, что вызвало «удовлетворение» Японии и пассивные протесты цинского правительства. США и Япония, подчеркивает Шао Дин-сюнь, стремились отделить Корею от Китая, чтобы затем превратить ее в общую колонию.

В 1894 г. в Корее началось антифеодальное и антиимпериалистическое движение. По просьбе корейского двора в страну были введены китайские войска. Тогда же немедленно начала вводить в Корею войска и Япония. После подавления восстания, когда цинское правительство готово было вывести из Кореи свои войска, приток японских войск продолжался. США, заявив о политике «нейтралитета», фактически попустительствовали японской агрессии. Государственный секретарь США Грешэм решительно отказался вмешиваться в вопрос о выводе японских войск из Кореи.

В ходе японо-китайской войны 1894—1895 гг. США продолжали, прикрываясь ширмой нейтралитета, поддерживать Японию. Государственный департамент отказался осудить массовые убийства, предпринятые японскими войсками в Люшуне и Даляне 20 ноября 1894 года. Наконец, США выступили с предложениями о примирении именно тогда, когда это было выгодно Японии.

В период переговоров о мирном японо-китайском договоре США также оказали немалую поддержку Японии. Например, в марте 1895 г. американский посланник в Китае Денби, запугивая ведомство внешних сношений Китая (Цзунлиямынь) возможностью возобновления войны, добился согласия Китая на уплату контрибуции Японии.

Статья Шао Динь-сюня показывает истинную роль США как пособника японской экспансии на Дальнем Востоке во второй половине XIX века.

С. М. Иовчук

Китай в период монгольского завоевания. «Шисюе юекань». Кайфын (КНР), 1960, № 1, стр. 24—28.

В китайских журналах в последние годы появилось несколько статей по истории китайского общества периода монгольского господства в Китае (эпоха Юань — 1280—1367 гг.). В большинстве этих статей проводится мысль о том, что основным противоречием внутренней жизни Китая в эту эпоху был антагонизм между китайцами и монголами. Опровержению этой точки зрения и доказательству того, что доминирующую роль в период монгольского господства продолжало играть противоречие между классом помещиков и классом крестьян, посвящена статья Чжао Цзи-яня «К вопросу о

социальных противоречиях в обществе эпохи Юань».

Этот тезис Чжао Цзи-яня основывается прежде всего на анализе положения помещиков-китайцев. Автор отмечает, что, хотя политические и экономические привилегии последних были урезаны монгольской аристократией, они продолжали оставаться классом эксплуататоров и угнетателей. Стремясь сохранить свои земли и дома и обеспечить себе возможность дальнейшей эксплуатации крестьянства, китайские помещики шли на соглашение с монгольскими завоевателями.

Чжао Цзи-янь считает неправильным высказывавшийся некоторыми историками взгляд, будто в высшей монгольской администрации не было ни одного китайца. Осуществленные в последние годы исследования показали, что среди 16 сановников, составлявших монгольскую правящую верхушку, было несколько китайцев. Китайцы-феодалы входили и в военный совет династии Юань. Много их было и в местной администрации монголов.

Чжао Цзи-янь пишет, что если бы монголы не опирались на китайских помещиков, то они не смогли бы удержаться в Китае в течение почти 90 лет. В статье приводится ряд сведений из источников, показывающих, что монголы, запрещавшие китайцам под страхом смертной казни иметь оружие, делали исключение для помещиков, которые шли на сотрудничество с ними, разрешая им носить луки со стрелами, мечи и т. д.

Как литературные, так и исторические источники, восходящие к эпохе Юань, свидетельствуют о том, что при монгольском господстве китайцы-помещики продолжали владеть громадными полями, мельницами, амбарами, складами, стадами крупного и мелкого скота и совместно с монголами эксплуатировали трудовой народ Китая. Сведений о том, что они оказывали сопротивление монголам, крайне мало. В то же время, исследователи располагают многочисленными данными о борьбе трудящихся китайцев против монгольского ига. Эта борьба не прекращалась ни на один день.

В подтверждение своей точки зрения автор излагает события, имевшие место в середине XIV в., то есть в конце правления монгольской династии, когда засуха, наводнения и голод привели к резкому обострению социальных противоречий. Восставшие против угнетателей крестьяне вначале не выдвигали национальных лозунгов. Из этого автор делает вывод, что ведущую роль в то время играли именно классовые, а не национальные противоречия. Этот вывод, отмечает автор, подтверждается и тем фактом, что в борьбе с повстанцами монгольские поработители опирались прежде всего на китайских помещиков, которым монголы, чтобы удержать власть, предоставили более существенные, чем прежде, привилегии. Однако по мере того, как крестьянское движение расширялось, появился лозунг «изгнания монгольских варваров». На этом этапе в движение включилась часть помещиков, рассчитывавших добиться восстановления своей политической власти.

Антимонгольский лозунг был выдвинут только в конце восстания, в период похода армии Чжу Юань-чжана на север (1367 г.). Автор считает, что одной из главных причин его выдвижения было стремление помещиков ослабить классовый характер движения. Однако в ходе восстания большинство помещиков заняло по отношению к нему враждебную позицию. Помещики начали создавать свои вооруженные отряды. Учитывая это, монгольский император Шунь-ди в 1355 г. призвал к организации особой китайской армии для подавления восстания. Постепенно помещичьи отряды сделались главной силой в борьбе с повстанцами. Впоследствии, однако, многие руководители этих отрядов под влиянием побед крестьянской армии и в предвидении близкого разгрома монгольских завоевателей присоединились к повстанцам.

В. А. Рубин

Жак Дюкло о Парижской коммуне.
«Cahiers du communisme». Paris. 1960. № 4, pp. 609—631.

Большая статья Жака Дюкло посвящена истории и значению Парижской коммуны. Автор пишет, что, несмотря на стремление реакционеров вычеркнуть Парижскую коммуну из французской национальной истории, она тем не менее была и остается одним из факторов международного величия Франции.

Дюкло отмечает, что правительство Наполеона III одновременно с подготовкой войны против Пруссии проводило политику жестокого подавления рабочего движения. Роспуск парижского бюро Интернационала почти совпал по времени с началом франко-прусской войны. Для Наполеона III рабочий класс казался более опасным противником, чем вторгшиеся в страну иностранные ар-

мии. Это понимал Бисмарк; в августе 1870 г. он писал в одном из частных писем, что Наполеон III все больше склоняется к мысли: лучше повернуть войска против парижан, чем против пруссаков.

Дюкло указывает на два основных вопроса, вокруг которых в период между буржуазной революцией 4 сентября 1870 г. и пролетарской революцией 18 марта 1871 г. шла борьба народных масс с правительством «национальной обороны». Это вопросы о войне и мире, о характере французской республики. Антинациональная и антидемократическая политика правительства особенно ощущалась в Париже, и поэтому в сознании парижских трудящихся быстрее созрела идея создания революционного правительства. Эта идея была осуществлена в период восстания 18 марта 1871 г., в ходе которого была создана Парижская коммуна — первое в истории правительство рабочего класса.

Коммуна поставила перед собой две задачи чрезвычайной важности: освободить Францию от иностранного вторжения и рабочий класс — от капиталистической эксплуатации путем установления социалистического строя. Таким образом, в Парижской коммуне нашли свое гармоническое сочетание общенациональные интересы Франции и классовые интересы французского пролетариата. Деятельность Коммуны, отмечает Дюкло, показала, что рабочий класс в состоянии практически разрешить демократические задачи, тогда как буржуазные демократы ограничиваются болтовней.

Работая над статьей, Дюкло обратился к официальной газете Коммуны «Journal Officiel de la Republique Française», пожелтевшие страницы которой нельзя читать без волнения. На основании данных газеты Дюкло приводит факты международной пролетарской солидарности с Парижской коммуной. Так, бельгийская газета «Liberté» писала: «Пусть наши друзья в Коммуне, которые с презрением смотрят в глаза клевете и смерти, не отчаиваются... Это они откроют ворота в век социализма».

Автор статьи подчеркивает, что Парижская коммуна, которая была пронизана духом пламенного патриотизма, по своей сущности являлась глубоко интернациональной. Если первая французская революция, пишет Дюкло, создала «Марсельезу», песню, которая обошла весь мир, то Парижская коммуна подняла над миром песню борьбы и надежды — «Интернационал».

В дни Парижской коммуны в Алжире вспыхнуло национально-освободительное восстание. Генерал-губернатор Алжира адмирал Гедеон, назначенный на этот пост Тьером, отдал приказ. «Действовать в Алжире так же, как в отношении Коммуны».

Общность интересов рабочего класса метрополии и народов колоний проявилась уже в то время.

В числе причин гибели Парижской коммуны автор особенно выделяет отсутствие идеологического единства французского рабочего класса.

Коммуна оказала непосредственное влияние на весь последующий ход исторического развития Франции. Не будь Коммуны, во Франции снова восторжествовал бы монархический режим и не смогла бы утвердиться Третья республика.

Перед лицом старых монархий и реакционных правительств всех стран Парижская коммуна в течение 72 дней возвышалась над миром как правительство нового типа, как провозвестник великих потрясений XX в., пишет Дюкло, а 7 ноября 1917 года в России было возмездием за поражение Парижской коммуны.

Р. Я. Цирульник

Американский журнал о политике русской буржуазии в годы первой мировой войны.

«Journal of Modern History». New York. March 1960. Vol. XXXII, № 1, pp. 16—24.

В одном из последних номеров американского журнала «Journal of Modern History» опубликована статья реакционного историка Томаса Райе «Милюков и прогрессивный блок в 1915 г. К вопросу о политике последнего шанса», посвященная истории политической борьбы в России перед революциями 1917 года.

Статья не содержит ни нового фактического материала, ни новых идей. Приведенные в ней факты уже известны историкам.

Содержание статьи можно кратко изложить так: «прогрессивный блок», возникший в IV Государственной думе летом 1915 г., был последней предпринятой с «добрыми намерениями» попыткой «спасти» царизм, когда это, по мнению автора, якобы было возможно; однако монархия отказалась от протянутой ей блоком «руки помощи» и тем будто бы обрекла себя на гибель.

Статья Райе отражает тенденции многих буржуазных исторических работ, посвященных предреволюционной истории России, и

с этой точки зрения она представляет определенный интерес.

Самый выбор темы статьи отнюдь не случаен. Реакционные буржуазные историки, не жалея труда, пытаются найти рецепт некоего «нового» пути общественного развития, без революций, без коренных социальных изменений, некое идиллическое общество, где бы мирно, в трогательном единении шли дорогой «прогресса» помещик с крестьянином, рабочий с фабрикантом. Вслед за другими реакционными историками Райе фантазирует об «эволюционном» пути развития, который будто бы был возможен для России, подразумевая под ним путь половинчатых реформ, основывавшихся на союзе буржуазии и царя. Именно с этой точки зрения автора статьи интересует «прогрессивный блок» — «орудие эволюции, а не революции».

Пытаясь изобразить буржуазию носительницей социального прогресса, этот историк из-за своей классовой ограниченности не видит, что русские либералы были враждебны трудящимся массам и не были способны решить сложные вопросы, стоящие перед Россией в тот период. Их программа, сводившаяся в области внешней политики к «войне до победного конца», не давала удовлетворительного ответа и на главные вопросы внутреннего развития государства. В области внутренней политики они выступали за эксплуатацию рабочих и крестьян. Кадеты так же, как и другие буржуазные партии, не хотели решать ни рабочего, ни аграрного, ни национального вопросов. Но, не желая признать такую позицию буржуазного либерализма, апологет капиталистического строя Райе сейчас защищает контрреволюционную деятельность сошедшей с исторической арены русской буржуазии, ее стремление сохранить изживший себя эксплуататорский общественный строй, ее демагогические лозунги об «объединении всех классов» для ведения империалистической войны.

Стремление идеализировать либерально-монархическую буржуазию приводит автора, в частности, к выпячиванию роли Милюкова.

Так же, как и многие другие современные буржуазные авторы, Райе видит причины гибели самодержавия в России в ограниченности царя. Он считает, что если бы Николай II был немного умнее и меньше поддавался влиянию жены, а императрица понимала бы, что Россия не является фамильной вотчиной Романовых, и если бы они лучше выбирали своих министров, то весь ход русской истории принял бы совершенно другое направление.

Тем самым автор статьи игнорирует законы классовой борьбы, объективную неизбежность надвигавшейся в России буржуазно-демократической революции. Царь выражал интересы эксплуататорских классов России. В. И. Ленин отмечал, что царь не одинок. «А не слыхали ли вы, гг. профессора и депутаты, о совете объединенного дворянства? о поддержке им политики правительства? о сотенке миллионов десятин лучших земель в лучших частях России у помещичьего класса? о всех важнейших, статских и военных должностях, принадлежащих тому же классу? о сахарных и прочих финансовых королях из среды того же класса?» [1] — писал В. И. Ленин в 1913 году.

Цепь «фатальных» случайностей, якобы приведших к свержению царизма, нужна автору для того, чтобы обосновать возможность дорогого его сердцу выдуманного «эволюционного пути» и оправдать капитализм перед судом истории. Именно для того, чтобы попытаться опровергнуть закономерность революций, Райе написал свою статью.

Несмотря на все усилия буржуазных историков, им никогда не удастся доказать, что русская буржуазия имела якобы какой-то «последний шанс» на спасение, как в конечном итоге нет его у капиталистов всех стран.

М. Г. Панкратова

Реакционная схема социальной истории Соединенных Штатов.
«American Historical Review». Washington. 1960, № 4, pp. 496—511.

Усиление реакции в США, особенно резко обозначившееся во многих областях общественной жизни после второй мировой войны, проявилось и в области исторической науки. Американские реакционные буржуазные историки взялись заново переписывать историю США — в духе откровенной апологетики монополистического капитализма. Особенно усердствуют в выполнении этого заказа монополистов представители «школы истории бизнеса», в частности А. Невинс и другие. Этим усердием пронизана и статья Роуленда Берт-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 213.

хоффа «Американский социальный порядок. Консервативная гипотеза».

Бертхофф начинает свою статью словами, взятыми из речи, которую произнес в 1950 г. на собрании Американской исторической ассоциации тогдашний ее президент, военный историк С. Е. Морисон: «Мы нуждаемся в истории США, написанной с точки зрения здорового консерватизма». По словам Бертхоффа, 1951—1960 годы были десятилетием «динамического консерватизма» в политике и благоприятным временем для пересмотра истории американского общества.

Бертхофф констатирует, что за последнее время ряд историков отошел от установившихся определений в оценке отдельных эпизодов американской истории, но с сожалением отмечает отсутствие «широкого консервативного синтеза». Историки, говорит он, были недостаточно предприимчивы. Эта инертность, по его мнению, объяснялась не только «показным либерализмом ученых, чьи работы были написаны в эру прогрессизма и «нового курса», но также и тем, что поиски нового синтеза не осуществлялись при изучении социальной истории, а главным объектом внимания была история идей.

Вопросом первостепенной важности для историков, изучающих американский социальный порядок, Бертхофф считает определение центральной темы, вокруг которой они могли бы объединить материал. «...Центральным и непреходящим фактором на протяжении всей истории американского общества является его характерная мобильность»,— заявляет он. Вот эта-то «мобильность», «изменчивость» и должна быть, по его мнению, главной темой социальной истории США. Бертхофф выделяет три вида «физического и социального движения», сыгравших важную роль в создании американских общественных институтов: 1) внутренняя миграция (движение на запад и приток населения в города); 2) иммиграция; 3) «социальная или вертикальная мобильность, питавшаяся наличием свободных земель и расширяющейся торговлей и промышленностью... и создавшая нашу характерную структуру классов общества». При этом автор подчеркивает взаимозависимость этих различных видов «мобильности».

Затем Бертхофф переходит к изложению «общей гипотезы специфической эволюции американского социального порядка». В этой эволюции он выделяет три фазы. Первая охватывает XVII и XVIII вв. (до 1815 г.) и характеризуется, по его мнению, сравнительно слабой «мобильностью» и установлением довольно прочного социального порядка.

Вторая фаза — XIX столетие — это «эпоха огромной миграции, иммиграции, социальной мобильности, во время которой недавно установленный социальный уклад стал в высшей степени дезорганизованным и, по сути дела, беспорядочным».

Бертхофф подробно останавливается на второй фазе. Движение на запад, иммиграция, последствия промышленной революции — все эти моменты он расценивает как факторы, предопределившие «социальный беспорядок» в Америке XIX столетия. Для характеристики взглядов Бертхоффа показателен и его подход к некоторым другим проблемам истории США этого периода. Бертхофф пытается с точки зрения своей консервативной схемы оценивать движение аболиционистов; рабочее движение первой половины XIX в. и аграрные движения второй половины столетия (в частности популизм) он расценивает как «реакционные».

О третьей фазе Бертхофф пишет: «Наконец, после переходного периода, примерно между 1900 и 1930 гг., когда закончились заселение свободных земель и иммиграция и началась попытка глубокой реорганизации, мы за последние тридцать лет создали общество, которое, хотя и является высокомобильным, представляет собой более единое целое, чем общество XIX в., и в этом смысле больше сравнимо с обществом XVIII в.».

«В известном смысле широкая буржуазная однородность восемнадцатого столетия была восстановлена»,—провозглашает Бертхофф. В этом утверждении — суть псевдонаучных изысканий автора. Здесь что ни слово, то искажение действительного хода событий. Во-первых, «общество XVIII в.» не было однородным, и американская революция конца века, покончившая с английским господством и с остатками феодализма, доказала это весьма наглядно; вместе с тем революция почти не затронула рабства и тем самым оставила почву для дальнейшего обострения антагонизма внутри молодого государства.

Во-вторых, антагонизм между буржуазией и пролетариатом, возникший с появлением этих классов, никогда не затихал, и сегодня противоречия между ними куда острее, нежели в XIX веке. Мощное забастовочное движение в США в последние годы — яркое тому доказательство.

Автор выступает с панегириком «государству всеобщего благосостояния», каковым, по его мнению, являются ныне США. Повторяются избитые фразы о том, что уже более не неизбежны кризисы, что рабочий класс стал богаче, а плутократия беднее.

Начав с изменчивости американского общества, Бертхофф кончает прославлением устойчивости существующего в США социального порядка. Его реакционная схема, представляющая историю США в виде круговорота, направлена в первую очередь на оправдание и защиту капиталистического порядка в США. Таков политический смысл этой «консервативной гипотезы».

В. П. Золотухин

Английский историк в роли апологета Гитлера.

«Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte». Stuttgart. 1960, № 2. S. 121—133.

Английский реакционный буржуазный историк Х. Тревор-Ропер в статье «Военные цели Гитлера», опубликованной в западногерманском журнале, претендует на «новую» постановку вопроса. С первых же строк он заявляет, что цели Гитлера якобы существенно отличались от тех целей, которые преследовали лица, поставившие его в 1933 г. у власти. Это утверждение, высказанное как будто мимоходом,— один из основных элементов концепции автора. Подобно своим многочисленным западногерманским реакционным коллегам, Тревор-Ропер пытается отрицать непреложный, убедительно доказанный историей факт, что Гитлер был ставленником германских монополий и не имел иных целей, кроме тех, которые выдвигались перед ним германскими монополистами.

По мнению Тревора-Ропера, планы Гитлера не соответствовали якобы и тому, что приписывают ему другие историки, в том числе соотечественники Тревора-Ропера — Л. Нэмир, Л. Баллок, А. Тэйлор. Автор считает, что единственной целью гитлеровской агрессии был захват советских земель; в отношении же Запада у Гитлера якобы не было экспансионистских замыслов. Агрессивные планы Гитлера и его действия, опровергающие эту фальшивую концепцию, известны Тревору-Роперу. Однако он отметает их, заявляя, будто единственно стабильной в речах и делах Гитлера была мысль о создании империи на Востоке. «В действительности,— подчеркивает Тревор-Ропер,— его не интересовали ни Англия, ни Франция». В этих рассуждениях автора статьи видно прежде всего его стремление оправдать гитлеровскую агрессию против СССР и заставить народы забыть тот факт, что Германия воевала с западными державами.

Рассуждения Тревора-Ропера находятся в противоречии с исторической правдой. Разнообразные документы, одни — получившие известность еще в предвоенные годы, другие — увидевшие свет после разгрома гитлеровской Германии, свидетельствуют о том, что целью германского империализма было завоевание мирового господства. А это означало агрессию не только против Советского Союза, но и против западных стран. Конечно, германский фашизм испытывал особую ненависть к социализму и мировому коммунистическому движению. Но достаточно перелистать книгу Г. Раушнинга «Гитлер говорил мне», изданную в 30-х годах, или материалы Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками, чтобы удостовериться в том, что гитлеровцы годами вынашивали также планы сокрушения Англии, Франции, США и других государств. Тревор-Ропер «забывает» о шумной, нараставшей в Германии с каждым годом кампании по вопросу о колониях, приобрести которые германские империалисты могли, естественно, прежде всего и главным образом за счет Англии и Франции.

Тревора-Ропера не смущает и тот факт, что замыслы германских империалистов отнюдь не остались беспочвенными мечтаниями: прошло немного лет с тех пор, как кованые сапоги фашистских солдат стучали по мостовым Парижа, а германские бомбардировщики сметали с лица земли города Англии. При этом Тревор-Ропер прибегает к грубейшей лжи. «По отношению к Франции,— пишет он,— завоеванной и обезвреженной, проявлялась мягкость, ее даже баловали». Надо быть прямым апологетом Гитлера, чтобы столь беззастенчиво глумиться над памятью десятков тысяч мужественных борцов за независимость Франции, замечательных французских патриотов, расстрелянных и замученных гитлеровцами в годы оккупации.

Назойливо твердя о том, будто бы Гитлер был преисполнен миролюбивыми чувствами по отношению к западным державам и мечтал лишь об одном — завоевании обширных территорий, расположенных на востоке от Германии, Тревор-Ропер приво-

дит в качестве одного из «доказательств» неизвестную рукопись Гитлера, написанную в 20-е годы и содержащую обоснование необходимости англо-германского соглашения. Изображая Гитлера сторонником англо-германской «дружбы», Тревор-Ропер и его единомышленники стремятся таким образом оправдать в глазах народов западных стран проводимую западными державами преступную политику вооружения Западной Германии, агрессивные устремления ее руководителей.

Попутно Тревор-Ропер пытается преподнести читателю отнюдь не новую версию о том, будто бы правящие круги западных держав не знали действительных намерений Гитлера, не подталкивали систематически агрессию гитлеровской Германии на Восток. В свете неопровержимых документов, изобличающих мюнхенскую политику и ее проводников, ухищрения Тревора-Ропера выглядят крайне неуклюже.

Такова «новизна» выдвинутых в статье Тревора-Ропера положений. В целом его работа — весьма наглядный пример обслуживания буржуазной исторической наукой современных политических потребностей господствующих классов. Это особенно отчетливо выступает в свете того, что Тревор-Ропер, будучи медиевистом, взялся за тему по новейшей истории.

Л. И. Гинцберг

Французский журнал о попытках реабилитации исторического прошлого Прусского государства.

«Annales». Paris. 1960, № 1, pp. 130—150.

«Немецкие историки и реабилитация Пруссии» — так называется статья П. П. Сагава, посвященная рассмотрению ряда работ современных реакционных западногерманских историков. Статья опубликована в одном из влиятельных французских исторических журналов, «Annales», вокруг которого группируется целая школа французских буржуазных историков.

Разгром фашистской Германии поставил перед немецким народом, в частности, как справедливо отмечает автор обзора, перед немецкими историками, важный вопрос об отношении к историческому прошлому Германии. Историки Германской Демократической Республики успешно решают эту проблему, вскрывая и осуждая реакционные, милитаристские традиции, связанные с политикой господствующих классов, и вместе с тем показывая прогрессивные и свободолюбивые традиции немецкого народа. Автор не рассматривает это прогрессивное направление в немецкой исторической науке.

Статья концентрирует внимание читателя на работах представителей реакционной западногерманской исторической науки, в которых вполне определенные политические замыслы облечены в покровы профессорской учености и «научной» аргументации. Разбор этих работ дается под одним определенным углом зрения — отношения к историческому прошлому Прусского государства. Отмечая, что «немецкая историческая наука приступает... в настоящее время к реабилитации Пруссии», автор обзора выделяет прежде всего трех реакционных буржуазных историков, стремящихся «придать злободневность прусскому прошлому Германии». Ими являются: Герхард Риттер, Ганс Иоахим Шёпс, Вальтер Хубач.

П. Сагав выделяет четыре основных периода, на которых сосредоточено внимание этих западногерманских историков: период завоеваний Тевтонского ордена, Пруссия во время правления Фридриха II, период наполеоновских войн и, наконец, эпоха Бисмарка. «Три известных немецких историка,— отмечает автор статьи,— предпринимают каждый в своей специальной области реабилитацию этого государства, которое послужило основой Германии нового времени. Они стараются показать Пруссию державой скорее мирной, чем милитаристской. Они показывают, что она управлялась образцовой администрацией, проникнутой скорее либеральным, чем авторитарным духом. Ее государственные деятели, наконец, предстают в этих работах заслуживающими оправдания перед германской историей».

Тевтонские завоевания и тевтонская Пруссия привлекают внимание прежде всего Хубача и Шёпса. Стремясь обелить агрессию тевтонских рыцарей против славянских народов, приписывая рыцарям цивилизаторскую миссию, Хубач обходит молчанием «избиение большой части первоначального населения». Под пером Шёпса «Восточная Пруссия предстает в конечном счете как страна, склонная к добрососедским отношениям и мирному культурному и торговому обмену между немцами и славянами. Автор попросту забывает многочисленные попытки германской экспансии (от XVIII до XX в.), оставшиеся без последствий». Шёпс, полагает П. Сагав, скатывается «к той идеализации рыцарского

ордена, которая была предпринята историками XIX в., особенно Трейчке...».

П. Сагав, говоря о Пруссии в годы правления Фридриха II, резонно замечает, что «трудно обойти молчанием два классических выражения ее духа — милитаризм и его вариант в гражданской жизни — бюрократизм». Однако эти явные черты, присущие прусскому государству, нисколько не смущают западногерманских ученых мужей. Более того, Хубач пытается открыть в прусском государстве XVIII в. «осуществление на практике идей, высказанных Монтескье в «Духе законов», а Шёпс, признав, что иногда в этом государстве встречались и карьеризм и низкопоклонство, объявляет эти качества пороками, якобы свойственными славянской расе и получившими будто бы распространение в Пруссии с момента раздела Польши. Что касается прусского милитаризма того времени, то Шёпс объявляет его «мифом», а Риттер заявляет, что родоначальником современного милитаризма является «французская революция (!) с ее массовыми воинскими наборами» (при этом он обходит молчанием нашествие на Францию 1792 г.).

Анализируя трактовку истории Пруссии начала XIX в. (в частности реформ Штейна), данную вышеназванными историками, П. Сагав не без сарказма резюмирует: «Так создается... пленительный образ новой Пруссии — государство-образец; образ, который мог бы послужить иллюстрацией к известной фразе Гегеля: «Прусское государство есть явление царства божия на земле».

И, наконец, если не полным пацифистом, то, во всяком случае, исполненным мирных стремлений предстает в работах трех историков, и прежде всего Риттера, не кто иной, как Бисмарк, этот вдохновитель политики «железа и крови».

Подводя итог изложению важнейших аргументов Риттера, Шёпса и Хубача и отмечая «очевидную слабость всех этих доказательств», автор обзора справедливо ставит вопрос: «Какую же цель преследуют эти историки подобного рода рассуждениями?». И с полным основанием дает следующий ответ на этот вопрос: «Непосредственная цель работ Риттера, Шёпса и Хубача очевидна: речь идет о том, чтобы доказать, что прусский дух ничего и ни в каком отношении не дал национал-социалистской идеологии и что существует глубокое различие между политической реальностью старой Пруссии и Пруссии времен третьей империи». «Прусский дух» представлен в работах этих немецких историков как противоположность национал-социалистской идеологии.

Однако этот вопрос влечет за собой другой: а для чего же понадобилось так тщательно обелять, не останавливаясь перед явной фальсификацией, историческое прошлое Пруссии, всячески стараясь противопоставить пруссаческие традиции фашистской «теории» и практике? Тут-то мы и подходим к политическому стержню всех этих «научных» изысканий, и автор обзора говорит об этом достаточно прямо: «Эта аргументация, очевидно, предназначена для того, чтобы поднять дискуссию вокруг вопроса о современных восточных границах Германии».

Таким образом, от всех этих «исторических» сочинений за три версты несет духом германского реваншизма; и если Хубач отказывается видеть в границе по Одеру — Нейссе «границу мира», то для Шёпса восстановление Пруссии есть «синоним обновления Европы». Поэтому прав автор статьи, отмечая, что «от реабилитации к восстановлению всего один шаг, который уже сделан, по крайней мере в мыслях. Эта «историческая» наука в духе явного политического прагматизма готовит пути к политическому действию».

Появление обстоятельного обзора подобного рода на страницах «Annales» показывает, что реваншистские упражнения западногерманских историков вызывают по меньшей мере настороженное отношение и в кругах французских буржуазных историков.

А. В. Адо

Блок норвежских правых социалистов и аграриев.

«Historisk tidsskrift». Oslo. 1959, № 2, S. 121—139.

Известный норвежский социал-демократический историк Эдвард Булль выступил со статьей о соглашении 1935 г. между Норвежской рабочей партией (НРП) и Крестьянской партией, определившем условия поддержки «крестьянами» «рабочего» правительства Нюгорсволла. Изучение проблемы сотрудничества реформистов и аграриев важно для понимания политической истории стран Северной Европы. НРП в начале 30-х годов считалась более левой, чем социал-демократия Швеции и Дании. Кре-

стьянская партия была в Норвегии и много сильнее и реакционнее, чем соответствующая партия в Швеции. Именно правительство Крестьянской партии организовывало репрессии против норвежских рабочих в годы мирового экономического кризиса (1929—1933) и имело в своем составе Квислинга в качестве военного министра.

Автор использовал протоколы фракции НРП в стортинге и копию дневника Нюгорсволла за 1934—1935 гг., а также материалы опросов нескольких деятелей НРП того времени. Позиция Крестьянской партии изучена им слабее.

Булль устанавливает, что сближение между обеими партиями наметилось в 1934 г. вследствие разногласий Крестьянской партии с правительством Мовинкеля по вопросу о мерах борьбы с аграрным кризисом. 14—15 марта 1935 г. в результате единодушного голосования НРП и Крестьянской партии это правительство было свергнуто. Булль пришел к выводу, что переговоры между двумя партиями велись еще до образования правительства Нюгорсволла, хотя официальная версия той и другой партии оспаривает это. Булль указывает, в частности, что еще 4 марта состоялась важная встреча между лидером Крестьянской партии Хунсейдом и главой фракции Норвежской рабочей партии в стортинге Нюгорсволлом. Официальные переговоры между ними, начавшиеся 28 марта, открыло уже правительство НРП, причем письменного соглашения, в отличие от Швеции, заключено не было. Булль признает, что соглашение означало серьезную уступку требованиям аграриев по всем линиям и окончательный отказ НРП от лозунгов социализации и разоружения. Главной причиной компромисса он считает мировой экономический кризис.

Автор справедливо обращает внимание на угрожающие фашистские настроения правого крыла Крестьянской партии и в связи с этим отмечает известное положительное значение соглашения 1935 г. в деле преодоления фашистской опасности, которая в Норвегии была гораздо серьезнее, чем в остальных скандинавских странах.

Материал статьи Булля ясно показывает, как далеко вправо зашла «радикальная» НРП к началу 30-х годов и как легко пошла она на сговор с типично буржуазной партией.

А. С. Кан

США и восстание бразильского флота в 1893—1894 гг.

«The Hispanic American Historical Review». Washington. 1960, № 1, pp. 107—118.

Статья историка Корнэлльского университета Уолтера Лефебера посвящена политике США в Бразилии в 1893—1894 годах.

В начале 90-х годов Бразилия переживала напряженное время. В мае 1888 г. после длительной борьбы было официально отменено рабство, в ноябре 1889 г. была свергнута монархия и провозглашена республика. Эти революционные события, всколыхнувшие всю страну, свидетельствовали о том, что Бразилия вступила на путь буржуазного, капиталистического развития. В первые годы экономическое и политическое положение молодой бразильской республики было еще весьма неустойчивым: внутри страны продолжалась ожесточенная борьба между республиканцами и роялистами, царила финансовая неразбериха, процветала спекуляция и коррупция, резко обострилась классовая борьба. В 1893 г. в штате Баия началась революционная крестьянская война, продолжавшаяся в течение четырех лет.

Первое правительство республиканского периода — генерала Деадоро да Фонсека, установившее в стране режим суровой военной диктатуры, вызвало широкую оппозицию. В ноябре 1891 г. Деадоро вынужден был уйти в отставку, передав власть в руки вице-президента, маршала Флориано Пейшото, опиравшегося на поддержку армии.

Усиление диктатуры Пейшото и рост политического влияния армии вызвали недовольство части крупных помещиков-землевладельцев, буржуазии и аристократии, а также флотского офицерства, связанного более тесно именно с этими кругами. В этих условиях 6 сентября 1893 г. началось восстание во флоте под руководством адмирала Кустодио Жозе де Мелло, который под видом борьбы с диктатурой Пейшото пытался захватить власть.

Восстание во флоте, продолжавшееся шесть месяцев — с сентября 1893 г. по февраль 1894 г., привлекло внимание правящих кругов Англии и США, которые стремились использовать его для укрепления своих позиций в Бразилии. Соперничество английских и североамериканских монополистов оказало непосредственное влияние на ход событий в Бразилии.

У. Лефебер правильно замечает, что внешняя политика США в начале 90-х годов XIX в. в значительной степени определялась воздействием экономического кризиса, который разразился в 1893 году.

Бразильская проблема, по мнению Лефебера, явилась «одной из самых сложных» и важных для США. Особая заинтересованность Соединенных Штатов в бразильских событиях объяснялась, по его мнению, тем, что незадолго до восстания, в феврале 1891 г., правительство Деадоро подписало торговый договор с США, встретивший довольно холодное и даже враждебное отношение в самой Бразилии. Когда началось восстание во флоте и адмирал Мелло блокировал Рио-де-Жанейро с моря, перед правительством президента Кливленда, пишет Лефебер, встала задача не только поддержать интересы американских торговых фирм и продолжить их операции в Бразилии, но и принять необходимые меры для энергичной защиты «проамериканских элементов». В подтверждение этой мысли Лефебер приводит архивный материал о действиях американского посла в Рио-де-Жанейро Т. Томпсона, который «под давлением американских бизнесменов в Рио занял определенную позицию поддержки Пейшото». Более того, Томпсон настойчиво требовал от своего правительства выслать военные суда для обеспечения и продолжения торговли с блокированной бразильской столицей любыми средствами, вплоть до применения силы. Лефебер приводит интересный материал о прямом давлении Рокфеллера и других крупнейших монополистов на госдепартамент с целью принятия мер для более активной защиты их интересов в Бразилии. В гавань Рио-де-Жанейро были посланы военные корабли «Сан-Франциско», «Нью-Йорк» и еще два крейсера, которые начали военные действия против восставших. Вооруженное вмешательство США во внутренние дела Бразилии явилось поворотным пунктом в ходе восстания; оно ускорило его поражение. Эту акцию, полностью одобренную госдепартаментом, большинство буржуазных историков по справедливости считает «прямой интервенцией» (Ч. Е. Мартин, Ч. А. Тимм, Дж. Б. Мур).

Какую же оценку дает этому факту Лефебер? На первый взгляд может даже показаться, что он дает возможность читателю самому сделать вывод о том, имела ли место интервенция или нет. Но такая уловка носит формальный характер, ибо точка зрения самого автора заключается именно в том, чтобы убедить читателя, что ни о каком вмешательстве США во внутренние дела Бразилии не может быть и речи, что никаких политических целей американское правительство не преследовало, что США на протяжении всего конфликта были нейтральны и лишь «защищали интересы своей торговли». Попытка Лефебера скрыть подлинное лицо агрессивной политики США, их интервенционистские действия, несостоятельна. Факты истории неопровержимы, а они говорят о том, что ни о какой дружественной, «братской» политике США по отношению к Бразилии нельзя говорить серьезно. Все действия США были продиктованы стремлением монополий к наживе и закабалению других народов. Автор сознательно уходит от выводов, ибо боится признать правду и осудить политику США. «Новая интерпретация», которую пытается обосновать Лефебер, сводится, по существу, к пересмотру прежней, принятой даже в буржуазной американской историографии, правильной оценки политики США как интервенционистской. Такова одна из новых тенденций, характерных для современных буржуазных фальсификаторов истории.

Б. И. Коваль

О роли храмового хозяйства в средневековой Индии.

«The Journal of Asian Studies». Ann Arbor. 1960, № 2, pp. 163—176.

Статья С. Бартона «Экономическая роль южноиндийских храмов в средние века» представляет собой исследование, основанное на изучении текстов почти 1000 надписей из известного южноиндийского храма в Тирупати (штат Андхра). Надписи относятся к IX—XVII вв. и являются ценным источником для изучения вопроса о характере использования земельных и денежных пожалований, поступавших в храм, и выяснения экономических функций южноиндийских храмов в средние века. В наиболее полном виде сохранились надписи за период с середины XV в. до середины XVII в., когда храм в Тирупати находился под покровительством правителей империи Виджайянагар.

В 1456—1570 гг. храму было пожаловано свыше 100 деревень и крупные суммы денег. Земельные пожалования делались в виде деревень, частей деревень и участков

обрабатываемой земли. Имелись четыре формы земельных владений в XV—XVII вв.: 1) земли короны, которые управлялись непосредственно налоговой администрацией имперского правительства и с которых государство получало значительную часть своих доходов; 2) земли, пожалованные за военную службу военачальникам и местным феодалам, которые часть доходов отдавали в имперскую казну, а часть оставляли на содержание войска; 3) земли, пожалованные безвозмездно брахманам, храмам и учебным заведениям; 4) земли крестьян-собственников. Храму жаловались земли всех четырех типов землевладения. Дарителями земли являлись государство, должностные лица в храмах, местные жители и купцы. Доходы с храмовых земель делились на «большую долю», которую получал храм, и «меньшую долю», которую получал владелец земли или крестьяне.

В 1509—1568 гг. храм получил от государства 105 из 115 пожалованных деревень. С середины XV в. в храм Тирупати начали поступать крупные денежные пожалования. В статье цитируется надпись, сделанная в 1542 г., из которой явствует, что денежное пожалование храму в сумме 15 тыс. нар-панам было вложено целиком в ирригационное строительство на храмовых землях. Осуществление программы ирригационного строительства за счет религиозных пожалований было характерным явлением для Южной Индии в средние века.

На ухудшение благосостояния храма непосредственное влияние оказал политический кризис империи Виджайянагар. Анализ данных, приводимых в надписях Тирупати, дает возможность автору предположить, что для приближенных императора и крупных военачальников пожалования храму были доказательством их политической лояльности. Отмечается важная роль частных дарителей — купечества и горожан Тирупати, а также служителей храма. Особое значение частные пожалования приобрели в период упадка империи Виджайянагар. В 1542—1568 гг. они составляли свыше половины всех денежных пожалований.

Автор отмечает зависимость от храмового хозяйства многочисленных храмовых служителей, учеников и учителей учебных заведений при храме, музыкантов, поэтов и прочих, кто получал долю «святой пищи» (¼ «святой пищи» получал даритель).

Из ряда надписей храма в Тирупати следует, что «святая пища» была предметом торговли. Право торговли «святой пищей» давалось служителями и дарителями на откуп.

В XV—XVI вв. происходят изменения в организации управления храмом, вызванные огромным притоком земельных и денежных пожалований. В XIV в. управление хозяйством храма осуществлялось 12 старостами, 7 из которых были мирянами из Тирупати и 5 — служителями храма. Быстрый рост богатств храма, а вместе с ним и рост его славы и могущества стали привлекать большое количество паломников. Храмовое хозяйство стало расширяться: для паломников строились гостиницы, молельни и т. д. Новые учреждения при храме обладали значительной степенью самоуправления, они имели своих управляющих, казну, склады. Сюда стали поступать также пожалования, доходы с которых уже не принадлежали храму, контроль со стороны управителей храма стал ослабевать. Децентрализация управления храмовым хозяйством дала возможность непосредственно правителям храма сосредоточить в своих руках контроль за храмовыми землями.

Анализ надписей из храма в Тирупати позволил автору сделать вывод, что южноиндийский храм, являясь религиозным центром, выполнял в то же время важные экономические функции.

Н. Н. Сосина

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ *

Арциховский А. В. и Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1955 г.) М. 1958. 148 стр. Рец.: Роррe А.— «Przegląd hist.». Warszawa, 1959, t. 50, zesz. 4, s. 864—869.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов Коми XIX — начала XX в. М. 1958. 392 стр. (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 45). Рец.: Hegui J.— «Ethnographia». Budapest, 1959, № 1—3, pp. 477—480.

Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.-Л. 1958. 460 стр. Рец.: Walicki A. Poglądy historyczne dekabrystów. «Slavia orientalis». Warszawa, 1959, № 2—3, s. 173—178.

Воробьев М. В. Древняя Япония. Историко-археологический очерк. М. 1958. 118 стр. Рец.: Ojtozi K. E.— «Antik tanulmányok». Budapest, 1959, № 1—3, 139—141 old.

«Вторая мировая война 1939—1945 гг.». Военно-исторический очерк. Под общей ред. С. П. Платонова. М. 1958. 931 стр. Рец.: Schnitter H.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1960, Ug. VIII, Hf. I, S. 197—201.

Дамдинсурен Ц. Исторические корни Гэсэриады. М. 1957. 240 стр. Рец.: Glaesser G.— «East and West». Rome, 1959, vol. 10, № 4, p. 292—297.

Динкевич А. Экономика послевоенной Японии (1945—1955). М. 1958. 200 стр. Рец.: Надзама Гэндзо.— «Кэйдзайгаку дзасси». Токио — Осака, 1959, сент., т. 41, № 3, с. 82—92. (На япон. яз.)

«Документы внешней политики СССР». Т. I. 7 ноября 1917 — 31 декабря 1918. М. 1957. 770 стр. (Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР). Рец.: Czubiński A. — «Studia źródłoznawsze». T. 4. Warszawa — Poznań, 1959, s. 201—204.

«Из истории рабочего класса и революционного движения». Сб. ст. памяти акад. А. М. Панкратовой. М. 1958. 795 стр. Рец.: Kaczyńska E. — «Kwartalnik hist.», Warszawa, 1959, № 4, s. 1286—1289.

Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источники. (Опыт анализа). М. 1957. 208 стр. Рец.: Wasilewski T.— «Kwartalnik hist.», Warszawa, 1959, rocz. 66, № 3, s. 941.

«История философии». Т. 1—2. М. 1957. 718 стр. Рец.: «Viata studentească». București, 1960, № 1—2, p. 7.

Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М. 1958. 360 стр. Рец.: Lot-Folck E.— «Anthropologia». Prague, 1959. T. 63, № 1—2, p. 135—136.

«Локарнская конференция 1925 г.». Документы. М. 1959. 510 стр. Рец.: Schützler H.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1960, Yg. VIII. Hf. I, S. 245.

Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л. 1955. 374 стр. Рец.: Флоровский А.— «Byzantinoslavica». Prague, 1959, T. 20, № 2, s. 315—318.

Майоров С. М. Борьба Советской России за выход из империалистической войны. М. 1959. 295 стр. Рец.: Jähn G.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin 1960, Yg. VIII, Hf. I, S. 246—247.

«Международные отношения и внешняя политика Советского Союза. 1945—1949». Под ред. Г. А. Деборина. М. 1958. 295 стр. Рец.: Rosenfeld G.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1959, Yg. VII, Hf. 8, S. 1839—1840.

«Международный политико-экономический ежегодник. 1959». М. 1959. 738 стр. Рец.: Schützler H.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1960, Yg. VIII, Hf. 1, S. 239.

«Народы Америки». Ред. А. В. Ефимов и С. А. Токарев. М. 1959. 670 стр. Рец.: Edgerton R. B. — «Amer. anthropologist», Menasha. Wis., 1959, Oct., vol. 61, № 5, p. 902—903.

Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М. 1959. 531 стр. Рец.: Winter E.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1959, Yg. VII, Hf. 8, S. 1888.

Петров И. Стратегия и тактика партии большевиков в Октябрьской революции. М. 1957. 525 стр. Рец.: Schaaf H. W.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1959, Yg. VII, Hf. 8, S. 1840—1843.

Петряев К. Д. Очерки по истории Германии начала XX века (1900—1914 гг.). Одесса. 1959. 355 стр. Рец.: Klein Fr.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1959, Yg. VII, Hf. 8, S. 1883—1884.

«Пролетарский интернационализм — боевое знамя коммунистической партии» (Сб. ст. по вопросам истории КПСС). М. 1959. 364 стр. Рец.: Jähn G. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1960, Yg. VII, Hf. 1, S. 240.

«Против фальсификаторов истории второй мировой войны». М. 1959. 334 стр. Рец.: 1) Lider J. O literaturze zniekształcającej historię drugiej wojny światowej. «Wojsko ludowe». Warszawa, 1959, № 12, s. 13—21; 2) T. S. — «Myśl wojskowa». Warszawa, 1960, № 2, s. 140—143.

Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV веках. М.-Л. 1959. 287 стр. Рец.: Winter E. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Berlin, 1959, Yg. VII, Hf. 8, S. 1887—1888.

Самсонов А. М. Великая битва под Москвой 1941—1942. М. 1959. 222 стр. Рец.: Bułhak H. — «Kwartalnik hist.», Warszawa, 1959, № 4, s. 1332—1333.

---

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Фундаментальную библиотеку общественных наук Академии наук СССР за период с 1 января по 1 апреля 1960 года.

Хроника научной жизни

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ *

(Об изучении истории народной Польши)

За 15 лет существования народной Польши во всех областях ее жизни произошли громадные изменения, сущность которых должна стать главной проблемой научных исследований. Как относится к этой проблеме польская историческая наука и что ею предпринято для того, чтобы углубить познание и оценить историческое значение указанных перемен? В рамках небольшой статьи нельзя осветить все стороны поставленной проблемы как с точки зрения успехов, достигнутых в ее изучении, так и с точки зрения характеристики работы институтов и организаций, которые занимаются ее исследованием. Коснемся вкратце только тех работ, которые связаны в первую очередь с переменами, происшедшими за время существования народной Польши в области материальных, а также социальных и культурных условий жизни трудящихся. Понятно, что при этом придется ограничиться лишь некоторыми общими вопросами, не претендуя на полное их освещение.

Прежде всего следует рассмотреть главный вопрос, который неоднократно поднимался в наших научных дискуссиях и часто является основой для негативного отношения ряда польских историков к проведению исследований по проблемам современности. Получила известное распространение точка зрения, согласно которой то, что происходит в настоящее время, не может быть предметом научного исследования, поскольку некоторые наблюдаемые ныне процессы еще не закончились и в силу этого не могут быть изучены, а также потому, что источники, касающиеся этих процессов, пока недоступны для ученых.

Такая точка зрения представляется нам неверной, и ниже мы постараемся это обосновать.

Основой для анализа любых общественных явлений, как известно, должно быть рассмотрение закономерностей их развития, иными словами, исследование коренных проблем данной общественно-экономической формации. Ясно, что исторические процессы, связанные с формированием и развитием новой, социалистической общественно-экономической формации, должны быть предметом научного исследования, а изучение отдельных этапов развития каждого из этих процессов имеет существенное, принципиальное значение для понимания закономерностей перехода от капитализма к социализму. Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эры в истории человечества — эры социализма и коммунизма. Отправным пунктом для исследования по истории современной Польши и других европейских стран народной демократии являются народно-демократические революции, победа которых самым тесным образом связана с освобождением этих стран из-под фашистского ига в результате разгрома гитлеровской Германии Советским Союзом. Эти события служат отправным пунктом при исследовании процессов, происходящих в политической, экономической, культурной и других областях жизни стран, вступивших после второй мировой войны на путь строительства социализма. Указанные процессы, безусловно, можно анализировать, применяя научные методы и основываясь на имеющихся документальных материалах.

Можно ли говорить о том, что продолжающие ныне развиваться процессы, будучи незаконченными, не подлежат научному исследованию? Этот вопрос требует пояснения, так как именно он поставлен в ряде работ, посвященных, в частности, вопросам периодизации истории стран народной демократии, в том числе и Польши, за время их 15-летнего существования.

Вряд ли проекты периодизации, которые недавно обсуждались в польской печати, являются исчерпывающими. Это обсуждение имело целью сделать необходимые теоретические обобщения в отношении исторического развития Польши начиная с 1944 г. и до настоящего времени. Возьмем в качестве примера схему периодизации, предложен-

* В основу статьи положен доклад, прочитанный С. Арнольдом в декабре 1959 г. на сессии Польской Академии наук, посвященной 15-летию Польской Народной Республики.

ную в статье В. Гуры[1] и различающую 5 этапов в истории Польши. Нам кажется, что такого рода периодизация в основе своей является известным отклонением от общеобязательных методологических требований, хотя бы потому, что она (как пишут об этом ее критики, особенно М. Турлейская[2]) непоследовательна и неоднообразна. Но если бы даже мы и приняли вместо этой 5-членной схемы периодизации деление послевоенной истории Польши только на 3 этапа, как предлагает М. Турлейская, то это отнюдь не решило бы стоящей перед нами проблемы.

Дело в том, что периодизация истории народной Польши, как и периодизация современной истории других стран народной демократии, должна быть основана на применении критериев, связанных с основной задачей, стоящей перед этими странами, то есть с задачами социалистического строительства. Исходя из этого, научные исследования должны охватывать не только весь процесс социалистического строительства, но и тщательно изучать как его общие закономерности, так и особенности, вытекающие из специфики каждой отдельной страны. При разработке периодизации современной истории стран народной демократии, в том числе и Польши, необходимо, по нашему мнению, иметь в виду следующие моменты: а) установление и дальнейшее развитие в них диктатуры пролетариата; б) формирование и укрепление союза рабочих и крестьян; в) проведение коренных преобразований в экономике и, в частности, осуществление национализации основных промышленных предприятий; г) преобразования в сельском хозяйстве, начало которым положило проведение в деревне аграрной реформы; д) всестороннее сотрудничество со странами социалистического лагеря и прежде всего с Советским Союзом.

Довольно часто приходится сталкиваться с мнением о том, что изучение проблем современности не может вестись научно, так как над историком довлеет текущая проблематика (главным образом политическая). Вследствие этого точка зрения историка носит якобы чисто субъективный характер, не позволяющий ему давать объективную оценку происходящим событиям. Такое мнение особенно сильно проявилось в Польше в 1954—1956 гг. и было одним из главных исходных моментов ревизионистских концепций некоторых польских историков. Распространение именно этих концепций способствовало в значительной степени отходу многих представителей гуманитарных наук от изучения проблем современности и переключению их основного внимания на исследование явлений далекого прошлого. Однако уход от жгучих вопросов современности в скорлупу так называемой «чистой науки» является, по нашему мнению, доказательством — sui generis — ханжества, проявляемого в данном случае некоторыми учеными. Ведь им хорошо известно, сколько работ (например, в одних только церковных издательствах) посвящается во враждебном нам буржуазном мире проблемам современности, и в том числе именно нашей польской. Совершенно ясно, что история современности, разрабатываемая историками, живущими в данных общественных условиях и декларирующими свою солидарность с ними, должна быть отражением той политической идеологии, которая порождена этими условиями. Такова элементарная истина марксизма-ленинизма.

Важной проблемой, которая связана с исследованием современности, является вопрос об источниках. Среди польских историков существует до сих пор мнение, что источники, которыми мы располагаем, не дают еще оснований для полной разработки проблем развития народной Польши, так как они очень разбросаны, а многие из них (в том числе и архивные) по ряду причин еще не могут быть опубликованы. По поводу таких утверждений следует сказать, что если некоторые материалы по характеру содержащихся в них сведений или по ряду политических соображений пока не могут быть доступными, то это отнюдь не означает, что большая часть проблем истории народной Польши не может документально разрабатываться. Не следует, на наш взгляд, забывать, что такие исторические процессы, как аграрная реформа или национализация промышленности, изменения в социальной структуре общества или мероприятия по развитию польской культуры, школьного дела и т. д., за последние 15 лет в известной степени уже завершены и вполне доступны для научного исследования. То обстоятельство, что некоторые темы в настоящее время еще не могут быть разработаны в полной мере, никоим образом не мешает изучению основных этапов и закономерностей развития социалистической Польши.

Многие источники по истории народной Польши действительно не сосредоточены еще в каком-либо одном хранилище, напри-

[1] См. «Polityka», 1959, № 26.
[2] Там же, № 35.

мер в Архиве новых актов[3], они до сих пор распылены по отдельным учреждениям и ведомствам. Однако это не является существенным препятствием для научного исследования коренных проблем истории народной Польши. Сколько ценнейших материалов по этой тематике имеется уже теперь в архиве Института истории партии при ЦК ПОРП, сколько доступных материалов есть в государственных воеводских архивах! Об этом свидетельствуют и некоторые издания (например, публикация «Организация и боевая деятельность Польской народной армии»), вводящие в научный оборот документальные материалы по истории Польши новейшего времени (вплоть до 1946 г.), которые могут стать основой для написания многих серьезных монографий.

Не менее злободневной является проблема разработки и применения некоторых специфических методов изучения современности. В этой области мы имеем дело с методами, которые можно, на наш взгляд, назвать социологическими. Эти методы имеют огромное значение и должны широко использоваться в научных работах польских историков.

Приемы исследования проблематики отдельных малых или больших общественных групп, семьи, роли социальных прослоек в тех или иных областях хозяйственной жизни, школьной проблематики и т. п., получившие ныне большое распространение почти во всех странах, могут быть использованы, по нашему мнению, при изучении тех коренных преобразований, которые осуществляются в народной Польше. При этом следует отказаться от известных тенденций современной буржуазной науки, ограничивающей и сводящей указанные социологические методы исследования к приемам так называемой микросоциологии.

К сожалению, до последнего времени эти методы не использовались в должной степени для изучения процессов, происходящих в современной Польше. Недооценка социологических методов исследования привела, например, к тому, что такой важный факт из истории строительства социализма в Польше, как возникновение и развитие Новой Гуты — крупного промышленного центра, несомненно, оказавшего громадное влияние на развитие всего народного хозяйства страны, практически вообще не изучался. В результате единственным источником для изучения вопроса о Новой Гуте являются ныне очень отрывочные и неполные материалы (в виде газетных репортажей и т. п.). Они не раскрывают самого процесса создания и роста Новой Гуты, социальной и экономической сущности социалистических промышленных центров такого типа и коренных перемен в материальной и культурной жизни их создателей. Таким образом, весьма затрудняется задача исследователя, который попытался бы на примере указанной и других не менее важных строек дать серьезное освещение великих достижений в строительстве социализма в Польше. Можно привести много аналогичных примеров. Отсюда следует извлечь определенный урок, а именно необходимо наладить систематическую работу по собиранию и обобщению материалов, характеризующих современное состояние и развитие народной Польши. Сбор необходимых данных, их обработка должны идти буквально в ногу с жизнью. С этой целью в широких масштабах должны применяться анкетные методы, элементы новой исследовательской методики. Только такая постановка дела позволит создавать серьезные исследования по современной истории.

Не менее важным участком работы является подготовка научных кадров, которые займутся изучением проблем народной Польши. Здесь следует иметь в виду по крайней мере следующее. Исследователь народной Польши не может быть узким специалистом, например, только историком или только экономистом. Помимо исторических или экономических знаний, он обязан, по нашему мнению, владеть знаниями, выходящими за рамки его собственной профессии. Он должен познакомиться со статистическими методами и уметь правильно применять их, изучить право и иметь хорошую подготовку по вопросам международной политики. Специалисты различных отраслей гуманитарных наук, изучая свою специфическую тематику, постоянно должны иметь в виду весь комплекс проблем, связанных с нею. Иначе эти проблемы не могут быть правильно и всесторонне разрешены. Это вовсе не означает, что историк один в состоянии решать все комплексные проблемы, которые перед ним стоят. Но он должен знать, что его роль сводится к определенному участию в написании коллективных трудов, которые дадут положительный результат лишь тогда, когда они будут создаваться сообща специалистами многих отраслей науки. Иными словами, историк при разрешении

[3] См. B. Kroll. Akta z okresu Polski Ludowej w Archiwum Akt Nowych. «Z pola walki», 1959, № 2.

отдельных проблем обязан хорошо ориентироваться в них не только с точки зрения его собственной специальности, но и с точки зрения роли и значения изучаемого им вопроса в хозяйственной, общественной, культурной и политической жизни всей страны.

★

В каком же состоянии находится в настоящее время работа по изучению истории народной Польши с точки зрения ее организации?

Прежде всего следует подчеркнуть, что для польских историков особенно важным является усвоение методов советских ученых, сделавших огромный вклад в изучение проблем современности, как с точки зрения методологии, так и методики исторического исследования (то есть приемов использования документальных материалов, их сопоставления и анализа). Надлежащее уяснение методов советской науки путем серьезных, глубоких дискуссий — основное условие успешного исследования проблем социалистического строительства в Польше. Организация подобного рода исследований в СССР хорошо известна, польские ученые знакомы также с многочисленными советскими изданиями по истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. Следует лишь умело использовать громадный опыт советских ученых. Необходимо также постоянно изучать и опыт, накапливаемый в этом отношении в других странах народной демократии, где также ведется значительная работа по изучению проблем современности.

К сожалению, в Польше до сих пор наблюдаются явно вредные явления и тенденции, которые характерны пока для значительной части гуманитарных наук. Сущность этих тенденций заключается в том, что начиная с 1955—1956 гг. происходит отход ряда ученых от изучения вопросов новейшей истории, в том числе истории народной Польши. Эти глубоко тревожные явления еще не изжиты. Об этом, в частности, свидетельствуют данные об объеме исследований по современной истории, опубликованных в 1958 и 1959 гг. и запланированных на текущий год:

	1958 г.	1959 г.	1960 г.
Период до 1864 г.	1 550 лист.	1 770 лист.	2 400 лист.
» 1864—1918 гг.	20% указ. выше листажа.	20% указ. выше листажа.	25% указ. выше листажа.
» 1918—1939 гг.	39% »	21% »	37% »
» оккупации	30% »	47% »	36% »
» народной Польши	3% »	12% »	4% »

Еще более тревожная картина получится, если взять сведения об историках, пользовавшихся услугами архивов. Как сообщила недавно Главная дирекция государственных архивов Польши, из 385 исследователей, работавших в архивах во второй половине 1958 г., только 19 человек занимались периодом 1939—1945 гг. и всего один — народной Польшей (по теме «Расходы на социальное обеспечение в Лодзи в 1951—1957 годах») [4].

Среди важнейших проблем современности, разрабатывавшихся в последнее время польскими историками, основное внимание уделялось истории рабочего движения. Правда, исследования в этой области, по существу, лишь начинаются. Изучение истории рабочего движения сосредоточивается ныне в Институте истории партии при ЦК ПОРП и Высшей школе общественных наук при ЦК ПОРП. Из других исследовательских центров, занимающихся этими вопросами, следует назвать Институт философии и социологии Польской АН, где изучаются изменения в промышленных центрах страны в период 1944—1959 гг., и некоторые местные учреждения (в Катовицах, Люблине, Лодзи, Ольштыне, Быдгоще), которые в связи с 15-летием Польской Народной Республики подготовили ряд работ и изданий мемуарного и специального характера по истории рабочего движения на местах.

В 1958 г. был выпущен сборник партийных документов и материалов, охватывающий время с 1942 по 1945 г., а в 1959 г. изданы резолюции, воззвания, циркуляры и инструкции ЦК ППР за период с августа 1944 по декабрь 1945 года. Ряд ценных материалов и документов, а также исследований был опубликован на страницах журнала «Z pola walki», издаваемого Институтом истории партии при ЦК ПОРП [5].

[4] «Wykaz tematów opracowywanych na podstawie materiałów archiwalnych». Zesz. IV.

[5] См. J. Borkowski. Miejsce Polskiego Stronnictwa Ludowego w obozie reakcji

Эти результаты, безусловно, скромны, однако необходимо принять во внимание, что они явились итогом всего лишь нескольких лет исследовательской работы.

Коллектив научных сотрудников Института истории партии при ЦК ПОРП продолжает исследования по ряду важнейших проблем истории народной Польши [6].

Серьезную роль в развитии исследовательских работ по проблемам современности должно сыграть, по нашему мнению, введение курса истории народной Польши в ряде университетов (Варшавском, Лодзинском, Люблинском и др.). Важное значение имеет введение курса лекций и семинаров по истории современной Польши в Высшей школе общественных наук при ЦК ПОРП. Создание докторантуры со специализацией по современной истории также будет содействовать росту специальных кадров и расширению сферы исследовательских работ по новейшей истории.

Военные проблемы, связанные с возникновением и развитием народной Польши, составляют основную проблематику научных исследований в Военно-историческом институте. Результатом работ Института должен быть многотомный труд «История освободительной войны польского народа. 1939—1945 гг.». Первый том предполагается выпустить уже в 1961 г., а все издание будет завершено, по-видимому, к 1966 году. В плане научной работы Военно-исторического института на ближайшее время намечаются исследования по военной проблематике послевоенного периода. Первой попыткой разработки одной из узловых проблем истории Польши в указанное время, а именно истории борьбы Войска Польского с подпольными антинародными группами в 1945—1948 гг., является работа генерал-майора И. Блюма «Войско Польское в борьбе за укрепление народной власти. 1945—1948 гг.».

Разработка некоторых проблем истории народной Польши ведется также на страницах «Ежегодника», издаваемого руководством Объединенной крестьянской партии [7].

Большую роль в исследовании ряда вопросов современной истории Польши должны сыграть такие новые научно-исследовательские институты, как Западный институт в Познани, Силезский институт в Ополе и Научный силезский институт в Катовицах.

Что касается изучения наиболее общих исторических проблем современности, то Институт истории Польской АН еще не сумел организовать надлежащего коллектива сотрудников для проведения соответствующих исследований. Необходимо, чтобы этот серьезный недостаток в ближайшее время был устранен. Следует отметить, что в последнее время предприняты уже первые попытки придать нашим исследованиям по проблемам народной Польши более широкий и организованный характер. Так, в рамках Польской Академии наук создан «Комитет социальных и экономических проблем народной Польши», который имеет целью исследование общественного мнения, изучение перемен, происходящих в структуре общества с демографической точки зрения, анализ под этим углом зрения условий развития школьного дела и перемен, происходящих в нем, в особенности в сфере профессионального обучения, и т. д. Комитет призван координировать исследовательскую работу по проблемам истории народной Польши, проводимую различными научными учреждениями страны. Аналогичную задачу будет выполнять и «Комитет современной культуры», который займется изучением развития культуры в Польше после 1944 года.

Важное значение для разработки международной проблематики имеет сотрудничество Института правовых наук, Института международных проблем, университетских кафедр и Института истории Польской АН. Для координации работ в этой области при Академии наук создана, в частности, «Комиссия по исследованию современного Востока и его истории».

Указанные организационные мероприятия должны привести к устранению недостатков, которые имелись в работе некоторых польских институтов и в особенности институтов, связанных с Польской Академией наук. Так, например, можно надеяться, что деятельность «Комитета современной культуры» будет способствовать развитию исследований по современной литературе в Институте литературных исследований и по современному искусству в Институте искусства и что тот отход наших научных работников от проблем современности, который имел место в 1955—1956 гг., будет полно-

(1945—1947). «Z pola walki», 1959, № 2; J. Gołębiowski. Udział klasy robotniczej w zabezpieczeniu i uruchomieniu przemysłu w okresie wyzwalania ziem polskich spod okupacji hitlerowskiej. «Z pola walki», 1959, № 2.

[6] См. Т. Данишевский. О работе Института истории партии при ЦК ПОРП. «Вопросы истории», 1960, № 1.

[7] См. «Roczniki dziejów ruchu ludowego». 1959, № 1.

стью преодолен и ликвидирован, а проблемы современности станут основными в научной работе наших институтов.

Изложенные выше замечания, разумеется, не могли исчерпать всей полноты поставленной проблемы. Они дали лишь известное представление о нынешнем состоянии дела по исследованию проблем современности. В связи с этим можно выдвинуть некоторые предложения, осуществление которых является, по нашему мнению, необходимым условием успешной работы в будущем. Это, во-первых, переход во всех отраслях научных исследований, в особенности в области гуманитарных наук, к изучению современности, преодоление сопротивления, которое в этом отношении проявляется, и недопущение переноса центра тяжести научных исследований на более отдаленные во времени периоды; во-вторых, подготовка молодых научных кадров для исследования проблем современности в различных отраслях знаний с таким условием, чтобы они смогли осуществлять комплексные исследования; в-третьих, составление в рамках перспективного и 5-летнего планов развития науки детальных планов исследований по истории народной Польши как в учреждениях Академии наук, так и на университетских кафедрах; и, наконец, в-четвертых, развитие во все больших масштабах комплексных исследований, охватывающих проблематику, связывающую ряд различных отраслей науки и не только гуманитарных, как история, педагогические науки, политэкономия, право, философия, но также естественных (как, например, медицина, география, антропология) и технических, направление их по общему исследовательскому пути и увязывание этих исследований с насущными задачами развития народного хозяйства и национальной культуры страны.

Такая постановка научно-исследовательской работы позволит проделать в течение ближайших 5 лет в больших масштабах исследования по народной Польше. Они должны проводиться энергично и интенсивно, включая подготовку и издание документальных материалов и исследовательских трудов. Осуществление этой программы даст возможность надлежащим образом подготовиться к празднованию 20-летия народной Польши, которое будет в 1964 году. Следует при этом помнить, что 20-летие народной Польши совпадает с торжествами по случаю тысячелетия польской государственности. Во время этого национального праздника будут подведены итоги величайших изменений, которые произошли в Польше в результате общественно-политического перелома 1944—1945 годов. Это позволит историкам ярко показать значительность событий, которые были следствием победоносной войны с гитлеровской Германией, перехода власти в Польше в руки рабочего класса, сотрудничества с СССР и творческого использования его опыта в области строительства социализма.

Действительный член
Польской Академии наук
Станислав Арнольд

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Пятнадцатилетию освобождения Чехословацкой Республики Советской Армией была посвящена научная конференция чешских и словацких историков, состоявшаяся 3—5 мая 1960 г. в Братиславе и Смоленице.

На конференции присутствовали делегации ученых Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР.

Пленарные заседания, на которых выступили докладчики и представители делегаций зарубежных историков, состоялись в Братиславе. Затем работа конференции была перенесена в Смоленице.

Руководитель отделения новейшей истории Института истории Чехословацкой Академии наук В. Краль прочитал доклад, подготовленный им в сотрудничестве с М. Климашем и М. Захова лом.

В докладе был сделан анализ положения Чехословакии в домюнхенский период, от-

мечены основные задачи, стоявшие перед рабочим классом и возглавлявшей его коммунистической партией в период второй мировой войны, дана характеристика исторического пути и главных этапов развития народно-демократического государства с 1945 г. до наших дней.

Февраль 1948 г. стал важнейшим рубежом в развитии социалистической революции в Чехословакии. Последующий период в докладе подразделен на два этапа: этап строительства фундамента социалистического общества и этап завершения строительства социализма.

Основные выводы доклада сводятся к следующему.

Победа социализма в Чехословакии явилась еще одним подтверждением великой силы и жизненности марксизма-ленинизма.

Построение социалистического общества сопровождалось неуклонным повышением жизненного и культурного уровня трудящихся и расширением их демократических и гражданских прав.

Социализм победил в Чехословакии только потому, что трудящиеся массы возглавила Коммунистическая партия Чехословакии, которая руководствовалась научной теорией социалистической революции и сумела творчески в специфических условиях Чехословакии применить эту теорию.

Успешному социалистическому строительству в Чехословакии способствует тот факт, что она входит в великий социалистический лагерь.

Коммунистическая партия Чехословакии на всех этапах революции опиралась на несокрушимую волю трудящихся масс, твердо решивших покончить с капитализмом и построить социализм. Трудящиеся Чехословакии показали своей инициативой и невиданным доселе героизмом на трудовом фронте верность народно-демократическому строю.

Победа социализма впервые в истории действительно обеспечила чешскому и словацкому народам самостоятельность, национальную независимость, свободу, видное и почетное положение среди других народов мира. Все это в свое время декларировала чехословацкая буржуазия, захватив в 1918 г. власть в свои руки. Но она никогда не выполняла своих обещаний.

Второй доклад —«Народно-демократическая Чехословакия — совместное государство чехов и словаков»— сделал М. Кропилак, научный сотрудник Института истории Словацкой Академии наук. Вступительная часть доклада была посвящена положению Словакии в домюнхенской Чехословацкой Республике.

Характеризуя послевоенное развитие, докладчик отметил систематическую помощь, которую оказал в индустриализации Словакии чешский рабочий класс. Словакия получила фактическое равноправие. В ходе выравнивания уровней развития чешских земель и Словакии постепенно возрастал и вклад словацкой экономики, науки и культуры в укрепление и развитие совместного государства чехов и словаков. М. Кропилак подчеркнул, что процесс выравнивания является процессом взаимного развития, на основе которого возникает новый, социалистический патриотизм.

Основные вопросы социалистических преобразований в области культуры явились темой выступления доцента Я. Кладивы. Создание политических и социально-экономических предпосылок было одним из главных условий социалистической культурной революции в Чехословакии. Основной поворот в области культуры и идеологии наступил после февраля 1948 года.

IX съезд КПЧ ориентировал партию на перевоспитание народа в духе социализма, на вовлечение старой интеллигенции в социалистическое строительство и воспитание новой интеллигенции, на то, чтобы сделать доступными для народа все достижения культуры, которую следует развивать как культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию. В период 1949—1956 гг. эти задачи в основном были выполнены. Я. Кладива показал, как партия использовала советский опыт в борьбе против догматизма, против культа личности, за творческое развитие марксизма, против буржуазной идеологии. В заключение Я. Кладива подчеркнул значение всесторонних культурных преобразований как органической части строительства социализма в ЧСР.

Доклад Б. Грацы, директора Института истории Коммунистической партии Словакии, был посвящен руководящей роли КПЧ в строительстве социализма в Чехословакии.

На пленарном заседании конференции в Смоленице с докладом «Международное положение и внешняя политика Чехословацкой Республики в 1945—1960 гг.» выступил заведующий отделением социалистических стран Института международных отношений и экономики В. Котыка. Он указал, что борьба за внешнеполитическую ориен-

тацию ЧСР проходила в 1945—1948 гг. прежде всего внутри страны. Победа трудящихся в феврале 1948 г. позволила ликвидировать во внешней политике маневрирование буржуазных элементов, стремившихся привязать Чехословакию к западным державам. После февраля 1948 г. были успешно разрешены спорные вопросы, которые прежде умышленно обострялись реакционными политическими партиями, например, в чехословацко-польских и чехословацко-венгерских отношениях.

Докладчик охарактеризовал основные черты внешней политики Чехословакии, которая руководствуется марксистско-ленинскими принципами интернационализма и надежно гарантирует безопасность Чехословакии от угрозы агрессии германского империализма.

В первый день конференции выступили И. И. Удальцов (СССР) и Т. Данишевский (Польша). И. И. Удальцов подчеркнул значение эпохи народной демократии как наиболее значительного периода в истории чехословацкого народа. Т. Данишевский остановился в своем выступлении на развитии революции в Польше и отметил значение международного сотрудничества.

Об основных этапах развития социалистической революции в ГДР рассказал Ст. Дернберг.

В секции национально-освободительной борьбы обсуждались в основном вопросы развития Национального фронта в период антифашистской борьбы (Фр. Гржибек), партизанского движения (И. Долежал, Й. Шольц, В. Кржен, О. Яначек, Б. Граца, С. Фалтьян) и Пражского восстания (К. Бартошек, Й. Шольц, В. Врабец, В. Гуса, В. Краль, Ф. Беер, О. Яначек, П. Рейман), аграрной политики партии в 1945 г. (Я. Опат, М. Крайняк, Ш. Мурин, Б. Граца и др.), чехословацко-советских отношений (Я. Грозиенчик). Преимущественное внимание участники дискуссии уделили выяснению объективных и субъективных условий развития партизанского движения и его места в процессе перерастания народно-освободительной борьбы в народную и демократическую революцию. При рассмотрении вопроса о Пражском восстании обсуждались проблемы своевременности восстания, усиления роли коммунистической партии в органах восстания. Предметом обсуждения являлся также вопрос о применении в ходе Пражского восстания учения К. Маркса об искусстве восстания.

В секции экономики был заслушан доклад об основных чертах экономического развития Чехословакии за истекшие 15 лет, подготовленный В. Кайглем и Фр. Махатом. Сообщения Р. Ольшовского, О. Мразена и Эд. Юкла об инициативе трудящихся масс явились дополнением к этому докладу.

И. Мерварт подчеркнул растущее международное значение экономики Чехословакии, а также ее значение в развитии мировой социалистической системы. В докладе И. Никла были определены этапы социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве. Интересную проблему районирования производства выдвинул М. Блажек в связи с размещением производительных сил Чехословакии. У. Гронская показала изменения в положении женщины в Чехословацкой Республике.

На заседании секции периода 1945—1948 гг. по вопросу об активизации трудящихся масс в период, предшествовавший февралю 1948 г., выступил М. Боучек, использовавший материалы пражской областной организации КПЧ, которая возглавлялась тогда А. Новотным и являлась одной из наиболее активных организаций партии. Борьбе КПЧ за армию посвятил свое выступление Я. Навратил. Ш. Мурин сделал сообщение на тему «К вопросу об освещении проблематики союза рабочих и крестьян в национальной и демократической революции». Были обсуждены вопросы об использовании партийных материалов, а также о принципах определения различных групп крестьянства (М. Долежал, В. Пеша, Б. Граца). Об организационном и идеологическом единстве рабочего класса говорил в своем выступлении Я. Недвед. М. Вартикова сделала сообщение о качественном росте рабочего класса Словакии в 1945—1960 гг. и помощи ему со стороны чешского рабочего класса. О борьбе за единую организацию молодежи (эта борьба проводилась до 1948 г. и являлась частью борьбы за единство народа) говорилось в выступлении Д. Цаговой.

В секции периода 1948—1960 гг. проводилось обсуждение тенденций будущего развития социалистического общества. Д. Слейшка, П. Махонин охарактеризовали зарождающиеся в стране элементы коммунизма. Сообщение Т. Лавовой было посвящено движению бригад социалистического труда в Словакии. К. Бертельман охарактеризовал Национальные

комитеты в Чехословакии как главный инструмент дальнейшего углубления социалистической демократии. По вопросу о международном значении февральских событий 1948 г. в Чехословакии выступил Я. Шедива. С. Звара говорил в своем выступлении о национальной политике КПЧ с точки зрения образования в Чехословакии социалистических наций, в частности словацкой нации и венгерской и украинской национальных групп. И. Льгота посвятил свое выступление истории борьбы за единство партии и народа. К. Голы выдвинул в своем докладе некоторые вопросы периодизации строительства социализма в Чехословакии. В частности, он считает 1957—1958 гг. важным рубежом в истории КПЧ. По этому вопросу развернулась дискуссия, в ходе которой выступавшие отметили необходимость установления единой точки зрения по проблеме периодизации и подчеркнули значение 1956 г., который нельзя обойти при периодизации новейшей истории Чехословакии в послефевральский период. По этим вопросам выступили также Л. Шумберова, Ст. Дернберг и И. И. Удальцов.

Работа научной конференции, посвященной пятнадцатилетию образования народно-демократической Чехословакии, свидетельствует, что чехословацкие историки со всей ответственностью приступили к научной разработке важнейшего этапа своей национальной истории и, таким образом, выполняют задачу, поставленную перед чехословацкой исторической наукой Коммунистической партией Чехословакии и конкретизированную III съездом чехословацких историков в 1959 году.

После принятия приветственной телеграммы в адрес Центрального Комитета КПЧ с заключительным словом выступил Л. Голотик, подчеркнувший необходимость изучения чехословацкой истории как с общегосударственной точки зрения, так и с точки зрения международного развития. В этой связи он приветствовал инициативу участников конференции, отметивших необходимость научного исследования антифашистской борьбы всех европейских народов.

В принятой конференцией резолюции говорилось, что новейший период является важнейшим этапом в истории Чехословакии и требует глубокого творческого исследования. Конференция в принципе пришла к единым взглядам по ряду в прошлом спорных вопросов, например, таким, как оценка характера национальной и демократической революции, ее перерастание в революцию социалистическую, периодизация строительства социализма, характер и формы использования государственного аппарата и т. д.

Подтвердилась необходимость координации и планирования в общегосударственном масштабе научных исследований по новейшей истории. В работе историков в области новейшей истории до сих пор не преодолены два недостатка: с одной стороны, умозрительность, оторванная от тщательного изучения объективной действительности, с другой — позитивистское описание фактов, страдающее поверхностным изложением исторических явлений. Работа конференции и в данном случае показала необходимость глубокого овладения марксистско-ленинской философией.

Работа конференции снова подтвердила пользу сотрудничества с научными работниками других социалистических стран. Современное состояние научной работы в Чехословакии требует, чтобы научные работники уделили серьезное внимание вопросам развития других стран социалистического лагеря и в значительно большей мере, чем раньше, использовали достижения советской науки. Необходимо также систематически знакомить чехословацкую общественность с развитием братских стран социалистического лагеря, для чего чаще публиковать переводы важнейших работ ученых этих стран. Одновременно необходимо, чтобы чехословацкие ученые уделяли внимание ознакомлению зарубежной общественности с опытом строительства социализма в Чехословакии и более активно боролись с враждебными взглядами, распространенными за границей, о народно-демократической Чехословакии.

И. Долежал, Л. Отагалова

ПАМЯТИ ФЕДЕРИКО ШАБО

14 июля 1960 г. в возрасте 59 лет в Риме скончался Федерико Шабо — видный итальянский историк, профессор Римского университета, президент Международного комитета исторических наук.

Федерико Шабо начал свою научную деятельность в середине 20-х годов как исследователь политических идей итальянского Возрождения и, в частности, воззрений Макиавелли. В 1934 г. вышло его фундаментальное исследование «Миланское государство в эпоху Карла V», а вскоре после этого — другой труд, посвященный истории Милана[1]. Эти работы поставили Федерико Шабо в ряды наиболее серьезных итальянских исследователей отечественной истории. Он получает кафедру сначала в университете в Перудже, а затем переходит в Миланский университет, где работает около десяти лет. С 1946 г. Федерико Шабо — профессор Римского университета.

Федерико Шабо не был кабинетным ученым. В годы второй мировой войны, когда в Италии родилось движение Сопротивления, он принял активное участие в вооруженной борьбе против фашистов, командуя партизанским отрядом в своей родной области Валле д'Аоста. Там же после окончания войны Федерико Шабо некоторое время состоял в качестве председателя областного законодательного органа. «И здесь,— писала газета «L'Unità» 15 июля 1960 г.,— как и в области специальной научной деятельности, он вдохновлялся теми же высокими идеалами демократии и свободы, под знаком которых прошла вся его жизнь».

В послевоенные годы Федерико Шабо работал над многотомным исследованием по истории внешней политики Италии, которое осталось незаконченным. Первый том этого труда, опубликованный в 1951 г.[2], был расценен в Италии как одно из самых больших достижений послевоенной итальянской историографии. Вопреки традиционным схемам буржуазной историографии, рассматривающей дипломатию как нечто самодовлеющее, Федерико Шабо в своем труде исследует внешнюю политику рождавшегося итальянского государства в тесной связи с внутриполитическими проблемами, с проблемами борьбы народа за национальное единство и независимость страны.

С 1947 г., после смерти Бенедетто Кроче, Федерико Шабо возглавлял итальянский Институт истории. Кроме того, он был директором Школы новой и новейшей истории, заместителем редактора журнала «Rivista storica italiana». За свои научные заслуги он был избран членом Академии деи Линчеи.

В 1955 г., на Международном конгрессе историков в Риме, Федерико Шабо был избран президентом Международного комитета исторических наук. На этом посту он показал себя активным сторонником развития научных связей между историками всех стран. Советские ученые, встречавшиеся с Федерико Шабо на международных конгрессах и конференциях историков, сохранят о нем — большом ученом и большом человеке — самые светлые воспоминания.

---

[1] Federico Chabod. Lo stato di Milano al tempo di Carlo V. Roma. 1934; его же. La storia riligiosa dello stato di Milano. Bologna. 1938.

[2] Federico Chabod. Storia della politica estera italiana dal 1870 als 1896. Vol. I. Laterza. 1951.

Хроникальные заметки

◆ В июне 1960 г. в Жешове (Польская Народная Республика) состоялся съезд Польского исторического общества, объединяющего научных работников и любителей истории. Польское историческое общество возникло в 1886 г. и играет важнейшую роль в культурной жизни страны. В настоящее время оно насчитывает 2 600 членов (из них около 40% учителей и работников внешкольного образования). Материалы жешовского съезда общества, посвященного истории крестьянского движения на Жешовщине, будут опубликованы в специальном ежегоднике.

◆ В этом году г. Гнезно (Польская Народная Республика) — первая столица древнего Польского государства — отмечает 1200-летие своего существования. В связи с этим в Гнезно открыта археологическая выставка, на которой демонстрируются старейший памятник польской письменности — надгробная плита начала XI в., а также железный рыцарский шлем того же периода, одна из редких археологических находок подобного рода.

◆ В Мальборкском замке (Ольштынское воеводство ПНР) открыта выставка, посвященная истории культуры славянского населения бывшего мальборкского воеводства и его борьбы против германизации этих земель на протяжении 1000-летней истории Польского государства. В замке, который в течение 350 лет являлся резиденцией польских воевод и одним из оплотов Польского государства на севере, в будущем будет открыт музей славянской культуры.

◆ На протяжении последних двух лет польские археологи ведут раскопки на поле Грюнвальдской битвы. В ходе археологических работ был сделан ряд интересных открытий. Раскопан фундамент костела, построенного два года спустя после битвы. Вблизи него найдены монеты XV века. Были обнаружены также массовые могилы, относящиеся ко времени битвы. Археологические раскопки на поле Грюнвальдской битвы принесут ценные сведения об истории Польши того времени.

◆ В Гданьском заливе (Польская Народная Республика) обнаружены остатки парусного судна. Специальное обследование показало, что это остов двухмачтового парусника длиною 40 м, относящегося к концу XVII—XVIII веку. Корпус судна обшит медными листами. Предполагается поднять затонувший корабль, представляющий большую историческую ценность.

◆ Археологическая экспедиция, работавшая в районе Гизе (Египетский район ОАР), в мае с. г. открыла гробницу, относящуюся к эпохе Древнего царства. Гробница находится вблизи пирамиды фараона Хефрена, третьего правителя Древнего Египта из IV династии. Во время раскопок сначала была обнаружена большая каменная плита весом около двух тонн. Под нею находился вход в коридор, засыпанный камнем. Этот коридор вел в усыпальницу, находящуюся в 12 метрах под землей, где найден хорошо сохранившийся деревянный саркофаг, принадлежащий, как предполагают ученые, кому-либо из детей фараона.

◆ Польская археологическая экспедиция обнаружила в районе Древней Пальмиры (Сирийский район ОАР) византийский клад — 27 золотых монет VII века. Клад передан в музей в Дамаске. Кроме того, найдено несколько десятков скульптур и фрагментов скульптур, гробница середины II в. и тетрапилон, связывавший своими четырьмя воротами главные улицы древнего города в III веке.

◆ В районе афинского порта Пирей обнаружены уникальные памятники древности. Это статуи богини Афины-Паллады, богини Артемиды, бронзовая скульптура Аполлона и ряд других изумительных по мастерству, хорошо сохранившихся изваяний. Археологи предполагают, что все скульптуры, найденные в Пирее, созданы в период наивысшего расцвета Древней Греции (VI—IV вв. до н. э.) и являются творениями лучших ваятелей того времени.

◆ На юге Иракской Республики археологами найдено около тысячи клинописных таблиц с историческими, математическими, торговыми и религиозными текстами. Там же обнаружена древняя постройка, развалины которой свидетельствуют о высоком уровне строительной техники того времени. Считают, что проведенные раскопки дали самые богатые находки за последние двести лет.

◆ В Ливийской пустыне итальянские археологи обнаружили мумию ребенка, умершего за 3 400 лет до нашей эры. Эта находка позволяет заключить, что примитивный способ консервации тела применялся задолго до захоронения мумий, найденных в Египте (самые древние из известных до сих пор мумий были захоронены примерно в III—II тысячелетиях до н. э.). Обнаруженные той же археологической экспедицией рисунки на скалах позволили итальянским ученым сделать вывод о наличии древнейших контактов этого района с Египтом и о справедливости гипотезы, ведущей происхождение египетской цивилизации из Западной Сахары или Алжира.

◆ Французская археологическая экспедиция, ведущая раскопки древней кипрской столицы Алазиа, установила место, где во II тысячелетии до н. э. стоял королевский дворец. Здесь, как полагают, хранились королевские архивы города, имеющие огромное историческое значение. Эти архивы в форме глиняных табличек представляют собой главный предмет раскопок.

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ О СОСТАВЕ III ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ

В советской исторической литературе вопрос о работе III Всероссийского съезда Советов и его значении получил широкое освещение. Много внимания наши историки уделяют составу съезда: численности делегатов, их партийной принадлежности, представительству на съезде различных Советов (рабочих и солдатских депутатов, крестьянских депутатов, армейских комитетов) и отдельных территорий страны. Эти вопросы важны не только для характеристики самого съезда. Они позволяют судить о серьезных изменениях политической обстановки в стране, о громадных успехах Советской власти и коммунистической партии за два с половиной месяца социалистической революции.

Первую попытку анализа состава III Всероссийского съезда Советов сделал Е. Н. Городецкий [1]. Им были привлечены хранящиеся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства анкеты, которые заполняли делегаты съезда [2]. Анкеты эти дают очень важные сведения о делегатах и о Советах, которые они представляли: возрасте делегатов, их профессии, образовании, партийности, национальности, участии в революционной борьбе; об организационной структуре Советов и их исполкомов, о партийных фракциях, системе выборов, об овладении Советами административным и хозяйственным аппаратом и т. д. Автор отмечал ценность анкет делегатов съезда для исследования важнейших вопросов строительства и укрепления Советской власти в первые два месяца диктатуры пролетариата. К сожалению, Е. Н. Городецкий оставил без внимания другой вид источников — мандаты делегатов съезда, которые дополняют анкетный материал,— и потому приведенные им цифровые данные неполны и в ряде случаев нуждаются в уточнении. Это тем более необходимо сделать, что сведения, содержащиеся в статье Е. Н. Городецкого, прочно вошли в историческую и историко-правовую литературу.

Прежде всего следует уточнить данные о количественном составе делегатов съезда. В отношении III съезда Советов рабочих и солдатских депутатов этот вопрос ясен. Всего мандатной комиссией до вечера 18 января было выдано 942 мандата с правом решающего голоса и 104 — совещательного [3]. Эти данные подтверждаются имеющимися в архиве мандатами делегатов [4]. В отношении III съезда Советов крестьянских депутатов официальных сведений нет. Ряд авторов [5] вслед за Е. Н. Городецким ука-

---

[1] Е. Н. Городецкий. Третий Всероссийский съезд Советов. Журнал «Историк-марксист», 1941, № 3.

[2] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 1235, оп. 2, дд. 34—39, 48—51.

[3] «III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». М. 1918, стр. 4, 87.

[4] ЦГАОР и СС, ф. 1235, оп. 2, дд. 60—63, 68, 69. Однако в ряде работ ошибочно указывается всего 707 делегатов. См. примечания к 26-му тому Сочинений В. И. Ленина, стр. 502; К. М. Мамаева. К истории создания советского государственного аппарата (октябрь 1917 — январь 1918 г.). «Ученые записки» Рижского педагогического института. VII. 1958, стр. 46; А. С. Баринов. Третий съезд Советов и его историческое значение в укреплении Советского государства. «Ученые записки» Московского областного педагогического института. Т. 46. «Труды» кафедры истории КПСС. Вып. 4, 1956, стр. 92 и др.

[5] Д. А. Чугаев. Первая конституция Советского государства. М. 1949, стр. 49; Ф. В. Чебаевский. Борьба большевистской партии за объединение Советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими Советами в период триумфального шествия Октябрьской социалистической революции. «Коммунистическая партия — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции». Сборник статей. М. 1957, стр. 343; А. С. Баринов. Указ. соч., стр. 103.

зывает, что на съезде было 422 делегата [6]. Видимо, эта цифра была определена по количеству имеющихся анкет делегатов [7]. Однако далеко не все делегаты заполнили анкеты. По данным газеты «Известия», уже при открытии съезда 13 января присутствовало 500 делегатов [8]. В архиве есть список, где значится 581 делегат (по губерниям). Они были посланы на съезд местными Советами [9]. Список выверен и уточнен нами по мандатам, утвержденным мандатной комиссией. Имеется в наличии 511 мандатов делегатов местных Советов с правом решающего голоса и 70 — совещательного [10].

Кроме того, на III Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов широко были представлены солдатские массы фронта и тыла. Имеются мандаты с правом решающего голоса 194 делегатов крестьянских секций армейских, корпусных и дивизионных комитетов [11] и 45 — с правом совещательного голоса [12]. По данным архивных материалов, на III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов было выдано местными Советами и утверждено мандатной комиссией съезда 705 мандатов с правом решающего и 115 — с правом совещательного голоса.

Таким образом, общее количество делегатов III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, избранных местными Советами и армейскими комитетами, составляло 1 647 с правом решающего голоса и 219 — с правом совещательного голоса, всего около 1 870 [13]. Правда, 18 января, на последнем заседании съезда, Я. М. Свердлов говорил о присутствии 1587 делегатов с правом решающего голоса [14]. Это объясняется тем, что, во-первых, в ряде районов Советы рабочих и солдатских депутатов и Советы крестьянских депутатов избрали на оба съезда одного делегата. Делегатов с двумя мандатами было около сорока. Во-вторых, имеется 20 мандатов с решающим и 8 с совещательным голосом, выданных делегатам Советами в период с 17 по 22 января. Эти делегаты прибыли в Петроград уже после закрытия съезда.

Во всех исследованиях, где речь идет о III Всероссийском съезде Советов, указываются следующие данные о количестве представленных на нем Советов: на съезде Советов рабочих и солдатских депутатов присутствовали представители 317 Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и 110 армейских, корпусных и дивизионных комитетов; на съезде Советов крестьянских депутатов были представители более 250 Советов крестьянских депутатов [15].

Е. Н. Городецкий цифру 317 установил по данным 707 личных анкет делегатов, прибывших на III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов [16]. Однако на съезде присутствовало не 707, а 942 делегата с решающим и 104 с совещательным голосом. Подсчет по мандатам делегатов позволяет дать более полные

---

[6] Следует отметить, что в статье Е. Н. Городецкого приводится и другая цифра, а именно 610 делегатов. Эта цифра была названа Я. М. Свердловым 18 января на последнем заседании съезда. Однако при анализе состава III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов Е. Н. Городецкий без всяких оговорок исходит из участия в работе съезда 422 делегатов.

[7] ЦГАОР и СС, ф. 1235, оп. 2, дд. 52—56.

[8] «Известия» № 10, 14 января 1918 года.

[9] ЦГАОР и СС, ф. 1235, оп. 2, д. 58.

[10] Там же, дд. 60—64, 66, 68, 69.

[11] Там же, д. 67.

[12] Там же, дд. 65, 66.

[13] В ряде работ количество делегатов уменьшено почти вдвое. Например, в «Истории гражданской войны в СССР» указывается, что на съезд прибыло «свыше тысячи делегатов» (Т. 3. М. 1957, стр. 94).

[14] Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 34; ЦГАОР и СС, ф. 1235, оп. 2, д. 9, лл. 9, 10.

[15] См. примечания к т. 26 (4-е изд.) Сочинений В. И. Ленина, стр. 502; «История гражданской войны в СССР». Т. 3, стр. 94; «История СССР. Эпоха социализма». М. 1958, стр. 109; Г. Н. Голиков. Очерки истории Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1959, стр. 382; Б. М. Морозов. Создание и укрепление советского государственного аппарата (ноябрь 1917 — март 1919 г.). М. 1957, стр. 93; Е. Г. Гимпельсон. Из истории строительства Советов. Ноябрь 1917 — июль 1918. М. 1958, стр. 106; Д. А. Чугаев. Триумфальное шествие Советской власти. Сборник статей «Установление Советской власти на местах в 1917—1918 гг.». М. 1953, стр. 122; «Съезды Советов в документах. 1917—1936 гг.». Т. I. М. 1959, стр. 23; Ф. В. Чебаевский. Указ. соч., стр. 343, и др.

[16] ЦГАОР и СС, ф. 1235, оп. 2, дд. 48—51.

сведения. Около 640 делегатов (из них 40 с правом совещательного голоса) представляли 370 местных Советов, 270 делегатов (из них 30 с совещательным голосом) — 116 солдатских комитетов (армейских, корпусных, дивизионных, полковых); 130 делегатов были посланы на съезд другими организациями трудящихся [17].

Неточны имеющиеся в литературе данные о представительстве местных Советов на III Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов. Принятая всеми цифра — 250 крестьянских Советов — была установлена Е. Н. Городецким на основании имеющихся 422 анкет делегатов этого съезда. Между тем делегатов было почти вдвое больше. Подсчет по мандатам показывает, что в действительности на съезде были представлены около 340 губернских, уездных и других Советов, 129 солдатских комитетов (армейских, корпусных, дивизионных, полковых) и некоторые другие организации трудящихся [18].

Следует уточнить и вопрос о том, сколько из общего количества представленных Советов было объединенных и сколько необъединенных. Подобные сведения очень важны, так как они отражают процесс объединения Советов к началу января 1918 года. В упомянутой литературе этих данных нет. В статье Е. Н. Городецкого на основе 707 анкет приводится количество делегатов от объединенных и необъединенных Советов. Но отсюда нельзя еще установить числа самих Советов [19], так как различные Советы посылали неодинаковое число делегатов. Если судить по мандатам делегатов, на III съезде Советов рабочих и солдатских депутатов были представлены Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (объединенные) — 162; Советы рабочих и солдатских депутатов — 150; Советы рабочих депутатов — 22; Советы солдатских депутатов — 13; Советы крестьянских депутатов — 23.

На III съезде Советов крестьянских депутатов были представлены: 94 Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (объединенных) [20], 5 Советов рабочих и солдатских депутатов, 133 Совета крестьянских депутатов, 14 губернских съездов Советов крестьянских депутатов, 91 уездный съезд Советов крестьянских депутатов.

Требуют уточнения и другие данные о составе съезда (партийность делегатов, их профессия, работа в Советах и т. д.). Е. Н. Городецкий установил, что из 707 делегатов, заполнивших анкеты, большевиков на III съезде Советов рабочих и солдатских депутатов было 441; среди 422 делегатов съезда Советов крестьянских депутатов большевиков насчитывалось 163 [21].

Сведения эти неполные; они могут быть уточнены с помощью мандатов.

Партийный состав делегатов III съезда Советов крестьянских депутатов определяется довольно точно. При регистрации крестьянских депутатов на их мандатах делались пометки о партийной принадлежности. Из 705 мандатов с правом решающего голоса такие пометки имеются на 664. Из них 309 мандатов принадлежали большевикам (включая сочувствующих) и 278 левым эсерам. Можно предположить, что среди 41 делегата, на мандатах которых нет указаний о партийной принадлежности, большевиков было 15—20. Таким образом, среди делегатов этого съезда находилось не менее 320 большевиков с правом решающего голоса.

---

[17] Всероссийский Центральный фабрично-заводской комитет; Всероссийский союз рабочих и крестьян по выработке и снабжению сельскохозяйственных машин и орудий, Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд, большевики и левые эсеры — бывшие члены Учредительного собрания.

[18] Следует иметь в виду, что ряд Советов послал делегатов на оба съезда. Поэтому механическое сложение данных двух съездов не дает точного количества Советов, представленных на объединенном съезде.

[19] Х. А. Ерицян, ссылаясь на Е. Н. Городецкого, указывает, что на III Всероссийском съезде Советов из 317 представленных Советов (без армейских и крестьянских) 212 были объединенными. Цифры эти документами не подтверждаются (Х. А. Ерицян. Слияние Советов крестьянских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов в период триумфального шествия Советской власти. «История СССР», 1957, № 3, стр. 27).

[20] Следовательно, неправы те авторы, которые считают, что на III Всероссийский крестьянский съезд Советов послали делегатов только Советы крестьянских депутатов, не объединившиеся с Советами рабочих депутатов (см. Д. А. Чугаев. Первая конституция Советского государства, стр. 17).

[21] Е. Н. Городецкий. Указ. соч., стр. 17, 32; Ф. В. Чебаевский. Указ. соч., стр. 343; Д. А. Чугаев. Первая конституция Советского государства, стр. 47; А. С. Баринов. Указ. соч., стр. 103, и др.

К сожалению, не представляется возможным уточнить партийный состав делегатов III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Можно назвать лишь приблизительную цифру. Если из 707 делегатов, заполнивших анкеты, большевиков было 441, то из 942 делегатов-большевиков могло быть (если производить подсчет в пропорциональном порядке) не менее 540. Следовательно, всего на III Всероссийском объединенном съезде Советов делегатов-большевиков с правом решающего голоса было более 860.

Изучение всех материалов III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов позволяет получить более точные и полные данные о его составе, о широком представительстве на съезде местных Советов. трудящихся Советской республики.

Е. Г. Гимпельсон

О ФОРМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Хотелось бы обратить внимание на существенный недостаток некоторых советских исторических работ. Последние зачастую написаны попросту скучно, их неинтересно, а подчас и трудно читать неспециалисту. Конечно, материалы и цели исследования требуют различных форм изложения. Нельзя требовать, чтобы все историки во всех своих работах являлись одновременно и учеными и писателями, какими были, например, Н. М. Карамзин, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский, Е. В. Тарле. Однако недопустимо, по нашему мнению, забывать, что историческая наука уже по самому своему содержанию очень часто требует более ярких и живых форм изложения научных данных, чем те, которые достаточны для других отраслей знания. Это тем более важно, что исторические работы являются одной из форм идеологического воздействия на широкие массы читателей, воспитания их в коммунистическом духе.

Между тем у части историков, а также у некоторых работников редакций исторических журналов и научных издательств укоренилось, на наш взгляд, определенное пренебрежение к литературной форме исторических работ. В последних порой отсутствуют яркие исторические сцены, нет живых героев — участников описываемых событий. Читатель не чувствует в этих работах примет времени, духа эпохи. Самые драматические события в истории нашей Родины излагаются сухо, бесстрастно, по методу перечисления отдельных фактов и их комментирования, нет взволнованности — одним словом, отсутствует именно то, что помогает читателю не только лучше понять, но и мысленно представить себе то, о чем рассказывает автор. Мне кажется, что поэтому у нас до сих пор еще мало научных работ по истории Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и Великой Отечественной войны Советского Союза, которые читались бы с захватывающим интересом, не только силой логики, но и живым, ярким словом воздействовали на всякого, кто читал бы эти работы. Разве историки и все советские люди не заинтересованы в этом?

Читатель совершенно прав, когда он хочет видеть в исследованиях наших ученых исторический процесс, а не простой каталог фактов, снабженный теоретическими положениями. Ведь для того, чтобы хорошо объяснить и убедить, надо также и ярко, исторически конкретно показать то или иное описываемое событие, то или иное действующее лицо истории.

Наша отечественная историография знает немало ценных научных работ, в которых научное и художественное воздействие на читателя сливаются воедино. Историки обязаны тщательней работать над формой своих исследований, стремиться более живо и наглядно излагать фактический материал.

Наше великое прошлое заслуживает того, чтобы ученые писали о нем не только в строго научной манере, но со страстью, с блеском и вдохновением. Это целиком отвечает интересам нашего народа, строящего коммунизм, задаче воспитания человека будущего.

М. Марковский

SUMMARIES OF MAJOR ARTICLES

V. I. SHUNKOV. **Main Problems of the Study of the History of Siberia**

The author, on the basis of an analysis of publications on the history of Siberia, sums up the results and outlines the tasks of research work in this field. He also points to the considerable successes of Soviet historical science in the study of Siberia's history. The historians of the 18th and 19th centuries, V. I. Shunkov notes, attached prime importance to elucidating the activities of tsarism in annexing and governing this territory, whereas Soviet scientists study the operation of objective laws that determined the development of the multi-national population of Siberia from the Paleolithic period to our days. Soviet historians, it is stressed in the article, have worked out Siberia's ancient history and shown the conversion of this formerly backward outlying area of the country into a land of advanced industry, large-scale mechanised agriculture and well-developed culture, which has taken place after the Great October Socialist Revolution. Soviet historians have conducted a study of the development of productive forces and social and economic relations in Siberia in the 16th-19th centuries and class struggle there. Much has been done in the study of the revolutionary traditions of the territory. Great attention is devoited by the students of Siberia to Siberia's accession to Russia, the history of the peoples of Siberia, the transition of some of these peoples to socialism by-passing the capitalist stage, and the importance of the life of the Siberian peoples within one state.

At the same time, V. I. Shunkov stressses, Siberian studies have so far been characterised by the elaboration of separate problems and the absence of generalizing works.

It is noted in the article that the creation of a fundamental summarizing work on the history of Siberia is one of the most important immediate tasks of the students of Siberia. This calls for the elaboration of concrete little-studied questions, such as the history of industry, the working class, etc., and a number of fundamental problems: the stages of the social and economic development of Siberia, the role of the Russian people in the development of its productive forces, and others.

B. A. RYBAKOV. **Controversies About the Formation of Kiev Rus**

This treatise has been prepared as a report for the Eleventh International Congress of Historical Science. It exposes the scientific invalidity of the Normanist theory regarding the emergence of statehood among the Eastern Slavs. This is done through the analysis of the ancient "Ostromirov Chronicle" and "Narrative of Transitional Years" and through the study of archeological, toponymical and other materials.

The author points out that in studying the problem of the emergence of statehood among the Eastern Slavs, it is necessary thoroughly to analyze each separate source and to take into account its origin, and to study the genuine remnants of ancient life, language, ancient annals, legal documents, etc. It is necessary to have an historical synthesis that will make it possible to form separate facts and events into one whole picture showing the historical process over a lengthy period of time. Proceeding from the analysis of all available sources, B. A. Rybakov describes the transformation of the Kiev tribal principality into a big ancient Russian power with Kiev as capital, as well as the social-political structure of ancient Russia.

The article concludes that the ancient Russian feudal state came into being as the result of the internal process of class formation. The Norman Vikings could neither accelerate nor substantially retard this process.

A. V. ARTSIKHOVSKY. **the Great Novgorod in the 11th-15th Centuries**

The article sums up the findings of the archaeological excavations conducted in Novgorod under the author's guidance since 1929.

A. V. Artsikhovsky notes that the former concepts of the peculiarity of Russian historical process were connected with denying the handicraft nature of Russian medieval cities. It has now been proved, on the basis of archaeological findings, that artisans comprised a majority of the population of Novgorod. During excavations conducted between 1951 and 1959 375 birch bark scrolls dating back to the 11th-15th centuries were found. In the author's

opinion, these finds promise a considerable increase in the number of written sources on the medieval history, since birch bark scrolls may be found in other countries of Northern Europe, opening up new prospects for historical research. The birch bark scrolls and other finds testify that literacy was widespread in Novgorod.

Till the middle of the 12th century, it is noted in the article, Novgorod was a monarchy, and till the middle of the 13th century, a republic with survivals of monarchy. At the beginning of the 14th century these survivals disappeared, and the political system remained republican till the end of the 15th century. But the republican system was of an aristocratic nature. Contrary to previous notions, the boyars who governed Novgorod were not merchants, but big feudal lords. The birch bark scrolls addressed to boyars indicate large-scale land ownership but contain no mention of trade. These scrolls, A. V. Artsikhovsky writes, support the historians' opinion that peasants were not yet fully turned into serfs in the Novgorod state; but feudal exploitation reached considerable proportions and roused the protests of peasants.

Most of the scrolls found in Novgorod deal with agricultural subjects, and many of them are addressed to petty feudal lords. The appearance of this kind of documents in a medieval city is somewhat unexpected. A. V. Artsikhovsky explains this in the following way: The feudal lords resided permanently in Novgorod and participated, together with handicraftsmen and merchants, in the popular assembly (Vyetche). They seldom visited their estates, some of which were situated at great distances from the city, and maintained contacts with them through correspondence.

At the end of the article the author comes to the conclusion that in the Russian medieval city feudal lords played a more important part than in West-European cities. The preponderance of boyars in the government of the Novgorod republic was probably explained by the presence of a large number of petty feudal lords among the citizens.

I. E. SHALASHILIN. **Concerning the Causes of the Retarded Development of Irrigated Farming Areas in Central Asia in the Middle of the 19th Century**

On the strength of published and unpublished chronicles, documents on agrarian relations, and other sources, I. E. Shalashilin proves that the nationalities inhabiting the irrigated farming areas of Central Asia passed the same stages of social development as the peoples of Europe. He shows the untenability of the assertions of some historians to the effect that in the middle of the 19th century Central Asia was in a state of absolute stagnation. In this period, he writes, after overcoming the depression of the 17th and the first half of the 18th centuries, Central Asia's irrigated farming areas proceeded slowly along the capitalist path of development.

The lag in their social and economic development is regarded in the article as a consequence of an exceedingly slow pace of this development, chiefly explained by the peculiar nature of feudal relations of production that reigned there, specifically the preponderance of state feudal ownership of the irrigation systems, water and land.

Great attention is devoted in the article to elucidating the essence of state ownership and its influence on all the aspects of the social development of the areas of irrigated farming, as well as the role of the water-and-land community and the invasions of neighbouring nomadic peoples in retarding the development of these areas. The form of the states existing there (Eastern despotism) and their certain isolation, by virtue of the geographical position and the primitiveness of the means of transport, not only from bourgeois Europe but also from the feudal states of the East, hampered the development of Central Asia's irrigated farming areas. I. E. Shalashilin also deals with the forms of the exploitation of peasants: metayage, which was predominant, as well as rent in money and labour rent.

M. A. ALPATOV: **From the History of Russian Medieval Historiography**

The author outlines the theoretical views and analyzes the activity of the mid-19th century Russian students of medieval history—M. M. Stasyulevich, V. A. Bilbasov and N. A. Osokin. The study of their works enabled M. A. Alpatov to place them in a special category of Russian bourgeois historiography. The world outlook of this group was greatly influenced by the ideas of Hegel, Thierry and Guizot. The characteristic feature of the methodology of Stasyulevich, Bilbasov and Osokin was that, though surrounded by positivists, these scientists continued the philosophical line of the Hegelian T. N. Granovsky, forgetting his elements of democratism and assuming liberal positions. Politically, this put them in the same ranks with such positivists as M. M. Kovalevsky, P. G. Vinogradov, I. V. Luchitsky and N. I. Kareyev. Philosophically, Stasyulevich, Bilbasov and Osokin differed from the positivists by their interest in the antagonism of the competing forces, the antagonism they sought in the political sphere.

The author shows that Stasyulevich regarded historical process as a reflection of "the fate of social intellect" in the form of struggle of the social and political forces. Bilbasov devoted most attention to historic personalities in the atmosphere of the struggle of opposites. Osokin displayed interest in the class and religious struggles and in economic history.

Stasyulevich, Bilbasov and Osokin, the author points out, occupy a special place in Russian medieval studies. They elaborated problems which the positivists by-passed, and

sought to investigate the struggle of social contradictions in class and religious forms. The attempts to show the ups and downs of historical process and the interest in the struggle of classes often enabled them to give a picture that was closer to reality than that given by the positivists.

Analyzing the creative heritage of each of these historians, Alpatov shows up the strong and weak points of their scientific activity and comes to the conclusion that Stasyulevich, Bilbasov and Osokin will take their places in the history of the Russian historiography of the 19th century.

A. S. YERUSALIMSKY. **Penetration of German Monopolies into China on the Bounds of the 19th and the 20th Centuries**

The author has endeavoured to elucidate the history of the penetration of German monopolies into China and the methods, aims and direct results of this penetration on the eve of the Ihetuan Rebellion, the first anti-imperialist rebellion of the Chinese people in the 20th century.

The article consists of four sections. The first section deals with the activities of German trading firms in China. In the course of many years British capital had operated in China jointly with German firms and often even through them, and at first it did not notice them getting rid gradually of the modest role they had been playing before and beginning to turn into the strong points of the economic expansion of German imperialism in China. Towards the beginning of the 20th century the export of German goods to China equalled only a fifth of British exports. But big German monopolies hoped that, relying on the connections and experience of the firms that had entrenched themselves there and, above all, on the bridgehead in the Shantung province, and taking advantage of contradictions between Britain and tsarist Russia, they would be able to develop rapidly their expansion in the Far East. German marine shipping in China and also the purchase of steam-ship lines on the Yangtze River proved one of the tools of this expansion. German trade in arms was also greatly instrumental in it. Krupp, who had the support of the German government and Kaiser Wilhelm II himself, was the chief competitor of the British firm Armstrong.

The second section is devoted to the activities of the **Deutsch-Asiatische Bank** in China. Created by thirteen big financial establishments, this bank was the main tool of the expansion of German financial capital in China. After the Japanese-Chinese war of 1894-95 the **Deutsch-Asiatische Bank** broadened capital investments in China through the granting of loans, and after the seizure of Kiao-chao by Germany, began to set up railway, mining and other concessions in Shantung. For this purpose several groups of financial capital were formed in Germany: the Banking Consortium, the Shantung Sindicate, the Industrial Sindicate and the Sindicate of Magnates. In 1899 these rival groups came to an agreement and established the Society of Shantung Railways and the Society of Shantung Mining Industry.

The activities of these German monopolies and their influence on German policies in China are described in the third section. The German government considered it inexpedient to conclude a treaty on the Shantung concession with China: acting in the interests of the monopolies, it strove to present the Chinese ruling quarters with an accomplished fact—invasion into China. The German monopolies decided to act—in coordination with the German government, but independently. Urbig, a representative of German bankers, was commissioned to conduct negotiations with the Tsung-li Yamen. As they were starting the plunder of China, the German monopolies sought to prevent the Chinese people from offering resistance.

In the fourth section the author shows that the planting of large German concession in Shantung meant the expropriation of land from the local population; it undermined the traditional foundations of the economy and brought ruin to countless numbers of people. This sparked uprisings of Chinese working people, which were suppressed in a most ruthless way. These uprisings were the first threatening outbreaks of the Ihetuan popular movement.

The study is based on unpublished documents of the German Foreign Ministry, the German Legation in Peking and documents from Russian and partially Chinese archives.

MAGDA ADAM. **From the History of Hungarian-Czechoslovak Relations on the Eve of World War II**

M. Adam reviews the as-yet little studied policy of Horthyist Hungary in the period of the Munich collusion and the dismemberment of Czechoslovakia.

The author shows that the foreign policy of the ruling quarters of Horthyist Hungary aimed at the revision of the Treaty of Trianon of 1920, at the seizure of a part of the territory of the former Austro-Hungarian Empire which had not been incorporated into Hungary. The aggressive claims of the Horthyists spread, in particular, to Czechoslovak lands.

The Horthyists intended, M. Adam writes, to materialize their revanchist designs through a collusion with German fascism, while the Hitler government planned to use the Hungarian revenge-seekers for carrying out extensive aggression and therefore was prepared to support some of their claims.

The Hungarian ruling quarters launched feverish activities for the realization of their aims. Consolidation of German-Hungarian contacts, lifting of restrictions on the armament of the Hungarian army, and diplomatic isolation of Czechoslovakia were made the basis of Horthyist diplomacy.

The author shows that preparation for an armed attack on Czechoslovakia was accompanied with diplomatic pressure brought by the Hungarian ruling quarters on the Czechoslovak government and subversive activities of Horthyist agents.

By the Vienna award of November 2, 1938, in which Germany and Italy acted as arbiters, Hungary severed from Czechoslovakia a territory embracing 12,400 square kilometres with a population of 1,100,000 people. The Vienna award was a direct continuation of the Munich deal.

On March 12, 1939, launching the implementation of the concrete plan of the liquidation of Czechoslovakia, Hitler sanctioned the Hungarian revenge-seekers' occupation of the Transcarpathia. Towards March 20 the Transcarpathia was seized by the army.

The article exposes the policy of encouraging the aggressor which was pursued in that period by the ruling quarters of the Western powers and which facilitated the onslaught of the Hitlerites and Horthyists on Czechoslovakia.

M. Adam also shows the struggle of the Soviet Union and the progressive forces of the world in defence of Czechoslovakia.

The article was written on the basis of materials from the Hungarian State Archives, the Hungarian Party Archives, the Transcarpathian Regional State Archives of the Ukrainian S.S.R., and also published documents.

L. N. KUDASHEV. **Political Manoeuvres of Japan's Ruling Quarters at the End of World War II**

Reviewed in the article are events directly connected with the termination of World War II in the Far East. In the pursuit of their aggressive policy, the Japanese imperialists had enjoyed, before the outbreak of the war in the Pacific, the support of the United States, Britain and France, which calculated on setting Japan against the U.S.S.R. The results of this policy turned against the Western powers themselves. It is shown in the article that at the end of the war the Japanese imperialists tried to secure the support of the United States, Britain and France in order to avaid the defeat of Japan and preserve the rule of reaction in the country. Japanese diplomacy sought to conclude a compromise peace with its imperialist rivals. Negotiations started in the autumn of 1944, through the mediation of Swedish diplomats. They were also conducted in Switzerland. In the spring of 1945 they were joined by U.S. intelligence officer A. Dulles, who acted with the knowledge of the Department of State. The Japanese insisted, in the first place, on the repeal of the demand of "unconditional surrender" and the joining of Korea and Taiwan to Japan. It is stressed in the article that the manoeuvres of international reactionary forces were foiled by the efforts of the masses in the United States, Britain and other countries, and also thanks to the direct and consistent policy of the Soviet Government, which stood for the implementation of the anti-fascist, liberative aims of the war. The Soviet Union's entry into the war against Japan compelled the Japanese ruling quarters to accept unconditional surrender.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ДАННОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА

Шунков Виктор Иванович — доктор исторических наук, зам. академика — секретаря Отделения исторических наук АН СССР, директор Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР, специалист по истории Сибири.

Рыбаков Борис Александрович — академик, директор Института археологии АН СССР, лауреат Сталинской премии, специалист по истории Древней Руси.

Арциховский Артемий Владимирович — член-корреспондент АН СССР, зав. кафедрой археологии исторического факультета МГУ, начальник Новгородской археологической экспедиции, специалист по славяно-русской археологии и истории русского феодализма.

Кудашев Леонид Николаевич — кандидат исторических наук, специалист в области истории международных отношений.

Шалашилин Иван Евсеевич — кандидат экономических наук, доцент Московского торфяного института, специалист по истории экономики Средней Азии.

Ерусалимский Аркадий Самсонович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, лауреат Сталинской премии, член-корреспондент Академии наук в Берлине, специалист по истории Германии и истории международных отношений в новое и новейшее время.

Алпатов Михаил Антонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, работает в области истории исторической науки.

Магда Адам — научный сотрудник Института истории Венгерской АН, специализируется по новейшей истории Венгрии.

內容

論文

研究西伯利亚史的基本問題……弗·伊·順科夫
对基也輔俄罗斯建立問題的一些爭論……科学院士 波·阿·雷巴科夫
十一——十五世紀的伟大的諾夫戈罗德……苏联科学院通訊院士 阿·費·阿尔兹霍夫斯基
关于十九世紀中叶中亚灌溉地区落后原因的探討……伊·叶·沙拉什林
在十九世紀末——二十世紀初德国袭断集团向中国的侵入……阿·沙·叶魯薩里莫夫
摘自俄罗斯中世紀史学的历史……莫·阿·阿尔巴托夫
摘自第二次世界大战前夜匈捷两国关系的历史……瑪格达·阿达姆（匈牙利）
日本統治阶級在第二次世界大战后的政治手腕……勒·尼·庫达紹夫

历史科学在苏联
在苏联科学院历史科学部和科学委員会里

尼·莫·都魯日宁院士的科学創作汇报……彼·依·龙均斯基

書評

苏联历史杂志上的論文

科学生活紀事

論苏联历史百科全書……莫·夜·庫兹尼錯夫
討論苏联工人阶級历史的科学会議……阿·波·別尔科維赤，罗·彼·达德金，弗·阿·敖夫相金（列宁格勒）
苏联科学机构研究建設共产主义的实践（記苏共党中央社会科学院苏共党史教研組会議）…波·米·莫罗卓夫
苏联共产党第二十次党代表大会后的里沃夫市历史学家的工作…瑪·弗·列保維赤（里沃夫市）

历史科学在海外
書評
国外書刊簡介
科学生活紀事

历史与現代……波兰科学院院士斯塔尼斯拉夫·阿尔諾里德（波兰）
庆祝捷克解放十五周年的学术会議……伊·多列热尔（捷克），勒·沃塔戈拉瓦（捷克）
記念非德里括·沙伯

書信与短評

CONTENTS

Articles: **V. I. Shunkov.** Main Problems of the Study of the History of Siberia; **Academician B. A. Rybakov.** Controversies about the Formation of Kiev Rus; **A. V. Artsikhovsky, Corresponding Member of the U.S.S.R. Academy of Sciences.** Novgorod the Great in the 11th-15th Centuries; **I. E. Shalashilin.** Concerning the Causes of the Retarded Development in Irrigated Areas of Central Asia in the Middle of the 19th Century; **M. A. Alpatov.** From the History of Russian Medieval Historiography; **A. S. Yerusalimsky.** Penetration of German Monopolies Into China on the Bounds of the 19th and the 20th Centuries; **Magda Adam** (Hungary). From the History of Hungarian-Czechoslovak Relations on the Eve of World War II; **L. N. Kudashev.** Political Manoeuvres of Japan's Ruling Quarters at the End of the World War II. Historical Science in the U. S. S. R. **In the Department of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences and Research Councils: P. G. Ryndziunsky.** Academician N. M. Druzhinin's Report on His Scientific Work. **Reviews. Articles Published in Soviet Historical Journals. Chronicle of Scientific Life; M. I. Kuznetsov.** Soviet Historical Encyclopedia; **A. B. Berkevich, R. P. Dadykin** and **V. A. Ovsyankin** (Leningrad). Scientific Session Devoted to the History of the Soviet Working Class; **B. M. Morozov.** Scientific Institutions Are Studying the Practical Problems of Communist Construction (Materials of the Session of the CPSU History Department of the CC, CPSU Academy of Social Sciences); **M. F. Lebovich** (Lvov.). The Work of the Lvov Historians After the 20th CPSU Congress. Historical Science Abroad: **Reviews. Survey of Foreign Journals. Chronicle of Scientific Life: Stanisław Arnold, Member of the Polish Academy of Sciences** (Poland). History and Contemporaneity; **J. Doležal** (Czechoslovakia) and **L. Otahalová** (Czechoslovakia). Scientific Conference Devoted to the 15th Anniversary of Czechoslovakia's Liberation; In Memory of Fédérico Chabod. Letters and Notes.

SOMMAIRE

Articles: **V. I. Chounkov.** Problèmes principaux des études de l'histoire de la Sibérie; **B. A. Rybakov, de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Questions discutables de la formation de la Russie de Kiev; **A. V. Artzihovsky, membre-correspondant de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S.** Novgorod le Grand en XI — XV siècles; **I. E. Chalachilin.** A propos des causes du retard des régions de l'agriculture irriguée de l'Asie Centrale vers la moitié du XIX siècle; **M. A. Alpatov.** De l'histoire du médiévisme russe; **A. S. Eroussalimsky.** Pénétration des monopoles allemands en Chine à la limite du XIX et du XX siècle; **Magda Adam** (Hongrie). De l'histoire des relations hongri-tchécoslovaque à la veille de la II-ème guerre mondiale; **L. N. Koudachev.** Manœuvres politiques des milieux dirigeants du Japon à la fin de la II-ème guerre mondiale. Sciences historiques en U.R.S.S. **A la Section des sciences historiques de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. et aux Conseils scientifiques: P. G. Ryndzunsky.** Rapport de l'activité de l'académicien N. M. Drouginine. **Comptes-rendus.** Articles dans les revues historiques soviétiques. **Chronique de la vie scientifique: M. I. Kouznetzov.** Sur l'Encyclopédie historique soviétique; **A. B. Berkevitch, R. P. Dadykin, V. A. Ovsjankin** (Léningrad). Session scientifique consacrée à l'histoire de la classe ouvrière soviétique; **B. M. Morozov.** Institutions scientifiques étudient la pratique de l'édification communiste (réunion de la chaire de l'histoire du P.C.U.S. de l'Académie des Sciences humaines auprès du C.C. du P.C.U.S.); **M. F. Lébovitch** (Lvov). Travail des historiens de Lvov après le XX Congrès du P.C.U.S. Science historique à l'étranger. **Comptes-rendus. Lu dans les revues étrangères. Chronique de la vie scientifique: Stanislaw Arnold, de l'Académie polonaise des sciences** (Pologne). Histoire et époque contemporaine; **J. Dolezal** (Tchécoslovaquie), **L. Otahalová** (Tchécoslovaquie). Conférence scientifique, consacrée au 15-e anniversaire de la libération de la Tchécoslovaquie. En mémoire de Fédérico Chabod. Lettres et notes.

INHALT

Beiträge: **W. I. Schunkow.** Grundprobleme des Studiums der Geschichte Sibiriens; **Mitglied der Akademie B. A. Rybakow.** Streitfragen der Bildung der Kiewer Rus; **Korrespondierendes Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR A. W. Arzichowski.** Das Große Nowgorod im 11.—15. Jahrhundert; **I. E. Schalaschilin.** Die Ursachen der Rückständigkeit der bewässerten Landwirtschaft Mittelasiens Mitte des 19. Jahrhunderts; **M. A. Alpatow.** Aus der Geschichte der russischen Mittelalterkunde; **A. S. Jerusalimski.** Das Eindringen der deutschen Monopole in China an der Schwelle des 20. Jahrhunderts; **Magda Adam** (Ungarn). Aus der Geschichte der ungarisch-tschechoslowakischen Beziehungen vor dem zweiten Weltkrieg; **L. N. Kudaschow.** Politische Manöver der regierenden Kreise Japans Ende des zweiten Weltkrieges. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR. **In der Abteilung für Geschichtswissenschaften bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR und in den wissenschaftlichen Räten: P. G. Ryndsjunski.** Tätigkeitsbericht des Akademiemitglieds N. M. Drushinin. **Besprechungen.** Abhandlungen in sowjetischen Zeitschriften. **Wissenschaftliche Chronik: M. I. Kusnezow.** Die Sowjetische Geschichtsenzyklopädie; **A. B. Berkewitsch, R. P. Dadykin, W. A. Owsjankin** (Leningrad). Wissenschaftliche Tagung über die Geschichte der sowjetischen Arbeiterklasse; **B. M. Morosow.** Wissenschaftliche Institutionen studieren die Praxis des kommunistischen Aufbaus (die Versammlung des Lehrstuhls für Geschichte der KPdSU der Akademie für Gesellschaftswissenschaften beim ZK der KPdSU); **M. F. Lebowitsch** (Lwow). Die Tätigkeit der Historiker in Lwow nach dem XX. Parteitag. Die Geschichtswissenschaft im Auslande. **Besprechungen. Querschnitt durch ausländische Zeitschriften. Wissenschaftliche Chronik. Ordentliches Mitglied der Polnischen Akademie der Wissenschaften Stanislaw Arnold** (Polen). Geschichte und Gegenwart; **J. Dolezal** (Tschechoslowakei), **L. Otahalová** (Tschechoslowakei). Wissenschaftliche Konferenz zum 15. Jahrestag der Befreiung der Tschechoslowakei. Zum Andenken an Fédérico Chabod. Briefe und Notizen.

Редакционная коллегия

В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), Л. С. ГАПОНЕНКО, Г. Н. ГОЛИКОВ (первый заместитель главного редактора), В. М. ДОНСКОЙ, Я. Я. ЗУТИС, В. М. КУЛАКОВ, П. А. ЛАВРОВ, А. И. ЛЕВКОВСКИЙ, Н. В. МАТОВСКИЙ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, И. А. ХРЕНОВ, В. И. ШУНКОВ.

Адрес редакции: Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2, тел. Б 8-96-21.
А 07315. Подписано к печати 5/IX 1960 г. Тираж 22 700.
Изд. № 1600 Заказ № 2114. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 7 бум. л.— 19,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» им. И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВА «СОЦЭКГИЗ»

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ СССР

А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов. Сборник документов и материалов. 1959. 363 стр. Цена 6 р. 30 к.

ГРЕКОВ Б. **Краткий очерк истории русского крестьянства.** 1958. 230 стр. Цена 5 р. 15 к.

ГРИГОРЯН З. **Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века.** 1959. 187 стр. Цена 2 р. 95 к.

ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. **Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.** 1958. 472 стр. Цена 15 руб.

История СССР. Том II. Учебник. 1959. 768 стр. Цена 14 р. 90 к.

Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг. Сборник документов. 1959. 752 стр. Цена 13 руб.

ЛАППО Д., МЕЛЬЧИН А. **Страницы великой дружбы.** Участие китайских добровольцев на фронтах гражданской войны в Советской России (1918—1922) 1959. 188 стр. Цена 2 р. 55 к.

ЛЕВИН Ш. **Общественное движение в России в 60—70-е годы XIX века.** 1959. 512 стр. Цена 15 р. 35 к.

Очерки экономической истории России первой половины XIX века. Сборник статей. 1959. 404 стр. Цена 11 р 90 к.

РАШИН А. **Формирование рабочего класса в России.** 1958. 624 стр. Цена 24 р. 50 к.

ТАРЛЕ Е **Северная война и шведское нашествие на Россию.** 1958. 480 стр. Цена 18 руб.

ФЕДОСОВ Н. **Революционное движение в России во второй четверти XIX века** (революционные организации и кружки). 1958 416 стр. Цена 13 руб.

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АЛЬПЕРОВИЧ М., РУДЕНКО Б. **Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США.** 1958. 332 стр. Цена 9 р. 50 к.

БАГИНЯН К. **Борьба Советского Союза против агрессии.** 1959. 288 стр. Цена 7 р. 85 к.

ГАЛАН ХОСЕ МАРИА. **Крушение монархии в Испании (1917—1931 гг.).** 1959. 136 стр. Цена 3 р. 45 к.

КУРОПЯТНИК Г. **Захват Гавайских островов США.** 1958. 248 стр. Цена 9 р. 25 к.

ЛЕВИНСОН Г. **Филиппины вчера и сегодня.** 1959. 240 стр. Цена 5 р. 15 к.

ПЫН МИН. **История китайско-советской дружбы.** 1959. 360 стр. Цена 9 руб.

РОЗЕНТАЛЬ Э. **Дипломатическая история русско-французского союза в начале XX века.** 1960. 272 стр. Цена 8 р. 40 к.

РУБАКИН А. **В водовороте событий** (воспоминания о пребывании во Франции в 1939—1943 гг.). 1960. 272 стр. Цена 4 р. 75 к.

ЛИТЕРАТУРА ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ДРАБКИН Я. **Революция 1918—1919 гг. в Германии.** 1959. 444 стр. Цена 13 р. 35 к.

КОЖЕВНИКОВА Л. **Рабочее и социалистическое движение во Франции в 1917—1920 гг.** 1959. 288 стр. Цена 7 р. 20 к.

ЛАВРОВСКИЙ В., БАРГ М. **Английская буржуазная революция XVII века.** 1958. 366 стр. Цена 12 р. 70 к.

ЛЕБОВ М. **Венгерская Советская Республика 1919 года.** 1959. 276 стр. Цена 5 р. 60 к.

Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. 1958. 543 стр. Цена 15 р. 15 к.

Новая история, Том II. Учебник. 1958. 848 стр. Цена 15 р. 80 к.

Новая история. Том III. Учебник. 1960. 884 стр. Цена 15 р. 75 к.

ПИЧУГИН Е. **Британские тред-юнионы после второй мировой войны (1945—1956 гг.).** 1958. 152 стр. Цена 3 р. 95 к.

Против фальсификации истории. Сборник статей. 1959. 448 стр. Цена 11 р. 40 к.

ТРУХАНОВСКИЙ В. **Новейшая история Англии.** 1958. 592 стр. Цена 17 р. 10 к.

Хрестоматия по новейшей истории. Том I (1917—1939 гг.). 1960. 928 стр. Цена 14 р. 45 к.

Перечисленные книги можно будет приобрести в книжных магазинах республиканских, краевых и областных книготоргов и потребительской кооперации или через магазины «Книга — почтой».

«СОЮЗКНИГА»

Цена 7 руб.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

на журналы Академии наук СССР:

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»
«ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»
«ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ»
«Мировая экономика и международные отношения»

•

Подписка принимается в отделах «Союзпечати», отделениях связи, а также общественными распространителями печати.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»